Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

К. Бенедиктов, В. Васильева, О. Дивов, А. Зорич,
Л. Каганов, Д. Казаков, Д. Колодан, В. Кидянин,
С. Пржевлчик, И. Пранин, К. Ш[illegible]ие...

МИРЫ МЕГАПОЛИСА

Новая история
из мира Дозоров
от Сергея Лукьяненко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тематическая антология о чудесах и чудовищах больших городов.

Составитель: Андрей Синицын

Мистика мегаполисов…

Странные существа, живущие бок о бок с нами…

Паранормальные явления, свидетелями и участниками которых может стать каждый из нас…

«Мифы и легенды» больших городов, обретающие жизнь буквально у нас на глазах…

Сумеречный мир — в шаге от мира нашего!

Чудеса и чудовища больших городов — в новом сборнике мастеров и молодых талантов отечественной фантастики!

Содержание:

Дмитрий Колодан, Карина Шаинян. Над бездной вод (рассказ)
Кирилл Бенедиктов. Объявление (рассказ)
Лора Андронова. Фелидианин (рассказ)
Евгений Бенилов. Орудие судьбы (рассказ)
Владимир Васильев. Скромный гений подземки (рассказ)
Дмитрий Казаков. Пятна света на серой шкуре (рассказ)
Игорь Пронин. Полный стакан (рассказ)
Наталья Резанова. Вдоль границы снов (рассказ)
Евгения Ремез. Последняя жертва (рассказ)
Олег Овчинников. Операторы односторонней связи (рассказ)
Владимир Березин. Песочница (рассказ)
Сергей Лукьяненко. Мелкий Дозор (рассказ)
Василий Мидянин. Московские джедаи (рассказ)
Олег Дивов. Стояние на реке Москве (рассказ)
Сергей Чекмаев. Мы делаем новости (рассказ)
Антон Соловьев. Здесь никого нет (рассказ)
Андрей Николаев. Интоксикация (рассказ)

Светлана Прокопчик. Роман в стиле SMS (рассказ)
Александр Зорич. Пасифая. doc (рассказ)
Леонид Каганов. Попугайчики (рассказ)
Анна Ли. Приемный пункт (рассказ)

Примечание:

Доп. тираж 2008 г. — 15000 экз.

- Дмитрий Колодан, Карина Шаинян
- Кирилл Бенедиктов
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
- Лора Андронова
- Евгений Бенилов
- Владимир Васильев
  - Часть первая почти не фантастическая Станции «Маросейка»
  - Часть вторая, почти не реалистическая Гений Подземки
- Дмитрий Казаков
- Игорь Пронин
- Наталья Резанова
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

    - 8
- Евгения Ремез
- Олег Овчинников
- Владимир Березин
- Сергей Лукьяненко
    - 1
    - 2
    - 3
- Василий Мидянин
- Олег Дивов
- Сергей Чекмаев
- Антон Соловьев
- Николаев Андрей
- Светлана Прокопчик
- Александр Зорич
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
- Леонид Каганов
- Анна Ли

Дмитрий Колодан, Карина Шаинян

НАД БЕЗДНОЙ ВОД

Резиновая лодка покачивалась на слабых волнах подземного озера. Электрический фонарь на корме светил еле-еле. От влажности батарея быстро разряжалась, лампа то и дело гасла, но с завидным упорством включалась снова, расплескивая блики по черной, как нефть, воде.

Здесь, в самом сердце городских катакомб, было холодно и сыро. Перегрин Остер кутался в плотную ветровку, прятал ладони под мышками — и все равно не мог согреться. Зубы стучали так, что он боялся прикусить язык; изо рта вылетали рваные облачка пара. Если бы не фляжка рома с перцем, было совсем плохо. Хотя Остер уже сомневался, что верное средство спасет от простуды.

Идеально круглое озеро было больше ста метров в диаметре. Кирпич стен, крошащийся от старости и влаги, потемнел и оброс тиной. Из труб, выходящих по периметру, текла вода — где слабыми струйками, где ревущими потоками. Вены города без устали гнали темную кровь, но куда она уходила, оставалось загадкой. Остер изучил все доступные карты подземных коммуникаций, но не нашел указаний на глубину этого огромного колодца. Кое-где из стен торчали проржавевшие скобы — похоже, этими лестницами пользовались лет двести назад. Остер не решился проверить, куда они ведут: железо было слишком хрупким, а купаться здесь не хотелось ни за какие коврижки. Сам он добрался сюда по одному из многочисленных туннелей, который тремя километрами южнее соединялся с дождевой канализацией Юго-Западного района.

Над головой загрохотало метро, заглушив шелест падающей воды. Поезда проходили каждые четыре минуты — Остер привык отмерять время по далекому перестуку. Точность, конечно, относительная, но в рамках допустимой погрешности. Он механически сделал пометку в блокноте, лежащем на колене, и склонился над шахматной доской. С прошлого раза ничего не изменилось.

Припаянные к бортам доски? медные струны слегка дрожали; к ним были привязаны индукционные катушки, сейчас скрытые в воде. На черно-белых клетках в беспорядке лежали магнитные фигурки, из тех, какими украшают холодильники: два помидора с выпученными глазами, радостная груша, танцующий слон. Набор

едва ли годился для игры, но будь на месте этих фигурок обычные туры и пешки, Остеру вовек бы не дождаться объективных результатов. Потенциальные взаимодействия в шахматах слишком сильны, чтобы ими пренебрегать. Остер сомневался в непредвзятости перемещений какой-нибудь пешки, окажись она вдруг под ударом ферзя. Да и за самого ферзя тоже не мог поручиться.

Остер смастерил прибор две недели назад, прочитав в «Популярной науке» о связи эфира с магнитными явлениями. Общий смысл двадцатистраничного труда остался неясен, однако кое-что вело к весьма интересным выводам. Автор работы, профессор Рисоцки, пытаясь показать то ли неуловимость предмета исследований, то ли свою начитанность, сравнивал эфирные волны с Моби Диком. В этом ключе специально созданное магнитное поле превращалось в своеобразный «Пекод», чья встреча с объектом охоты была неизбежна. Идея такого использования магнитных полей показалась Остеру восхитительной. Но, в отличие от зыбких эфирных колебаний, наличие которых оставалось под вопросом, его цель была конкретнее — рыба Доджсона.

Остер был абсолютно уверен в том, что в озере под городом живет огромная невидимая рыба. Для него этот факт не требовал доказательств, как Ахаву не нужны были доказательства существования белого кита. Правда, Остер до сих пор не встретил своего Моби Дика, но научное любопытство не давало покоя. Природа рыбы Доджсона — вот что занимало Остера. Реликт времен ледникового периода — или карп, мутировавший в городских стоках? Как рыба стала невидимой? Остер даже допускал, что рыба Доджсона могла быть двумерной или четырехмерной и попросту выпадала из структуры мира, но его знаний теоретической физики не хватало, чтобы доказать или опровергнуть эту гипотезу. Однако изобретение должно было сорвать завесу тайны с загадочного существа.

Индукционные катушки создавали под днищем лодки сильнейшее поле. Если в него попадал хоть сколько-нибудь значимый объект, информация тут же передавалась на магнитные фигурки. Каждая клетка шахматной доски обозначала определенный участок подземного озера. Испытания, проведенные в комнатном аквариуме, дали хорошие результаты: фигурки ползали по доске, отражая перемещения двух сомиков рода астронатус. Дома прибор работал как часы. Здесь, под толщей земли, кирпича и бетона, все шло не так гладко. Остер сидел в лодке третий час, но ни один магнит так и не сдвинулся с места.

Наверху беспощадный апрель заливал город теплыми дождями. Весна пришла в тугих ливнях и синих тучах. Под землей смена сезонов почти не чувствовалась, только яростнее стали стоки, да прибавилось городского мусора в мутной воде. К бортам лодки приносило окурки, похожие на медуз обрывки целлофана и размокшие бумажки. Они сиротливо липли к резине, словно искали поддержки. Затхлый воздух пах бензином, серой и плесенью.

Снова загрохотал поезд.

Остер поставил в блокноте очередную галочку и посмотрел на доску. Ничего. Он взял фляжку и с сожалением отметил, что рома осталось на донышке. Рыба Доджсона ускользнула. Еще два поезда, и можно поворачивать к выходу. Остер вздохнул: эти «два последних поезда» тянулись уже три четверти часа, и каждый раз он решал подождать еще чуть-чуть. Забавная все-таки штука — надежда.

Улыбающаяся груша дернулась и переползла на четыре клетки. От неожиданности Остер выронил фляжку; остатки выпивки пролились на резиновое днище. Фигурка остановилась, но тут же двинулась соседняя, широкой дугой скользнув к краю доски. Остер сверился с координатной сеткой и присвистнул: объект находился в ближайшем квадрате. Некоторое время фигурка не шевелились, а затем рванулась вперед и свалилась с доски. Метрах в пяти от лодки озеро вспенилось. Остер схватил фонарь и направил луч на бурлящую воду.

Из пучины быстро поднималась белесая туша. Страх заворочался внизу позвоночника. Это не рыба Доджсона: так просто, без оптических приборов, он бы ее не увидел. Фонарь в руке моргнул и погас — разошлись контакты. Остер стал судорожно лупить по лампе, ожидая, что вот-вот из темноты на него бросится неведомое чудище. Представив, какие твари могут явиться из черных вод, он прикусил губу.

Лампа мигнула, вспыхнула, и на матово-белой шкуре лежащего перед лодкой существа заиграли влажные отблески. Остер еле удержал фонарь: волны плескались о массивную тушу крокодила-альбиноса, огромного, метров шести в длину. На месте глаз у рептилии морщились складки тонкой кожи.

Едва сдерживая дрожь, Остер потянулся за веслом. В это время года крокодилы ленивые и вялые, еще не отошедшие от зимней спячки, однако рисковать не стоило. Мозг рептилий устроен просто, и все равно невозможно предугадать, что взбредет им в голову. Остер где-то читал, что природная злоба крокодилов определяется железами, расположенными рядом с печенью и выделяющими особый «фермент жестокости», который

вроде бы собирались использовать в армии.

Остер беззвучно погрузил весло в воду, готовый к тому, что в любой момент распахнется пасть, и чудовищная рептилия разорвет лодку в клочья. Надо избегать резких движений, иначе — пиши пропало.

Крокодил качнулся. К морде прилип оранжевый полиэтиленовый пакет. Остер замер, не сводя глаз с ящера. Медленно и почти величественно тот перевернулся на спину, показав белоснежное брюхо. Чуть ниже грудины зияла черная дыра.

Остер зажмурился и снова открыл глаза. В пару гребков он подплыл к ящеру и толкнул его веслом. Крокодил не отреагировал, да и не мог — вся нижняя часть брюха представляла собой чудовищную рану с рваными краями, белеющую обломками ребер. Словно кто-то невероятно огромный выел кусок, а остальное выбросил.

Грохот поезда заметался над головой. Остер вздрогнул, невольно оттолкнув тушу. Мертвый крокодил пошел ко дну, оставив Остера в полной растерянности.

На поверхности хлестал ливень. В решетки над стоками обрушивались настоящие водопады, автомобильные гудки глохли в насыщенном влагой воздухе. Тротуары заливало радужными волнами. Машины плыли тропическими рыбками: раздвигали рылами воду, поводили переливчатыми боками, плавно огибали рифы-небоскребы и сбивались в стайки перед светофорами. Остер нерешительно потоптался в метро, раздумывая, не поехать ли домой, махнул рукой и почти побежал по улице, высматривая, где бы перекусить и обсохнуть.

Брюки промокли до колен и липли к ногам, за шиворот натекло. Остер готов был сдаться и повернуть к дому, когда уловил жирный запах выпечки. Большая красно-желтая вывеска бросала маслянистые отблески на мокрый асфальт. Пригибаясь, спасаясь от струй с карниза, Остер нырнул в дверь.

В зале было битком. Остер протиснулся между столиками, спеша занять единственное свободное место: у окна в одиночестве сидела высокая девушка; ее светлые волосы, длинные и пышные бросались в глаза. Перед блондинкой на подносе, застеленном рекламкой, стояли солонка, блюдце с четвертинками лайма и рюмка. Пахло текилой. Разноцветные блики дрожали на сером пластике стола. Блондинка опрокинула рюмку и принялась жевать лайм, щурясь в залитое водой окно. Пробормотав: «Вы позволите?» — и не дожидаясь ответа, Остер поставил сумку на свободный стул и отправился к кассе.

Дохлый крокодил не шел из головы. Такую рану могло

нанести только очень крупное животное. Стоя в очереди, Остер нервно притопывал. Слепая рептилия наверняка стала жертвой рыбы Доджсона, но нужны более весомые доказательства. Остеру впервые удалось подобраться к таинственному животному так близко, и он не хотел обольщаться раньше времени.

Очередь подошла. Остер ткнул пальцем в гамбургер. Вспомнив соседку по столу, спросил текилы. Рыжая кассирша прыснула в кулак и налила большой стакан колы. Задевая стулья, Остер побрел к своему месту. Ориентиром служили волосы девушки — казалось, они светятся в чаду закусочной.

Остер пристроил поднос на столик и, покосившись на соседку, вытащил из сумки потертую папку. Развязал коричневые шнурки — синяя дерматиновая обложка, разбухшая от сырости, раскрылась, и Остер еле поймал рассыпавшиеся листы. Здесь были карты канализационных систем, вырезки из газет и журналов, собственные заметки и расчеты — все материалы, что удалось собрать за годы поисков рыбы Доджсона. Остер машинально откусил от гамбургера и зарылся в бумаги.

Что-то в атмосфере закусочной мешало сосредоточиться. Строчки скакали перед глазами; Остер заметил, что третий раз перечитывает один и тот же абзац. Отложив статью, он откинулся на спинку стула и осмотрелся. Наверняка отвлекала какая-то мелочь. Найти ее, осознать — и помеха будет устранена. Взгляд остановился на блондинке.

Острый запах лайма смешивался со слабым ароматом водяных цветов, почему-то было понятно, что это не духи. В рюмке снова плескалась желтоватая жидкость. Стекло в царстве пластика и картона выглядело странно. Остер позавидовал девушке: промокший и замерзший, он и сам не отказался бы от чего-нибудь покрепче, но в его фляжке не осталось ни капли.

Спрятавшись за листом бумаги, Остер принялся рассматривать соседку. Очень белая кожа — будто ее прятали от солнечных лучей. Девушку легко было представить под зонтиком и в шляпке, затеняющей нежное лицо. Так выглядели знатные дамы, волей судеб и мужей заброшенные на другой конец света, на жаркие берега, пахнущие солью и испарениями мангровых болот, в места, где чудеса и тайны близки и обыденны. Блондинка положила ногу на ногу, но вместо шороха плотной джинсовой ткани Остер услышал шелест кисеи и шелка. Вода билась в окно, жесткая геометрия зала растворялась во влажном мареве. Фигура девушки зыбко дрожала, и Остер почти видел, как простенькая футболка превращается в украшенный лилией корсет.

«Свободная касса!» — деловитый крик разбил наваждение.

Остер отвел взгляд. Нездешний ореол исчез: за столиком сидела обыкновенная, хотя и симпатичная девушка. Остер увидел себя со стороны: небритый, с покрасневшими глазами. Рукав вымазан илом, под обкусанными ногтями — черная кайма. Кровь прилила к щекам, и Остер порадовался щетине, скрывшей краску. Он неловко пригладил волосы и исподлобья взглянул на девушку. Та задумчиво вертела рюмку, лицо было спокойным и неподвижным. Остер посмотрел на свои руки, встал, чуть не опрокинув стул, и, пряча пальцы, поспешил в туалет.

Жидкое мыло выдавливалось из дозатора крошечными каплями и не столько пенилось, сколько размазывалось скользкой пленкой. Наконец черная кайма превратилась в коричневую, и Остер закрыл кран. Раковина с чавканьем всосала остатки воды. Отверстие слива походило на дыхало кита — края слабо пульсировали, загоняя в стерильную комнату воздух подземных лабиринтов. Антисептик не мог заглушить запахи гнили и мокрой ржавчины. Фундамент здания растаял, истончился, и прямо под сверкающей плиткой пола заколыхалась вода. Остер склонился над раковиной, пытаясь проникнуть взглядом в темноту канализационных труб, и отчетливо услышал долгий вздох. Он точно знал, что в этот момент в сумке мечутся обезумевшие магнитные фигурки. Похолодели ноги. Остер опустил глаза, готовый увидеть, как кафель заливает мутной водой, потерянно посмотрел на сухие плиты и торопливо вышел.

Подойдя к столу, Остер задохнулся от возмущения. Блондинка перебирала брошенные им бумаги. Тонкие пальцы неторопливо, почти ласково прикасались к истертым листкам. Девушка то приподнимала брови, то хмурилась, покусывая губу. Одни листки откладывала, не глядя, другие внимательно просматривала, держа близко перед собой. Остер сухо откашлялся — блондинка повернулась к нему, отодвинув папку. Ни тени смущения — лишь интерес и что-то еще, совершенно невозможное. Готовый взорваться Остер вдруг понял, что это упрек.

— А вы зачем ее ищете? — спросила девушка.

— Кого — ее? — буркнул Остер.

— Рыбу.

— Какую рыбу? — Он грубо запихнул листы обратно. Девушка по-прежнему смотрела на него, чуть улыбаясь. «Да что она понимает! Глупая, нахальная девчонка. Такой и в голову не придет, как можно делать что-то из научного интереса». — Остер кипел от злости, но в глубине его души плескался ужас. Откуда-то он понял: девушка знает все и об исследованиях, и о других, более важных, вещах. С ней можно поговорить о рыбе Доджсона

— еще как поговорить! Это пугало, и Остер нарочно распалял возмущение, отстраняясь от непонятной девушки.

Он затолкал папку в сумку, обдирая пальцы о застежку-молнию, зацепил доску — фигурки со стуком рассыпались по полу. Груша скользнула по плитке и остановилась под стулом блондинки. Остер присел на корточки — голова закружилась от накатившего запаха болотных цветов. Подобрав те магниты, до которых смог дотянуться, Остер бросился к выходу.

* * *

На следующий день Остер чувствовал себя совершенно разбитым. Спать он отправился поздно, проведя полночи в бесплодных попытках починить свое изобретение. Что-то разладилось и упрямо не складывалось обратно. Остер увеличивал размеры и количество катушек, менял полярность, но прибор не работал. Магнитные фигурки то стояли на месте, то без причины начинали ползать по доске, толкаясь, как щенки у миски. Особенно усердствовал суровый морж в капитанской фуражке: он с яростью набрасывался на соседние фигурки и выталкивал их с доски.

Злость на девицу из кафе мешала, как камешек в ботинке. Остер ловил себя на том, что прокручивает неприятную сцену, выдумывая все более оригинальные и беспощадные ответы. Сейчас бы он поставил нахалку на место! Как она посмела? Будто не знает об элементарной вежливости. Возмущение кипело, глубоко внутри соединяясь с растерянностью и страхом. Остер не мог отделаться от ощущения, что встреча не была случайной. Словно блондинка заранее ждала его. Остер гнал эти мысли: истинный исследователь, он с глубоким презрением относился ко всякого рода таинственным совпадениям и мистическим знакам. Всему есть рациональное объяснение. Даже рыбе Доджсона.

Рано утром, так толком и не выспавшись, Остер вышел из дома. Он собирался вернуться к подземному озеру. Сейчас, когда рыба Доджсона активизировалась, нельзя было терять ни дня. Все дело в магнитном поле: явное следствие использования доски с фигурками. Если так, то вполне можно предположить еще и эфирную природу этого существа. Правда, профессор Рисоцки настаивал на волновых проявлениях эфира, но Остер допускал проявления и в виде рыбы.

Вчерашний ливень выродился в холодную морось. Город просыпался медленно и лениво. По улицам брели редкие прохожие, безликие, как привидения. В хлопьях утреннего тумана

город казался пустым и заброшенным. По лужам полз одинокий автобус, фыркая, как тюлень.

Остер добрался до крошечного проулка, упиравшегося в глухую кирпичную стену. Сбоку узкая лестница вела к приоткрытой двери полуподвала. Жесть навеса вспучилась уродливыми горбами. Раньше здесь был китайский ресторанчик, но хозяева давно разорились, помещение пустовало, и о прежних временах напоминали только скелеты бумажных фонариков под потолком. Цементный пол залило водой, в которой плавали обрывки гофрированного картона и пожелтевшие куски пенопласта. Отсюда через сложную систему заброшенных подвалов и подземных складов можно было выйти к Большой Трубе, где Остер оставил лодку.

Он включил фонарик и нырнул в затхлый коридор. Желтый луч скользнул по стене, покрытой вязью свастик и похабных надписей. По углам свисали клочья испанского мха. Шлепая по воде, Остер прошел на бывшую кухню — там еще сохранились длинные столы, обитые ржавым железом и заваленные полусгнившими одеялами. Иногда здесь ночевали бездомные, но надолго никто не оставался: слишком холодно и сыро.

Дорогу Остер знал назубок: через пролом — в узкий туннель, где под потолком тянутся пучки телефонных кабелей, потом через склад текстильной фабрики — в сплетения катакомб под индийским кварталом, где даже камень пахнет корицей… Этим путем он ходил уже не первый год и чувствовал себя здесь гораздо увереннее и уютнее, чем наверху, на шумных и беспокойных улицах. Изредка, когда Остер подбирался совсем близко к границе миров, в тишину подземелий врывался гомон города. В остальное время единственными звуками были скрежет битого кирпича и стекла под ногами, журчание воды да сиплый шелест собственного дыхания. Луч фонарика выхватывал то скопления бурых водорослей, то колонии бледных грибов. Белый, почти прозрачный краб размером с детскую голову метнулся в щель между трубами и тихо скребся там, пока Остер не отвел фонарь. Порой очередной туннель разрезали косые полосы серого света, льющегося сквозь решетки стоков. Но вскоре о существовании остального мира напоминал лишь далекий перестук поезда метро.

Остер почти вышел к Большой Трубе, когда впереди мелькнул слабый огонек. Остер остановился и выключил фонарик. На мгновение он почти ослеп: темнота навалилась, сжав в тисках клаустрофобии. Он зажмурился и сосчитал до двадцати, дожидаясь, пока под веками исчезнут разноцветные пятна. Когда Остер открыл глаза, то уже мог различать что-то дальше

собственного носа.

Огонек то вспыхивал, то опять гас. Голубой отблеск расплывался в сыром воздухе тусклым гало. Остер нерешительно шагнул вперед и замер. Может, это горит приманка подземного удильщика, и Остера ждут оскаленные клыки неведомой твари? Или светится фонарик на шлеме такого же, как он, исследователя подземного мира?

В стороне от первого огонька вспыхнул еще один, спустя мгновение — третий, пустой и холодный в кромешной темноте. Остер почувствовал себя астронавтом, потерявшимся в просторах дальнего космоса: на мириады световых лет вокруг — лишь бездушное сияние. Подземное созвездие, великое в малом. Адмиралу Берду и прочим адептам теории полой Земли этот образ пришелся бы по душе.

Огоньков стало больше десятка, и они приближались. Издалека донесся напряженный стрекот. Остер попятился, запнулся о торчащую из пола балку и замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Что-то резко ударило в грудь и отлетело в сторону, будто с силой швырнули скомканной газетой.

Остер щелкнул выключателем. Фонарик пару раз мигнул, но все-таки зажегся. Прямо под ногами на цементном полу шевелил усами сверчок — огромный, почти с ладонь. Жирное брюшко пульсировало, будто насекомое никак не могло отдышаться. Суставчатые лапки дернулись — и в уши ударил оглушительный треск, вспыхнуло синим. Остер нагнулся, чтобы получше рассмотреть удивительное существо, но сверчок отскочил в сторону. Огонек рассек темноту туннеля, как метеор, а на рукав Остера прыгнул второй сверчок, немногим меньше первого.

Остер не заметил, как его окружили насекомые. Их становилось все больше; звук нарастал, как рев прибоя. От шелестящего гула заложило уши, свет бесчисленных фонариков сливался в мерцающее марево. Остер вжался в стену в надежде переждать нашествие, но насекомые прыгали на одежду, лезли в лицо и за шиворот — он едва успевал сбрасывать с себя нахальных тварей.

Очевидно, это была массовая миграция — явление таинственное и уникальное. Сверчки приходятся родственниками саранче и наверняка могли унаследовать ее привычки. Правда, до сих пор Остеру не доводилось слышать, что подобные феномены возможны под землей. В солидной монографии профессора Кларка «Фауна катакомб» об этом не было ни слова. Впрочем, в той же книге рыбе Доджсона было посвящено два абзаца, сводившихся к тому, что «с большой вероятностью это миф, не имеющий научного подтверждения». Остер со злорадством

отметил, что Кларк вновь оказался некомпетентен.

Мимо текла сверкающая гудящая река. Остер вдруг осознал, что не видит ничего, кроме разноцветных кругов. Голова раскалывалась. Пошатываясь, он шагнул вперед. В стрекоте отчетливо слышались слова: «Прочь бежать, прочь бежать, прочь бежать…» Не понимая, что делает, Остер побрел за сверчками, с трудом продираясь сквозь копошащихся насекомых.

Звонкий крик, как скальпель, разрезал монотонный гул.

— Закрой глаза!

Властные нотки прозвучали с такой силой, что Остер подчинился. Перед глазами по-прежнему крутились радужные отблески. Остера схватили за рукав и потащили в сторону.

— Только не открывай глаза!

Под ногами липко хрустело. Невидимый проводник держал крепко, уверенно и шел быстро — Остер еле поспевал за ним. Ноги заплетались, нестерпимо хотелось развернуться. Прочь бежать, прочь бежать… Остер дернул рукой, пытаясь освободиться, но хватка стала только сильнее.

— Осторожнее!

Остер споткнулся о выступающий порожек и упал на четвереньки. Какой-то сверчок воспользовался этим и запрыгнул ему на макушку. Остер замотал головой, сбрасывая нахального пассажира, но тот, похоже, запутался в волосах. Насекомое дергалось и больно царапало кожу.

Остера потянули за воротник; в шею впился замок молнии. Парень неловко перебирал руками и ногами, пытаясь хоть как-то ползти, но терял равновесие и падал, оскальзываясь на цементном полу. Сверчок пронзительно верещал.

Дикая цветовая пляска перед глазами постепенно утихала, и Остер рискнул открыть глаза. Он оказался в узком боковом туннеле. За спиной колыхалось светящееся море, но здесь сверчков не было. Легкий ветерок принес запах затхлой воды, к нему примешался настойчивый аромат водяных лилий. Подняв голову, Остер увидел водопад светлых волос.

Почувствовав взгляд, девушка обернулась. Сейчас она сама напоминала насекомое из-за дешевых картонных стереоочков с целлофановыми пленками вместо стекол — красной и синей. Остер узнал ее сразу: нахальная блондинка из кафе! Какого черта она здесь делает?! Городские подземелья — не то место, где ожидаешь встретить молодую симпатичную девушку. Живую, во всяком случае.

Блондинка отпустила его и чуть отступила назад, пока он поднимался на ноги. Остер подумал, как глупо он выглядит с гигантским сверчком на голове. Он как-то читал про одного

коллекционера экстравагантных шляп. Помнится, у того была шляпа-клетка, в которой жил столетний говорящий попугай. Однако носить вместо головного убора живых насекомых было слишком даже для такого чудака. Остер хотел сбросить противное создание, но сверчок только больше запутался.

— Я помогу, — улыбнулась девушка.

Она легко сняла насекомое, посадила на ладонь и протянула Остеру. Фонарик на конце брюшка слабо тлел, словно в нем разрядились батарейки.

— Кажется, вы хотели посмотреть поближе?

Он отшатнулся. Девушка укоризненно покачала головой, и, вторя ей, закивал сверчок — будто перед Остером стояли королева насекомых и ее преданный шут. Длинные усы шевелились, как подхваченные приливом водоросли.

— Что вы здесь делаете?

— Ну, только что спасла ваш рассудок, — сказала девушка. Она подбросила сверчка, и тот падающей звездой скрылся в туннеле. — А то вы, похоже, решили пойти вместе с этой компанией.

— Я? — Остер посмотрел назад.

Узкий вход ярко светился: шествие не убывало. Остер и не думал, что под землей живет столько насекомых. Девушка права — он чуть не отправился в путь вместе с ними. Видимо, дело было в каких-то особых колебаниях, свойственных мигрирующим животным, сочетании звука и света. Переселяющиеся лемминги, издавая писк определенной частоты, способны увлечь за собой даже овцебыков. Очевидно, Остера накрыло подобной волной, и, если бы не девица, кто знает, где бы он мог оказаться. В ушах по-прежнему стрекотало.

— Будем знакомы, — девушка протянула руку. — Джулия Чатауэй.

Чуть помедлив, Остер пожал кончики пальцев, быстро, словно боясь обжечься.

— Перегрин Остер. Или просто… — Он замялся, осознав, что не представляет, как звучит это «просто». В школе его иногда называли Пип, но сейчас это имя никуда не годилось.

Девушка терпеливо ждала.

— Остер, просто Остер, — смутился он и тут же разозлился на самого себя. Джулия серьезно кивнула, но Остеру почудилось, что ее губы дернулись в подавленном смешке.

— Я знаю.

В целлофановой пленке очков полыхнули отражения бесчисленных фонариков. Остер вздрогнул, услышав за сухим треском насекомых громкий плеск воды. Налетевший порыв ветра

всколыхнул длинные волосы Джулии. Прядки взметнулись, извиваясь, как крошечные змейки. Остеру нестерпимо захотелось сорвать дурацкие очки и либо увидеть вместо нелепой маски человеческое лицо, либо — окаменеть навеки.

— Вы так и не сказали, что здесь делаете.

— Отчего же, — удивилась Джулия. — По-моему, как раз сказала: спасала вам жизнь.

— Как вы меня нашли? Вы за мной следили, да?

Джулия хихикнула — звук вышел бодрым и фальшивым.

— В то, что я случайно оказалась рядом, вы не поверите?

— Нет, — сказал Остер. — Что вам от меня нужно?

Джулия на секунду задумалась, поправила очки. У нее были красивые пальцы.

— Предположим, я журналистка, охочусь за сенсациями. Огромная невидимая рыба — чем не сенсация?

— Это неправда.

— Конечно. Хотя звучит вполне убедительно, согласитесь. Какая шикарная фотография могла бы украсить первую полосу!

Остер не выдержал и рассмеялся. Несмотря на все странности, девушка ему нравилась, однако нужно было держать себя в руках.

— Вы уходите от ответа.

Джулия вздохнула, смиряясь с его занудством.

— Вы можете привести меня к рыбе Доджсона. Вы это хотели услышать?

Остер смутился.

— Да, я… я бы мог догадаться. — Хотелось узнать, зачем ей потребовалась рыба, не просто же из любопытства, но он так и не решился задать вопрос. Собственная неуверенность бесила. Остер до боли прикусил губу. Ехидно и грубо спросил: — А почему я должен вести вас к рыбе?

— Наверное, потому, что я знаю, как ее увидеть, — пожала плечами Джулия.

— Что? — переспросил Остер. — Но… — Он помотал головой. — Глупости! Ее нельзя увидеть. Ее природа исключает визуальное наблюдение — можно только зафиксировать проявления при помощи некоторых приборов…

— Нужно правильно смотреть, — перебила Джулия. — Все важные вещи заметны только краешком глаза. Так что иногда неплохо взглянуть на мир через стереоочки. Получается, что на все глядишь вроде как под углом.

— И мир выходит более объемным, — съязвил Остер. — Чушь.

— Но что мешает попробовать? Не вежливо отказывать

девушке, которая вас только что спасла.

Остер нахмурился. Совершенно не хотелось делить рыбу Доджсона с кем-то еще, даже с Джулией. Но, как ни крути, она права: он ей обязан.

— Хорошо, — буркнул он. — Только не путайтесь под ногами. — Остер смутился, представив, как глупо это прозвучало.

«Интересно, почему сверчки на нее не подействовали? Наверное, из-за очков. Сквозь цветные пленки все воспринимается иначе, и свет фонариков на брюшках получается искаженным и ослабленным. Но считать, что это поможет увидеть рыбу Доджсона, глупо. Или нет? Если предположить, что рыба невидима потому, что неправильно отражает свет…»

Джулия сняла очки и повесила на воротник, зацепив картонной дужкой. В полумраке туннеля ее большие глаза чуть блестели. Остер отвел взгляд и достал из сумки сложенную вчетверо карту. Не без труда отыскал место, в котором они находились: на плане это была лишь тоненькая черточка. К счастью, туннель тоже выходил к Большой Трубе — далековато от лодки, но возвращаться в кишащий сверчками проход было рискованно. Остер махнул рукой в сторону сгущающейся темноты.

— Нам туда.

Он, не оглядываясь, зашагал прочь от стрекочущего туннеля. Джулия неслышно пошла следом.

Проход заканчивался широкой вентиляционной шахтой. Когда-то ее перегораживала решетка, но сейчас остались лишь ржавые лохмотья, густо поросшие мхом. Огромный, в два человеческих роста, вентилятор застыл намертво. Остер и Джулия протиснулись меж тяжелых лопастей и наконец вышли к своей цели.

Большая Труба напоминала грязный канал, уместный скорее в Венеции, чем под землей. Арочный потолок пересекали трубы, скалившиеся обломками грязных сталактитов. С проволочных растяжек свисали пучки электрических кабелей, похожих на мохнатые тропические лианы. По ним бесконечными вереницами ползли сверчки — будто в преддверии праздника Трубу украсили яркими гирляндами. То и дело насекомые падали в воду и гасли, барахтаясь в слабых волнах.

Кирпичная набережная была настолько узкой, что кое-где приходилось идти, прижимаясь спиной к скользким стенам. По краю тянулись железные перила. Местами они обрывались и, выгибаясь спиралями, уходили в воду. Кто пользовался этим лестницами, Остер не знал. С год назад он нашел неподалеку круглый стеклянный аквариум размером с футбольный мяч, с

приделанным сбоку обрывком гофрированного шланга. По всем приметам это был водолазный шлем, однако он не подошел бы и ребенку. Спустя три месяца Остер наткнулся на изодранный в хлам ботинок со свинцовой подошвой — величиной под стать шлему. К счастью, за все время, которое он исследовал подземелья, похитить лодку никто не пытался. И сейчас она покачивалась на волнах там, где ее оставили, крутобокая, похожая на толстого тюленя. Внутри копошился пяток сверчков.

Остер спустился по торчащей из стены железной лестнице, подтянул лодку к берегу и помог Джулии забраться в нее. Некоторое время они отлавливали незваных пассажиров — лодка опасно раскачивалась, грозя перевернуться, но Остер не хотел плыть в компании насекомых. Достаточно общества Джулии. Он покосился на девушку — та сидела на носовой скамейке и, чуть перегнувшись через борт, водила рукой по воде, словно что-то писала.

— Будьте осторожны, — предупредил Остер. — Пока какой-нибудь крокодил не решил проверить, что здесь происходит.

Джулия повернулась с насмешливым недоумением.

— Думаете, крокодилы — самое страшное, что живет в этих водах?

— Совсем нет, — вздохнул Остер, берясь за весла. Он прекрасно помнил вчерашний случай. Действительно, здесь водятся твари пострашнее. И Остер с Джулией ищут, быть может, худшую из них.

Он вывел лодку на середину канала. Вскоре впереди замаячила арка — вход в подземное озеро. Течение усилилось, и Остер отложил весла. Уровень Большой Трубы был немного выше — вода на границе кипела белой пеной в маленьком водопаде.

— Держитесь крепче, — попросил Остер. — Мы приплыли.

Под неожиданно усилившийся стрекот сверчков лодка устремилась к арке.

Нанесенный ливнями мусор прибило к стенам, и круглая поверхность озера очистилась. По смоляной ряби метались зеленые блики. Чуть выпуклый низкий потолок напоминал крышку — как будто Остер смотрел изнутри котла. Лодка покачивалась на поднятых веслами волнах, и Остеру на мгновение почудилось, что его суденышко — один из кусочков, плавающих в кипящем супе. А где-то в глубине ходит главная часть этого блюда — рыба Доджсона.

Остер расчехлил доску, опустил в воду катушки. Джулия обернулась и приподняла бровь, глядя на эти приготовления. Остер сердито сжал зубы. Стараясь не обращать внимания на девушку, он расставил магниты. Одна клетка осталась пуста —

груша, наверное, так и осталась валяться под столиком в кафе. О том, как фигурки вели себя ночью, лучше было не вспоминать. Остер строго взглянул на моржа и погреб к середине озера.

Отплыв подальше от тоннеля, он поднял весла и взглянул на доску. Заломило шею, и Остер понял, что напрягает мышцы, пытаясь защититься от глаз Джулии, устремленных ему в затылок. Казалось, под этим взглядом рациональность Остера раскрывается, как ребристая раковина, под действием тепла обнажающая розовое мясо и жемчуг своего нутра. Остер дернул плечом, стряхивая наваждение, и уставился на доску. Магниты оставались неподвижными, и проволока не отзывалась ни малейшей дрожью. Либо рыба Доджсона ушла из озера, либо ослабло магнитное поле. Ведь именно груша, вспомнил Остер, двигалась в ответ на перемещения рыбы. Он чуть поправил моржа, подвинув его ровно на середину клетки.

— Вам, наверное, не хватает этой детали, — сказала Джулия.

Остер вздрогнул от неожиданности и оглянулся: девушка протягивала недостающий магнит.

— На самом деле, — продолжала она, — вам вовсе не нужны эти… — Она махнула рукой, и Остер понял, что Джулия еле сдерживает смех.

— Эти глупости? Действие магнитов не зависит от того, в какую оболочку они заключены, — буркнул Остер, чувствуя, что краснеет — один в один помидор с доски. — Почти, — тихо добавил он, вспомнив про шахматы.

— И с надеждой искали его, и с умом, и с наперстком в руках подстеречь…

Остер аккуратно, стараясь не задевать ладонь, взял фигурку — пластмасса нагрелась и казалась живой. Он поставил грушу на пустующую клетку и склонился над доской, приготовившись ждать.

Груша слегка дернулась. Остер затаил дыхание и потянулся за листом с координатной сеткой, боясь шорохом или движением спугнуть неуловимую рыбу. Не отрывая глаз от доски, он пошарил в сумке и замер.

Фигурки обезумели. Груша, ухмыляясь, поползла по доске. Следующим очнулся морж — он налетел на весело крутящийся помидор и спихнул его. Остер еле успел поймать магнит. Уложив доску на дно лодки, он в отчаянии обхватил голову руками. Рыба была совсем рядом, но засечь ее не получалось, и это сводило с ума. «Ну почему именно сейчас? Магнитная буря?» — Остер посмотрел на Джулию. Та с интересом наблюдала, как носятся по доске магниты. В ее взгляде и движении фигурок виделась связь. Остер укоризненно уставился на девушку, раздумывая, как

заставить ее отвернуться и при этом не обидеть.

— Здесь не помогут никакие приборы.

— Почему это? — спросил Остер. — Что вы знаете про эту рыбу?

Он едва сдерживал возмущение: «Глупая девчонка! Какое она имеет право учить меня?»

Остер гонялся за рыбой Доджсона столько лет, и кому, как не ему, знать, что здесь поможет, а что нет.

— Давным-давно один очень хороший человек написал для моей пра-пра-бабушки стихи про эту рыбу. Правда, он придумал для нее другое название, он любил выдумывать новые слова. Говорят, в этих стихах он хотел рассказать прабабушке про ее далекого предка — доброго и славного короля Пелинора…

Джулия прикрыла глаза, склонила голову на бок, и Остер невольно прислушался. Журчание воды в стоках превратилось в мелодию. Далекие отсветы светляков на воде, отблеск фонаря на полиэтиленовом пакете, изгиб потолка, борода тины на кирпичных стенах — все поплыло по кругу в торжественном танце. Джулия протянула руку, и Остер сжал тонкие пальцы. Лодка вздрогнула, медленно завращалась. Брошенные весла походили на раскинутые руки. Сырой воздух наполнился запахом мангровых болот, и тяжело вздохнула вода — будто озеро потягивалось, очнувшись от долгого сна. Откуда-то издалека донесся перезвон колокольчика. Бледные пятна света замелькали в глазах, и подумалось, что Джулия спасла ему рассудок лишь для того, чтобы тут же лишить его. Все это, чтобы найти рыбу, напомнил себе Остер. Он должен быть в здравом уме, когда она появится, иначе поиски окажутся напрасными.

— Ах да, рыба, — отозвалась Джулия и высвободила руку.

Лодка замерла, мелодия стихла, и окаймлявшие озеро цветные сокровища вновь превратились в плавучий мусор. Джулия свесилась через борт. Она не стала надевать очки и смотрела не вглубь, как сделал бы на ее месте Остер, а разглядывала мелкую рябь, словно морщинки на глянцево-черной поверхности были тайными знаками. Остеру показалось даже, что Джулия чуть шевелит губами — читает, повторяя про себя слова.

— Она рядом с лодкой, — прошептала Джулия. — Хотите посмотреть?

Остер со свистом втянул воздух. Джулия передала ему очки. Остер торопливо надел их — рассуждения девушки больше не казались безумными. Сливочный свет фонаря загустел. Остер направил луч в озеро. Вода осталась темной и в то же время стала прозрачной, как крепко заваренный чай. Рядом с лодкой в водяной тьме висела плотная тень. Остер моргнул, и тень

превратилась в рыбу.

Крупное округлое тело — рыба была раза в три больше давешнего крокодила. Гладкая черная кожа без чешуи, выпученные белесые глаза. Розоватые щели жабр пульсировали. Подавив растерянность, Остер поднял очки. Рыба исчезла — вместо нее под водой остался лишь прозрачный сгусток, похожий на медузу. Он снова надел очки — животное по-прежнему пучило глаза и глупо разевало большой рот. Он опустил руку в воду — ладонь скользнула по гладкой коже, и рыба лениво повела плавниками, отодвигаясь. На пальцах осталась слизь, пахнущая тиной.

Разочарование окатило холодной волной. И за этим заурядным мутантом он гонялся так долго? Фотографиями подобных забиты и толстые научные журналы, и желтые газеты. Этот экземпляр, конечно, больше, намного больше… но и только. Остер уставился в дно лодки — оттуда ему подмигивали магниты, насмехаясь над его безумием.

Запах болотных цветов, к которому он успел привыкнуть, растворился в канализационной вони. Остер взглянул на Джулию. Заурядная, почти некрасивая девушка: на щеке мазок тины, волосы потускнели и спутались. Кожа казалась землистой. Глаза Джулии лучились сочувствием и странной неуместной надеждой. В отчаянии Остер сорвал очки и швырнул их в воду. Они поплыли, чуть покачиваясь. На целлулоидных линзах серебристой икрой осели пузырьки воздуха. Рыба поднялась поближе к поверхности — почему-то Остер продолжал ее видеть, мучаясь ощущением, что это лишь фантом, отпечаток на сетчатке глаз. Рыба открыла пасть и, вздрогнув, подалась назад. Ее морда казалась озадаченной и такой надутой, что Остер не выдержал.

Задыхаясь от злости, он обрушил на лобастую голову весло. Рыба ударила хвостом, и озеро вскипело нечистой пеной. Лодка качнулась, зачерпнув бортом. Джулия вскрикнула. Она балансировала на краю, размахивая руками. В лодку хлынула вода. Джулия обернулась, ее лицо перекосилось от ужаса. Остер рванулся к борту, пытаясь увидеть, что ее так напугало. Лодка встала почти вертикально, и он, схватив Джулию за руку, подался назад.

— Это бу… — прошептала она. Запястье выскользнуло из пальцев Остера, и Джулия рухнула в озеро. Громкий всплеск заглушил конец фразы.

Резина под ногами Остера содрогалась, прогибаясь. Джулия неподвижно висела под водой, глаза были открыты, и Остеру показалось, что девушка не тонет, а истаивает, превращается в пустоту в ореоле потемневших волос. Сбросив сапоги, он нырнул

за ней. Ледяная вода впилась в тело, и навалилась удушливая паника — казалось, сердце не выдержит холода, а ведь где-то рядом реяла в толще воды рыба Доджсона, и ее невидимая пасть была жадно раскрыта. Захотелось замереть, чтобы не привлекать внимания, но мысль о Джулии помогла задавить страх.

Остер открыл глаза. Под ним тяжело колыхалась прозрачная безжизненная тьма. Представилось, как Джулия погружается все глубже и глубже — вечное движение вниз, в недра бездонного озера. Остер опустился ниже, подумав, что может и не выбраться — намокшая одежда тянула ко дну. Рука задела что-то скользкое и извивающееся. Он вскрикнул, хлебнул отдающей гнилью воды и выскочил на поверхность.

За рукав зацепились очки. Надев их, Остер опять нырнул. Тьма превратилась в гигантский кристалл, поставленный перед лампой, будто кусочки целлулоида были крошечными цветными прожекторами. Остер застыл, раскинув руки, чтобы рябь не мешала смотреть, и в прозрачной темноте увидел два сгустка — вода там уплотнилась, приобретя иные свойства. Джулия и рыба Доджсона бок о бок уходили во тьму вод.

Остер вынырнул и схватился за борт лодки. Комбинезон свинцовым коконом облепил тело. Остер тяжело свалился в лодку. Зубы стучали, как кастаньеты, и Остер, сдерживая дрожь, изо всех сил сжал челюсти. Над озером повисла тишина, которую лишь подчеркивали далекое журчание и удары капель с потолка.

Рыбу Доджсона нельзя увидеть, до нее нельзя дотронуться. Остер знал это с самого начала, но предпочел забыть. Джулия намекала, но он не захотел услышать, и она ушла — ушла вместе с рыбой, оставив ему лишь пустоту. Остер раскачивался, обхватив руками плечи. Он должен найти настоящую рыбу, — иначе этот вакуум никогда не заполнится, и холод будет вечно терзать изнутри. И никакие приборы тут не помогут. И вся королевская рать…

Шахматная доска без всплеска канула в озеро. Следом отправились магниты — Остер выпускал их из горсти по одному каждые четыре минуты, пока под сводами колодца металось эхо очередного поезда. Только последняя фигурка, прохладная и гладкая, прилипла к руке и все никак не хотела падать. Это была груша. Подумав, Остер сунул ее в карман и взялся за весла.

Остер шел по улице, вдыхая запахи мокрого асфальта и бензина. Скоро ему останется лишь сырой воздух подземных лабиринтов. Резиновые сапоги разбрызгивали воду — забытое детское удовольствие наступать прямо в отражения лип и вывесок в лужах и смотреть, как они превращаются в яркую рябь. На него

оглядывались. Из моря зонтиков, плывущих по людному проспекту, вдруг выныривало будничное лицо, вытягивалось вопросительным знаком, и прохожий поспешно отступал в сторону. Дождь оглушительно барабанил по каске, и неумолчная дробь отделяла Остера от всего мира. Хотелось включить налобный фонарик — рассеять пасмурную хмарь, но он удержался. Запасные аккумуляторы, подвешенные к поясу комбинезона, тяжело били по бедрам, но экономить батареи все-таки было надо.

Он шагал бездумно, надеясь, что ноги сами вынесут его к нужному входу в подземелье. Воспользоваться одним из привычных путей казалось неправильным. Остер долго раздумывал, но так и не смог выбрать подходящий лаз. «Неприметная дверца на одной из станций метро? Заброшенный бункер в парке? Люк во дворе на юго-западе, среди бетонных коробов спального района?» — Остер не хотел признаваться себе, что он, исследователь, привыкший во всем полагаться на вдумчивый анализ, ждет знака.

И знак появился. Над улицей поплыл запах цветов и мангровых болот. Сердце дернулось и застыло, напуганное сбывшимся предчувствием. По другой стороне улицы шла высокая девушка. Тяжелые золотистые волосы струились по спине, и казалось, что она пританцовывает на ходу. Остер ринулся вдогонку. Люди отшатывались, заслышав громкий топот. Джулия то и дело скрывалась за спинами. Он хрипло выкрикнул ее имя, но девушка не оглянулась. Легкая фигура исчезла за мозаикой зонтов. С перекрестка неумолимо надвигался полицейский. Остер побежал, расталкивая прохожих плечами. Какой-то толстяк шарахнулся, загораживаясь зонтом, нейлон лопнул, и оголившаяся спица ткнула Остера в лицо. Он зажмурился от боли, но успел заметить блеснувшее светлое пятно. Перепуганный толстяк попятился, бормоча извинения. Остер бросился через дорогу. За спиной завизжали тормоза, в лужу посыпалось разбитое стекло. Не оборачиваясь, он нырнул в переулок.

Это был узкий безлюдный тупик. Глухие стены смыкались над головой, как своды тоннеля. Остер сник — он принял за Джулию желтое граффити. В мусорном бачке деловито рылся кот — он сверкнул на Остера глазами и скрылся между наваленными вокруг коробками. Возбуждение погони сменилось едкой горечью.

Мелкий дождь пропитался отчаянием и обволакивал, как мокрый саван. Спотыкаясь, Остер побрел к выходу из тупика. Нога зацепила волглый картон, коробка перевернулась. Из нее выкатилось несколько подгнивших груш, и одна закачалась под

самым ботинком. Мятый бок пересекала царапина-улыбка.

«Все не так просто», — пробормотал Остер и огляделся. Тупик по-прежнему оставался пустым и тусклым. Единственным ярким пятном было граффити — на фоне сырой штукатурки оно почти светилось. Остер отступил к стене, чтобы рассмотреть рисунок, и обмер: бессмысленные надписи и завитушки сложились в искаженный, но явственно различимый рыбий скелет. Между разинутыми челюстями виднелась железная дверь.

Разум раскрылся, как раковина. Рыба ждет, когда Остер найдет ее — не жалкое холоднокровное существо из скользкого мяса и тонких костей, а настоящую рыбу Доджсона. Он надел очки и обернулся. Из тупика проспект выглядел далеким, словно Остер смотрел из колодца. Разноцветье машин и вывесок померкло, превратившись в сплошные оттенки серого. Звуки города таяли в шорохе дождя, журчании ручьев, звонком стуке капель по жестяному карнизу.

Остер навалился на дверь. Мокрое железо было шершавым от ржавчины и оставляло на пальцах рыжие следы. Надрывно заскрипели несмазанные петли. Дверь приоткрылась, выпустив из темного нутра клуб холодного воздуха. Пахнуло стоячей водой, водорослями и рыбой. Сразу за порогом зиял черный провал, в него вели обросшие тиной скобы. Остер включил фонарь и начал спускаться.

Кирилл Бенедиктов

ОБЪЯВЛЕНИЕ

1

«СДАМ КОМНАТУ в этом доме СТУДЕНТКЕ медицинского училища. НЕДОРОГО. Звонить ПОСЛЕ 19.00»

Клочок бумаги с размытой надписью прилепился к углу нового семнадцатиэтажного красавца-дома, облицованного розоватым кирпичом. Объявление было напечатано на принтере, скорее всего, на струйном — буквы расплылись и отрастили неряшливые хвосты, так, что написанный от руки в самом низу номер телефона наполовину скрылся под грязными потеками. Неудивительно: всю последнюю неделю августа шли проливные дожди, природа со вкусом мстила за долгое засушливое лето. «Опоздала», — подумала Жанна, протягивая руку к объявлению. «Если оно висит здесь хотя бы с 25-го, кто-нибудь из девчонок наверняка уже сориентировался». 25 августа всех первокурсников проинформировали, что свободных койко-мест в общежитии значительно меньше, чем поступивших в этом году в училище иногородних студентов. Жанна собрание пропустила — у сестры случилась свадьба, не присутствовать было невозможно — и узнала о том, что осталась ни с чем, только первого сентября. То есть сегодня.

«Опоздала» — произнесла она вслух, срывая объявление со стены. На пижонском розовом кирпиче остался сероватый, похожий на лишай, след. «Ну и пусть. Все равно позвоню. Домик-то какой классный. И училище в двух шагах. После 19.00. Может, попробовать прямо сейчас? Все равно уже опоздала. Ну и пусть».

Жанна дошла до ближайшего таксофона, порылась в карманах накинутой прямо на белый халат куртки, извлекла карточку, на которой вроде бы оставалось еще пять или шесть единиц, и набрала номер. В трубке потекли медленные лени-

вые гудки. До 19.00 оставалось еще пять часов, понятное дело, никто не собирался бежать со всех ног, чтобы ответить на одинокую телефонную трель. «Ну и пусть», — повторила Жанна, показав тупому аппарату язык, и в этот момент трубку сняли.

— Алло, — сказал сонный, пробивающийся словно сквозь вату, голос. — Алло, говорите…

Мужчина. Почему-то Жанна с самого начала была уверена, что комнату сдает предпенсионного возраста тетушка, заинтересованная в студентке-медичке главным образом в силу накопившихся за долгую трудовую жизнь проблем со здоровьем. Девчонки рассказывали про такие варианты— некая Верка

вообще два года ухаживала за полупарализованной старушкой, меняя ей памперсы и собственноручно стирая вонючие простыни, и в результате стала счастливой владелицей отдельной московской жилплощади: Мужской голос испугал Жанну. Она оторвала трубку от уха и несколько секунд смотрела на нее; как на случайно попавшую ей в руки ядовитую змею, не зная; что с нею делать — отбросить подальше или попытаться свернуть шею. Потом ей пришло в голову, что, возможно, комнату действительно сдает женщина, но она появляется после 19.00, а сейчас она разговаривает с ее мужем, сыном, или кем-нибудь еще в этом роде. Жанна глубоко вздохнула и вновь поднесла трубку к уху.

— Я по объявлению, — сказала она, забыв от волнения поздороваться. — Это вы сдаете комнату?

2

— Лучше сиреневый костюмчик надень, — посоветовала Альмира. — Ты в нем не так по-блядски смотришься.

До ответа Жанна не снизошла. Она сосредоточенно подводила губы помадой «WaterShine». Действительно классная помада, но стоит совершенно запредельных денег — каждый день такой пользоваться не станешь. Впрочем, сегодня не совсем обычный день. Кажется.

— Смотри, не теряйся там, — продолжала гнуть свое Альмира. — Если крендель нормальный, состроий из себя девочку-целочку, подинамь его недельку-другую, а потом ставь условие — или так, или никак. Сделаешь все по-умному, к новому году станешь полноценной москвичкой, на нас, лимиту позорную, даже и взглянуть не захочешь…

«Это ты-то лимита», — вздохнула про себя Жанна, но вслух ничего говорить не стала. Альмира и вправду происходила из местечка с гордым названием Мухосранск-Верхневолжский, но в Москве у нее жила родная тетка. При этом незамужняя тетка, работавшая в каком-то крутом холдинге, регулярно уезжала в таинственные командировки, и Альмира оставалась одна в совершенно роскошной трехкомнатной квартире рядом с метро «Коньково». Вела себя там нагло, по-хозяйски. Вот сейчас: валялась голая на гигантском итальянском лежбище, пялилась на себя в непонятным образом вделанное в потолок зеркало, беспрестанно щелкала семечки, сплевывая их в какую-то фарфоровую вазу, украшенную дворцами и павлинами, и издевалась над Жанной. Хорошо хоть, позволила попользоваться своими шмотками. Судя по количеству сумок, которые Альмира притащила с собой из Мухоранска-Верхневолжского, она всерьез рассчитывала открыт Первопрестольной мелкооптовую торговлю турецким и китайским тряпьем.

— А если увидишь, что парнишка урод или с прибабахом — даже в квартиру не заходи, — продолжала свои наставления Альмира. — Ноги в руки и бегом обратно. Тетушка моя приезжает только через неделю, так что до понедельника знай мою доброту — живи здесь. А за это время или еще чего найдешь, или с девчонками договоришься — сейчас многие снимают втроем однокомнатные хаты, чтоб дешевле. Ну, будете вместе спать, подумаешь, велико дело! Особенно если еще соседки попадутся симпатичные, так и вообще красота — мужики не нужны…

Терпение Жанны кончилось.

— Альмирка, — сказала она, — достала уже, слышишь? Ты

лучше скажи, мне сережки какие одеть — гвоздики или висюльки?

— Эй, я не поняла, подруга, ты комнату идешь смотреть или на свидание?

Добьешься нормального совета от такой лахудры. Жанна критически осмотрела свое отражение в стеклянной дверце шкафа-купе. Ну, прическа вроде ничего — длинные белые волосы волнами падают на плечи, почти красиво. Блонда натюрель, как выражался Пашка Васильев, друг туманной юности. Тушь у Альмирки тоже оказалась классная, ресницы выглядят раза в два длиннее, чем на самом деле. Вот дальше хуже — на щеке выскочила какая-то гадость, типа маленького нарывчика… но это он сейчас маленький, а через пару дней может вызреть в полноценный фурункул. Пудра, конечно, скрывает основное безобразие, но все же, все же… Так, спускаемся ниже — кофточка с надписью «Two my best friends», как объяснила Альмира, имеется в виду то, что скрывается под тканью. Жанна собиралась надеть топик, но подруга запретила. Не на Тверскую идешь, сказала. Ну что ж, кофточка так кофточка.

Еще ниже — не очень короткая кожаная юбочка. Не очень короткая с точки зрения Жанны. Возможно, у хозяина квартиры будут свои соображения на этот счет. Пояс с большой золоченой пряжкой — в просвете пряжки был бы виден пупок, если бы его не закрывала навязанная Альмиркой кофточка. С топиком выглядело бы сногсшибательно, но нет топика, нет и пупка. Колготки решила не надевать — во-первых, жарко, во-вторых, летом удалось загореть почти дочерна, обидно будет, если никто это не оценит. Босоножки на пятисантиметровой платформе, с модными в этом году перевязочками до икры.

Непонятно, зачем я так вырядилась, в который раз сказала себе Жанна. Если там живет его мама, она меня и на порог в таком виде не пустит. Если он живет там один, у меня есть хороший шанс быть изнасилованной на журнальном столике в прихожей. Чего я хочу добиться? Чтобы он цену снизил? Да ведь и без того написано — НЕДОРОГО. Специальные скидки для одиноких блондинок? Фу, дурочка.

«Подходите к половине восьмого, — сказал ей сонный голос в телефонной трубке. — Раньше, пожалуйста, не надо. Посмотрим, подходят ли вам мои условия…»

Он специально не договорил фразу, подумала Жанна. Слова «…и подходите ли вы мне» просто звенели у нее в ушах, когда она выходила из кабинки таксофона. Но ведь не произнес же он их. Разве что мысленно.

Но именно из-за этих непроизнесенных слов она помчалась к

подруге Альмире, упросила ее поделиться кофточкой, юбочкой и косметикой, а потом два часа сидела перед огромным зеркалом, наводя марафет. Кажется, успела — на часах без двадцати семь, от «Коньково» до училища сорок минут на метро. А до розовато-кирпичного дома еще ближе. На минуту, но ближе. Почти центр. «Девушка, где вы живете?» «В центре!» Звучит потрясающе.

Жанна еще раз прошлась взад-вперед перед зеркальными панелями шкафа, крутанулась на каблуках, так, чтобы волосы разлетелись Пушистым Белым Облаком, и, послав Альмирке воздушный поцелуй, отправилась договариваться насчет комнаты. Или встречаться с хозяином квартиры. Это как посмотреть.

3

— Добрый вечер, — произнес человек, открывший ей дверь. — Вы Жанна?

— Жанна, — храбро сказала Жанна. — А вы?..

— Леонид. Очень приятно, Жанна. Проходите, пожалуйста. «Слава Богу, интеллигент», — решила она. — «Изнасилование на столике отменяется».

Вошла независимой походочкой, обдуманным движением сняла с плеча сумочку, опустила ее на застеленную циновкой калошницу. Головой не вертела, но прихожую срисовала мгновенно: низкий, изогнутый сводом, потолок, на стенах — светильники в виде факелов, очень прикольные. Никаких шкафов, только стойка для обуви и крючки для одежды, вбитые прямо в стену. Крючки в форме оскаленных волчьих голов. Не страшных, но как-то неприятно ухмыляющихся. Неуютно под взглядом таких волков стаскивать с себя куртку…

— Вы позволите? — Леонид потянулся за курточкой, ухватил за петельку и повесил на клык одной из морд. — Тапочки?

«Зануда», — подумала Жанна. Присела на калошницу и принялась распутывать ремешки своих босоножек. При желании это тоже можно делать достаточно выразительно. Леонид стоял и терпеливо ждал, пока она закончит, тактично глядя куда-то в сторону. Жанна, наоборот, воспользовалась случаем, чтобы получше его рассмотреть, пусть даже из такого неудобного положения. Лет тридцать-тридцать пять. Высокий, где-то под метр девяносто. Красавцем не назовешь, но и уродом тоже. Ни бороды, ни усов. Лицо бледное, вытянутое, обрамленное длинными — до плеч — темными волосами. Карие глаза, крупный, с горбинкой, нос. Красные, немного припухшие, губы. Твердый подбородок. Что ж, очень хорошо.

— Пойдемте, — сказал он, когда Жанна закончила переобуваться (и пришла к выводу, что внешность хозяина квартиры не вызывает у нее рвотного рефлекса). — Я думаю, беседовать нам будет удобнее в гостиной.

Квартира оказалась большой. Направо по коридору располагалась кухня, прямо — гостиная, но была еще и дверь слева. «Неужели один живет? — подумала Жанна, вспомнив родную двухкомнатную квартирку в Софрино, где она провела лучшие годы своей юности в компании с матерью, бабушкой и сестрой. Везет же некоторым…»

В гостиной два широких мягких на вид кресла, как сторожевые псы, расселись по бокам огромного уютного дивана.

Окна были плотно занавешены темно-фиолетовыми, подметающими пол шторами, но изгибавшаяся под потолком люстра заливала гостиную живым теплым светом.

— Вы хотите сиять комнату, так? — Леонид указал ей на кресло. Жанна с некоторой опаской опустилась на краешек мгновенно просевшей под ней подушки.

— Хотелось бы. В общаге мест нет, а училище наше тут, за забором…

— Я знаю, — мягко перебил он. — Сам я врач, и проблемы студентов-медиков мне близки. Потому и дал объявление.

— Там было написано «СТУДЕНТКЕ», — Жанна лукаво улыбнулась. — Значит, проблемы студентов мужского пола вас не волнуют?

— Почти все они много пьют, — Леонид поморщился. — А я не переношу пьяных, тем более, у себя дома. К тому же, у меня есть определенные причины сдавать комнату именно девушке.

— Да, и какие же?

Леонид не стал спешить с ответом. Он рассеянным жестом убрал назад упавшую на глаза прядь волос, засунул руки в карманы своего замшевого жилета и некоторое время шевелил пальцами, словно пытаясь сосредоточиться.

— Видите ли, Жанна, — наконец, сказал он. — В объявлении я написал «Недорого», но на самом деле я готов сдавать эту комнату бесплатно. Мне нужно, чтобы кто-нибудь вел мое хозяйство и ходил за продуктами — вот, собственно, и все.

— Нормально, — усмехнулась Жанна. — Вы домработницу себе ищете, что ли? Так студенты для этого народ неподходящий, им учиться надо, а не хозяйство вести…

— Вы меня не поняли, — снова перебил ее хозяин. — Ничего такого, что требовало бы от вас больших затрат времени и сил. Пару раз в неделю сходить в магазин — да вы в любом случае это сделаете, даже если будете жить одна. Поддерживать чистоту — только не говорите, что если бы вам пришлось снимать квартиру, вы не стали бы там убираться. Нет, нет, ничего, сверх того, что вы сделали бы для себя сами, я от вас не потребую. Взамен — живите бесплатно в отдельной, запирающейся на ключ, комнате. По вашему, это несправедливо?

— Да нет, — сказала Жанна, подумав. — Отчего же… Вопрос можно?

Леонид развел руками и неожиданно тепло улыбнулся.

— Сколько угодно.

— А зачем вам домработница? Сами не справляетесь? По вытянутому лицу хозяина пробежала тень. Или ей показалось?

— Понимаете, Жанна, у меня несколько необычный

распорядок дня. Вы же наверняка слышали, что, с точки зрения биологических ритмов, люди делятся на сов, жаворонков и голубей? Так вот, я сова в квадрате. Я ложусь спать с петухами и просыпаюсь только под вечер. Мне приходится тяжело, но изменить годами сложившийся распорядок означает навлечь на себя угрозу тяжелого нервного расстройства. Я вынужден работать дома, в основном, по ночам. Как это ни печально, остальной мир придерживается иного расписания, и это сильно осложняет мне жизнь. Многие магазины ночью закрыты, даже уборку дома не сделаешь — пылесос жужжит слишком громко, соседи жалуются. Вот поэтому мне самым драматическим образом не хватает помощника. Помощницы. Впрочем, если вы считаете мои требования излишне суровыми, я готов извиниться за то, что отнял у вас столько времени…

Жанна помотала головой.

— Нормальные требования… А комнату посмотреть можно?

— Разумеется, — Леонид извлек из кармана серебристый брелок с висящими на нем ключами. — Бросьте взгляд на ваше будущее обиталище. Надеюсь, оно вам понравится…

«Шустрый какой, — подумала Жанна. — Я его еще словом не обнадежила, а туда же — бросьте взгляд, обиталище…»

Грациозно поднялась с кресла, чуть подняла брови — ну, куда идти, показывайте. Думала, что придется возвращаться назад, в прихожую — ничего подобного. Дверь в «обиталище» оказалась спрятанной за тяжелой темно-фиолетовой портьерой, драпировавшей одну из стен гостиной. Плоский блестящий ключ два раза провернулся в замке. Щелк. Дверь открылась.

«Я хочу здесь жить», — подумала Жанна, перешагнув порог. — «Этот тип определенно с прибабахом, но я буду последней дурой, если откажусь от такой комнаты. Альмирка обзавидуется. Я очень хочу здесь жить».

В отличие от гостиной, здесь было очень светло. Закатное солнце пробивалось сквозь легкий, похожий на золотистую паутинку, тюль, расцвечивало кремовые, праздничные обои. В луче, падавшем на медового цвета паркет, плясали пылинки. Жанне захотелось отбросить тапочки и пройтись по медовым дощечкам босиком — они, должно быть, теплые-теплые, чуть шершавые на ощупь. Великолепно.

У окна, выходившего на унылое серое здание медучилища, стоял большой письменный стол с понтовым кожаным креслом на колесиках. Жанна представила, как откидывается в этом кресле, вытягивает длинные загорелые ноги, кладет их на стол… Почему-то хотелось, чтобы Леонид тоже это представил. Она обернулась. Хозяин стоял в полутемной гостиной, наблюдал за ней,

покачивал на пальце брелок с ключами.

— Осматривайтесь, осматривайтесь, — поощрительно улыбнулся он. — Мне почему-то кажется, что вам тут понравится.

— А вы не зайдете? — спросила Жанна, представив на секунду, как Леонид с хищной ухмылкой захлопывает за ней дверь, поворачивает ключ и оставляет сидеть взаперти, как какую-нибудь кавказскую пленницу. Нет, глупость, конечно, окно-то вот оно. С пятого этажа, конечно, не распрыгаешься, но позвать на помощь всегда можно.

— Нет, — твердо ответил Леонид. — Если вы согласитесь, это будет ваша, и только ваша комната. Ключ от нее существует в единственном экземпляре, и я отдам его вам. Надеюсь, это успокоит вас. Некоторые девушки опасаются жить под одной крышей с незнакомым мужчиной, тем более, обладающим такими странными привычками, как я.

— А вы уже сдавали ее… раньше? Леонид неожиданно замялся.

— Да… сдавал один раз. В прошлом году. Неделю назад тоже приходили две девушки из вашего училища, но они хотели жить вместе, а я категорически исключаю такие варианты.

— Почему? Боитесь, с двумя не справиться? — Фраза прозвучала двусмысленно, но хозяин, кажется, этого не заметил.

— Не терплю шума. Не терплю пустопорожней болтовни. К тому же мне не нужны две помощницы по хозяйству. И потом, вам не кажется, что два человека в одной комнате — это немного тесновато?

Жанна снова вспомнила свою софринскую квартиру и возмущенно фыркнула.

— А сколько всего у вас комнат?

— Четыре, — буднично сказал Леонид. — Но вам придется убирать только в двух, ну, и конечно, еще на кухне. Одной комнатой я никогда не пользуюсь, а в моем кабинете я вам хозяйничать не позволю. Ваша задача, таким образом, упрощается.

«Красиво говорит, — подумала Жанна. — И хорошо, что врач. Может, подскажет чего-нибудь полезное перед экзаменом».

В этот момент она поняла, что решение принято окончательно. Для порядка прошлась по своей — да, теперь уже точно своей — комнате, оценила заваленный мягкими подушками диван, изящный напольный светильник, похожий на поджавшего ногу фламинго, серебристый телевизор в углу. Такая роскошь — и бесплатно? Одно из двух, дорогая, сказала себе Жанна, либо тебе сказочно повезло, либо тебя где-то очень крупно накололи.

— Устраивает? — спросил от дверей Леонид. За порог он так

и не перешагнул, лицо его пряталось в тени, но Жанне показалось, что он снова улыбается.

— Так не бывает, — решительно сказала она. — Вы наверняка захотите от меня чего-нибудь еще. Комната мне нравится, но если…

— Вы правы, — перебил хозяин. — Есть еще несколько мелких деталей. Я сообщу вам их прямо сейчас, и обещаю, что никогда позже не попрошу от вас ничего сверх этих условий. Первое: вы никого сюда не приводите. Никого. Ни подруг, ни мальчиков, ни родителей, если они вдруг решат вас навестить. Ключ от квартиры, который вы получите, всегда будет храниться только у вас. Не отдавайте его никому и ни при каких условиях. Согласны?

Жанна почувствовала, как по спине ее пробежали мурашки. Вроде бы ничего страшного, подумаешь, она и не собиралась сюда никого водить… хотя и здорово было бы посмотреть, как вытянется Альмиркина физиономия…

— Согласна, — выдавила она, проглотив застрявший в горле комок.

— Очень хорошо. Второе — вам нельзя заходить в мой кабинет в мое отсутствие. Кроме того, есть еще запертая комната… вы, наверное, заметили, налево по коридору. Туда вы тоже никогда не будете туда заходить. Даже пытаться не стоит. Договорились?

— Договорились, — это условие показалось Жанне смешным. — А можно узнать, почему?

— Можно, — легко согласился Леонид. — В моем кабинете ужасный беспорядок, но я в нем великолепно ориентируюсь. Если вы случайно переложите что-нибудь с места на место, мне придется это очень долго разыскивать, и моя работа, таким образом, пострадает. Что же касается комнаты, то в ней вам просто нечего делать. Я не пугаю, просто предупреждаю. Собственно, это все. Если вы боитесь, что я начну требовать интимных услуг, могу вас заверить, что не начну. Видеться мы с вами будем редко, в основном, по вечерам. Да, приходить вы можете в любое время, главное, делать это следует тихо и ни в коем случае не будить меня днем. Как видите, все просто. Теперь слово за вами.

Жанна вздохнула. В голове вертелась слышанная где-то фраза «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», но вместо того, чтобы произнести ее вслух, она спросила:

— Если я завтра перевезу вещи… нормально будет?

4

Первую неделю, проведенную в новой комнате, Жанна постоянно нервничала. Вздрагивала от малейшего шороха, подпрыгивала до потолка, если у соседей начинала вдруг гудеть вода в кранах, ловила себя на том, что бессознательно прислушивается к звукам, доносящимся из глубин квартиры. Масла в огонь подливала подруга Альмира, затаившая обиду после решительного отказа взять ее с собой посмотреть доставшееся на халяву жилье. «Да маньяк он, точно тебе говорю, — зудела над ухом, как комар. — Тихий-тихий, а потом как прыгнет… Вон, я в «Спид-инфо» читала, один тоже девчонку пригласил к себе на палочку чая… а потом в ванной к батарее наручниками приковал и держал полгода, опарышами кормил…». «Чем-чем кормил?» не поняла Жанна. «Опарышами! И голубями сырыми… по праздникам». «А зачем?» «Ну так маньяк же!». Но видно было, что Альмира пытается нагнать на нее страху в основном от злости.

Жанна разыскала девчонок, приходивших к Леониду до нее. «Да ну, шизанутый какой-то, — отмахнулись девчонки. — Вдвоем, говорит, не поселю. У самого хата — хоть на танке ездий, а двоих не поселит. Ну и пошел он, козел. Мы себе нормальное место нашли, далеко правда, но дешево. И хозяйка нормальная, без прибабахов. Шестьсот в месяц и две бутылки».

Но с каждым новым днем Жанна все больше убеждалась в том, что ей на самом деле неправдоподобно повезло. Леонид действительно был странным, это факт, и отрицать это она не могла. Но его странности носили вполне безобидный характер, и на маньяка он совершенно не походил. Леонид просыпался не раньше семи часов вечера, шел в ванную, а затем возвращался к себе в кабинет. Из кабинета он выходил около десяти — поесть. Жанна довольно быстро приноровилась к этой его особенности, и стала готовить ужин на двоих. В еде Леонид оказался очень неприхотлив, с одинаковым аппетитом поглощая яичницу, пельмени или тушеное мясо с грибами, и никогда не забывал похвалить Жанну за качество ее стряпни. Прокол вышел только однажды: Жанна купила на рынке чудесные розовые крымские помидоры (деньги на продукты Леонид оставлял ей на калошнице в прихожей, никогда не скупился, и отчета не спрашивал) и, нарезав их кружочками, украсила сверху сыром, перетертым с чесноком. Получилось очень неплохо, такое блюдо она пробовала на свадьбе сестры. Но реакция Леонида оказалась поразительной. Он рассеянно поднес вилку с наколотым розовато-белым кружком

ко рту и вдруг, сильно дернув рукой, отбросил помидор в сторону, так, что он с влажным шлепком разбился о стену над разделочным столиком. В этот момент он показался ей похожим на эпилептика — длинное бледное лицо искажено гримасой, руки дрожат. Жанна перевела взгляд с прыгающей прямо перед глазами вилки на расплывающееся на стене розовое пятно, и почувствовала, как ледяные пальцы паники дотрагиваются до ее шей: Впрочем, в следующую секунду Леонид уже пришел в себя.

— Извини, пожалуйста, — попросил он. Жанна еще в первый день настояла, чтобы Леонид звал ее на «ты» — еще не хватало, чтобы взрослый мужик обращался к семнадцатилетней соплюхе по имени-отчеству. — Это моя вина… я забыл предупредить… у меня страшная аллергия на фитонциды. Лук, чеснок — я не переношу даже запаха. Особенно запаха. Не обижайся, ладно? Не сомневаюсь, что вкус у этих помидоров наверняка потрясающий.

Было обидно, но, по крайней мере, понятно. Будущему врачу не стоит объяснять, чем опасна аллергия. Отек Квинке, удушье, анафилактический шок… Разумеется, это крайние случаи, но кто знает, что пришлось пережить Леониду в прошлом. Больше Жанна чеснок не покупала, а тот, что остался после неудачного кулинарного опыта, выкинула в мусоропровод:

Чем Леонид занимался ночью, Жанну не очень интересовало. Наверное, работал у себя в кабинете. В тех редких случаях, когда ей приходилось выбираться из своей комнаты по ночам — как правило, если накануне пили пиво с Альмирой — она видела полоску света, пробивающуюся из-под плотно закрытой двери кабинета. Иногда после ужина (а для Леонида, соответственно, завтрака) он куда-то уходил. Облачался в строгий темный костюм, надвигал на глаза широкую шляпу-борсалино, брал плоский черный «дипломат» с двумя кодовыми замками и исчезал, не говоря Жанне ни слова. Она не слышала, когда он возвращался. Леонид вообще был очень тихим — передвигался почти бесшумно, никогда не повышал голоса, не чихал и не кашлял, не сморкался, не срыгивал — не производил ни одного из тех звуков, к которым волей-неволей привыкаешь, если приходится жить в большом коллективе, ограниченном небольшим жизненным пространством. И он действительно ни разу не попытался к ней пристать. Жанну это даже немного разочаровало.

Конечно, он был старым — наверняка годился ей в отцы. Но, с другой стороны, в нем чувствовался шарм… особый шарм одинокого, но следящего за собой мужика, явно немало повидавшего в этой жизни. В отличие от всех известных Жанне мужчин, в Леониде угадывалась какая-то загадка, и иногда ей

казалось, что если эту загадку не разгадать, жизнь пройдет зря. К концу первого месяца она перестала ждать от хозяина квартиры неприятных сюрпризов, а потом всерьез стала задумываться над тем, что небольшая доза внимания с его стороны ей бы не повредила. В конце концов, это свинство — жить с молодой красивой девушкой, и обращаться с ней только и исключительно как с домработницей. Альмирка постоянно допытывалась, как продвигается процесс приобретения московской прописки, но Жанна предпочитала отшучиваться. А что она могла ей ответить? Что за все время он ни разу до нее и пальцем не дотронулся, пусть даже случайно? Что, увидев однажды, как она выходит из ванной, завернутая лишь в большое пушистое полотенце (недостаточно, впрочем, большое, чтобы скрыть все, не предназначенное для посторонних глаз), Леонид покраснел, как неопытный школьник, и тут же ретировался, спрятавшись за дверью своего кабинета? Что какие бы наряды она не надевала, он продолжает смотреть на нее одним и тем же взглядом? И смешно, и грустно.

В конце октября Альмирка потащила Жанну на ночную дискотеку в какой-то центровой клуб. Там подруги познакомились с тремя нормальными с виду пацанами, один из которых, как оказалось, жил недалеко от училища. Они довольно весело провели время, а когда в половине четвертого утра уставшая и полупьяная Жанна заныла «хочу домой», пацан сказал, что без проблем доставит ее прямо к подъезду. Доехали действительно быстро, вот только подъездом дело не ограничилось. Пацан, которого, кажется, звали Мишей, по-хозяйски взял пошатывающуюся Жанну под локоток и повел к лифту. На лестничной площадки Жанна полезла в сумочку за ключами, и вдруг вспомнила свой договор с Леонидом.

— Постой, — сказала она, отпихивая обнимавшего ее за талию кавалера. — Погоди. Я не могу… там хозяин, он не разрешает мне никого. приводить, понятно?

— Да и хрен бы с ним, с хозяином, — весело ответил Миша. Он поднял руку, покрытую синими наколками, и сжал ее в кулак размером с небольшую астраханскую дыню. — Будет выеживаться, огребет звездюлей. Давай, киска, открывай скорее, не томи мою нежную душу…

— Нет, — твердо повторила Жанна, трезвея просто на глазах. — Ты ему наваляешь, а мне потом на улице жить? Больно надо…

Она уронила ключи обратно в сумочку, и тут Миша больно схватил ее за плечи.

— Ладно, киска, уговорила. Не хочешь в койку, твои

проблемы. Для этого дела и подоконник сойдет.

Придерживая Жанну за отворот куртки, он потащил ее вниз, но лестничному пролету, туда, где между этажами располагалось высокое смотровое окно. Грубо развернул лицом к заглядывающей а стекло ночи, бросил грудью на подоконник.

— Ну, киска, сама напросилась… И смотри, чтоб не орать — на куски порежу.

Что-то острое и холодное коснулось Жанниной шеи, и она протрезвела окончательно; Миша проворна расстегнул ей молнию на джинсах, свободной рукой стащил их вниз. Лезвие у шеи опасно подрагивало, и Жанна зажмурилась, представив, что будет, если этот кретин в самый ответственный момент начнет дергаться.

— Ах, какие мы загорелые, — промурлыкал Миша, отпустив, наконец, ее куртку. Теперь Жанна могла бы попробовать убежать, но далеко ли ускачешь по лестнице со спущенными штанами. — Где же мы так загорели, а, киска? Ну что, трусики сама снимешь, или помочь?

Трусики-танго Жанна купила за большие деньги у Аль-миры (на которую они не налезали). Козел Миша наверняка порвет их, это уж как пить дать. Она уронила руки, просунула непослушные пальцы под тугую резинку, потянула вниз…

— Отставить, — прозвучал за ее спиной чей-то негромкий голос. Жанна почувствовала, как опасный холод перестал леденить шею. Преодолевая страх и внезапно накатившую слабость, вывернула голову вбок, чтобы увидеть, кто пришел к ней на помощь.

Леонид. Он поднимался вверх по лестнице, как всегда, очень тихо, в своем кожаном плаще, неизменной шляпе-борсалино, с плоским «дипломатом» в руке. Лицо у него было бледное-бледное и усталое, полные красные губы смотрелись на нем инородным пятном, словно он сжимал во рту бутон алой розы.

— Вали отсюда, чмо болотное, — добродушно посоветовал Миша. В руке у него блестел хирургический скальпель. — Не видишь — я делом занят.

— Отпусти ее, — сказал Леонид равнодушным, холодным голосом. В глазах его не было ни страха, ни даже обыкновенного волнения — казалось, он разговаривает не с вооруженным ножом амбалом, а со старушками у подъезда.

К своему огромному удивлению Жанна увидела, что Миша шагнул в сторону, давая ей возможность оторваться от подоконника и натянуть джинсы. На большее у нее не хватило сил — едва застегнув молнию, она почувствовала, как подгибаются ноги, и опустилась на корточки, привалившись

спиной к батарее.

— Брось скальпель, — произнес Леонид все тем же невыразительным голосом. Жанна увидела, что Миша сделал какое-то движение ему навстречу, но вдруг остановился, словно налетев на невидимую стену. Кулак разжался, блестящий серебряный скальпель, звеня, покатился по ступенькам. — Вот так, молодец. А теперь уходи и забудь об этой девушке. Навсегда.

Глаза Жанны неожиданно стали мокрыми от слез. Сквозь туманную пелену она видела, как коренастая фигура ее ночного знакомого, покачиваясь, медленно спускается вниз по лестнице, ударяясь боком о перила. Потом она почувствовала, как сильные руки подхватывают ее подмышки и поняла, что Леонид собирается тащить ее до дверей.

— Я сама, — выговорила она, глотая слезы. — Сама… Леонид легко, словно ребенка, взял ее на руки и поднялся на лестничную площадку. Там аккуратно, будто хрустальную вазу, поставил между собой и дверью, и, повозившись немного с замком, впустил Жанну в квартиру.

— Он… он войти хотел, — пролепетала Жанна, внезапно испугавшись его гнева. Ей вдруг представилось, что Леонид может обвинить ее в нарушении договора и выгнать на улицу. — Я не разрешила, я думала, он только проводит, и все… Честно, я даже не думала…

Он приложил ладонь к ее губам. Сухая, гладкая и теплая кожа почему-то пахла табаком, хотя Жанна ни разу не видела его с сигаретой.

— Т-ш, — сказал он мягко. — Я все знаю, девочка. Я все знаю.

Он помог ей снять куртку и ботинки, отвел в гостиную и усадил в кресло. Включил приглушенный свет.

— Посиди минутку, я сейчас.

Вернулся из кухни с высокой керамической кружкой, сунул ей в ледяные ладони. Жанна подумала было, что это какой-то алкоголь, и хотела уже отказаться, но из кружки поднимался густой травяной запах. Глотнула — вкус оказался необычным, но приятным, по телу сразу же разлилось дурманящее тепло. Дрожь в коленях постепенно проходила.

— Постарайся выпить все, — посоветовал Леонид. — И выспись как следует. В училище можешь не ходить, справку я тебе нарисую.

— Какой ты заботливый, — глупо хихикнула Жанна. — Прямо как папочка…

Отца своего она не помнила, но мысль о том, что он мог быть похож на Леонида, показалась ей смешной. Леонид улыбнулся.

— *Я* тебе сейчас и папочка, и мамочка. Ты хорошо выспишься,

а когда проснешься, то, что случилось сегодня, не будет тебя больше беспокоить. Договорились?

— Договорились, — она сделала большой глоток и икнула. — А ты гипно… гипнотизер? Как ты Мишку… заставил нож бросить?

Леонид выпрямился во весь рост — оказывается, все это время он сидел рядом с ней на корточках — и погладил ее по голове. Провел своей твердой, пахнущей ароматным табаком ладонью по ее гордости, Пушистому Белому Облаку. Ну не чудеса ли?

— Об этом мы еще успеем поговорить, девочка. Допила? Вот и умница.

Жанна подумала, что заснет сейчас прямо в кресле — травяная настойка, оказывается, валила с ног получше любого коктейля. Она хотела попросить, чтобы Леонид помог ей добраться до дивана, но тут произошло странное. Леонид зашел ей за спину, наклонился и поцеловал Жанну в макушку, прямо в центр Пушистого Белого Облака. Точнее, почти поцеловал. Жанна чувствовала, что он замер прямо над ней, видела его тень, падавшую из-за спинки кресла и пересекавшую комнату, кожа ее ощущала тепло его дыхания. Однако на этом все и закончилось. Его губы так и не коснулись прекрасных белых волос, а сам Леонид, резко распрямившись, бросился прочь из гостиной.

— Шиза, — пробормотала Жанна, закрывая глаза. Последние силы покинули ее, и она заснула прямо в кресле, так и не добравшись до своей комнаты.

5

Перед ноябрьскими праздниками Жанна решила провести генеральную уборку вверенной ей территории. За работу принялась прямо с утра — в училище идти не надо, впереди четыре выходных, почему бы не посвятить пару часов общественно-полезному труду. Сначала убирала валявшиеся повсюду случайные вещи — книги, лазерные диски, каким-то образом попавшие в гостиную из кухни чашки и блюдца. Потом взяла пылесос и добросовестно прошлась по всем углам и закоулочкам, а под конец сменила щеточку и вычистила шторы и портьеры. Пылесос, конечно, шумел, но Жанну это не слишком беспокоило — Леонид как-то сказал ей, что, поскольку днем все равно никуда не деться от посторонних звуков, он пользуется берушами.

Немного передохнув, Жанна набрала в таз воды, взяла из пакета чистую тряпку и принялась мыть пол. Вот тут-то все и произошло.

Она стояла во второй позиции, пытаясь оттереть пятно с паркетной доски в прихожей, когда сережка-гвоздик выскочила из мочки правого уха и, весело брякнув о паркет, укатилась под дверь. Не иначе как замочек разболтался, подумала Жанна, и тут до нее дошло, что сережка нашла себе убежище в запретной комнате. Той самой, про которую Леонид говорил «я не пугаю, я просто предупреждаю». Вот ведь подлянка Сережка была Альмиркнна, рано или поздно ее пришлось бы отдавать. Можно, конечно, дождаться вечера и за ужином попросить Леонида достать пропажу… Только вот как-то глупо беспокоить человека из-за сущего пустяка. Наверняка лежит на самом пороге, даже в комнату заходить не придется. Ключ от комнаты висел на большой связке, которую Леонид обычно оставлял в прихожей, на волчьих клыках. Нельзя сказать, чтобы у Жанны ни разу не возникало соблазна нарушить запрет и заглянуть в запретную комнату… но до сегодняшнего дня она успешно с этим соблазном боролась. Возможно, предчувствуя; что рано или поздно настанет момент, когда она сможет придумать себе оправдание.

Ключ повернулся в замке, оглуистельно щелкнула пружина. Дверь, безжалостно скрипя плохо смазанными петлями, отворилась.

Беглая сережка действительно лежала в пяти сантиметрах за порогом. Жанна наклонилась, чтобы поднять злополучный гвоздик, н взгляд ее зацепился за что-то, блеснувшее тусклым эмалированным боком под низкой, застеленной грубошерстным

одеялом, кроватью.

Судно. Обыкновенное больничное судно. С казенным черным номером назеленен эмали.

Жанна быстро окинула взглядом комнату. Небольшая, темноватая. Окна завешены зелеными шторами» под потолком — белый шар дешевою люстры. Ничего похожего на роскошь гостиной, на изысканный уют ее обиталища. Простой фанерный шкаф, заваленный какими-то узлами и пакетами, стул, кровать с высокой спинкой.

И завах. Едва ощутимый, но вполне реальные. Запах болезни, разложения; тлена.

«Я не пугаю, я просто предупреждаю».

Стараясь производить как можно меньше шума, Жанна аккуратно закрыла дверь и повернула ключ а замке. На цыпочках вернулась в прихожую, зацепила брелок за клык. Волчьи морды скалились в беззвучной усмешке.

6

На Новый Год она поехала домой, в Софрино. Теснота и убогость квартиры, в которой прошли первые пятнадцать лет ее жизни, поразили Жанну. Правда, сестра, выйдя замуж, переселилась в соседний подъезд, но все равно постоянно толклась у матери. Четыре человека на две комнаты — это слишком, решила Жанна, и, едва придя в себя после новогодней пьянки, отправилась обратно в Москву.

Стояли жуткие, сорокоградусные, как водка, морозы. Дыхание замерзало в сантиметре от губ. Пока добиралась от метро до дома, уши и кончик носа превратились в хрупкие ледышки.

Отмороженные пальцы не слушались Жанну. Ключи два раза вываливались из рук, вставить их в замочную скважину и повернуть казалось непосильной задачей. Наконец, отчаявшись справиться с ключами, Жанна решительно надавила кнопку звонка. Без десяти семь, пора вставать.

Леонид открыл почти сразу же, словно и не спал вовсе. Скорее, только что вышел из душа. Чисто выбрит, черные волосы влажно блестят, благоухает какой-то туалетной водой. Пушистый банный халат аккуратно запахнут на груди. Жанна ужасно обрадовалась, увидев этот халат. Ей почему-то почудилось, что в халате Леонид не будет таким холодным и бесстрастным, как обычно.

— Привет, — сказала она, с трудом подавив желание вытянуться на цыпочках и чмокнуть его в щеку. — С Новым Годом! Я тебе подарочек привезла.

Подарочек она заготовила еще в середине декабря, но предусмотрительно прятала его у себя в комнате, а уезжая в Софрино, забрала с собой. Ничего особенного — просто красиво упакованный набор для бритья, бритва, пена, гель. Но Леонид, кажется, обрадовался.

— Спасибо, Жанночка. И тебя с Новым Годом. Подожди, у меня для тебя тоже кое-что есть…

Повернулся, достал откуда-то из-за спины коробочку. Протянул ей с таким смущенным видом, будто там лежало что-нибудь из ассортимента магазина «Интим».

Ничего подобного. Серебристый плоский CD-плеер. Офигенно дорогая штука, Жанна о такой и мечтать не смела..

— Ой, прелесть какая! Леонид, ты лапочка!

Не удержалась, чмокнула все-таки куда-то в район подбородка. Он благожелательно улыбнулся и вдруг побледнел.

— Ты что, обморозилась? Ну-ка, дай посмотреть… Развернул (довольно бесцеремонно), дотронулся до одного уха, до второго…

— А ну марш в ванную. Быстро, быстро, сапоги потом успеешь снять. Или хочешь без ушей остаться?

Ошеломленная Жанна даже не слишком сопротивлялась. Леонид приволок ее в ванну, открыл горячую воду, сунул под струю руки, а потом схватил за уши. Сначала она вообще ничего не чувствовала, но постепенно обморожение прошло, и боль вцепилась в уши раскаленными щипцами.

— Пусти, — пискнула Жанна, — больно же!

— Ах, больно? — удивился Леонид. — Кто бы мог подумать!

Он открыл шкафчик и извлек оттуда пузырек со спиртом; Плеснул в пластиковый стаканчик.

— Не пить, — строго предупредил он. — Только растирать. Если не хочешь, чтобы это делал я, изволь спасать себя самостоятельно. Я буду консультировать.

Потом отвел Жанну обратно в прихожую, усадил на калошницу, заставил вытянуть ноги и стащил с нее сапоги. Было безумно приятно, все время вспоминался какой-то старый фильм, где вроде бы показывали нечто подобное. Леонид растер остатками спирта узкие Жаинины ступни, вытащил откуда-то толстенные шерстяные носки и натянул ей на ноги.

— Что ж, — усмехнулся, — воспаления легких вам, сударыня, все равно не избежать, но с ампутацией конечностей пожалуй, пока повременим.

— Давно хотела спросить, — обрела дар речи Жанна. — Ты какой врач? Хирург или ортопед? А может, ветеринар?

— Изначально я педиатр, — серьезно ответил Леонид. — По узкой специализации — вирусолог, а кандидатскую защитил по некоторым инфекционным заболеваниям, встречающимся в странах тропического пояса. Впрочем, моих профессиональных навыков вполне достаточно, чтобы безболезненно отрезать обмороженное ухо или пятку в домашних условиях.

— Опа, — сказала Жанна. — Ну, тогда я в надежных руках. Кандидат наук. Ничего, что я сижу?

— Сиди, сиди. Только лучше тебе, пожалуй, будет переместиться в гостиную, а я покуда сварю чего-нибудь согревающего.

7

Пока Леонид гремел на кухне чашками и кастрюлями, Жанна пришла к выводу, что в гостиной ей оставаться совсем не хочется, и перебралась к себе в комнату. Удобно устроилась на диване, подоткнув под спину подушку и завернувшись в теплый клетчатый плед, включила светильник-фламинго и принялась ждать, рассматривая новенький плеер.

— Ты здесь? — удивился Леонид, останавливаясь на пороге. Он уже успел переодеться — вместо халата облачился в бежевые спортивные брюки и голубую рубашку из тонкой джинсовой ткани. В руках у него был поднос, на котором стояли две высокие керамические кружки. Над кружками витал ароматный парок. — Почему не в гостиной?

— Так, — мотнула головой Жанна. — Захотелось. Здесь уютнее. Проходи, располагайся, чувствуй себя как дома..

«Стон-стол-стоп, — осадила она себя. — Не зарывайся, девочка. Ты тут еще не хозяйка».

— Ты меня приглашаешь? — неуверенно спросил Леонид.

— Да ты прости, я пошутила, — Жанна состроила виноватую гримаску. — Ну как я могу тебя приглашать или не приглашать? Это же…

— Это твоя комната, — перебил он. — Мы договорились, помнишь? Я обещал не заходить к тебе без приглашения…

— Ну, тогда я тебя приглашаю. Проходи, дорогой Леонид, располагайся поудобнее. Хочешь — в креслице, хочешь. — на диванчик. Я бы лично предпочла на диванчик, согреешь бедной девочке ножки…

— Спасибо за приглашение, — Леонид наклонил голову и переступил порог. Первый раз с тех пор, как Жанна жила у него в доме. — Вот, это тебе горячительное. — Он протянул ей тяжелую дымящуюся кружку.

— Выпьем за Новый Год? — Жанна принюхалась и поняла, что и на этот раз обошлось без алкоголя. Сплошные травы, одна другой душистее. Ну и ладно, подумала она, вспомнив родное Софрино, не век же водку глушить.

— Давай, — кивнул Леонид. Поднял кружку и отсалютовал Жанне. — Пусть он принесет нам больше удачи, чем старый.

Жанна рассмеялась.

— Еще больше? Да у меня такой прухи, как в прошлом году, в жизни не было. В училище поступила, классное жилье за бесплатно нашла, с человеком интересным познакомилась…

Леонид поднял бровь.

— С тобой, с тобой, не надо шлангом прикидываться. Кстати, мне знаешь как хочется про тебя узнать побольше? Где ты учился, как жил, кого лечил? Расскажешь, а? А то про меня-то ты все знаешь, а я про тебя — ноль…

— А ты уверена, что хочешь это услышать? Обычно дети твоего возраста не слишком-то жалуют стариковские рассказы…

— Ха! — сказала Жанна. — Ха! Дети моего возраста! Дети моего возраста, если хочешь знать, вообще предпочитают слушать только слова любви, желательно, произносимые страстным шепотом им на ушко. Но если говорить конкретно обо мне, то я с детства обожала всякие страшные истории. Слабо развлечь замерзшую девушку страшилкой?

Леонид усмехнулся странной, словно бы обращенной внутрь себя улыбкой. Осторожно присел на край дивана

— Жизнь и без того страшная штука, моя милая. Пока я был маленьким, мне казалось, что в мире полно всяких ужасных созданий, о которых так любят рассказывать дети — ну, там, Черные Перчатки, Красная Рука, Пиковая Дама, Глаза-в-Зеркаде… Все время боялся открыть дверь чулана и увидеть за ней Буку… А потом, когда подрос, понял, что дети, конечно, ничего не знают наверняка, но очень о многом догадываются. И все их наивные страшилки — только попытка объяснить сумрачные ужасы взрослого мира..

— Ой, а можно то же самое, только по-русски? Я девушка простая, к тому же обмороженная… Мне, как менту, все надо объяснять — медленно и два раза…

— Чудовища существуют, — почему-то шепотом сказал Леонид. — Не такие, как в детских сказочках… намного страшнее. Вот представь — ты идешь но улице, у тебя падает перчатка, а навстречу идет человек, быстро ее поднимает и с улыбкой протягивает тебе. Ты ее берешь, благодаришь… и невдомек тебе, что ты только что встретилась с монстром. А между тем есть такие… с феноменальной памятью… им достаточно один раз заглянуть тебе в глаза — и все, ты уже у него в коллекции. Теперь, стоит ему захотеть, он припомнит твое лицо в мельчайших деталях, и придет к тебе во сне. А там уж сможет делать с тобой все, что захочет — просыпаться будешь вся в синяках, избитая, исцарапанная… а то и вовсе пойдешь на его зов ночью, глаз не раскрывая… слышала про лунатиков? Думаешь, они просто так по крышам гуляют? Просто так, девочка, в этом мире ничего не происходит — каждое движение продиктовано чьей-то волей. Или твоей собственной, или чужой. И тут уж чья сильнее…

Жанне стало зябко. Она обхватила ладошками высокую

кружку и сделала несколько обжигающих глотков. Почему-то вспомнилось прикосновение чего-то невыносимо холодного к шее пониже уха… ощущение чужого тяжелого дыхания, щекочущего волосы на затылке… ноющая боль в груди от врезавшегося в ребра подоконника…

(На грязной, растрескавшейся от времени краске — выцветшие пятна дешевого, скверно пахнущего вина… следы засохших плевков, отполированные чьими-то задницами лепешки жевательной резинки… Чья-то сильная рука пригибает ее все ближе к выцарапанной лезвием надписи «ЦСКА — кони», она чувствует, как ее ноги, завязшие в спущенных джинсах, покрываются гусиной кожей — то ли от холода, то ли от ужаса… и предчувствие чего-то невыносимо мерзкого застревает в горле комком смерзшейся слизи…)

— А еще есть такие создания… людьми их назвать трудно, хотя они появляются на свет у обычных родителей, которые похищают человеческие души…

— Зачем это?

— Чтобы жить. Питаясь душами, можно прожить неограниченно долгое время… особенно, если выбирать себе доноров помоложе. Энергетический метаболизм помогает таким… созданиям… развивать их необычные способности, превращаясь во все более совершенных существ… хотя сам процесс трансформации протекает довольно болезненно, а главное, долго.

— А что за способности они от этого получают?

— Не смогу объяснить. Если ты слеп от рождения, ты не поймешь, что значит «видеть». Если у тебя нет ног и рук, ты вряд ли представишь себе, каково это — играть в футбол. Люди изредка сталкиваются только с внешними проявлениями. Например, с подчинением чужой воле. В этом нет ничего сложного или таинственного — для *измененного,* я имею в виду. Так же, как для тебя — в том, чтобы протянуть руку и взять с тумбочки кружку… Вот, молодец… Теперь сделай два глотка — два маленьких глоточка… Видишь, как просто?

— Ну, так не интересно… Расскажи хотя бы, как они это делают…

— Что? Похищают души?

— Ну да, да!

— Очень просто. Могу показать.

8

На мгновение Жанне показалось, что горячая кружка, которую она по-прежнему сжимала в руках, стала обжигающе ледяной. Леонид оставался серьезен и спокоен — слишком спокоен для мужчины, делящего один диван с девушкой, которая то и дело дотрагивается до него пальчиками ног, пусть и одетыми в толстые шерстяные носки,

— Ты шутишь, Ленечка?..

Голос ее затерялся в невыносимой тишине, повисшей в комнате. Неожиданно Леонид поднял руку и положил ладрнь Жанне на темечко.

— Вот здесь есть место, — произнес Леонид неожиданно севшим голосом. — Особое место. Сюда сходятся все каналы, по которым циркулирует жизненная энергия организма. И именно здесь в защите энергетической системы человека зияет брешь.

Его ладонь едва заметно шевельнулась, поднялась, и Жанна почувствовала, как поднимаются вслед за ней примятые его рукой волосы.

— Давным-давно древние лекари, шаманы и колдуны, научились использовать эту точку для излечения всевозможных болезней. Из этой бреши, из этой дыры можно высосать любой, даже самый страшный недуг. Но, видишь ли… за все приходится платить. Вместе с болезнью человек теряет какой-то кусочек той энергетической субстанции, которую люди привыкли называть душой.

Леонид по-прежнему держал ладонь над головой Жанны. От ладони исходило тепло, приятное, расслабляющее тепло.

— Первоначальный метод был очень прост. Болезнь высасывалась вместе с кусочком души. Потом болезнь выплевывали, а душу проглатывали. Тут все дело в мере. Если высосать душу из человека быстро и без остатка, он умрет, хотя, умирая, будет испытывать несказанное блаженство. Если высасывать медленно и постепенно, тело начнет довольно интенсивно стареть… иногда случается так, что душа еще почти вся на месте, а тело уже скукожилось, как кожаная перчатка в кипятке. А если брать быстро и понемногу, то тело остается прежним, а вот душа… ну, это уже зависит от человека. Может постепенно засохнуть сама по себе, словно дерево, у которого подпилили корни. А бывает, что человек превращается в монстра… вроде тех, которые в глаза тебе заглядывают…

— Бр-р, — Жанна поежилась. Травяной настой уже не согревал, ноги и руки покрылись гусиной кожей. — А откуда ты

вообще об этом знаешь?

— Ты просила страшилку? Я тебе ее рассказал…

— Да уж, — зубы Жанны стукнули о край кружки. — А правда, ты все это придумал?

Что-то произошло. Что-то неуловимо изменилось в комнате, словно бы лежавшая за пределами светлого круга от лампы тьма сгустилась и приготовилась броситься на них.

— Мне довелось поколесить по миру, — странным голосом ответил Леонид. — Я же занимался тропической медициной, ты не забыла? Повидал всякого…

Замолчал. Ей показалось, что он хотел сказать что-то еще, но остановился, словно зачарованный каким-то воспоминанием. Глаза его стали похожи на два темных, суживающихся коридора

— Иногда я тебя боюсь, — тихо сказала Жанна Она не собиралась произносить это вслух — просто подумала Но слова прозвучали — и ударили Леонида невидимым бичом.

Он вздрогнул и вдруг быстро спрятал лицо а ладони. Пальцы у него были длинные, тонкие, как у музыканта Сначала Жанне показалось, что он плачет, на Леонид просто сидел, закрыв глаза руками. Навесное, боялся, что из глубины темных коридоров появится что-то жуткое.

— Леня, — тихо сказала Жанна, впервые назвав его мальчишечьим именем. — Леня, ты чего? Ну, что с тобой?

Она поставила кружку на пол, и, не выбираясь из-под пледа, передвинулась поближе к нему. Взяла его руки в свои, прижалась щекой. На этот раз его пальцы пахли не табаком, а каким-то теплым металлом. Жанне подумала, что так должен пахнуть еще не остывший после выстрела ствол пистолета.

— Ленечка, ну что ты… Ну, прости, я не хотела тебя обидеть… Ты иногда бываешь… очень странный, да… но я же знаю, что ты хороший…

Он осторожно высвободился. Посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом.

— Глупенькая ты девочка, Жанна. Хороший… Неужели ты думаешь, я не понимаю, каким выгляжу со стороны? Да я вообще был уверен, что ты здесь и двух недель не протянешь — сбежишь куда подальше… А ты осталась. И терпишь меня, со всеми моими привычками…

Решилась Жанна. Мазнула взглядом наискось — был бы взгляд лезвием, у Леонида на бледном лице немедленно расцвела длинная алая царапина — отвернулась и сказала негромко:

— Не только терплю…

Замолчала на полуслове. Главное произнесено. Теперь, по всем правилам, его очередь. Если только не откажется поймать

подачу. Ну, раз, два…

И поймал-таки. Посмотрел на нее так пронзительно-пронзительно, да и спросил:

— Ты — меня?

Жанна ответила не сразу. Вспомнила их первую встречу, все свои страхи и переживания, вспомнила, как он залился краской, увидев ее в полотенце, какими сильными были его руки, когда он нес ее вверх по лестнице… прокрутила все это в памяти и тихо сказала:

— Тебя.

Обняла его за шею и ткнулась лицом в темные, пахнущие порохом, волосы. Сама, не дожидаясь, пока он раскачается. Хватит, три месяца ждала.

Почувствовала, как напряглись мускулы под тонкой тканью рубашки. Здоровый мужик, мышцы, как канаты. Приятно будет просыпаться утром и видеть рядом такое красивое тело… Ну, что же ты так напрягаешься, дурачок, я же тебя не съем… Ну, расслабься, пожалуйста, Леня, милый, что ж ты дрожишь, как малолетка на первом свидании?..

Он пытался ей что-то сказать, но Жанна запечатала ему губы своим маленьким жадным ротиком, и проглатывала слова вместе с его дыханием. Он все еще сопротивлялся, пытаясь вырваться из ее объятий, но делал это слишком нерешительно, видимо, боясь причинить ей боль. Сопротивление его слабело с каждой минутой, и вот наступил момент, когда Леонид, наконец, ответил на ее поцелуй. Когда спустя минуту — или час — они, наконец, оторвались друг от друга, до Жанны, наконец, дошло, о чем он все это время пытался ее спросить.

— Что «зачем», милый? — улыбнулась она, уверенная в том, что услышит в ответ. Но на этот раз она ошиблась.

— Зачем ты пригласила меня войти? — с усилием выговорил он. — Это твоя комната… Зачем ты меня впустила?

— Теперь это наша комната, Леня. Чего ты боишься, дурачок? Иди ко мне… вот так… ты мне очень нравишься, потому и впустила… и вообще, кого хочу, того впускаю… и туда, в том числе…

— Не пожалеешь? — странно улыбнулся Леонид. Она готова была поручиться, что в глазах его плеснулась боль.

— А это уже от тебя зависит… постой, ты куда это собрался? Довел бедную девушку до белого каления и в кусты? Эй, я так не играю!

— Помнишь, я говорил тебе, что в твоих волосах хочется утонуть? Вот я и иду… топиться. Можно?

Леонид осторожно высвободился из ее объятий. Выпрямился

— Жанна немедленно ткнулась носом между пуговиц его рубашки — и обхватил ладонями ее голову. Жанна почувствовала, как его лицо погружается в Пушистое Белое Облако, как мягкие губы слегка дотрагиваются до нежной кожи на темечке…

— Так ты на мою душу нацелился? Ну, попробуй… — хихикнула Жанна, и вдруг ее тело изогнулось в судороге небывалого, почти мучительного наслаждения. Молния, промелькнула мысль, это была молния. Только почему-то бьющая снизу вверх.

— Леня, что это? — спросила она слабым голосом. Голова кружилась, в ушах стоял звон. Коленки дрожали, хорошо хоть под пледом это не слишком бросалось в глаза. — Что ты со мной делаешь?

— Тебе нравится? — спросил он, вынырнув из Белого и Пушистого. — Хочешь еще?

— «Нет», — хотела сказать Жанна. «Второго раза я не переживу», — хотела сказать Жанна. Вместо этого она зажмурилась и замотала головой — скорее утвердительно, нежели наоборот. Замерла, ожидая второго прикосновения, как удара. Сжалась в комок, когда его губы вновь дотронулись до нее там, наверху.

На этот раз все было немного по-другому. Вместо молнии, ударившей откуда-то из-под земли и ушедшей в потолок, накатила волна, теплая, тугая, захлестывающая с головой. Жанна растворилась в ней, а когда волна схлынула, обнаружила, что ее трясет, как в лихорадке, сердце готово выскочить из груди, а трусики мокры насквозь. «Ничего себе оргазм», — подумала она, с трудом приходя в себя. — «Что же дальше-то будет, подумать страшно…»

Дальше, однако, не случилось ничего. Леонид уложил дрожащую, всхлипывающую от пережитого наслаждения Жанну на диван, заботливо укрыл пледом и нежно погладил по волосам. Затем до ее слуха донесся слабый щелчок — это Леонид выключил светильник-фламинго. Все погрузилось в темноту, и Жанну мгновенно закрутил водоворот сна.

9

— Классный плеер, — сказала Альмира, впервые увидев Жанну после новогодних праздников. — Откуда такая роскошь?

— Леня подарил, — небрежно ответила Жанна. — Правда, понтовый?

— Ле-ня, — со значением протянула Альмира. — Уже Леня. Когда же это случилось, моя милая? Под звон курантов?

— Отстань, — отмахнулась Жанна. — Каждый празднует, как может.

— По тебе видно, подруга. Ты, похоже, целую неделю бухала. Похудела, под глазами круги, бледная, как девушка с косой… Ну-ка, дыхни… странно, а выглядишь так, словно тебя насквозь проспиртовали…

Жанна отвернулась и отгородилась от зануды-Альмирки наушниками плеера. После возвращения из Софрино она не брала в рот ни капли спиртного. А круги под глазами… не такие уж они и заметны, особенно под слоем пудры. Конечно, если не спать ночи напролет, урывая минуты для отдыха только днем, между приготовлением еды и уборкой, появятся и круги… А что делать, если Леня уже к семи утра становится сонным и вялым, не способным даже на то, чтобы самостоятельно завесить окно шторами. Однажды под утро они уснули прямо на диване в ее комнате и проспали почти до обеда. Жанну вырвал из забытья полный боли и гнева крик. Кричал Леня — он сидел на диване, с головой закутавшись в одеяло, а на лице у него распухал огромный розовый волдырь. Такие же волдыри покрывали его руки и плечи. Перепугавшаяся Жанна отвела его в ванну, дрожащими пальцами нанесла на кожу прозрачный гель из тюбика (тюбик был странный, весь исписанный какими-то замысловатыми иероглифами), забинтовала пораженные места стерильным бинтом и помогла добраться до кабинета. Внутрь он ей войти не позволил. Выговорил странным, похожим на звук зажеванной магнитофонной кассеты, голосом: «Спасибо», и исчез за дверью. Жанна немного постояла на пороге, прислушиваясь, но в кабинете царила тишина. Целый день ей было не по себе из-за этого странного происшествия, она перерыла все свои учебники, но так и не поняла, что же спровоцировало аллергию. Вечером, однако, выяснилось, что от страшных волдырей не осталось и следа — кожа у Лени вновь стала чистой и мягкой, как у младенца, он вообще выглядел лучше, чем обычно, словно помолодел. Объяснил, что иногда такую реакцию могут вызвать обыкновенные солнечные лучи, и предложил повесить в

Жанниной комнате плотные шторы. Теперь там было сумрачно даже днем, как и везде в квартире, но Жанне это не мешало. Дни для нее слились в одну плотную серую завесу, скрывавшую фантастическое великолепие ночных праздников. Целый день, возясь по хозяйству, пытаясь листать учебники или проваливаясь в короткий, не приносящий отдыха сон, она думала о том, как наступит вечер и ее мужчина выйдет из своего кабинета, подтянутый, свежий и элегантный, поцелует ей руку и скажет что-нибудь ласковое… Потом они сядут ужинать, и она будет любоваться на ловкие движения его тонких пальцев, ломающих хлеб, управляющихся с ножом и вилкой, смотреть, как двигаются его пухлые красные губы, когда он пережевывает мясо, подавать ему салфетку… и чувствовать себя счастливой, абсолютно, нереально счастливой… А потом они пойдут в гостиную, и поставят какую-нибудь тихую музыку, и он расскажет о своих странствиях в далеких краях… а еще позже они окажутся в ее комнате, и там, в полутьме, ее мужчина вновь прикоснется к ней и подарит Жанне мгновения никем до того не испытанного блаженства…

Но Альмире этого не объяснишь. Даже если попытаться рассказать, все, как есть — ну что она может понять? Тупая, серая скотинка, как и все вокруг… Так что и иробовать-то не стоит.

10

До зимних каникул Жанна дотянула с огромным трудом. Заниматься днем удавалось все меньше и меньше, в сон тянуло после первой прочитанной страницы. Если бы не Леня, написавший за нее две курсовые и подтянувший по биологии, сессию бы она завалила

А так — ничего, обошлось. Альмирка звала с собой, в славный город Мухосранск-Верхмеволжекий, обещала массу развлечений и толпу мальчиков, но Жанна только слабо отнекивалась. Какие там мальчики, какие развлечения… и ведь миллионы людей всерьез считают, что все знают о счастье, подумать страшно…

Все каникулы Жанна не выходила на улицу. Попыталась как-то сходить за продуктами на рынок, но на полдороге ей стало плохо, и она, чтобы не упасть, прислонялась к фонарному столбу. Тут же подскочил прилично одетый господии средних лет, участливо наклонился к ней. «Женщина, вам плохо?» Жанне, несмотря на обморочное состояние, стало смешно — ее еще никогда не называли женщиной. Помотала головой — нет, мол, нормально, отвали, дядя — кое-как отдышалась, приплелась домой. Было очень муторно и обидно, хотелось выплакаться Леониду в плечо, но он, как обычно, спал в своем кабинете. Жанна едва удержалась, чтобы жалобно, побитой собакой, не поцарапаться в дверь. Вечером, когда она по возможности с юмором поведала ему эту историю, Леонид сказал:

— Все, Жанночка, похоже, ты перетрудилась. Давай-ка избавим тебя от походов за продуктами. В квартале отсюда недавно открыли ночной магазин, все необходимое я буду закупать там. А тебе надо побольше спать, ты совсем вымоталась за эту сессию.

Тут Жанна разнылась, что ей не в кайф спать одной, что она хочет все время чувствовать его рядом, и упросила Леонида переехать из кабинета в ее комнату. Он довольно долго сопротивлялся, но потом все же уступил, напомнив ей про необходимость плотнее закрывать шторы.

С этого момента для Жанны наступил вечный праздник. Днем она, сделав несложные домашние дела, ощупью пробиралась в свою комнату, где на широком диване бесшумно спал Леня, раздевалась и забиралась к нему под одеяло, обнимала его, прижималась длинными горячими ногами, и, успокоившаяся и умиротворенная, засыпала. Просыпалась Жанна обычно от легкого прикосновения его ладони к своим волосам — как

правило, Леня не целовал ее в темечко, когда она спала, но однажды такое все же произошло, и пробуждение показалось ей сказочно прекрасным. Правда, встать после этого она не сумела — в ноги словно натолкали ваты, от низа живота к шее распространялось обессиливающее тепло. Леонид принес ей ужин в постель, покормил с ложечки, как младенца, а потом убаюкал, держа ее окутанную Пушистым Белым Облаком голову у себя на коленях.

Есть Жанне почти не хотелось. Иногда она могла ограничиться одним апельсином в день — желудок не протестовал, принимая такую диету как должное. Леня готовил ей свои травяные отвары, помогал держать тяжелую кружку в ставших словно прозрачными ладонях. Жанна стала проводить в кровати почти все время, поднимаясь только для того, чтобы умыться и сходить в туалет. Ей впервые пришло в голову, что квартира могла бы быть и поменьше — путь через гостиную и коридор отнимал слишком много сил.

В один из бесконечных однообразных дней она не смогла заставить себя слезть с дивана и сходила под себя. Было очень стыдно, тем более, что Леонид не проснулся и продолжал тихо спать рядом. Большое мокрое пятно расползалось по простыне все шире, так что когда наступил вечер, и Леня открыл, наконец, глаза, весь диван уже пропитался мочой. Подушка тоже была мокрой — от слез, — и тогда он взял Жанну на руки, отнес в ванну, налил горячей воды, взбил пахнущую какими-то цветами пену и осторожно опустил Жанну в облако сверкающих пузырьков. Там она и заснула — прямо в воде — а когда проснулась, поняла, что лежит не на диване, а на жесткой и довольно узкой кровати, Леонида рядом нет, а в воздухе витает смутно знакомый запах лекарств.

Мысли ее путались, она не могла точно определить, что ее окружает — явь или сон. «Я заболела», — подумала Жанна, и неожиданно обрадовалась такому простому объяснению. «Я заболела, а Леня меня лечит…» Она позвала: «Леня», но из горла вырвался только слабый жалобный стон. Тогда Жанна снова закрыла глаза И попыталась заплакать. Слез не было.

Леня разбудил ее, проведя ладонью по ее волосам. Она замерла от счастья, глядя в его сияющие, искрящиеся жизнью глаза. «Ты красивый, — хотела сказать ему Жанна. — Я люблю тебя». Но голос по-прежнему не слушался ее. Она шевельнула губами, и Леонид тут же поднес к ее рту дымящуюся кружку с травяным настоем.

— Я не хочу пить, — Попыталась сказать Жанна, но он не услышал. Она сделала несколько глотков, чувствуя, как горячая

жидкость прожигает ее истончившееся тело насквозь. Потом закашлялась, и Леня заботливо вытер ей губы пахнущим валерьянкой платком.

Когда стало ясно, что больше она пить не станет, Леонид бережно взял ее на руки и поднял с кровати. Жанна вздрогнула, ощутив прикосновение холодного металла к своим теплым ягодицам. Ее шатнуло, но Леня сильной рукой придержал ее за плечи.

— Пс-с, — произнес он, смешно выпячивая пухлые губы, — пс-с…

«Это судно, — догадалась Жанна. — Я сижу на горшке… позор какой…» В следующую секунду она почувствовала, как горячая струйка со звоном ударила о металлическое дно судна, и ей сразу стало легче. Леонид снова перенес ее на кровать, уложил, затем взял горшок и вышел. Жанна испугалась, что он не вернется, но он вернулся, постоял немного, глядя на нее сверху вниз, наклонился, обхватив ее голову ладонями, зарылся лицом в волосы и безошибочно нашел губами то самое место на темечке.

Над миром, сузившимся до размеров полутемной, пропахшей лекарствами, комнаты, поднялась сияющая всеми цветами радуги волна.

Опрокинулась и гремящей лавиной обрушилась вниз, поглотив плавающую в океане блаженства Жанну.

11

Голоса доносились откуда-то издалека, с трудом пробиваясь через вязкий, глушивший звуки туман.

Жанна открыла глаза — это движение почти обессилило ее. Но с открытыми глазами она почему-то слышала лучше.

— …полгода у вас жила, — высокий женский голос, почему-то смутно знакомый. — И теперь вы не знаете, где она?..

— …уверяю вас… — мужской голос, тихий, но внятный, она тоже знала Когда-то. Вспомнить, кому он принадлежал, казалось непосильной задачей. — … давно ничего не знаю…

Жанна вздохнула — глубоко, в легких, что-то засвистело, в горле неприятно булькнуло. Пересохшие губы трескались от горячего дыхания.

— …с февраля в училище не была, — женщина почти кричала, — мне уж на работу педагоги обзвонились… вот и Альмира подтвердит — после каникул ни разу ее не видела…

Альмира. Миллион лет назад Жанна слышала это имя. Кого же так звали? Она попыталась сосредоточиться — бесполезно. В голове была вата — много-много белой, пушистой и мягкой ваты. Очень хотелось спать. Спать и не слышать этого грубого, громкого, визгливого голоса, бесцеремонно врывающихся в ее покой. Как же они громко кричат! Что им здесь нужно? Почему он их не прогонит? Кто? Кто не прогонит? Жанна старалась вспомнить, имя ускользало, словно различимая лишь уголком глаза легкая тень…

— Ты, дядя, нас за лохушек-то не держи, — вмешался молодой, энергичный и наглый голос, — ты думаешь, мне Жанна про тебя ничего не рассказывала? Вот пойдем сейчас в милицию и заяву на тебя накатаем — мол, педофил ты, дядя, заманиваешь молоденьких девочек к себе под видом бесплатной сдачи комнаты, а потом, может, на кусочки разделываешь л в унитаз спускаешь… ой, извините, Ольга Сергеевна…

Ольга Сергеевна? Еще одно имя за завесой темноты… Жанна опустила веки — глаза почему-то стали влажными…

— Да где ж это вообще видано — бесплатно комнату сдавать! — взвизгнул первый голос. — Знаем мы, что за бесплатно бывает… А ну говори, что с моей доченькой сделал, гад! Куда мою Жанночку подевал?

— Если я не брал с Жанны денег, это еще не значит, что она жила здесь бесплатно, — спокойно возразил тихий голос. — Мы сразу договорились, что она будет помогать мне…

— В чем? — перебила молодая и наглая. — Постельку по

ночам согревать?

— …ухаживать за моей больной матерью, — невозмутимо продолжал мужчина — Это очень нелегкое занятие, уверяю вас, и оно, безусловно, стоит тех денег, которые я мог бы получить от сдачи внаем одной комнаты…

— Что ж она мне про твою мать ничего не рассказывала? — ехидно поинтересовалась молодая. — Всеми секретами делилась, а про то, как за больной ухаживает — ни слова?

— Это входило в наш договор, — терпеливо объяснил тихий голос. — Жанна не должна была никого сюда приводить. Не должна была никому рассказывать о том, что здесь делает…

— Почему, интересно знать?

— А вам не кажется, что каждый человек имеет право на свою частную жизнь? Предположим, мне не хочется, чтобы окружающим было известно, в каком состоянии находится моя мать? Она действительно очень тяжело больна, и обслуживать ее тяжело. Скажу откровенно: я думаю, Жанна уехала потому что не выдержала свалившегося ей на плечи бремени. Мне она ничего не объяснила. Просто собрала вещи и уехала, пока я спал. Вы, разумеется, можете обратиться в милицию — я думаю, вы просто обязаны это сделать, хотя я надеюсь, что с вашей дочерью не случилось ничего страшного…

Голос вдруг растянулся, поплыл, слова стали слышны нечетко.

— Не выспался, дядя? — с угрозой спросила молодая и наглая. — Все зеваешь? В милицию мы и без твоих советов обратимся, а для начала покажи-ка ты нам квартирку — где тут Жанна жила, где матушка твоя немощная обитает…

— Постарайтесь обойтись без хамства, Альмира, — посоветовал мужчина. — Оно вам не к лицу… Что ж, не могу сказать, что мне это будет приятно, но, входя в ваше положение… Я покажу вам, где жила Жанна.

Голоса удалялись, затихали. Тишина снова обволакивала Жанну, затягивала в глубокие белые пустоты сна. Но заснуть не получалось — под веками копилась, набухала влага, непрошеная слеза выкатилась из-под ресницы и задрожала, словно приклеившись к горячей щеке…

Скрипнула дверь. Этот звук вырвал Жанну из забытья, в которое она все-таки провалилась. Сердце тяжело бухало в груди, как часто бывает при внезапных пробуждениях, безжалостно разрывающих радужную ткань сна. Что ей снилось? Какие-то обрывки — женщина с усталым лицом, склонившаяся над ее кроватью, пестрые куклы, пляшущие на тонких нитях над занесенной снегом деревянной эстрадой… высокий темноволосый

мужчина, протянувший руки к багровой, похожей на недобрый глаз, луне…

— Вы хотели видеть мою мать, — услышала Жанна. — Смотрите, только очень прошу вас, тихо. Она сейчас спит…

— А вот спросить бы у нее, — свистящий шепот, судя по интонации, принадлежал все той же молодой девушке, которую звали Альмира, — когда последний раз она видела Жанну…

— Спросить вы, разумеется, можете, — мужчина был по-прежнему терпелив и вежлив. — Но ответа никакого не получите. Моя мать, к сожалению, страдает очень тяжелой формой болезни Альцгеймера, в просторечии называемой склерозом… Кроме того, она уже давно ничего не говорит…

Кто-то подошел почти вплотную к кровати Жанны. Скрипнули половицы.

— Эй, вы меня слышите? Слышите меня, а?

— Да не лезь ты к больному человеку, — сказала женщина, стоявшая, судя по всему, у самой двери. — Видишь же — спит она… Ох, старенькая она совсем у вас, седая совсем… Сколько же ей лет?

— Меньше, чем кажется, — сухо ответил мужчина. — Ну, ваше любопытство удовлетворено, наконец? Вы убедились, что никакой Жанны здесь нет?

Он снова зевнул. Бедный, подумала Жанна, ему, наверное, также до смерти хочется спать, а эти женщины прицепились к нему с какой-то Жанной… Жанной… это же меня звали Жанна — когда-то давным давно, когда я жила совсем в другом месте, где было светло и красиво, и всегда пахло цветами и свежестью… и я любила кого-то… почему же я ничего не помню?

— Пойдем, Альмира, — сказала женщина у двери. Голос ее погас, стал бесцветным и тихим, словно из него ушла вся жизнь. — Пойдем, не тревожь больного человека…

Жанна открыла глаза. Ярко горела лампочка под потолком, и в ее безжалостном свете она увидела девушку со смутно знакомым скуластым лицом, сидевшую на корточках напротив кровати, высокого мужчину, стоявшего у нее за спиной, и худую сутуловатую женщину с измученными, больными глазами. Все трое смотрели на нее, словно чего-то ожидая.

— Проснулась, — громко прошипела скуластая, обернувшись к остальным, и снова повернулась к Жанне. — Здравствуйте, меня зовут Альмира, я подруга Жанны. Вы помните Жанну?

Жанна медленно опустила ресницы. Почему эта девушка задает ей такие глупые вопросы? Ей показалось, что какие-то смутные воспоминания понемногу проступают сквозь пелену белого забвения. Вот та женщина с усталым и несчастным

лицом… сколько раз она склонялась над кроваткой маленькой Жанны?..

— Мама, — прошептала она, чувствуя, как из глаз начинают литься крупные неудержимые слезы, — мама…

— Ничего она нам не скажет, — женщина отвернулась. — Пойдем, Альмира, только время зря тратим…

— Неужели не помните? — не сдавалась скуластая Альмира. — Такая красивая, с пушистыми белыми волосами, классная такая девочка?

— Это я, — Жанна постаралась произнести это как можно более отчетливо, но получился неразборчивый шепот. — Это я — Жанна…

— Ну, извините, — с сожалением сказала Альмира, выпрямляясь во весь рост и зачем-то отряхивая колени. — Да, не хотелось бы мне заболеть склерозам…

— В милицию мы все равно обратимся, имейте в виду, — повернулась она к мужчине. — Так что для вас это так просто не закончится, не надейтесь…

— Не буду вам препятствовать, — ответил мужчина и снова зевнул. — Но на сегодня, надеюсь, у вас все?

— До свидания, — Альмира вдруг вновь наклонилась и заглянула Жанне прямо в глаза. — Не сердитесь на нас, хорошо?

Скрипнули половицы, щелкнул выключатель — свет погас. Мама, Альмира и зевающий мужчина исчезли из мира Жанны.

Где-то невообразимо далеко стукнула, закрываясь, тяжелая дверь. На мгновение Жанну посетило странное, пугающее видение — оскаленные волчьи морды, ухмыляющиеся в спину незваным гостям. Заснуть, подумала она, скорее заснуть и убежать от этого тягостного, непонятного бреда в покой, тишину и пустоту…

Видимо, ей это удалось, потому что, когда Жанна вынырнула из забытья в следующий раз, во рту у нее было сухо и мерзко, как случается после долгого сна. Жанну разбудили странные звуки — кто-то, сидевший у нее в ногах, всхлипывал, закрыв лицо руками. Сначала она не могла разобрать ни слова, но временами прерывистое бормотание становилось понятнее, и тогда ей казалось, что она различает целые фразы.

— Прости, прости меня… я не хотел этого… не хотел… все получилось совсем не так… я не смог остановиться… почему, ну почему ты разрешила мне войти?..

Он хныкал, подвывая, словно обиженный ребенок, и Жанне вдруг стало смешно. Когда-то, миллион лет назад, совсем маленькой девочкой она играла во дворе с соседским мальчишкой в снежки и случайно засветила ему твердым белым

шариком в глаз. Мальчишка заплакал, поскуливая, словно щенок, прижав обледеневшую варежку к пострадавшему глазу, и, глядя на него, Жанна не смогла удержаться от смеха. Почему она вспомнила об этом сейчас?

— Мне казалось, что если я люблю тебя, тебе ничего не грозит… с другими было не так, они всегда оставались просто едой… а ты. — ты была такой чистой, такой светлой… я боялся за тебя… не хотел заходить на твою территорию… берег…

Я берег тебя! — с обидой воскликнул он. — Охотился по ночам, ел только на стороне… А ты… ты сама, своими руками… — он снова всхлипнул.

«Уходи», — сказала ему Жанна. — «Я не люблю плачущих мужчин».

Она произнесла это мысленно — язык не слушался ее, из горла вырывалось только прерывистое горячее дыхание. Но он каким-то образом услышал — прекратил рыдать, выпрямился и быстрым, плавным движением переместился поближе к ней. Теперь она видела его лицо. Красивое, бледное лицо, обрамленное длинными черными кудрями. Огромные широко распахнутые глаза.

— Жанна, — сказал он очень ласково. — Жанна, девочка моя…

Ледяная ладонь легла ей на обтянутый пергаментной кожей лоб, взъерошила высохшие, словно солома, седые волосы. Рука чуть заметно вздрагивала, и это было неприятно Жанне.

— Прости меня, моя любимая. Как жаль, что источник почти иссяк…

Он наклонился и легко коснулся губами ее морщинистой кожи.

— Сейчас ты заснешь, девочка. Заснешь и увидишь очень хороший сон. Ты будешь спать долго… и увидишь себя самой красивой, самой счастливой и любимой девушкой на Земле… Спи, моя хорошая… Я буду с тобой… я буду с тобой всегда…

И она послушно закрыла глаза.

12

«ПРИГЛАШАЮ сиделку для ухода за тяжелой больной. Требования: МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, медицинское образование желательно, возможна подмосковная прописка или регистрация. Звонить ПОСЛЕ 19.00. Спросить Леонида».

Лора Андронова

ФЕЛИДИАНИН

Мирта появилась на сто седьмой день около десяти часов утра. Зашелестели опавшие листья, скрипнули переброшенные через канаву мостки. Я знал, что это она, но все равно вышел из укрытия и, прячась в тени разросшегося за лето дикого винограда, следил за ее приближением.

Я ждал.

Я ждал этого момента так долго, что иногда считал его свершившимся. Слова, которые я должен был сказать, давно выросли, вызрели во мне, они нетерпеливыми горошинами перекатывались под языком, тревожа, мешая.

Я должен объяснить все: где я пропадал эти месяцы, почему не мог появиться раньше. Рассказать, как надеялся, как искал ее.

Мирта.

Мир-та. Мир. Та. Имя-придыхание.

Она не изменилась: те же черные, стриженные короткой щеточкой, волосы, подростковые неуклюжие движения, беспокойные глаза. В пальцах тлела сигарета.

— Ты так и не бросила, — пробормотал я. Странно, что я подумал именно об этом, хотя никогда ничего не имел против курения.

На ее левой руке, на тыльной стороне ладони, был шрам — тонкий, четкий, как от пореза стеклом.

Возле забора Мирта остановилась. Я подался ей навстречу.

«Сейчас, — грохотало в висках. — Сейчас, сейчас…»

Тень виноградных листьев падала мне на лицо, холодила щеки и лоб. Я не дышал, ловя каждое ее движение, впитывая горьковатый табачный запах. Сердце не билось. Его просто не было — только пустой, ожидающий могильный провал.

Стоявшая на дороге Мирта — уже такая близкая — оглянулась, посмотрела на часы и пошла дальше — к видневшимся за деревьями кирпичным пятиэтажкам. Ее силуэт в темной аллее все удалялся и удалялся, пока не скрылся совсем.

До последнего мгновения я был уверен, что она меня заметит. Почувствует, что наблюдаю за ней, поднимет голову и заглянет мне в глаза. Я твердо знал, что связывавшие нас нити не дадут ей пройти мимо.

Всем нам свойственно ошибаться.

Я не знаю точно, что случилось потом. Угольный смерч окружил меня, подхватил и понес за собой — вниз, в беспамятство. Я что-то кричал, но слова растворялись и утекали прочь — прозрачные, беззвучные. Я падал.

Падал…

…Когти царапнули ладонь — раз, еще раз. Острые зубы коснулись шеи, мочки уха. Боль была ощутимой, она вцепилась в меня колючей лентой, обхватила и вытянула на поверхность.

Когда черный рой немного рассеялся, я выбрался на ступеньки беседки. Солнце еще висело низко, едва просвечивая сквозь сосновые стволы. На выложенной красноватой плиткой дорожке лежали полосы теней. Влажно пахло землей. Я встал и облокотился на перила, любуясь своим воинством.

Кошки сидели ровным полукругом и, не мигая, смотрели на меня. Зет, Генри, Булка, Шарлотта и Петька — не слишком многочисленная армия. Пока не слишком.

Из-за угла выглянула трусиха Маша, настороженно повела носом.

— Что? — спросил Зет.

Он был рыжим, тощим и всегда казался встрепанным. Булка метанула хвостом по асфальту.

— Что?

Генри чихнул. Шарлотта и Петька не осмелились даже пошевелиться.

— Следить. — Я был самим спокойствием — холодным, непоколебимым, бездонным.

Сидевший у меня на руках Бормот согласно заурчал. Глаза Зета заискрились азартом.

— Кто?

Маша нерешительно приблизилась. Села возле Шарлотты.

— Кто? — повторила Булка.

Она была старой, но продолжала цепко держать власть над Ветвью. Зет недовольно дернул ухом, но не посмел отвести взгляд.

— Вот. — Я показал им Мирту, дохнул ее запахом. Раздалось шипение.

— Тихо. — Краем глаза я заметил еще несколько кошачьих спин: Дру, Киля, Асик и кто-то безымянный.

Прихрамывая, подбежал Мышур. Фыркнул на шарахнувшегося в сторону Петьку. Глянул на меня, спрашивая, Я подождал, пока соберется дюжина, и повторил приказ:

— Следить. Мирта. Показывать. — Моя рука скользила по шерсти Бормота. — Вперед.

Они сорвались с места — белые, черные, пестрые, коричнево-

серые. Волной заполнили узкую дорожку, обогнули поваленный бурей клен и распались на несколько стаек, Я смотрел им вслед, думая о Мирте.

Все могло бы быть по-другому, если бы она не прошла мимо меня, как мимо пустого места.

Все могло бы быть по-другому.

Все могло бы быть…

…Мирта резко сбросила скорость, повернула направо и притормозила у обочины. Опелёк наш — ветеран многочисленных походов и дальних поездок — жалобно всхлипнул, звякнул чем-то и неохотно остановился.

— Что такое? — спросил я. Мирта хитро улыбнулась.

— Сейчас увидишь, — сказала она. В ее тоне я различил знакомые хулиганские нотки и мысленно застонал.

— Может, поехали?

— Нет. Ты должен это видеть.

— Мы ведь и так опаздываем…

— Вот именно, что «и так». Три минуты! Всего три минуты!

Я вздохнул.

— Ладно.

Мирта покосилась в зеркало заднего вида.

— Идет, идет!

Я снова вздохнул и обернулся.

— Видишь? — Голос Мирты звенел сдерживаемым смехом. — Вот бывают же…

Через дорогу, кряхтя и что-то бормоча, брела всклокоченная, невероятно толстая женщина в вязаном, едва сходившемся на ней халате. Ее босые ноги сочно шлепали но асфальту.

— Человек-копна, — выдала Мирта и саркастически поджала губы.

Я пожал плечами. «Хоть копна, хоть сугроб — если мы задержимся здесь еще минут на пятнадцать, на концерт можно будет уже не ехать».

— Все? Посмотрели? Двигаемся дальше?

Рот Мирты округлился правильной буквой «о». Она выключила радио, и в машину вкрался шум протекавшей за деревьями реки.

— Давай ее напугаем!

— А давай не будем? — я старался говорить мягко.

— Может…

— По-моему, не стоит.

— Будем! Очень быстро! — решила Мирта. — Просто сиди тихо! Ну пожалуйста…

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Перечит: не было смысла — это только отдалило бы отъезд.

Женщина в халате приближалась. Она шла широкой тяжелой походкой, уверенно переставляя ноги, вдавливая, впечатывая каждый шаг в землю. В ее похожих на бревна руках был матерчатый сверток, показавшийся мне очень маленьким.

— Ну и туша! — восхищенно прошептала Мирта. Толстуха по краю обошла высыхающую лужу и оказалась за машиной.

— Глаз, глаз, — услышал я. — Дурной глаз. Рябой.

— Еще и сумасшедшая.

— Не надо ее трогать, а?

— Тихо!

— Глаз… Проклятый глаз. — Женщина то ли всхлипнула, то ли рассмеялась. — Подвела меня твоя мамка. Ох подвела.

Шлепанье ног раздавалось совсем близко.

— Ничего… Вода все смоет. Все унесет. Проточная вода. Мирта нашла мою руку и предупреждающе сжала. Ее пальцы были горячими, влажными.

— Заберет в себя…

На стекло упала тень, и одновременно с этим я услышал тоненький, едва различимый писк. Сверток в руках женщины зашевелился, завозился, из складок ткани выскользнул куцый хвостик.

— Господи, — вырвалось у меня, — котенка топить несет.

— Очень хорошо, — выдохнула Мирта. — Чудесно.

Ее губы были жестко нетерпеливо сжаты. Выбившаяся из-под косынки прядь волос черным штрихом рассекала лоб.

Когда странная толстуха поравнялась с бампером, Мирта повернула ключ зажигания, втопила педаль газа и резко крутанула руль. Опелёк засипел и дернулся с места. Я с трудом подавил желание зажмуриться.

Водителем Мирта была прекрасным, и то, что ни одна из ее дурацких шуточек не закончилась печально, лишь подтверждало этот факт. Несмотря на рев и визг колес, бок машины едва толкнул шедшую по обочине женщину. Она испуганно обернулась, нелепо изогнулась, словно желая встать на мостик, и упала.

Сверток вывалился из ее рук и покатился по дороге. Я распахнул дверцу и подхватил его. Он был легким и очень мягким.

— Урра! Животное вне опасности! — завопила Мирта, делая петлю за петлей вокруг поверженной толстухи.

Та медленно села. Помотала встрепанной головой и принялась шарить ладонями по асфальту. Лежавший у меня на

коленях тючок заерзал, удерживавшая его тесемка развязалась, и наружу вылезла пятнистая кошачья мордочка.

— Мы его спасли! — продолжала выкрикивать Мирта. Женщина встала на корточки. Огромные руки-подушки продолжали механически искать сверток, но глаза колюче следили за машиной.

— Поехали, — прошептал я.

Мирта не слышала. Она с упоением крутила руль, заставляя опелёк выделывать немыслимые восьмерки.

— Поехали, — повторил я чуть громче, наблюдая, как пальцы толстухи нащупывают осколок булыжника.

Ее взгляд встретился с моим, и я прочел в нем безумие. Сжимавшая камень рука взлетела вверх. Губы шептали что-то тягучее, похожее на сложное вычурное ругательство.

— Поехали! — заорал я.

Булыжник с грохотом упал в шаге от левого колеса, и Мирта наконец послушалась. Машина развернулась на месте и рванула вперед. Прижимая к себе испуганно пищавшего котенка, я обернулся. Страшная женщина бежала следом. С широких губ продолжали срываться неслышные за шумом мотора слова. В ее руке снова был камень, и почему-то я был уверен, что на этот раз он попадет в цель.

— Быстрее! Ты можешь быстрее? — зло рявкнул я.

Мирта засмеялась, рывками увеличивая скорость. В приоткрытых окнах запел ветер, и на ее лице возникло хищное ликующее выражение.

Она была сумасшедшей. В такие моменты я в этом не сомневался.

Первым вернулись Петька и Шарлотта. Виновато уставились на меня.

— Что?

— Не пустили, — объяснил Петька.

— Местные, — добавила Шарлотта.

— Прогнали.

— Сами ушли.

На морде Петьки виднелась царапина, Шарлотта берегла правую переднюю лапу.

Я кивнул. То, что из всего воинства назад отправили только двоих, было неплохо. Я ожидал худшего.

— Они?

Петька моргнул.

— Внимают.

— Хорошо. — Я отвернулся и неслышно вздохнул. Солнце

стояло в зените, и падавшие на дорожку тени были совсем короткими, антрацитовыми.

«Пойдет назад или нет? — вертелось у меня в голове. — Неужели не пойдет? И что тогда?»

Я сделал несколько шагов вниз по усыпанным рыжими иголками ступеням. На нижней остановился и повернул назад.

Бормот конечно сидел у меня на руках. Он вообще не отходил от меня ни на минуту. Его невозможно было поставить на землю, он тут же снова запрыгивал мне на руки. Иногда мне начинало казаться, что он намертво пришит, приклеен к моему телу и сидит не на руках, а в руках, под кожей ладоней, или что это я незаметной блохой припал к его лапе.

— Говорящий. — Булка приблизилась неслышно, о ее появлении мне оказало только чувство присутствия.

— Да?

— Следи по Ветви.

Золотисто-зеленые глаза Булки были широко распахнуты и светились — ярко, остро, В них, как в паре стоящих друг перед другом зеркал, отражалась череда глаз — Генри, Дру, Мышура, Киля, Асика — детей смежной Ветви… В конце этой цепочки, на далеком темном дне, сидел Зет и щурился на стеклянную, увенчанную латунной табличкой дверь.

«Железнодорожные и авиабилеты», — прочитал я.

Билеты…

Билеты!

Отражение дрогнуло, заколебалось и едва не исчезло.

— Черт!

Бормот недовольно ударил меня лапой и фыркнул. Я прижал пальцы к вискам, лихорадочно соображая: «По работе? Случайность?»

Она уезжала. Уезжала навсегда. Я знал это.

Вывеска матово светилась. Выведенные на ней буквы казались далекими и непонятными, как марсианские каналы.

— Дальше? — Взгляд Булки был зеленым и нетерпеливым.

Я только отмахнулся, продолжая наблюдать. Дверь открылась, и в отражении на стекле мелькнула полупустая улица — дома, каменные тумбы, скамейки, аккуратные мусорные контейнеры, на крышках которых сидели коты.

— Приятного путешествия — произнес масляный голос.

— Спасибо, — ответила Мирта. — Спасибо за помощь. До свидания.

Она вышла на улицу, закурила и пошла по ступенькам вниз, рассеянно обогнув Зета — высокая человеческая фигура на фоне светлого неба.

Я эамер, боясь даже вздохнуть. «Как она пойдет назад? Тем же путем? Или выберет другую дорогу?» Мои пальцы впились в шерсть Бормота, и он снова недовольно заворчал.

Мирта затянулась в последний раз и достала еще одну сигарету. Помедлила, щелкая зажигалкой, и повернула направо.

— Не туда! — воскликнул я. — Господи, только не туда! Взгляд метнулся по улице, скакнул по деревьям, по тротуару…

— Ты! — Мой возглас заставил длинношерстную черную кошку испуганно подскочить. Жёлтые глаза загорелись ожиданием.

— Ария. — Ее имя само юркнуло мне в ладонь. — Давай.

Кошка легко спрыгнула с тумбы и перебежала дорогу у самых ног Мирты, едва не коснувшись хвостом ее туфель. Она вздрогнула и остановилась. Беспомощно пожала плечами, затушила окурок об асфальт и пошла в обратную сторону.

Я почесал Бормота за ухом и улыбнулся. Мирта всегда была суеверной. Прият» осознавать, что некоторые вещи не меняются.

Стремительно темнеющее небо било ясным, но в воздухе пахло дождем. Дорога тянулась, вырастала перед машиной, и разгорающиеся фонари отмечали ее края, заслоняли от полей и перелесков:

Я расстелил на коленях платок и осторожно переложил на него котенка. Осмотрел шерсть, лапы.

— Ну и стерва, — возмущенно заявила Мирта, искоса наблюдая за моими манипуляциями. — Багажник нам поцарапала.

— Ты ее толкнула, — заметил я.

— Подумаешь. Совсем легонько. Я пожал плечами.

— Что там с животинкой?

— Ничего страшного. Слабенький он, сыпь на морде, царапины… Глаз действительно какой-то странный. — Я поморщился.

Котенок по-комариному пискнул, и Мирта расхохоталась.

— Об-бормот, — сказала она, слегка заикаясь от смеха.

— Точно — Бормот. — Я легонько щелкнул котенка по носу и прижал к себе.

На ветровое стекло упали первые капли дождя. Заработали дворники, размазывая их в водяную пленку. Я включил радио и откинулся на кресле, поглаживая котенка по голове кончиками пальцев. Мирта задумчиво вела машину, ее левая рука с дымящейся сигаретой покоилась на полуспущенном оконном стекле. Дождь усиливался.

Все произошедшее следом слилось для меня в черно-алый

калейдоскоп ужаса и боли. Из-за поворота выскочила машина, помчалась к нам, слепя дальним светом. Мирта выругалась, лежавшая на руле рука дрогнула, и опелек понесло в сторону, завертело на мокром асфальте. Взвыли тормоза, нас снова дернуло, закрутило, и сквозь шум ливня мне послышалось громовое неразборчивое бормотание.

Удара я не помню — только холодную пустую тишину, установившуюся после него. Я падал в струях водопада, переворачивался, летел все ниже и ниже, тугие потоки били меня по спине, осколки резали грудь, голову…

Потом я ударился о дно и открыл глаза. Тишина постепенно обрастала звуками — в нее вплетался шелест капель, гудение ветра, какой-то металлический скрип. Мое сиденье было сдавлено, сплющено, покореженная боковая дверца — наполовину прогнута, пепельница — полна крови. Прямо перед лицом болтались пластмассовые ошметки. Сквозь разбитое ветровое стекло лилась вода. Под пальцами я почувствовал что-то теплое, живое.

«Бормот», — подумал я, и это было моей первой мыслью после аварии.

Котенок пошевелился и еле слышно мяукнул. Я хотел на него посмотреть, но побоялся. Мне было страшно опустить глаза, увидеть, что с ним произошло.

— Мирта, — позвал я. — Мирта? Она не ответила.

— Мирта! Мирта!

Я слышал только дождь. «А если она погибла?»

— Мирта!

Тихий звук донесся до меня, и я напрягся, прислушиваясь. Звук повторился — это было шлепанье босых ног по асфальту.

«Господи, неужели та старуха?»

Я потянулся вперед и вверх. Я был готов ко всему: просить, плакать, умолять ее о помощи…

Передо мной текла дорога — пустая, темная, с редкими пятнами фонарей. Под одним из таких пятен лежало что-то бесформенное, мертвое — искалеченный до неузнаваемости остов столкнувшейся с нами машины. Я отвел взгляд.

По полосе разметки шел человек. Невысокий, стройный — не давешняя толстуха.

Мирта.

— Вернись! — Собственный голос показался мне нестер пимо, болезненно оглушительным. — Мирта! Я жив, вернись! Помоги мне! Мирта!

Она не остановилась, не обернулась. С ее левой руки стекали капли крови, падали на мокрый асфальт. В правой руке она несла

порванную босоножку.

— Мирта. Мирта! — я шептал, я кричал в удаляющуюся спину.

Когда ее силуэт исчез, Бормот забрался мне на плечо, ткнулся носом в шею, словно говоря: не бойся, ты не один. Но я был один. Я лежал, зажатый, замурованный в разбитой машине, и мне было так страшно, что мир вокруг плыл.

Я был один.

Ночь наступила сразу, как только солнце скрылось за горизонтом. В темноте сосны казались выше, они источали холод и угрозу. По вившейся между ними тропинке сновали тени.

Мирта приближалась. Я готовился.

Я бежал, плыл по Ветвям, созывая всех, до кого мог дотянуться. С каждым ее шагом мое войско становилось все больше. Кошки сидели везде: на камнях, на ветках деревьев, на клумбах. Я уже не был один, и мне нечего было бояться. Только не мне.

Когда она появилась, сидевший у меня на руках Бормот зашипел и мазнул лапой по воздуху.

— Погоди, — прошептал я. — Надо ее подальше заманить.

Я видел Мирту множеством глаз с самых разных точек — ее лицо, ее профиль, ее затылок. Ее запах был чужим, отвратительным, вызывающим агрессию. Как только она оказалась у ограды, я приказал нападать.

Коты сорвались с мест разом — широкой, стремительной волной. Мирта сперва не поняла, что происходит — замерла на месте, заозиралась, потом вскрикнула, метнулась в сторону, попыталась вернуться назад.

Коты стелились, коты скользили, летели по дорожке. Первым подбежал к Мирте Зет, прыгнул на грудь, выбросил вперед лапу, целясь в глаза. Булка, Мышур н Дру отстали всего па шаг. Следом за ними неслись Ария, Петька и Маша. Мирта снова вскрикнула, потянулась к лежавшей на траве суковатой палке, но было уже поздно.

Я на секунду отвернулся, переводя дух. Все было правильно. Мохнатый шипящий ком катился по дорожке, а с деревьев, со скульптур спрыгивали все новые кошки.

Я не винил ее за аварию, ие винил за боль, за режущий, ломающий тело водопад, не винил за полную крови пепельницу.

Я не мог ей оросить того, что она ушла и оставила меня там, бросила наедине с темнотой и шорохом дождя.

Когда-то я, наверное, любил ее — я не помнил этого точно, — но теперь жил только одним чувством, только оно заставляло

меня думать и ощущать. Криком разогнав вцепившихся в нее кошек, я прыгнул к Мирте.

Утром на центральной дорожке городского кладбища было очень много следов — отпечатков кошачьих дал, клочьев шерсти, лоскутов ткани, пучков травы. Наваленная у забора куча веток казалась слишком большой, неестественной. В ворохе опавших листьев виднелась женская рука с длинным четким шрамом на тыльной стороне ладони.

У ступенек склепа лежал мертвый котенок. Его левый глаз был открыт. Он был рябой, нехороший.

Евгений Бенилов

ОРУДИЕ СУДЬБЫ

— Все это вздор! — сказан кто-то. — Где этя верные люди, видевшие список, на котором назначен час нашей смерти?.. И сеян точно есть предопределение, то зачем нам даны воли и рассудок?

М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»

Закрывая на ходу расхлябанные двери, автобус тронулся. Девушка в пестрой косынке и светлом плаще, вошедшая на остановке, села в дальнем конце салона. Больше никого в автобусе не было… Прислонившись к окну, Олег закрыл глаза. Гладкая поверхность приятно холодила висок; было слышно, как с другой стороны но стеклу барабанит дождь. Осень. Конец октября. Деревья уже голые, всюду валяются гниющие листья. Самое неприятное время года, пора уныния и депрессия.

Автобус повернул — из-под сиденья с дребезжанием выкатилась банка из-под пива. Олег с раздражением открыл глаза: «Вот ведь свиньи! Что стоит донести до урны?..» Банка подкатилась к его ноге. Он наклонялся я брезгливо, двумя пальцами, поднял… «Куда ее? В карман не положишь: слишком грязная — придется держать в руке. — Он опустил веки, стараясь унять раздражение. — Ничего страшного, скоро выходить».

— Если хотите, у меня есть ненужный пакет. Вздрогнув, он раскрыл глаза: девушка в пестрой косынке протягивала целлофановый пакет… Олег и не заметил, как она подошла.

— Спасибо. — Он положил банку в пакет и сунул в карман.

Девушка села напротив: без единого пятнышка плащ, блестящие туфельки, маленькая сумочка — олицетворение чистоты и аккуратности.

— Вам спасибо, меня эта банка тоже раздражала. — Она улыбнулась и прятала под косынку выбившуюся прядь. — Меня любой мусор раздражает.

За окном автобуса проплывали безликие белые дома. Редкие прохожие прогуливали жалких, трясущихся от дождя и ветра собак. Скудно расставленные фонари бросали вниз тусклые

желтые конусы. Московская окраина…

«Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь-дзинь…» Колокольчик, как всегда, прозвучал неожиданно.

Олег покосился на часы: 1 час 5 минут 18 секунд. Потом привычно огляделся — до водителя слишком далеко… Он посмотрел на девушку. Та ответила безмятежным, доброжелательным взглядом.

— Вы не скажете который час?

— Пять минут второго, — ответил Олег.

Он не помнил, когда услышал колокольчик в первый раз… Наверное, эта способность была у него от рождения. Да и как он мог запомнить? Звонки были маленькой частью огромного непостижимого мира и заслуживали внимания не больше музыки из уличного репродуктора или гудков пожарной машины. По мере взросления, однако. Олег стал замечать, что разрозненные явления жизни соединены подспудными связями. Так, музыка из репродуктора всегда сопровождалась толпами людей на улице — все вместе это называлось «праздник». А пожарные машины однажды соотнеслись с выгоревшим дотла соседским домом. И только звонки оставались сами по себе — Олег не мог установить в них никакой закономерности. Иногда колокольчик умолкал на неделю или даже месяц, а иногда звенел несколько раз в день, двое-трое суток подряд. Звонки большей частью бывали короткие, от нескольких секунд до получаса, но один раз длились с утра до вечера: начались, когда мать привела Олега в детский сад, а закончились, когда отец его оттуда забрал… ну, может, с двумя-тремя перерывами. Из-за этих перерывов Олег наконец догадался: колокольчик связан с определенными людьми. В тот раз, например, звонок умолкал, когда воспитательница тетя Света выходила из комнаты — и возобновлялся, когда возвращалась. Впрочем, на следующий день тетя Света вообще в детский сад не пришла; вместо нее появилась молодая веселая тетя Люда, и Олег не додумал эту мысль до конца.

Более того, он даже не мог определить, ОТКУДА доносятся звонки: колокольчик звенел где-то рядом с его виском (чаще всего правым, иногда левым) и как бы следовал за поворотами головы… Олег вертелся, смотрел вверх и даже прикладывал ухо к земле. Его странное поведение заметили родители: сначала уговаривали не валять дурака, потом потащили по докторам.

Докторов было много — молодых и старых, женщин и мужчин, вооруженных блестящими инструментами и шкафами с лампочками. И еще вопросами — десятками, сотнями вопросов… Олег не запомнил, каких именно. Впрочем, доктора вскоре отстали:

он просто сказал им, что колокольчик умолк. Вместе с докторами отстал и отец. Лишь мать еще некоторое время присматривалась к Олегу и встревоженно спрашивала, в чем дело, когда тот вздрагивал от внезапных звонков.

А потом Олег научился не вздрагивать, и мать постепенно успокоилась.

— Надо же, как поздно!.. — девушка улыбнулась. — А у меня часы встали. Батарейка, наверное, кончилась.

Дребезжа изношенным телом, автобус начал тормозить:

— До свидания. — Олег встал и шагнул к двери.

— А мне тоже сходить, — весело сказала девушка.

Двери с шипением открылись. Олег вышел первым и после секундного колебания подал спутнице руку. Пальцы ее оказались мягкими и теплыми.

— Спасибо.

— Не за что.

Девушка раскрыла зонтик, Олег накинул капюшон куртки. Перемешанное с мельчайшими каплями дождя в воздухе повисло неловкое молчание.

— Извините, вы не могли бы меня проводить?.. — девушка переступила с ноги на ногу. — Я живу недалеко… во-он в том доме.

— Пожалуйста.

Они зашагали по усеянной палыми листьями дорожке.

— Я сюда недавно переехала — квартиру сняла. А вчера из окна вижу: во дворе бомжи сидят, целая компания. — Девушка всплеснула руками, показывая, как ей было страшно. — А я с работы поздно возвращаюсь; вот и не знаю, как теперь… может, от квартиры отказаться?..

— Эти бомжи безвредные, — сказал Олег. — Я их знаю, мухи не обидят.

— Да?.. — Девушка облегченно вздохнула. — Ну, тогда дальше я сама…

— Не беспокойтесь, мне в ту же сторону.

— Вы в каком доме живете?

— Там… — Олег махнул рукой. — Трудно объяснить.

— А как вас зовут?

— Олег.

— А меня Настя.

Они миновали цепочку пестрых от граффити гаражей и оказались в квадратном дворе, образованном четырьмя двенадцатиэтажными домами.

— Мне туда. — Настя указала на ближайший дом и, понизив

голос, добавила: — А вон *эти* сидят.

В беседке возле детской площадки виднелись неясные силуэты и огоньки сигарет.

— Не обращайте внимания.

Настя набрала код, шагнула в подъезд и, придержав дверь, обернулась.

— Спасибо большое.

— Пожалуйста.

— Знаете что?.. — Она замялась. — Если хотите, я могу вас чаем напоить. У меня и печенье есть — такое вкусное… — От смущения Настя опустила глаза.

Несколько секунд Олег слушал звеневший у виска колокольчик… «А почему, собственно, и нет? Через сутки ее все равно не станет».

— Спасибо.

Они вошли в подъезд, Олег вызвал лифт. На Настиных щеках горели красные пятна — отблески недавно пережитого смущения.

— А вы где работаете? — Олег отбросил капюшон куртки за спину.

— Играю на арфе в оркестре. И еще в ансамбле подрабатываю — на свадьбах у новых русских. А вы?

— Я сейчас без работы: с одного места ушел, на другое не устроился.

С вулканическим рокотом дверь лифта отъехала в сторону, они вошли в кабину. Настя нажала кнопку одиннадцатого этажа.

— А профессия какая?

— Из области финансов. — Олег неопределенно повертел рукой.

Воцарилось молчание. По цепочке окошек с номерами этажей неспешно полз огонек: 9… 10… 11… Они вышли из лифта, Настя отперла дверь квартиры.

— Заходите.

Неловко ворочаясь в крошечной прихожей, они сняли верхнюю одежду. Настя оказалась в бархатном декольтированном платье цвета морской волны.

— Я как раз с подработки. — Она улыбнулась и шагнула в кухню. — Вам чай или кофе?..

Смысл звонков Олег понял лишь на одиннадцатом году жизни.

В том случае колокольчик зазвенел, когда он пришел из школы — и звенел, не переставая, весь вечер и всю ночь. Спал Олег плохо: часто просыпался, пил воду — патом, естественно, ходил в туалет… в общем, куролесил всю ночь. Под утро его, сонного и злого, собрала в школу мать (отец в то утро чувствовал себя

неважно — болело сердце — и в домашних хлопотах не участвовал). А умолк колокольчик, лишь когда Олег вышел из квартиры.

Когда он вернулся, входная дверь была распахнута. Незнакомые люди, толпившиеся в передней, со странной жалостью посмотрели на него, но ничего не сказали. Олег неуверенно прошел в гостиную и увидел сидевшую в напряженной позе мать (спина и шея выпрямлены, руки сложены на коленях). «Что случилось?» — настороженно спросил он. Но мать не ответила: лицо ее искривилось, из глаз полились слезы…

И тогда Олег понял, что звенящий у виска колокольчик означает, что кто-то из находящихся поблизости людей вскоре умрет.

* * *

— Чай, пожалуйста.

Олег вошел в кухню и сел спиной к стене — так, чтобы видеть (через дверь в прихожую) входную дверь.

— Вот, попробуйте, — Настя поставила на стол вазу с печеньем. — По дореволюционному рецепту — у Молоховец вычитала.

В кухне было пустовато: стол, два стула, плита, холодильник, шкаф.

— А где вы до сих пор жили? — спросил Олег.

— В Новосибирске… Но в Сибири сейчас музыкантам плохо. А тут в Московской филармонии вакансия — ну, я в один день и собралась. Сначала у подруги жила, теперь квартиру нашла. Только вот бомжи меня напугали… — Настя села напротив Олега и виновато улыбнулась.

— Что же вы, бомжей боитесь, а незнакомого мужчину домой привели? — Олег улыбнулся в ответ.

— Я всегда по лицу вижу, кому можно доверять, а кому нет.

— И мне, значит, можно? — Он накрыл Настину ладонь своей.

На плите неуклонно закипал чайник. За стеной монотонно гудел лифт. Перекрывая временами колокольчик, в окно стучали ветер и дождь.

— Можно. — Настя залилась краской, но взгляда не отвела.

Отца похоронили, и жизнь Олега пошла прежним чередом: дом — школа — дом — школа. Понимание, почему звенит колокольчик,

ничего не изменило… Что делать в такой ситуации десятилетнему ребенку? Не мог же Олег сказать случайному попутчику в трамвае: «Дядя, вы скоро умрете»?..

Впрочем, в большинстве случаев он и не знал, по кому звонил колокольчик: звонки чаще всего раздавались в транспорте, и кто из входящих пассажиров должен умереть — оставалось неясным. Вскоре Олег перестал обращать на колокольчик внимания: ну звенит себе и звенит…

Он боялся одного: услышать звонок вечером — когда, вернувшись с работы, войдет в квартиру его мать.

* * *

В воздухе переливался еле ощутимый запах духов. Настино дыхание нежно касалось правого плеча Олега, возле его левого виска ровно звенел колокольчик. Бесившиеся за окном ветер и дождь стихли, в просвет между занавесками глядела плоская серебряная луна. На поду темнела разбросанная одежда. У окна застыла черная угловатая масса — стоящие пирамидой коробки (наверное, с пожитками Насти)… Их, помнится, было три. Олег осторожно откинул одеяло и подошел к окну: да, точно — три.

«И что теперь?..»

Теперь он быстро оденется — стараясь не шуметь, выберется из квартиры — пойдет к лифту. А когда дойдет, или даже чуть раньше, колокольчик смолкнет. Через несколько дней Олег забудет весь этот ничего не значащий эпизод.

Забудет Настину мягкую уступчивость? Забудет нежный аромат кожи и родинку над левым соском? Забудет странную смесь застенчивости и бесстыдства?..

«Ладно, проехали. Нечего раскисать».

Просто он давно не был с обычной девушкой — оттого и хандрит. Забыл это ощущение: тебя выбрали за то, что ты лучше всех… Ни одна проститутка дать этого не может. На мгновение Олегу стал противен весь этот рассчитанный до мелочей, выхолощенный образ жизни, который он для себя сконструировал. И ради чего?..

Несколько секунд он стоял, сжав челюсти. Ничего страшного, такое с ним уже бывало. Не часто, но бывало. Скоро пройдет.

В комнате стало темнее: длинное слоистое облако наползло на край луны. Олег прислонился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза.

— Не спится?

Вздрогнув, он обернулся. Подошел к тахте и сел на край. Разметавшиеся по подушке русые волосы Насти казались темными, почти черными… Олег провел пальцем по шелковистой коже плеча — мимо трогательной ямочки на шее — меж колышущихся куполов грудей… Девушка взяла его ладонь и прижала к щеке.

— Иди ко мне…

Олег скользнул под одеяло. Волосы Насти пощекотали ему плечо.

— Господи, как хорошо… — На глазах девушки блеснули слезы.

Жалость и желание, усиливая друг друга, скрутили Олегу горло». Он уткнулся в Настины волосы и глубоко, всей грудью, вздохнул.

Олег окончил школу и поступил е Московский университет, на мехмат. Начались лекции, семинары… Учиться было интересно, он всегда любил математику. А на втором курсе появились девушки, причем не одна и не две, а сразу много — звонили ему десять раз на дню, звали в театр, на дискотеку… Наиболее настойчивые напрашивались в гости: часами сидели на кухне, пили ведрами чай и вели душеспасительные разговоры с его мамой. (Особенно усердствовала некая Олечка: «Ах, какой у вас, Инна Полна, Олежка высокий да красивый!» Тьфу!.. Он долго не мог от нее отвязаться.) В общем, пять с половиной лет в университете Олег провел с удовольствием; он получил красный диплом м поступил в аспирантуру.

Тут дела пошли не так гладко.

Во-первых, оказалось, что способности к математике у него хорошие, по все же не выдающиеся — и не идут ни в какое сравнение, например, с талантом его шефа: вопросы, над которыми Олег ломал голову неделями, тот разрешал за полчаса. А во-вторых, началась перестройка, и наука — ранее почетная и хорошо оплачиваемая профессия — быстро становилась никому не нужна. Покупательная способность аспирантской стипендии таяла, да и платили с перебоями… Жизнь становилась труднее не по дням, а по часам. Друзья и знакомые косяками уезжали на Запад или уходили в бизнес. Диссертацию все же Олег защитил, причем неплохую, и ему сделали предложение остаться на кафедре; несмотря на обуревавшие душу сомнения, он его принял.

А потом он случайно встретил бывшего одноклассника — Гришку Штейна.

Поначалу Олег его не узнал: некогда тощий, обтрепанный Штейн превратился в вальяжного, хорошо одетого джентльмена.

Внутренне, однако, Гришка не изменился: он радостно орал, хлопал Олега по плечу и непрерывно задавал вопросы, не слушая ответов. Слово за слово, они оказались в «Метрополе», где и отобедали в обществе Коли и Славы, молчаливых молодых людей в одинаковых серых костюмах — Гришкиных телохранителей. Разговор, в основном, вращался вокруг судеб бывших одноклассников… ну, и успехов Штейна та ниве бизнеса, конечно.

А в самом конце обеда, когда они допивали коньяк, зазвенел колокольчик… Предвестник смерти был настолько неуместен в этом капище эпикурейства, что Олег обернулся. Надменно задрав подбородок, в ресторан вошел дородный седовласый человек с восточными чертами лица. «Мой главный конкурент, Аббасов. — Гришкин шепот обжег ухо Олега. — Гнида редкостная… Я б дорого дал, чтобы он сыграл в ящик». Подобострастно кланяясь, метрдотель провел Аббасова к столику. «Сделаем, — пошутил подогретый коньяком Олег. — В течение двадцати четырех часов…» — «А сколько возьмешь?» — поддержал шутку Штейн, «Десять килобаксов, — рассмеялся Олег. — Готовь».

Расстались они довольные друг другом. «Нужно будет что-нибудь, дай знать! — сказал Гришка на прощанье. — Я старых друзей не забываю».

А через два дня, утрам Олег проснулся от звонка в дверь; мать уже ушла на работу, так что открывать пришлось ему. На пороге стоял Штейн. «Спасибо», — с нехарактерно-сдержанной интонацией произнес он и протянул какой-то конверт. «За что?» — удивился Олег, стесняясь неумытого лица, нечесанных волос и рваных тренировочных. Прежде, чем ответить, Гришка несколько секунд испытующе сверлил его глазами… «За это», — он достал из портфеля газету и, отчеркнув ногтем какой-то заголовок, выставил перед собой… ««Смерть бизнесмена», — прочитал Олег. — Скончался широко известный в деловых кругах Сайд Аббасов… Причина смерти пищевое отравление…»

«Спасибо», повторил Гришка и, резко повернувшись, зашагал к лифту. Конверт остался в слабых от неуверенности пальцах Олега.

Внутри оказалось десять тысяч долларов сотенными купюрами.

* * *

Когда Олег проснулся, было уже светло — по комнате гуляли солнечные лучи. Колокольчик по-прежнему буравил левый висок.

Из кухни доносилось звяканье посуды, запах жареного хлеба и шум закипающего чайника. Было слышно, как Настя мурлычет какую-то песенку.

Олег посмотрел на часы — до смерти девушки оставалось около пятнадцати часов.

«Как она погибнет? В дорожном происшествии?.. От нападения хулиганов?.. Как ее можно спасти? А никак — судьбу не обманешь. — Олег помассировал пальцами виски: что бы он ни делал, как ни старался, сегодня… или, вернее, завтра — в 1 час 5 минут и 18 секунд — Насти не станет. — А если все же попытаться?..»

Странно, что Олег никогда не ставил подобного эксперимента. А Ведь он ученый, пусть даже и бывший, а потому должен подвергать сомнению любой вывод — каким бы непоколебимым тот ни казался. Например, если не пустить Настю вечером на улицу — что случится с пророчащим неизбежную смерть звонком?..

Олег откинул одеяло и сел, спустив ноги на пол. Его одежда, аккуратно сложенная, лежала на стуле.

А звонок в этом случае смолкнет — если Олегу удастся изменить Настину судьбу. Если он сможет обезопасить девушку от угроз. Кто сказал, что колокольчик не может перестать звенеть? Обстоятельства изменятся, вот он и замолчит.

Почему эта простая мысль никогда не приходила Олегу в голову?.. Он вскочил с постели и стал торопливо одеваться.

Прошло три недели, в течение которых доллары лежали в ящике стола, а Олег продолжал, как ни в чем не бывало, ходить на работу. Он просто не считал эти деньги своими: ясное дело, не сегодня-завтра обман вскроется, и Гришка потребует их обратно. Штейн, однако, не объявлялся, и в конце концов Олег не удержался — купил себе часы «Ролекс». И еще подарки для матери — кухонный комбайн и посудомойку. А потом съездил со своей тогдашней подружкой — той еще расточительницей — в Ялту… В общем, через месяц от десяти тысяч остались две…

Штейн опять пришел без звонка, опять утром и опять без Коли и Славы; с ужасом соображая, как восполнить растраченные доллары, Олег провел его в гостиную. Однако вернуть деньги Гришка не потребовал; наоборот — предложил еще. Не просто так, конечно.

Выражаясь точным и сухим языком, он попросил Олега «убрать» Петренко Алексея Ильича (Гришка выложил на стол фотографию), 47-го года рождения, проживающего по адресу… Ситуация была настолько абсурдна, что Олег, не выдержав

нервного напряжения, рассмеялся. Тут на лице бывшего одноклассника появилось недоумение: что здесь смешного? Если Олега не устраивает оплата — Штейн может добавить… ну, скажем, пятьдесят процентов. «Не в этом дело…» — начал было Олег… Однако, что он мог сказать? Что Аббасов умер сам и что Олег готов вернуть деньги? Но ведь он не готов!..

В результате, он понес какую-то совсем уже дикую ахинею насчет потери связи со своим «снабженцем» и отсутствия «необходимого снаряжения»… Потому как с ядом он решил больше не работать, а огнестрельное оружие для такого дела нужно самое лучшее…

Начиная с этого момента, разговор принял весьма неприятный оборот: оправдания и увертки Олега звучали все менее убедительно, а голос Штейна все более напоминал шипение змеи; так, мол, серьезные люди не поступают… А если Олег несерьезный человек, тогда и разговор у них будет другой: в их кругах с фраерами не церемонятся Гришка также (как бы невзначай) заметил, что смертью Аббасова серьезно заинтересовались менты — и, если их подтолкнуть в нужную сторону, кому-то светят баальшие неприятности!.. А ежели ввести в курс дела Аббасовских дружков — тут уж не поздоровится не только виновнику, но и его семье… При этих словах Олег почувствовал ТАКОЙ ужас, что его физически начало мутить.

Они расстались на том, что Олег подумает, ХОРОШО подумает. А Штейн тем временем раздобудет «необходимое снаряжение»… «Что там тебе надо? Винтовка с оптическим прицелом? Глушитель? Патроны?.. Хорошо, сделаем».

И точно: вечером того же дня бесцветная личность в серой кепке принесла Олегу плоский футляр с десятком блестящих железок в подогнанных по форме пазах. Инструкции приложено не было, в результате винтовку удалось собрать лишь к часу ночи. На следующий день Олег съездил за город, нашел безлюдную рощу и сделал несколько пробных выстрелов: пули ложились на удивление точно… Впрочем, он всегда хорошо стрелял — даже занял первое место на университетских военных сборах.

Разобрав винтовку и спрятав детали в футляр, он вернулся домой.

Пятна солнечных лучей лежали на стенах кухни. На столе стояла тарелка с горкой дымящихся гренок. Одетая а уютный фланелевый халатик, Настя хлопотала у плиты.

— Доброе утро… Кофе хочешь?

— Хочу. — Олег сел и придвинул к себе тарелку с гренками. — Ты что сегодня собираешься делать?

— Днем — быть с тобой. — Настя поставила перед ним чашку с кофе и села рядом. — А вечером у меня опять подработка,

— Ты можешь ее пропустить?

— Могу. — Настя улыбнулась. — А что?

— Давай проведем день вместе, — предложил Олег. — Сначала я тебя по Москве повожу… Ты ведь здесь недавно? А на вечер еще что-нибудь придумаем.

— Давай, — обрадовалась Настя.

Она обняла его за шею и, наклонившись, благодарно поцеловала в щеку.

На следующий день Олег пошел по указанному Гришкой адресу… Не то чтобы он согласился убить неведомого Петренко — нет, ни в коем случае! Он и винтовку-то с собой не взял! Просто… просто он хотел… Если честно, он и сам не знал, чего хотел.

Петренко жил на Пресне, в тихом переулке рядом с зоопарком. Подъезд выходил в заросший тополями двор; напротив чернело выбитыми окнами пустое здание… В то время в Москве было много заброшенных домов. Минут десять Олег сидел на лавочке возле подъезда, слушая крики бегавших по двору детей. В голове у него раз за разом проигрывался видеоклип: пуля ударяет человека в грудь, из раны фонтаном хлещет кровь — сквозь окуляр оптического прицела все это, наверное, видно в подробностях (говорят, солдата, убившего своего первого врага, всегда тошнит). А сразу после выстрела раздадутся крики женщин, милицейские свистки — при одной мысли об этом у Олега слабели колени и стучало в висках.

Наконец он собрался уходить. Что делать» он не знал… Бегство казалось единственным выходом из положения. Скажем, пойдет он сейчас на вокзал и купит билет… э… до Владивостока.

Но что тогда станет с его матерью?

В этот момент дверь подъезда отворилась. В проеме показался высокий худой человек в темном костюме и белой сорочке с галстуком. Лицо человека показалось знакомым: Олег видел его где-то, совсем недавно — кажется, на фотографии…

Додумать мысль он не успел, ибо у его виска зазвенел колокольчик. Человек, не торопясь, прошагал мимо, потом свернул за угол… Еще несколько секунд, и звонок смолк.

И тогда с громким металлическим щелчком все стало на места: убить Петренко — не есть преступление. Судьба этого человека УЖЕ определена, он все равно что мертв, А Олег — не более, чем… (он зажмурился — и нужные слова сами прыгнули на язык) ОРУДИЕ СУДЬБЫ.

Он вздрогнул и осмотрелся: невидимые трубадуры трубили в

сияющие фанфары, возвещая бесповоротный приход нового, смелого, неизведанного мира. Старый мир — с его отжившими моральными ценностями и бессмысленными жалкими запретами — испарился без следа.

Не глядя по сторонам, Олег пересек двор и влез в разбитое окно заброшенного дома: откуда здесь удобнее всего стрелять?.. Он поднялся на второй этаж, выбил прогнившую дверь угловой квартиры — ага, отсюда. И подоконник широкий — есть куда поставить локти. Что еще? Олег спустился вниз и проник в квартиру, расположенную на другой стороне здания, — наметил окно, через которое будет уходить. Все казалось простым и ясным. Можно идти домой.

Когда стемнело, Олег вернулся в заброшенное здание, надел резиновые перчатки, не торопясь собрал винтовку и стал ждать. Он не волновался и не боялся промахнулся, ибо знал наверняка: все будет в порядке. Наконец долговязая фигура Петренко, освещенная тусклым фонарем, появилась в окуляре оптического прицела — и Олег, не раздумывая, спустил курок.

Петренко мешком повалился вперед — так быстро, что разглядеть рану и тем более фонтан крови было невозможно. И никаких тебе милицейских свистков… Вечернюю тишину нарушало лишь щебетанье птиц.

Выбираясь из пустого дома через разбитое окно, Олег прислушался к себе: его не тошнило, сердце билось, как обычно. Превращение законопослушного обывателя в хладнокровного убийцу произошло на удивление легко.

Они доехали на такси до гостиницы «Россия» и немного прошлись до набережной. Речной трамвайчик как раз стоял у причала — Олег купил билеты, и они с Настей поднялись на борт — запахи солярки и речной воды окутали их. Пассажиров было мало, однако буфет работал; Олег взял пиво себе и какао Насте. Они спустились на нижнюю палубу, сели на переднее сиденье перед широким, во всю стену, окном. Наконец мотор застучал громче — трамвайчик отчалил. Не по-осеннему яркое солнце освещало нечистые воды и мокрые набережные Москвы-реки, отражалось в золотом куполе Ивана Великого и рассыпалось мелкими лучами на все четыре стороны.

Они сошли на конечной станции и долго бродили по темным закоулкам Новоспасского монастыря… Замшелые стены и потрескавшаяся штукатурка создавали странное ощущение безвременья. Людей там почти не было, лишь хромой сторож таскался за Олегом и Настей по пятам — видно, боялся, что они что-нибудь украдут.

Потом Олег повез девушку на Арбат. Они поглазели на картины уличных художников, послушали музыкантов и певцов, сходили к странному цилиндрическому дому, расположенному в одном из переулков. Настю он очень заинтересовал — девушка удивленно ахала и всплескивала руками… Впрочем, она была благодарной экскурсанткой и восхищалась всем, что показывал ей Олег.

Обедали они в случайно выбранном ресторанчике, а потом забрели в парк Горького. И опять на Олега снизошло ощущение безвременья… нет, скорее временного тупика: когда-то здесь клубились толпы людей, из репродукторов лилась бодрая музыка, из кранов бесчисленных забегаловок били упругие пивные струи. А теперь… теперь лишь античные развалины просвечивали сквозь голые кусты. Две-три шашлычные, как засидевшиеся в девках индеанки, жгли свои никому не нужные костры, да шорох палых листьев сопровождал шаги редких посетителей.

И еще этот чертов колокольчик у левого виска.

Проклятый, ненавистный, вызывающий тошноту колокольчик. Остававшийся с Олегом, что бы тот ни делал, как ни старался изменить Настину судьбу.

На следующее утро Олег встал по будильнику в семь, вместе с матерью позавтракал, а когда та ушла на работу, взял листок бумаги и составил список предстоящих дел. В тот же день (согласно списку) он уволился из университета, на следующий — заказал, выйдя через Штейна на нужных людей, фальшивые документы. Потом снял однокомнатную квартиру в безликом белом доме на Юго-Западе С тех пор таких, расположенных на окраине, квартир он сменил пять штук — в среднем по одной в год.

Машину и прочих роскошеств он решил себе не позволять — в основном из соображений безопасности. Дабы не выделяться из толпы, стал носить самую банальную, массовую одежду. И наконец безжалостно расстался со своей тогдашней подружкой, решив отныне пользоваться услугами профессионалок. Денег при таком образе жизни требовалось сравнительно немного, так что гонорар за убийство Петренко Олег положил в рекомендованный Штейном банк — куда по большей части отправились и дальнейшие гонорары.

Матери Олег сказал, что уезжает в заграничную командировку, и, чтобы соответствовать, организовал пересылку писем и денег по маршруту Москва — Нью-Йорк — Москва. Через год легенда была скорректирована: он якобы получил постоянную работу и переехал в Америку навсегда, возвращаясь в Россию лишь на один-два месяца во время каникул.

* * *

— Я устала, — Настя взяла Олега за руку и заглянула в глаза. — Поедем домой?

Прежде чем ответить, он глубоко вдохнул холодный, как лезвие ножа, воздух. Прислушался к черной гулкой пустоте у себя в голове. Затем к пронзительному визгу колокольчика.

Судьбу не обманешь — девушка обречена. Через 6 часов и 11 минут (он посмотрел на часы) она будет мертва.

Единственная надежда… и не надежда даже, а так, мечта: если судьба сделает Олегу уступку. Ведь он ее верное, послушное орудие. Да, он попросит. Будет молиться, если надо.

— Поехали ко мне, — сказал он.

Профессией Олега стали заказные убийства… хотя убийцей, киллером, он себя не считал (странно звучащий англицизм перекатывался по языку, как металлический шарик). Какой же он киллер? Ведь убийца действует по СОБСТВЕННОЙ вале, в то время как Олег исполняет волю СУДЬБЫ — являясь, по сути, ее неодушевленным орудием.

Все было просто и логично. Менее чем за сутки до убийства он старался встретить намеченную жертву. Если колокольчик звенел — значит, судьба уже приняла решение и оставалось лишь претворить его в жизнь. (Поначалу Олега искушал соблазн ничего в таких случаях не делать и предоставить обреченному умереть самому по себе… Впрочем, он почти сразу понял, что это невозможно. Во-первых, получать деньги за не тобой выполненную работу было опасно. А во-вторых — и это являлось главным, — Олег чувствовал, что судьба отвела ему роль исполнителя своей воли, и отлынивать от нее он не считал себя вправе.)

Лишь однажды, когда он встретил намеченную жертву, колокольчик молчал — и Олег без колебаний отменил заказ. Заказчику это, ясное дело, не понравилось, он стал настаивать и даже угрожать, однако Олег к тому времени был уже опытным профессионалом, а не пугливым новичком, и держался твердо. В конце концов заказчик и вовсе погиб в странной автокатастрофе… А наведенные справки показали, что несостоявшаяся жертва знала о готовившемся покушении и была к нему готова. То есть, не пойди Олег на попятную — его бы уже скорее всего не было в живых.

Они вошли в квартиру: голые стены, идеально чистый пол. На

тахте — свернутая рулоном постель, на столе — стопка книг по математике.

— Я приготовлю ужин? — Настя шагнула в кухню.

— Не надо.

Олег взял ее за руку и подвел к постели. Девушку надо защитить. Защитить своим телом. Окружить со всех сторон. Быть одновременно внутри нее и снаружи.

И, как это ни странно, Олегу никогда не приходило в голову сменить работу. Не то чтобы ему не нравились другие занятия — к математике, например, он по-прежнему испытывал интерес. Он лишь перевел ее из профессии в хобби и продолжал доказывать теоремы «в стол», нисколько не волнуясь, что кто-то может его результаты повторить. Он рассуждал так: будучи частью реального мира, математические законы суть проявления судьбы — так какая разница, кто их открыл?..

Мотивация его нынешней профессии была другой: никто, кроме него, не слышал колокольчик, а потому лишь он мог осуществить волю судьбы. Судьба выбрала ЕГО, и путей к отступлению не было; нравится ему или нет — роли не играло.

Впрочем, новая профессия не была лишена некоторого интереса, ибо позволяла Олегу подробно изучить его необычный дар.

К примеру, он установил, что гибель жертвы наступает ровно через сутки после первого звонка. На эту мысль его навела еще смерть отца, однако точный ответ дал лишь специально поставленный эксперимент. Получив очередной заказ, Олег встретил намеченную жертву чуть раньше чем за сутки до запланированного убийства и, лишь только включился звонок, пустил на часах секундомер. А остановил — в момент выстрела. Подгадать так, чтобы обернуться ровно за сутки, он не пытался, однако получилось на удивление точно, до секунд, 24 часа.

Он также понял, почему колокольчик иногда звенит у правого виска, а иногда у левого: первое означало смерть от болезни (как было в случае с отцом), второе — убийство или несчастный случай. Различить два вида насильственной смерти было невозможно… Впрочем, по роду своей деятельности Олег знал, что разница между ними не более чем условна.

Он в который раз посмотрел на часы: до Настиной смерти оставалось десять минут. Девушка спала на боку, отвернувшись к стене; простыня, которой она была укрыта, подчеркивала изящный изгиб тела.

Что произойдет через десять минут? Что может угрожать

Насте у Олега дома? Может, девушка съела что-то ядовитое в ресторане? Но почему тогда сам он чувствует себя хорошо — ведь они ели одно и то же?..

Ставший привычным колокольчик волнами бил в висок. Сквозь щель в неплотно задернутых занавесках пробивалась пластинка лунного Света.

Что Олег должен был сделать по-другому?.. Все его попытки спасти Настю казались сейчас бессмысленными. Обреченными на провал с самого начала.

«Можно ли предотвратить смерть девушки?»

Несколько секунд Олег размышлял: постановка вопроса почему-то казалась неправильной… (Мысли у него путались, глаза слипались. Сколько он спал за последние сутки? Вряд ли более двух часов.) Он опустил веки, и нужные слова, сотканные из пылающих букв, сами слетелись к нему, оставляя позади длинные развевающиеся хвосты.

«Нужно ли предотвращать смерть девушки?»

Ведь, если — вопреки колокольчику — Настя останется в живых, значит, у всех, кого Олег убил за последние пять лет, тоже был шанс! И кто тогда в ответе за их смерть: судьба — *или он сам!*

Сердце его споткнулось, пропустив очередной удар. Господи, что он несет?!. От недосыпа, наверное. Олег прислушался к себе, но услышал только звон колокольчика.

Стоп! Ведь колокольчик и есть ответ на его вопрос: в данном случае это не индикатор угрозы, а сигнал к действию. Олег защитил Настю от всех опасностей, кроме одной…

СЕБЯ САМОГО.

Он проглотил застрявший в горле ком и осторожно встал с тахты. (Раздрызганные пружины застонали, на мгновение перекрыв визг колокольчика. Флюоресцирующие звезды, наклеенные хозяином квартиры для пущей презентабельности, светились на потолке.) Стараясь не скрипеть половицами, Олег прошел на кухню и сел на табурет.

Неодушевленному орудию не под силу обмануть хозяйку. Топору не дано обхитрить лесоруба. Компьютеру не заманить программиста в ловушку. Орудия должны честно выполнять свой долг — иначе их выбрасывают на свалку… Да, именно так: Олег попытался спасти Настю и тем самым расстроил планы судьбы — он же и должен их исправить. Только *он* может сделать так, чтобы колокольчик звенел не напрасно, никого другого здесь нет.

Сонливость, которую Олег испытывал минуту назад, куда-то делась — четкие, расчерченные на квадраты мысли вихрем проносились в голове. Жалость и прочие неалгоритмизируемые чувства испарились перед лицом превосходящих сил логики.

Неслышно ступая босыми ступнями, Олег подошел к шкафу: пистолет и глушитель лежали под стопкой кухонных полотенец. Убийство в собственной квартире противоречило всем профессиональным правилам, но другого выхода не было.

Нет другого выхода? А что, если…

Сжимая рифленую рукоятку пистолета, Олег опять сел на табуретку.

Что, если все это время колокольчик звонил ПО НЕМУ САМОМУ?

Мурашки стремительной волной пробежали по его телу сверху вниз — от затылка до щиколоток. Сквозь закрытое окно сочился ровный гул от проходящего рядом шоссе. Лунный свет играл бликами на вымытых до блеска тарелках.

Ведь колокольчик не указывает, кто именно должен умереть, с тем же успехом он может предупреждать о смерти самого Олега… И как он не подумал о такой возможности раньше?!. От досады и раздражения его лицо непроизвольно искривилось. Хотя, с другой стороны, в возрасте тридцати лет мысли о собственной смерти в голову приходят редко… даже с учетом его профессии.

Но что может угрожать Олегу в безопасности его жилища?

Впрочем, ответ на этот вопрос. известен: только он сам… Олег прижал дуло пистолета к виску и погладил указательным пальцем курок. Страшно почему-то не было. Гладкий металл приятно холодил кожу.

У Олега есть выбор: *либо он убивает Настю, либо себя.*

Но неужели нельзя выяснить, *кого именно* заказала ему судьба?..

К примеру, он может выйти из квартиры и спуститься на пару этажей: если колокольчик смолкнет — значит, он звенел по девушке, а если нет — что ж, в этом случае… Олег закрыл глаза и представил себе, как свинцовая пуля с хрустом проламывает висок, разрывает мягкий, желеобразный мозг и пробивает череп с другой стороны… Его палец, лежавший на курке, непроизвольно вздрогнул.

«Стоп… А сколько сейчас времени?!»

Олег поднес часы к лицу и включил подсветку: «01 час 05 минут 03 секунды»… «04»… «05». До смерти — его или Настинрй — оставалось 13 секунд.

Времени на эксперименты не было. Опаздывать Олег права не имел.

Ему придется довериться судьбе: она сама укажет, по кому звонит колокольчик. *Должна* указать, Олег не заслужил, чтобы с ним играли в шарады!.. Она, наверное, просто проверяет его

безрассудную готовность, покорность ее воле — а в последний миг, перед самым выстрелом *ему будет подан знак.*

Удивляясь самому себе, что задержать исполнение приказа он боится пуще смерти, Олег навернул глушитель на дуло пистолета и неслышной тенью скользнул к спальне.

Перед тем, как открыть дверь, он остановился, стараясь унять дрожь в пальцах. Сейчас он увидит знак… Ну, например, лунный луч, просочившийся между занавесок и упавший Насте на лоб. Или, наоборот, луч попадет в лицо Олегу… Да, что-то в этом роде, какая-нибудь мелкая, малозаметная деталь. Он шагнул вперед.

Олег успел заметить, что Настя привстала на постели и резким движением выбросила ему навстречу руку… но тут что-то ударило его с чудовищной силой в переносицу. Он опрокинулся назад и начал падать.

Изображение мира и звук колокольчика исчезли из сознания Олега одновременно, как исчезают изображение и звук телевизора, если отключить его от сети.

Криминальные новости, 25,11.1998

Вчера, после того как жильцы дома № 116 по 6-ой Белозеровской улице пожаловались на трупный запах, органы милиции вскрыли квартиру № 27. Внутри был обнаружен труп мужчины в возрасте около тридцати лет. Прописанный по этому адресу гр. Романов С. П. опознал в убитом жильца, снявшего у него квартиру около шести месяцев назад. Однако личность убитого установить не удалось, так как документы, на которые был оформлен договор аренды, оказались поддельными;

По мнению следователя Нефедова К С, это убийство является очередным этапом в войне между московской и азербайджанской наркомафиями.

Владимир Васильев

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ ПОДЗЕМКИ

Часть первая почти не фантастическая Станции «Маросейка»

Глебыч в этот вечер поддал крепенько. Не до полного свинства, как иногда, увы, случается и с самыми достойными людьми — только до блаженной улыбки, восхитительно нетвердой походки и того неповторимого состояния души, когда любишь весь этот скотский мир, невзирая на всю его неоспоримую скотскость. В метро Глебыча пустили в общем-то без эксцессов, хотя бабуля на входе глянула с укоризной, а молоденький милиционер с некоторым сомнением в голосе и позе осведомился:

— Куда ехать-то помнишь, гуляка?

— Обжаешь, слживый! — максимально бодро ответил Глебыч, глотая половину гласных. Хотел было рукой махнуть, бесшабашно эдак, но вовремя спохватился: не хватало еще потерять равновесие и растянуться на выложенном плиткой полу, между турникетами и милицейскими ботинками. — Измйлвский Прк, дже бз прсадок! Пследний вгон, чтоб к выхду пближе!

— Ну-ну… — пробурчал милиционер без энтузиазма. — Ладно, ступай… Не усни только. Если доедешь до Щелчка — оттуда уже не отпустят.

Глебыч благоразумно смолчал и осторожно зашагал к эскалатору по довольно замысловатой синусоиде, но в общем и целом уверенно.

Садился он на «Арбатской», так что ехать действительно предстояло без пересадок, что в его положении являлось безусловным плюсом. К тому же было уже сильно за полночь и на переход легко можно было и не успеть.

Учитывая возвышенное состояние.

Поезд пришел очень удачно — буквально через минуту после того, как Глебыч плюхнулся на ближнюю к концу платформы скамейку. Благополучно погрузившись в последний вагон, Глебыч подумал: «Эх, чего бы в Москве без метро народ делал? До утра добирался бы, ей-ей…»

Поезд тронулся. Под мерное покачивание Глебыч не боялся уснуть: покачивание вагона убаюкивало, но почему-то никогда не усыпляло, не то что качка на воде. На какой-нибудь лодчонке или теплоходе Глебыч мог отключиться в пять минут, но в метро — никогда. Проверено годами.

Примерно посередке перегона «Площадь Революции» — «Курская» поезд почему-то пошел тише, а потом и вовсе

остановился.

«Во! — Глебыч порадовался собственной мудрости, когда не поленился дойти до «Арбатской». — Точно на переход не успел бы!»

Тот факт, что в противном случае пришлось бы ехать по другой ветке, где поезд совсем не обязательно стоял бы какое-то время в тоннеле, от внимания цинично ускользнул.

Стояли долго, несколько минут. А потом во всех вагонах неожиданно погасли лампы, только жиденький свет аварийного осветителя где-то позади на стене тоннеля позволял видеть хоть что-нибудь. Особенно после того, как глаза привыкли к темноте.

Кроме Глебыча в вагоне ехали только двое парней с пивом и среднего возраста военный, читавший газету в противоположном от Глебыча углу.

Без света ему, понятно, стало не до чтения — было слышно, как он нервно шелестит своим «Спорт-экспрессом».

Глебыч, по-прежнему совершенно не расстроенный задержкой, обернулся и поглядел наружу, в неверную тьму. На миг ему показалось, что тьма за стеклом стала чуток плотнее, нежели в вагоне.

А потом…

Тьма словно на самом деле сгустилась за окном, совсем рядом, и внезапно рывком перескочила из тоннеля в вагон, окутав Глебыча, поглотив его. Стало трудно дышать.

Очнулся Глебыч только на «Электрозаводской». Военного с газетой в вагоне уже не было; двое парней как ни в чем не бывало дули свое пиво; добавился мрачный тип, похожий на скорого кандидата в бомжи, но пока еще не докатившийся до соответствующего состояния одежды и внешности. В ушах эхом отдавался голос дикторши: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция — «Семеновская».

Глебыч потряс головой. В голове было гулко и пусто. Неужели все-таки уснул? Быть не может!

Секундой позже Глебыч сообразил, что хмель из его организма непостижимым образом улетучился, и нынче он трезв до сквозняка из уха в ухо.

На «Измайловском парке» он совершенно твердой походкой покинул вагон и в состоянии легкой ошарашенности поднялся по лестнице. Вышел из вестибюля под открытое небо, поглядел на тусклые фонарики звезд, вдохнул ночного воздуха.

«Чудеса! — подумал Глебыч малость растерянно. — Протрезвел!»

Уже дома, минут через пятнадцать он обнаружил в кармане куртки прямоугольничек плотной бумаги, которого еще на

«Арбатской» там не было.

Визитная карточка. Плотная, черная, глянцевая. С золотистыми надписями: по центру — «Гений Подземки»; ниже — «Москва», еще ниже, мелким шрифтом — «Арбатско-Покровская линия».

И все. Ни адресов, ни телефонов.

— Чертовщина какая-то! — пробормотал Глебыч уже вслух и задумчиво опустился на обувную тумбу.

Визитка осталась на ней же до утра.

Уснул Глебыч почти сразу, едва разделся и повалился на широкий раскладной диван.

О визитке он вспомнил, только когда обувал утром любимые туфли-«вездеходы». Черный прямоугольничек мирно соседствовал на тумбе рядом с совочком для обуви, в свое время позаимствованным из гостиницы «Нарва» в Белозерске. Визитку, Глебыч не тронул, так и ушел, оставив ее на прежнем месте.

И на следующий день не тронул. И днем позже. И неделей.

Только спустя почти месяц, когда на тумбе накопилось слишком много всякой бумажной мелочи наподобие использованных карточек для метро или типографского спама, щедро насыпаемого распространителями в почтовые ящики московских домов, Глебыч сгреб этот ворох и пошел к рабочему столу, разбирать. Несколькими минутами спустя карточка нашла новое пристанище — в стопочке визиток за стеклом книжного шкафа.

Вскоре Глебыч и думать забыл о странном происшествии в метро и какой-то там визитке. Жизнь катилась по накатанной колее: статьи, редакция, гонорары, редкие походы с приятелями в баню или на стадион, телевизор, пивко под «ЦСКА — Локомотив» или, к примеру, «Реал — Манчестер Юнайтед». Жизнь вообще редко преподносила Глебычу сюрпризы, да и редкие знакомые от него никаких сюрпризов не ждали. Он был существом очень обыденным и негероическим, к чему привык с детских лет, и никогда не пытался перебороть свою одинокую планиду.

В угрюмую ноябрьскую пору, когда мир сер и слякстен и на улице находиться совершенно не хочется, Глебычу пришлось посреди дня заскочить в редакцию — нужно было срочно вычитать важный материал, причем в распечатке, а не в файле. Много времени это не заняло, но день был безнадежно растрачен: в Москве планировать больше одного выездного дела бессмысленно, все равно не успеешь. Глебыч собирался с утра пошарить в интернете: вырисовывалась интересная статья и

стоило восполнить пробелы в знаниях. А после обеда рассчитывал наварить борща, позвать соседа Витьку и усидеть предпраздничную бутылку «Гжелки», каковую Глебыч у Витьки же и выиграл недавно на спор. Но позвонил ответсек, и замечательный план рассыпался, как старый шалаш в бурю. Пришлось одеваться, выходить из дому в промозглый ноябрь, брести к метро…

Правда, из редакции Глебыч возвращался с уже улучшающимся настроением: похоже, борща наварить он все-таки успевал, причем успевал даже завершить сие священнодейство в достаточно разумное время, чтобы их с Витькой посиделки Виткина жена не обозвала «ночным кукованием».

Да и вообще домой возвращаться всегда приятнее, чем уезжать.

Короче, стоял Глебыч у края платформы на «Пушкинской» и предвкушал. Из темного зева тоннеля потянуло ветерком — приближался поезд, уже и свет фар замерцал.

И тут на рельсы свалился ребенок — пацан лет трех-четырех в неуклюжем комбинезоне-дутыше, купленном явно на вырост. Момент падения Глебыч пропустил, вдруг глянул и обомлел: пацан на рельсах и визг тормозов накатывается.

Дальнейшее произошло само по себе: ни подумать, ни испугаться Глебыч не успел. Он как-то очень просто и естественно оказался рядом с малышом, сцапал его экономным и выверенным движением (и откуда что взялось?) за воротник, выпихнул наверх, в толпу, сам подпрыгнул, наяег грудью на платформу, ухватился за чью-то протянутую ладонь и через несколько мгновений почувствовал ощутимый удар по ноге — это был привет от не успевшего затормозить поезда. Но Глебыч, равно как и пацан, были уже в безопасности. От тычка Глебыч просто опрокинулся с четверенек на бок, но никаких повреждений не получил, даже больно не было.

Что тут началось! Мамаша, белая, как привидение, что-то шептала, одной рукой прижимая к себе пацаненка, другой судорожно вцепившись Глебычу в рукав. Пацаненок ревел белугой. В толпе кто-то возился и истошно вопил: «Это он, он ребенка толкнул!» Кто-то хлопал Глебыча по плечам, попеременно по правому и левому. Потом машинист прибежал — глаза квадратные. В центральном зале раздавалась звонкая трель свистка и чей-то авторитетный голос требовал: «Пройти дайте! Посторонись!»

Поминали милицию, которая, по идее, вот-вот должна была появиться.

Мамаша наконец отпустила рукав Глебыча и прижала сына к

себе. Тот все орал, но уже заметно тише. Глебыча шатнуло, кто-то тут же громко произнес: «Дайте ему сесть!»

Глебыч быстро оказался у лавочки, но тут толпа колыхнулась — в проход протискивался милиционер. И как-то незаметно Глебыча вынесло на самую середину зала; почему-то никто на это внимания не обратил, хотя еще секунду назад локальным центром вселенной являлись мамаша, спасенный и спаситель.

А окончательно в себя Глебыч пришел в переходе: с «Пушкинской» он зачем-то отправился на «Чеховскую». Лица вокруг были сплошь незнакомые.

Похоже, от разборок и нового потока благодарностей удалось благополучно ускользнуть, чему Глебыч был в принципе рад, поскольку от недавнего шепота мамаши чувствовал необъяснимую неловкость.

Поэтому он уже целенаправленно перешел с «Чеховской» на «Тверскую» и стал ждать поезда до «Театральной».

А потом с немалым удивлением спросил себя: а чего это он, спрашивается, торчал сегодня на «Пушкинской»?

Всю жизнь, сколько себя помнил, Глебыч ездил домой естественным и рациональным способом: «Тверская» (ранее — «Горьковская») — «Театральная», вперед по ходу поезда, пересадка на «Площадь Революции» (длинные эскалаторы, на которых всегда хорошо читалось) и прямехонько домой, до «Измайловского парка».

Сегодня Глебыч почему-то решил проехать от «Пушкинской» до «Таганки», там пересесть на кольцо, проехать одну остановку до «Курской» и на родимую Арбатско-Покровскую перейти только там, поскольку прямой пересадки с фиолетовой ветки на темно-синюю в природе не существовало. Но почему он так решил — Глебыч не понимал напрочь. Неудобный же маршрут, две пересадки! Зачем? И ведь если бы не это нелепое решение — так и не увидел бы Глебыч малыша на рельсах. И кто знает, что бы с тем стало в этом случае? Нашелся бы кто-нибудь, кто не побоялся бы прыгнуть с платформы на помощь?

Впрочем, при чем тут «не побоялся»? Можно подумать, Глебыч раздумывал — боится он или не боится. Прыгнул, ничего не соображая, и все. Хорошо еще, что мальчонку успел отбросить и сам вылезти на платформу. Мог бы и не успеть… Но об этом думать совсем уж не хотелось. Домой он добрался пришибленный, Витьке звонить не стал, откупорил «Гжелку», как был в куртке и сапогах, и залпом засадил почти полный стакан.

Нельзя сказать, что Глебычу полегчало: ему не было плохо и до стакана. Но стало определенно лучше.

А когда Глебыч с легким стуком утвердил пустой стакан на

столе и утробно крякнул, обнаружил, что рядом с бутылкой «Гжелки» на скатерти лежит визитка Гения Подземки. Как она переместилась с полочки шкафа на кухню, Глебыч снова-таки не выяснил, ни в первые минуты, ни потом.

Он просто взял ее со стола и сунул во внутренний карман куртки, рядом с паспортом. «На счастье», — подумал он.

Борща в этот день (а точнее, вечер) Глебыч все-таки не наварил, но совсем не расстроился из-за этого. Тем более что назавтра узнал: Витек и жена его ненаглядная все равно с трех часов дня и до часу ночи пробыли в гостях.

* * *

К утру Глебыч окончательно успокоился, мандраж сошел на нет, осталось только неожиданно светлое чувство удовлетворения своим поступком, пусть даже ненамеренным и спонтанным. И утренний звонок из редакции его совершенно не расстроил. Снова предстояло ехать в центр, но за окнами, не в пример вчерашнему, светило солнце и настроение попросту не желало ухудшаться. А тут еще звякнул Сева Баклужин, сказал, что готов прямо сейчас заехать и завезти долг. Глебыч, разумеется, не возражал.

Удачи накладывались одна на другую: Сева, оказывается, ехал на «Белорусскую» и мог подбросить Глебыча на своей лихой «субару» чуть ли не до дверей редакции. По дороге они умудрились не вляпаться ни в единую пробку, проклятие автомобильной Москвы. Работа в итоге оказалась плевая, Глебыч справился с нею буквально за час. Перед са?лым его уходом сотрудникам стали выдавать давно обещанную премию, так что (если учитывать и возвращенный Севой должок) из редакции Глебыч выходил с весьма туго набитым бумажником. По пути к метро он прикидывал (раз уж завелись деньги), чего в ближайшее время прикупит: музыкальный центр или новый монитор. В принципе хотелось и того, и того.

Немного не дойдя до Пушкинской площади, Глебыч неожиданно завернул в «Елки-Палки», отведал «Тамерлана» под пиво и совсем уж в благодушном настроении наконец-то спустился в метро. На этот раз он следовал вполне логичным и естественным маршрутом, через «Театральную» и «Площадь Революции».

Перейдя на родимую ветку, Глебыч успел вклиниться в толпу,

которая мерно втягивалась в открытые двери одного из центральных вагонов.

Пассажиров было действительно много, даже до поручней дотянуться толком не удалось. Да и в вагон уместились не все, кое-кто остался, на платформе.

«Надо будет на «Курской» пересесть ближе к хвосту, — подумал Глебыч с ленцой. — Если удастся…»

Створки дверей с характерным звуком схлопнулись.

«Осторожно, двери закрываются, — запоздало объявила дикторша, — следующая станция — «Маросейка», пересадка на станции «Китай-город» Калужско-Рижской и Таганско-Краснопресненской линий».

Долгие несколько секунд Глебыч соображал — что же это значит? Потом боязливо покосился на соседей.

Тех, казалось, ничуть не смутило объявление дикторши, словно станция «Маросейка» действительно существовала. Но Глебыч прекрасно помнил, что никаких станций между «Площадью Революции» и «Курской» нет и никогда не было.

Совершенно сбитый с толку Глебыч вывалился из вагона на станции «Маросейка». Станция как станция — гранит, мрамор, панели с филигранной резьбой, колонны, помпезные сталинские светильники, в центре зала — небольшая скульптура на постаменте, изображающая Богдана Хмельницкого верхом и с булавой в руке. В восточном торце — длинный эскалатор, выход в город, на Маросейку и переулки Армянский и Старопосадский; в западном — эскалатор на спуск; однако если верить указателю, он тоже выводил в город, на улицу Маросейка и Лубянский проезд; одновременно он вел на пересадку. Видимо, выход на поверхность был устроен через станции «Китай-город». Глебыч отправился на разведку — спустился и оказался в хорошо знакомом вестибюле, причем появился Глебыч из того места, где раньше имелась глухая стена и бюст Ногина перед нею. Бюст теперь стоял у другой стены, справа, посредине между залами «Китай-города». Если пройти прямо, можно было выйти из метро, на Старую и Новую площади, или на ту же Маросейку, или на Лубянский проезд. Но Глебыч выходить не стал, свернул на ближний к нему «Китай-город»; потом перешел на второй.

В обоих залах «Китай-города» все оставалось как обычно, за исключением разве что дополнительных надписей на указателях. Везде, на любой табличке станция «Маросейка» значилась между «Площадью Революции» и «Курской», словно существовала на Арбатско-Покровской линии изначально.

И никто, ни единый человек не удивлялся существованию этой станции, кроме разве что Глебыча.

Видимо, он действительно привлекал внимание, бесцельно бродя по станции, потому что вскоре в зале появился милиционер, нечувствительно возник на пути и потребовал документы. Глебыч предъявил, и паспорт с регистрацией, и журналистское удостоверение.

— А, — понимающе протянул милиционер, возвращая документы. — Материал для статьи собираете? Что ж, удачи, удачи…

Он козырнул.

— Скажите, — по возможности непринужденно справился Глебыч, — а давно вы на этой станции работаете?

— Да лет пять уже. — Милиционер поправил фуражку и с интересом поглядел на Глебыча. — А что? Что-нибудь криминальное описать хотите?

— Нет-нет, я больше по истории и архитектуре, — торопливо увильнул Глебыч. — Да и пора мне уже! До свидания.

К платформе как раз подошел поезд, направляющийся к «Курской».

Глебыч шмыгнул в вагон, тоже набитый достаточно плотно, и принялся настойчиво протискиваться к схеме у соседних дверей.

Наверное, у него был вид человека, которому действительно крайне необходимо взглянуть на схему метро, потому что люди уступали дорогу на удивление безропотно, без косых взглядов и дежурного мата вполголоса.

Схема как схема — сколько раз Глебыч такие видел. И в метро, и на улицах, и на календариках, и на рекламных буклетах. Все привычно.

Линии, станции. Вот только узел на «Китай-городе» действительно трехстанционный. Кроссплатформенная пересадка с рыжей на фиолетовую ветки и обратно, и станция «Маросейка» рядом.

Больше никаких отличий от того, что хранилось в памяти, Глебыч не нашел. И до «Измайловского парка» доехал совершенно как обычно, хотя озирался при этом, наверное, как марсианин. Уже на улице около метро у него снова проверили документы, а ушлые тетки с бэджами дважды предложили номер в гостинице.

Глебыч иногда почитывал фантастику и с термином «альтернативная история» был неплохо знаком. В принципе он видел случившемуся лишь два объяснения: либо приключилось банальное сумасшествие, когда видишь то, чего нет, либо его неким невообразимым образом засосало в параллельную реальность, где станция «Маросейка» действительно существует. Но тогда в окружающем должны быть и иные детали, отличные от привычной Глебычу реальности. Потому он и озирался,

собственно.

И одновременно, холодея, осознавал: насколько же мало внимания мы обращаем на окружающий мир! Вот, к примеру, рекламный плакат у дороги. Что было на нем изображено вчера? Глебыч дважды проходил мимо, но не помнил даже, какого цвета этот плакат. Сейчас на плакате красовался космонавт в скафандре на фоне половинки земного шара, а также две гигантские пачки сигарет «Союз-Аполлон», си няя и белая.

Надпись гласила: «Знай наших!» В самом низу еще имелась строка, предупреждающая о вреде курения.

Как назывался цветочный павильон рядом с троллейбусной остановкой?

Сейчас — просто «Цветы». А вчера? Вроде бы «Букет». Или тоже просто «Цветы»?

Был ли чуть в стороне от дороги квадратный раскоп, огороженный кокетливой полосатой ленточкой? А надпись на заборе — вот это небрежное «Россия для русских!!!» — была?

Впрочем, надпись — дело дурное, а потому нехитрое. Ее в любом мире сначала вроде нету-нету, а потом в одночасье: бац — и есть.

В общем, к дому Глебыч подходил вконец издерганный, поскольку ни единого внятного отличия обнаружить не сумел. Однако на всякий случай приготовился к самому ужасному: к тому, что в его квартире живет некто посторонний, причем живет давным-давно и вполне счастливо, И слыхом никогда не слыхал о каком-то там Глебыче из реальности, где нет станции метро «Маросейка».

Однако страхи оказались напрасными. Уж свою-то дверь Глебыч мог описать чуть ли не по квадратному сантиметру, от еле заметных силуэтов некогда наклеенных, а позже бесстыдно спертых какими-то крохоборами циферок — номера квартиры — до надорванного (после заноса негабаритного дивана) дерматина на уровне колен. И звонок свой, родной, на одном шурупе, но тем не менее незыблемый, как Монблан или Майкрософт. И ключи подошли к замкам. И внутри все было до боли знакомое и родное — мебель, пыль, запахи.

Кое-как переодевшись в домашнее, Глебыч еще долго шастал по квартире в надежде отловить какую-нибудь подозрительную мелочь.

Тщетно.

Потом возникла мысль о телевизоре, и несколько долгих часов Глебыч терзал пульт, выискивая на многочисленных каналах новости или иные информационные передачи, способные подтвердить его опасения. И снова ноль — убери из сегодняшнего

дня станцию «Маросейка», мысли об альтернативном мире никогда не пришли бы Глебычу в голову.

Когда к телевизору он охладел, возникла следующая мысль: интернет! И не что-нибудь, а www.metro.ru! Вот что может пролить свет на сегодняшние чудеса!

Компьютер, как назло, грузился лениво и долго. И на «Юникорн» было не дозвониться — лишь через четверть часа линия капитулировала и отдалась модему. И сайт грузился так, словно на него именно сейчас ломанулся весь компьютеризированный мир и укупорил канал плотнее плотного.

Но все же в конце концов Глебыч выяснил, что станция «Маросейка», оказывается, проектировалась и была запущена вместе с соседними «Площадью Революции» и «Курской» в далеком 1938 году, причем задел на будущее сопряжение с тогда еще безымянными станциями сразу двух линий на площади Ногина (или как там она называлась в тридцать восьмом?) был оставлен загодя и частично расконсервирован лишь в 1970-м, а окончательно — в 1975-м, с пуском соответствующего участка Таганско-Краснопресненской линии, Станция «Маросейка» значилась как одна из немногих старых станций, не имеющая наземного вестибюля.

Точнее, вестибюль пришлось встроить в одно из исторических зданий на углу Маросейки и Большого Спасоглинищевского переулка,

В растрепанных и смешанных чувствах Глебыч отошел ко сну.

Проснувшись, Глебыч долго прикидывал — приснились ему вчерашние непонятки, или же он помалу сходит с ума. В глубине души он прекрасно сознавал: нет, не приснились. И все же не удержался, как был в футболке и семейных, в цветочек, трусах (невзирая на то, что семьи у него никогда не было и не предвиделось), шастнул к компьютеру и поставил диалер на дозвон в интернет, а сам покуда удалился в сторону совмещенных удобств: зубы чистить и все такое прочее.

Когда Глебыч вернулся, компьютер уже установил связь. Медленную, как всегда днем, всего на девятнадцать двести. Но этого вполне хватало, чтобы по сохранившейся вчерашней ссылке загрузить нужную страницу с metro.ru.

Надежды его были напрасны. Станция «Маросейка» упрямо вросла в привычный мир, пустила корни, глубокие, как у саксаула, и исчезать ни разу не собиралась.

И тогда Глебыч немного даже рассердился:

«И чего это я? Если схожу с ума — беспокоиться поздно. Плюнуть и принять! Тем более удобная же станция, к Баклужину

на «Алексеевскую» теперь будет куда сподручнее ездить, да и вообще… Скольким людям она жизнь облегчит? Тысячам? Даже нет — миллионам! Метро, говорят, за сутки девять миллионов пассажиров по Москве растаскивает туда-сюда.

Вот пусть и радуются! А я буду просто жить! И тоже радоваться, вместе со всеми! А в будущем году «Парк Победы» откроют — тут радость вообще через края польется!»

Единственное, что чуточку портило тщательно выстроенную благолепную картину, — непонятная черная визитка и особенно обстоятельства ее появления у Глебыча, а также некоторые ее подозрительные свойства, связанные с умением самостоятельно возникать то там, то сям…

В общем, бодрясь по возможности, Глебыч сварганил себе легкий завтрак, сжевал его, пересчитал содержимое бумажника и заначки, покумекал малость, отделил некоторую сумму и отправился на «Семеновскую», покупать музыкальный центр.

Спешить Глебыч не стал, неторопливо обошел три магазина-«Техносилу», «Эльдорадо» и «М-видео», поизучал модели, прикинул цены и, наконец, остановился на компактном «Самсунге», исключительно потому, что тот понимал mp3-диски, составлявшие немалую часть его фонотеки, и стоил меньше трехсот баксов. Остальные модели с mp3 тянули больше четырехсот.

Продавец Глебычу не то чтобы не понравился… Броде и не тормозил особо, и на вопросы ответил довольно внятно, но как-то без огонька, без радушия, будто бы нехотя, с презрением. Так же нехотя выписал квитанцию. Глебыч пошел оплачивать; потом ему продемонстрировали работоспособность, шмякнули штамп на гарантийный талон, упаковали все корейское добро и положенные к нему причиндалы, и отправился он домой в смешанных чувствах.

В смешанных, потому что центр стоил восемь триста тридцать восемь в рублях, а продавец на квитанции написал три восемьсот тридцать восемь. И Глебыч это заметил в первую же секунду.

Но смолчал. Сам толком не понимая почему. Полагал, ошибка быстро выяснится, он спокойно доплатит недостающие четыре с половиной тысячи. Когда уже вышел за двери магазина, прошел метров двадцать, запнулся было, едва не поддался порыву пойти и честно заплатить.

Но потом подумал: а какого черта? Продавец этот чем-то недовольный…

Это его, продавца, работа, в конце концов, быть внимательным. Глебыч вовсе не обязан следить за его работой и

указывать на ошибки. Ошибся — сам и виноват!

И пошел Глебыч домой. Не оборачиваясь и не замедляя шага.

Но червячок его все-таки грыз, ведь в принципе Глебыч был человеком честным. Даже мусор бросал только в урны, потому что хотел видеть родной город чистым и незагаженным, хотя вместе с тем прекрасно понимал: его «души прекрасные порывы» многомиллионной Москве совершенно до лампочки и чище она от Глебыча принципов не станет ни на йоту.

Вдобавок неправедным путем сэкономленные почти полторы сотни баксов позволяли без напряжения приобрести взлелеянный в мечтах новый монитор прямо сейчас. Или, точнее, уже завтра, потому что Баклужину нужно было звонить с утра — евойного сына-железячника, коий последнее время трудился в одной из бесчисленных, гнездящихся на ВДНХ, компьютерных фирм, можно было запрячь на покупку только до десяти часов или вечером: пользоваться мобильником или служебным телефоном в личных целях на упомянутой фирме сотрудникам почему-то категорически возбранялось.

В общем, Глебыч возился потихоньку со свежекупленным центром, подключал все, устанавливал, читал руководство, знакомился с управлением и возможностями, дивился непривычным функциям, учился программировать воспроизведение, манипулируя многочисленными кнопочками, проверял, читает ли этот хваленый «Самсунг» RW-диски…

Незаметно для себя он увлекся и думать забыл о некрасивом своем поступке в магазине.

Вечер тоже пролетел незаметно: интернет, материал для очередной статьи, звонок Севе Баклужину и разговор с его сыном о завтрашней покупке, вполне успешный и многообещающий разговор, ужин, чай, телевизор, заведенный на десять будильник, сон.

Утро тоже прошло как по накатанной; вчерашний червячок куснул только однажды, когда Глебыч снова отсчитывал деньги, но вскоре шевелиться перестал и затих. Скорее всего окончательно и бесповоротно.

Глебыч добежал до метро, купил свежий «Спорт-экспресс», в который и поспешил уткнуться в вагоне.

«До «Маросейки», а там, на «Китай-город»!» — с подъемом подумал он и погрузился в перипетии очередного тура российского чемпионата, в этом году обещавшего довольно занятную интригу.

От газеты Глебыч оторвался только после того, как двери на «Курской» захлопнулись и диктор поведал что-де, следующая — «Площадь Революции».

— Что такое? — удивленно пробормотал Глебыч, поднимая голову. — Чего, на «Маросейке» остановки нет?

Поезд с грохотом втянулся в тоннель.

Сосед поглядел на Глебыча как на больного и демонстративно отвернулся. А Глебыч скосил глаза на схему, к которой стоял боком.

Потом медленно повернулся к ней лицом, чувствуя, как в груди разрастается неприятная пустота.

Он увидел хорошо знакомый вариант схемы. Без станции «Маросейка». Тот, с которым соседствовал всю сознательную жизнь, за исключением вчерашнего дня.

До «Площади Революции» Глебыч доехал как в тумане. Вышел, растерянный и обескураженный, не зная, куда идти и что думать. Вышедшие вместе с ним пассажиры торопливо рассасывались с платформы кто куда.

Лишь когда платформа ненадолго опустела, Глебыч заметил его. Высокого подтянутого парня в джинсах и кожаной куртке, пристально глядящего прямо на Глебыча. Он стоял, привалившись плечом к скульптуре матроса с наганом — почему-то внимание Глебыча на миг сфокусировалось именно на этом нагане с отполированным до блеска стволом. Вся скульптура была темной от времени, а ствол нагана — блестел.

Когда взгляды Глебыча и парня встретились, тот шагнул навстречу, раз, другой. И подошел вплотную.

Первое, что бросилось Глебычу в глаза — черный бэдж с золоченой надписью. «Гений Подземки. Москва». Только линия была указана Калужско-Рижская. Та самая, на которую теперь с родимой Арбатско-Покровской напрямую не пересесть. Знакомая визитка была вставлена в пластиковую оболочку с булавкой наподобие тех, что носят сотрудники солидных фирм или настырные тетки-посредницы у Измайловских гостиниц. И носил ее парень так, будто это был не бэдж с визиткой, а по меньшей мере Орден Славы или медаль Героя России.

Глебыч несмело прижал руку к нагрудному карману, где лежали его паспорт и визитка. Его, по всей видимости, орден. Прижал и так же несмело поднял глаза.

Парень глядел на него сверху вниз, в упор, пристально и вместе с тем укоризненно, даже презрительно. Долго глядел. Странно, но окружающие совершенно не обращали внимания на достаточно необычно ведущую себя парочку в самом центре платформы, словно Глебыча с парнем окутывала вуаль невидимости.

Парень шевельнулся. Прищурил один глаз, то ли устало, то ли разочарованно, то ли и то, и другое вместе.

— Эх, ты, — процедил он негромко. — А я уж было подумал…

А потом повернулся и пошел прочь, туда, где останавливается головной вагон. Люди невольно уступали ему дорогу. Где-то там, у выпуклого зеркала или даже дальше Гений Подземки с Калужско-Рижской линии словно бы растворился, исчез без следа и Глебыч почему-то этому ничуть не удивился.

Только спустя долгую минуту он проглотил неприятный комок в горле и медленно-медленно отнял руку от кармана. И тоже пошел. На противоположную платформу.

И люди расступались перед ним.

Часть вторая, почти не реалистическая
Гений Подземки

От наземного вестибюля «Семеновской» до магазина бытовой техники Глебыч несся так, словно опаздывал на самолет. Лишь в магазине он поумерил пыл, попытался придать себе вид естественный и солидный и, стараясь ступать твердо и независимо, направился к отделу, где покупал вчера злополучный «Самсунг». Там Глебыч некоторое время озирался в поисках вчерашнего неприятного продавца, но того нигде не было видно. Зато миловидная девчушка в униформе моментально оказалась рядом:

— Добрый день, вам чем-нибудь помочь?

Глебыч взглянул на ее простую и неискусственную улыбку и внезапно успокоился. Разом. Судя по бэджу, девушку звали Машей и работала она менеджером отдела.

— Да, помогите, пожалуйста, — у Глебыча даже голос не дрожал, чего он втайне опасался. — Видите ли, в чем дело, я вчера купил у вас музыкальный центр, и мне, по-моему, неправильно указали цену. Я заплатил на четыре с половиной тысячи меньше…

— А, я понимаю, о чем вы говорите! «Самсунг» модели…

— Да, «Самсунг», — перебил Глебыч, потому что номер модели, откровенно говоря, не запомнил. — У вас есть продавец парень, такой… неторопливый.

— Уже нет, — сообщила девушка с некоторым сожалением. — Он уволен.

— Уволен? — упавшим голосом повторил Глебыч. Такого поворота он совершенно не ожидал. Хотел просто доплатить деньги, чтобы парню не нагорело из-за этого злосчастного «Самсунга», и вдруг — уволен!

— Да, уволен. Внимательным обязан быть продавец, а не клиент. Это ошибка продавца, не ваша. И деньги уже высчитаны из его зарплаты, так что вам не нужно ничего доплачивать. Спасибо, что пришли, может быть, еще что-нибудь купите?

Глебыч низко опустил голову, чтобы Маша не увидела его растерянного лица.

— Нет, наверное, не сейчас…

— Приходите еще! — Девушка улыбнулась, Глебыч видел это, даже уставившись в пол.

Все-таки это не была дежурная улыбка. Наверное, Маше

действительно нравилось работать в большом магазине и беспрерывно разговаривать с новыми людьми.

На следующий день после все изменившей встречи в метро позвонил сынуля Севки Баклужина и довольно развязно поинтересовался: будет Глебыч покупать монитор или где?

— Не буду, — тихо, но твердо ответил Глебыч. — Извини, не получается. И что вчера не пришел и не перезвонил — извини.

Голос Баклужина-младшего стал серьезнее:

— Дядя Олег, случилось что?

— Случилось, Максим. Но я сам справлюсь. До свидания. Извини еще раз…

Целую неделю Глебыч был угрюм, мрачен и нелюдим. Хорошо, что в редакции не нашлось работы, которая требовала бы его непосредственного присутствия. Глебыч писал статьи дома и отсылал их электронной почтой. На улицу он выходил всего дважды, оба раза в магазин напротив подъезда, за продуктами.

Глебыч много думал о произошедшем. Неужели между появлением и исчезновением станции «Маросейка» и его поступками существует какая-то мистическая связь? Бред ведь, сказки, небывальщина! Фантастика! Но если вспомнить слова того парня, Гения Калужско-Рижской… Глебыч глядел на черную визитку, которую по его примеру вставил в бэдж, оставшийся с прошедшего киносеминара, поверх листка со своей фамилией и названием журнала. Он знал, что, когда выйдет из дому и направится к метро, приколет бэдж к свитеру.

Почему-то Глебычу хотелось, чтобы Гений Калужско-Рижской не думал о нем плохо.

* * *

Через неделю все-таки пришлось выходить из дому дальше магазина и ехать на церемонию вручения очередных премий за очередные заслуги.

Глебыч частенько бывал на подобных мероприятиях. Узкий замкнутый мирок профессионалов в какой-либо области, украшенная сцена, конферансье, речь, приз, вручение, жиденькие аплодисменты, полнящиеся завистью глаза в зале… Потом фуршет, бутерброды, водка, пьяные разборки и блевотина по углам. Бомонд, чтоб его.

Подобные мероприятия Глебыч не любил, но регулярно посещал по профессиональной надобности. Представители

десятков замкнутых мирков уже несколько лет как здоровались с ним — примелькался, видимо.

Сегодня ехать предстояло на «Таганку», в ресторан «Семь пятниц».

«Надеюсь, никакой гадости я за последнее время не совершил, — мрачно думал Глебыч, ныряя под мост окружной железки, — и станция «Измайловский парк» никуда не делась. Равно как и «Таганская-радиальная»…»

«Измайловский парк» обнаружился на месте. И наземный вестибюль, и все остальное.

Бэдж с визиткой, конечно же, был загодя приколот к свитеру.

Держа в руке карточку, Глебыч подошел к крайнему левому турникету, рядом с будочкой бабули-дежурной. Не успел он сунуть карточку в щель, как на турникете зажегся зеленый глазок.

Глебыч насупился.

«Ну, вот… опять халява… Не пойду, заплачу, как положено», — подумал он сердито.

Но бабуля вдруг обратила к нему широкое румяное лицо и приветливо улыбнулась, что работникам общественных мест в общем-то не свойственно:

— Проходите-проходите! Вам можно! И о карточках можете забыть… пока вы наш Гений.

Глебыч с сомнением поглядел на нее. И вдруг понял: ему действительно можно. Более того — нужно.

Он кивнул бабуле и смело вошел на станцию.

Что-то изменилось. Звуки: они стали объемнее, четче, выпуклее. И их стало больше. Глебыч слышал, как поскрипывают металлические конструкции над лестницами, как звучат шаги каждого из пассажиров, как урчит и щелкает позади электронная и механическая начинка турникетов. Как с шорохом падают в урну использованные карточки.

В зале вроде бы стало светлее, чем обычно. Серебристая Зоя Космодемьянская определенно улыбалась Глебычу, как своему. Глебыч чувствовал, что на левой стене ближе к центру зала вот-вот отвалится одна из мраморных плиток, и что у зеркала в конце платформы помутнели верхние уголки, и что одна из лампочек среднего пути (внизу, над контактным рельсом) не горит…

Ощущения были очень странные и вместе с тем очень естественные. Нужно было просто к ним привыкнуть.

С «Измайловской» как раз прибыл поезд; Глебыч наладился было в переднюю дверь переднего вагона, но тут из кабины выглянул машинист.

— О! — сказал он. — Привет. Заходи. Глебыч нерешительно замялся.

— Это ж вроде запрещено…

— Пассажирам — запрещено, — подтвердил машинист со смешком. — Но не тебе же!

Он протянул руку:

— Я — Петро. Заходи давай!

Глебыч на мгновение зажмурился, а затем вошел в кабину поезда метро.

Впервые в жизни.

Поздоровался с помощником машиниста, с нескрываемым любопытством обозрел приборы и органы управления.

Выглядели они загадочно.

«Интересно, — подумал Глебыч. — По идее, мне придется во всем этом разобраться…»

Вид несущегося навстречу тоннеля, освещенного фарами поезда, был незабываем. Ехать в кабине поезда метро совсем не то, что ехать просто в вагоне…

А еще Глебыч понял, что в ближайшее время его ждет немало открытий.

Удивительных и волшебных.

И действительно, в отношении метро жизнь Глебыча переменилась кардинально. Теперь он мог переходить со станции на станцию в любое время, даже если уже час ночи и переход закрыт. Любой турникет безропотно пропускал его без всяких карточек или проездных.

Милиционеры ему козыряли. Машинисты здоровались. Техники подмигивали и иногда затаскивали в таинственные помещения за дверями со строгими табличками «Служебный вход» и «Посторонним вход воспрещен». Пили техники в основном спирт. Если перед эскалаторами собиралась внушительная толпа и хотя бы один из эскалаторов стоял, для Глебыча, не задумываясь, запускали его, и ни единый умник не норовил последовать за Глебычем. Однажды Глебыч пережил форменное потрясение: он обнаружил, что может сесть в вагон через закрытые двери. Равно как и покинуть оный вагон. И ни один из пассажиров не обращает на это внимания. Ни один!!!

Под Новый год Глебыч во второй раз встретил коллег. Правда, не понял, с каких они веток. Но других Гениев он теперь узнавал безошибочно: чувствовал визитку. Нутром, селезенкой, седьмым или восьмым чувством.

У встреченных, к примеру, визитки оказались в карманах. У одного, лысоватого и хлыщеватого мужичонки с острым лицом и бегающими глазками — во внутреннем кармане пиджака. У второго, тучного кучерявого херувима- в кармане необъятной

куртки. Глебыч столкнулся с ними на «Автозаводской», выйдя из поезда.

— О! Смотри! Наш маросейский герой, — сказал хлыщ насмешливо, подталкивая соседа локтем.

Глебыч застыл, глядя на них. Он не знал, что сказать и как поздороваться. Банально растерялся.

Херувим почему-то обидно заржал. Хлыщ тоже усмехнулся, как-то недобро и хищно. А потом оба, ни слова больше не говоря, уселись в вагон и поезд тронулся.

Глебыч некоторое время неподвижно стоял, глядя на убегающие во тьму габаритные огни. Люди старательно обходили его.

«Черт! — подумал Глебыч вскоре. — Все-таки я ничегошеньки не понимаю в этой игре. Надо искать Гения «Калужской». По-моему, нужно поговорить с ним, а не с этими…»

И он стал искать. Часами бесцельно кружить по метро, пересаживаясь со станции на станцию без всякой системы. В этом Глебыч неожиданно для себя стал находить еще большее удовольствие, чем раньше. Он ведь всегда любил метро. И московское, и киевское, и даже питерское, хотя Питер как город недолюбливал.

Поиски не привели ни к чему. Всю зиму и почти всю весну Глебыч жил надеждой на встречу, но ни с кем из Гениев так и не столкнулся.

Он продолжал поиски и боялся только одного.

Что его сознательно избегают.

А вскоре произошло то, что рано или поздно происходит со всеми: у Глебыча умерла мама.

Ей было уже восемьдесят три года; невзирая на возраст Виктория Ильинична до последних дней оставалась бодрой и деятельной старушкой — с поправкой на возраст, конечно. В магазины ходила сама, готовила сама. В общем, никого и ничем не обременяла. Глебыч, наверное, внутренне давно был готов к смерти мамы, потому что ощутил лишь стылую пустоту и тихую горечь. Сестра, видимо, испытывала то j же, потому что никаких истерик и криков на похоронах не случилось — только слезы и нескрываемая печаль. Печаль по человеку, прожившему большую и правильную жизнь и ушедшему только потому, что все мы рано или поздно уходим. Несколько дней после похорон Глебыч ходил подавленный. Он вдруг поймал себя на мысли, что последние годы очень редко виделся с мамой. Изредка забегал подкинуть деньжат к ее скудной пенсии, о себе не рассказывал (да и нечего было рассказывать), на вопросы Отвечал односложно и торопился бежать дальше — дела. кВиктория Ильинична так и не дождалась

невестки и внуков от непутевого сына-одиночки. Хорошо хоть у сестры семья вполне сложилась: молодчина муж, четверо детей…

На десятый день после смерти Виктории Ильиничны позвонила сестра, попросила прийти в мамину квартиру. Глебыч догадывался зачем.

Он прекрасно знал текст завещания. Все пополам. Сбережений у родителей никаких не было, стало быть, речь шла только об имуществе. О двухкомнатной квартире в Кунцево и нехитром ее убранстве.

Глебыч ехал в Кунцево, не замечая ничего вокруг. Глядел невидящими глазами в пустоту и заранее обдумывал, что скажет сестре.

Ни к чему этот мещанский дележ. У сестры четверо детей, живут в неплохой трешке на Нагатинской, ко шесть человек для трехкомнатной квартиры все же слишком. Тем более старшие девки-близняшки здоровенные уже, вымахали выше Глебыча. Стройные, длинноногие и, что приятно, не без масла в голове. Заканчивают школу, пли, как это теперь у них называется, колледж. А поступать навострились не куда-нибудь, а во МГИМО.

А на другой чаше весов Глебыч, старый пень-одиночка. На плеши — сороковник, за душой — ничего путного. Ну, несколько сотен статей, ну десяток убойных репортажей. Своим горбом заработанная квартирка — двухкомнатной совестно назвать. Типичная однушка с дополнительной стеной-перегородкой. И ванна сидячая. В общем, холостяцкая берлога, стены в разводах и драный линолеум на балконе…

«Нечего тут обсуждать, — подвел черту под недолгими раздумьями Глебыч. — Пусть Светка мамину квартиру продает или разменивает свою и мамину на большую. Им нужнее, как ни крути. А я перебьюсь…»

Это решение зрело в Глебыче давно, лишь сейчас он осмелился оформить его в слова, пусть даже произнесенные только мысленно. Впрочем, через какой-нибудь час он скажет их вслух и никогда не пожалеет об этом.

А из вещей поиросит только старинный письменный стол, любимое папино кресло и книги. И все.

Отцовские часы и бритва уже лет пятнадцать как хранились у Глебыча.

Теперь кресло, стол… вот и вся овеществленная память. А еще надо будет как-нибудь зайти к сестре с гостинцами для младшеньких, с бутылкой и посвятить вечер просмотру фотографий. Начиная с самых старых, пожелтевших от времени, с трогательными надписями на обороте.

Погруженный в себя Глебыч доехал до «Кунцевской» и так и

не заметил, что на схеме метро Арбатско-Покровская линия стала длиннее. После «Щелковской» значилась станция «Гольяново».

Не заметил. Не до того ему было сейчас.

Телефонный звонок выдернул Глебыча из похмельного утреннего сна.

Вчера со Светкой и ее мужем все обговорили, Глебыч своего решения не изменил. Сестра расплакалась… В общем, пообщались еще немного, а потом выпили. В память. Совсем немного.

Но Глебыч отчего-то захмелел. Не слишком, но дома достало сил только раздеться и, примостив у койки запасенную бутылку минералки, тихо отключиться. Наверное, это действительно были опустошение и усталость, а не опьянение.

— Алло! — сказал Глебыч в трубку и закашлялся.

— Поздравляю, — донеслось в ответ. — Все-таки я был прав, что не списал тебя со счетов…

— Секундочку, — сдавленно всхрипнул Глебыч, отложил трубку и потянулся к минералке. Только с наслаждением выпив граммов триста, он смог заставить себя оторваться от горлышка.

— Алло! Кто это? С чем поздравляете? Я не понял. Собеседник тихо засмеялся:

— Мы встречались в метро, коллега. Я — Гений Калужско-Рижской. Полагаю, нам следует встретиться и поговорить. Ты в самом деле новичок и в самом деле ничего еще не соображаешь.

Сон и тяжесть в голове безвозвратно унеслись прочь, словно последний поезд во втором часу ночи с конечной станции.

— Встретиться? Конечно! Где?

Гений Калужской фыркнул и рассмеялся:

— Что значит — где? Разумеется, в метро!

— На какой станции?

— На новой. Недалеко от тебя. Ты поймешь, только на схему взгляни внимательнее. Выезжай, я там буду минут через двадцать.

Следом из телефона донеслись короткие гудки.

Глебыч озадаченно отнял трубку от уха. А мгновение спустя до него дошло. Он кинулся к компьютеру; пока дозванивался до провайдера и входил в сеть — нетерпеливо притопывал ногой.

А еще минутой позже, разглядывая свежую схему с www.metro.ru, догадался куда ехать.

На станцию «Гольяново», конечную Арбатско-Покровской ветки. Открытую, как утверждала информашка с сайта, в шестьдесят пятом, через два года после «Щелковской». Выходы со станции располагались в районе Хабаровской, Уссурийской и

Алтайской улиц.

До входа в метро Глебыч домчался в рекордные семь минут. Поезд почему-то еле-еле полз; а возможно, Глебычу это только казалось. Но так или иначе проехали «Измайловскую», «Первомайскую»… На «Щелковской» никого не попросили из вагона.

Этот перегон казался бесконечным. Но закончился и он: приехали в «Гольяново». Глебыч жадно заозирался.

Внешне станция выглядела, как большинство открытых в шестидесятые: хрущевский аскетизм, отсутствие дорогих отделочных материалов.

Типичная «сороконожка»: два ряда колонн поддерживают свод, кафель на стенах и колоннах; ни тебе мрамора, ни гебе гранита.

Зато до МКАДа рукой подать…

Глебычу всегда казалось: лучше уж такая станция метро рядом с домом, чем никакой.

Он отошел от поезда в центр зала и огляделся. Пассажиры двумя потоками спешили к выходам в торцах станции. Меньше чем через минуту Глебыч остался в центре один.

«Наверное, — подумал он, — Гений Калужской еще не приехал…»

Но не успел Глебыч додумать, как из-за колонны показался тот самый парень, виденный когда-то на «Площади Революции». Одет он был снова в джинсы и кожаную куртку; на этот раз Глебыч отметил еще и высокие ботинки на рифленой подошве.

Парень приблизился и протянул руку:

— Привет! Меня зовут Костя.

— Глебыч, — представился Глебыч.

— А имя?

— Вообще-то Олег… Но все зовут Глебычем. Я привык…

— Ладно, Глебыч так Глебыч.

Станция постепенно заполнялась пассажирами, ожидающими поезда в сторону «Щелковской». Тот факт, что мимо Гениев Подземки все проходили словно мимо пустого места, Глебыча уже давно не удивлял.

— Ты действительно человек? — со странной интонацией спросил Костя.

Глебыч слегка удивился: а кем он еще может быть? Но все же решил, что просто не понимает какой-нибудь важной мелочи и переспросил:

— В каком смысле?

— В прямом, — не меняя интонации ответил Костя. — В самом прямом. Кем ты был до того, как завладел визиткой?

— Журналистом, — пожал плечами Глебыч. — Я и сейчас журналист…

— То есть, — подытожил Костя, — обычным человеком?

— Ну, да…

— Невероятно, — покачал головой Костя. — Такого еще не случалось.

Наверное, Глебыч поглядел на собеседника так жалобно, что тот поверил. Поверил и стал объяснять:

— Мы не люди, Глебыч. Мы — духи. Духи метро, гении новой стихии. Духи, джинны, гении, элементали — люди придумали нам много названий.

Когда-то мы властвовали лишь четырьмя природными стихиями — огнем, водой, воздухом и землей. Вы, люди, сумели создать новые стихии, такие, например, как метро, комбинаторные. Какая-то часть духов стала осваивать их, в основном молодежь. Мы, Гении московской подземки, потомки этих первопроходцев.

Наверное, у Глебыча сделалось нехорошее лицо. Он был человеком сугубо рациональным, в летающие тарелочки, лох-несское чудовище и прочий экзорцизм не верил ни грамма. Поэтому слова Кости не мог воспринять вот так с ходу. Невзирая на то, что сам умел проходить сквозь сомкнутые двери вагонов или перепрыгивать из вагона в вагон прямо на ходу.

— Тебе ли не верить… — усмехнулся Костя.

И взлетел. Просто и естественно взмыл под свод станции, а потом нырнул внутрь колонны. Несколько секунд — и он медленно всплыл из-под платформы, снова уравнявшись с Глебычем.

— Собственно, ты ведь тоже все это умеешь.

— Да, — пробормотал Глебыч. — Глупо… Но ты ведь сам сказал, что я всего лишь человек. Мне трудно поверить в подобное.

— А ты не верь, — пожал плечами Костя. — Просто прими. Законы стихий непостижимы, однако это не мешает им быть незыблемыми.

— Ладно. — Глебыч вздохнул и нахмурился. — Лучше расскажи, что за чудеса с возникающими и пропадающими станциями?

— Погоди, — остановил его Костя. — Сначала объясни, как к тебе попала визитка. Обычно Гений может стать хозяином линии, только победив прежнего хозяина. Я не верю, что Маркуса победил простой человек.

— Не помню. — Глебыч виновато развел руками. — Точнее, не знаю. Я однажды… заснул в метро. А когда пришел домой — в

кармане нашлась эта визитка.

Костя несколько долгих секунд пристально глядел Глебычу в глаза.

Потом недоверчиво покачал головой:

— Не понимаю. По-моему, это невозможно. Но куда подевался Маркус? Может быть, он сам отдал тебе визитку?

— Не помню, — беспомощно развел руками Глебыч. — Может быть.

— Н-да. — Костя громко щелкнул пальцами. — Ладно, тогда слушай. Суть вот в чем: метро, как и всякая стихия, непостоянно. Его облик напрямую зависит от нас, Гениев Подземки. В особенности от хозяев линий, линий реально существующих или ирреально существующих. Полной карты, я так понимаю, у тебя нет?

Глебыч отрицательно замотал головой.

— Вот, гляди. — Костя показал Глебычу глянцевый лист плотной бумаги, а возможно, пластика. На листе была изображена сложнейшая схема, состоящая из пересекающихся разноцветных линий и точек-станций с названиями. Центром этой схемы служила хорошо знакомая Глебычу схема московского метрополитена; незнакомые компоненты были обозначены контурами, как строящиеся.

— Это полная схема нашей стихии. Частично она существует реально — это то, что могут видеть люди и чем они могут пользоваться как транспортным средством. Остальное — ирреальная часть. Во власти хозяев линий перемещать отдельные станции или линии целиком из реальности в ирреальность и наоборот. Но сделать и то, и другое довольно сложно. Причем перенос из ирреальности в реальность в десятки раз сложнее, чем в обратном направлении. К сожалению, в Москве большинство хозяев линий большие… как бы это сказать помягче… Нехорошие они духи, короче. Лишь некоторые, такие, как я или Гений Серпуховской линии, пытаются увеличить реальную составляющую стихии. Большинству просто наплевать — живут как хотят. Самые замшелые, вроде Гениев Солнцевской или Митино-Бутовской, перетащили свои линии в ирреальность целиком.

— Знаешь, — перебил Костю Глебыч, — а я как-то встретил двоих Гениев на «Автозаводской». Один костлявый такой, как вобла, а второй жирный, на херувима похож.

— А, — Костя брезгливо поморщился, — как же, как же. Балласт. Сухой — это Герман с Сокольнической линии. Что с «Воробьевыми горами» было, сам знаешь. А херувим вообще мурло мурлом… Хозяин Среднего Кольца.

Тебе оно известно под именем Каховская линия… Тьфу. Линия! Три станции, два перегона! Сказать стыдно. Кстати, перегон «Улица Подбельского» — «Черкизовская» Герман у нашего херувима лет десять назад в карты выиграл…

— Неужели… все так безнадежно? — тихо спросил Глебыч. — Получается, в Москве метро скоро исчезнет совсем?

— Не думаю, — покачал головой Костя. — Я, например, сделаю все, чтобы этого не позволить. И я не одинок, можешь не сомневаться. Именно поэтому я страшно обрадовался, когда ты вытащил из ирреала «Маросейку». Поверь, вытащить из ирреала станцию внутри Малой Кольцевой — это… это… Это силища неимоверная. Последней, если я не ошибаюсь, вернули «Горьковскую», которая нынче «Тверская». В общем, когда вернулась «Маросейка», я решил, что у нас появился союзник — могучий, сильнее нас.

— Почему сильнее?

— Да потому что я не могу вернуть станцию «Якиманка» уже лет двадцать… Это на пересечении Калужской и Серпуховской линий, с пересадкой на «Полянку». Вернон с Калининской не может восстановить «Остоженку», сопряженную с «Кропоткинской». Боря с Люблинской достаточно быстро вернул кусок от «Чкаловской» на юг, а внутрь Малой Кольцевой — как отрезало. Не получается, слаб.

— Значит, — угрюмо заключил Глебыч, — теперь от меня напрямую зависит существование Арбатско-Покровской? От моих поступков? От того, веду я себя как скотина или как человек?

Костик невесело улыбнулся:

— Если бы все было так просто… Сунул бомжу сто баксов — конечная станция. Вынул мальчонку из-под поезда — станция «Маросейка»… Увы. Не от поступков все зависит. А от того же, от чего зависят сами поступки. От помыслов. От устремлений. Проход из ирреала нельзя купить подачкой, его можно только выстрадать. По-честному. Искренне.

Глебыч некоторое время молчал.

— Прости меня, Костя… За «Маросейку». Я ее верну. Обязательно верну, вот увидишь.

— Верю, — серьезно отозвался Гений Калужской. — Во, поезд подходит!

Поехали я тебя с нашими познакомлю! Бран с Серпуховской, Верной, Борька! Отличные ребята!

— Поехали! — загорелся Глебыч и направился к поезду. Прямо сквозь облицованную плиткой колонну.

— Скажи, Костя, — обратился он к духу подземки через несколько секунд, — а если мы, скажем, напьемся по поводу

возвращения «Остоженки», «Якиманки» или той же «Маросейки», это будет плохо? Мы не навредим нашей стихии в реальности?

— Если ничего дурного не натворим — не навредим.

— Тогда давай так и сделаем, а? В смысле, напьемся, кто бы первым свою станцию ни вернул?

— А давай! — залихватски махнул рукой Костя.

* * *

Бран, Верной и Борис и вправду оказались мировыми ребятами, невзирая что духи. Глебыч влился в их компанию легко и естественно, как встает на свое место недостающая деталька паззла.

И они напились — правда, раньше, чем собирались: весной 2003-го, когда на Арбатско-Покровской линии открылась станция «Парк Победы». За два года до переимнования «Измайловского парка» в «Партизанскую», за три до возвращения «Якиманки», за пять — до «Остоженки» и «Российской» и за девять — до второго на памяти Глебыча пришествия из ирреала станции «Маросейка».

Дмитрий Казаков

ПЯТНА СВЕТА НА СЕРОЙ ШКУРЕ

Ванька умер в самом конце сентября.

За окном шумел дождь, холодный ветер завывал потерявшей хозяина собакой. А Ванька, три дня метавшийся в горячечном бреду, изумленно распахнул бездонные, синие-синие глаза и перестал дышать.

Лиза зарыдала, будучи не в силах поверить в случившееся. В палате тут же поднялась суета, Ваньку куда-то повезли. А она осталась сидеть одна, в ступоре глядя в стену.

«Его спасут, его обязательно спасут» — молоточком стучала в голове одна-единственная мысль.

Когда дверь палаты открылась, Лиза не сразу поняла, что нужно поднять голову.

— Все, — сказал пожилой врач, старательно глядя в стену, — сердце не выдержало… Вашему сыну ничем не поможешь.

— Нет… как же… — прошептала Лиза. — Это невозможно… ему всего двенадцать. Он должен, должен жить!

Врач молчал, почему-то спрятав руки за спину, и тут до Лизы дошло, что случившееся — не бред и не страшный сон. Голова загудела, точно по ней ударили чем-то тяжелым, лампа под потолком словно померкла.

Лиза зарыдала, ее затрясло. Она метнулась куда-то в сторону, не зная и не понимая, куда бежит. Но сильные руки подхватили ее, удержали, в одной из них блеснул шприц.

— Не стоит так переживать, не стоит, — пробормотал врач, всаживая в предплечье Лизы стальную иглу.

В день похорон небо очистилось. Нежаркое осеннее солнце купалось в пронзительной голубизне и Лизе было больно смотреть вверх. Глаза начинали слезиться.

Пробивающиеся сквозь кроны старых вязов лучи падали золотым шитьем на темную одежду собравшихся. Молчаливые и подавленные, прижавшись друг к другу, стояли парни и девчонки из Ванькиной школы. Всхлипывала Нина Семеновна, классная руководительница.

Пронзительно каркали рассевшиеся по деревьям вороны, похожие на куски черной жирной грязи. Глухо стучали о крышку маленького гроба комья земли.

Родственники, друзья, приятели Ваньки подходили к Лизе по

очереди, что-то говорили. Она кивала, не слыша ничего, пропуская слова мимо ушей, а все лица слились для нее в одно — белое, плоское точно блин и, несмотря на показное сочувствие, равнодушное.

Бросив взгляд на могилу, Лиза удивленно моргнула. Там, рядом с холмиком свежей земли, сидел непонятно откуда взявшийся серый котенок. Он невозмутимо умывался, а когда поднял голову, то Лиза вздрогнула. Глаза у звереныша оказались ярко-синие, такие же как у Ваньки.

Она зажмурилась, а когда подняла веки, около могилы было пусто.

«Это нервы, — подумала Лиза, ощущая, как дрожат руки. — И не такое привидится».

Вечером, вернувшись домой, в пустую теперь и неуютную квартиру, Лиза зашла в комнату к Ваньке. Еще до похорон она думала о том, чтобы все здесь перестроить и изменить. Убрать все, что могло задеть болезненную рану, оставшуюся на месте памяти об умершем сыне.

Со стены на нее глядел календарь с рыжей кошачьей мордой, за стеклами книжного шкафа уютно устроилось десятка полтора котов — серых, полосатых, черных и белых.

На шкафу пялил глаза-пуговки самый большой и старый кошак — мягкая игрушка, купленная, когда Ваньке было три года. На серой шерсти виднелись белые пятна вытертостей.

Ванька был помешан на кошках, собирал их статуэтки и не один год просил мать завести живого котенка. Лиза отказывалась, говоря, что некому будет ухаживать за животным летом, когда они уедут на дачу.

Коты смотрели на Лизу настороженно, точно живые, и под этими немигающими взглядами она ощутила, что не в силах чего-либо здесь изменить, поменять мебель, даже передвинуть стол.

Лиза постояла несколько мгновений, а потом тихо вышла, прикрыв за собой дверь.

Шли дни, отшумели сентябрьские дожди, октябрь устлал улицы ковром из желтых и алых листьев. Зрелая осень заявила о своем появлении мозглой сыростью и затянула небо пологом из туч, плотных, как мешковина.

Жизнь потихоньку возвращалась в прежнюю колею. Лиза ходила на работу, проводила там по девять часов, а затем возвращалась домой. Включала телевизор и с болезненной внимательностью вглядывалась в мелькающие на экране картинки. Всматривалась, только чтобы не замечать того, что теперь в квартире кроме нее, никого нет. Вслушивалась в болтовню ведущих и участников реалити-шоу, чтобы не слышать

царящей вокруг гулкой, похожей на кладбищенскую тишины…

В комнату Ваньки она заглядывала лишь во время уборки. Стирала пыль и мыла пол, стараясь не встречаться взглядом с многочисленными котами, единственными обитателями помещения.

Лизу мучило дурацкое ощущение, что она перед ними в чем-то виновата.

Однажды, вернувшись домой, Лиза обнаружила на обитой дерматином двери квартиры длинные параллельные царапины, словно кто-то полосовал ее ножом или когтями.

При мысли о когтях Лизу продрала дрожь. Расстояние между порезами было достаточно велико и оставивший их зверь никак не мог быть обыкновенной кошкой…

Лиза в испуге оглянулась и спешно полезла в сумочку за ключами. Трясущимися руками открыла дверь и проскользнула в квартиру, ощущая, как колотится о ребра сердце.

Внутри было тихо и пусто, гулко тикали часы в гостиной.

Сняв сапоги и избавившись от плаща, Лиза прошла в казавшийся некогда таким уютным полумрак. Включила свет, потянулась к пульту телевизора, и в этот момент из комнаты сына раздался шорох.

Лиза едва удержалась от крика.

Шорох повторился, мягкий, едва слышный, будто за плотно закрытой дверью возилось нечто большое.

Лиза оглянулась, взгляд упал на привезенный еще ее дедом с Кавказа кинжал в красивых, украшенных серебром ножнах. Лезвие, несмотря на годы бездействия, оказалось без следа ржавчины, а чуть шероховатая рукоятка удобно легла в ладонь.

Лиза сжала оружие покрепче и толкнула дверь. Та открылась бесшумно.

Свет упал на застеленную кровать, блеснул на настенном календаре, отразился в глазах сидящей на шкафу игрушки, вырвал из темноты стол, за которым Ванька делал уроки…

В комнате было пусто.

Шорох донесся опять, откуда-то из форточки, и Лиза перевела взгляд на окно. За ним, прижавшись к стеклу, сидела очень крупная кошка, и на ее темно-серой шкуре застыли пятна света, похожие на те, что бросает на сырой асфальт горящий фонарь.

«Как она там умещается? — изумленно подумала Лиза, разглядывая животное. — Подоконник же узкий, голубь на нем с трудом уберется…».

Неправдоподобно огромный, размером с овчарку зверь сидел неподвижно, и на темной морде сверкали, отражая свет, глаза.

Приглядевшись, Лиза поняла, что они голубые, того самого оттенка, как и у Ваньки…

Ноги ее ослабели, сама не заметила, как опустилась рука с зажатым в ней кинжалом.

Лиза шагнул вперед, не очень понимая, что именно и зачем делает. Кошка пошевелилась и молнией метнулась в сторону.

Лиза бросилась к окну, прижалась носом к холодному стеклу.

Покачивался под напором ветра фонарь, кружились, оседая на землю, крупные и какие-то лохматые снежинки. Береза размахивала ветвями, равнодушно светились окна дома напротив.

Животное пропало бесследно.

«Показалось, — решила Лиза. — Да и не бывает… не может быть таких крупных котов!».

Пришла мысль об оставленных на двери следах, но Лиза спешно отогнала ее. Не выпуская из руки кинжала, прошла на кухню и налила полный стакан воды. Руки тряслись, словно у пьяницы и она, пошарив в аптечке, отыскала упаковку аменазина.

Немного подумав, Лиза проглотила две таблетки. Транквилизатор подействовал сразу, накатила сонная одурь, захотелось полежать, а привидевшееся недавно стало казаться дурным сном…

Домой от остановки Лиза ходила через два переулка, дома в которых помнили, наверное, еще Николая Второго. Редкие фонари были не в силах разогнать царивший тут мрак, асфальт представлял собой сплошные выбоины.

Но путь по освещенному тротуару занимал на пятнадцать минут больше.

Значимый аргумент, когда все мечты только о том, как добраться до дому и вытянуть гудящие от усталости ноги.

Разгуливать в одиночку Лиза не боялась, в сказки про маньяков не верила. На темной улице заполненные грязью колдобины встречаются куда чаще, чем кровожадные насильники.

Поэтому ходила Лиза, внимательно глядя перед собой и не обращая особенного внимания на то, что творится вокруг. Пятничным промозглым вечером она следовала той же тактике и почти дошла до очередного оазиса света вокруг фонаря, когда краем глаза уловила шевеление.

В полумраке среди кустов, похожих на растопыренные колючие пальцы, что-то двигалось.

Лиза ощутила, как екнуло сердце. Остановилась и подняла голову, чтобы встретиться с холодным взглядом кошачьих глаз. Кошка сидела, подобрав под себя лапы и глядя на человека, а шкура ее как-то неестественно поблескивала, хотя свет фонаря до животного не доставал.

— Кис-кис, — сказала Лиза, ощущая себя ужасно глупо.

Кошка не сдвинулась, лишь раздраженно дернула хвостом и Лиза поразилась, до чего хорошо видит все ее движения в густой, как патока, тьме.

Страх вспыхнул было, заставил Лизу покрыться холодным потом, но тут же исчез.

«Кошки не нападают на людей, — сказала Лиза сама себе. — Это же не тигр, в конце концов, а просто очень, очень большой кот».

— Кис-кис, — повторила она, садясь на корточки.

Кошка поднялась и лениво двинулась вдоль кустов, к фонарю. Лиза встала и как привязанная, последовала за ней. Она не знала, куда и зачем идет, просто казалось очень важным не потерять из виду грациозное серое существо.

Из ведущего во двор проезда с ревом, достойным атакующего слона, вылетела машина. Свет фар ударил Лизе в лицо. Кошка присела и мгновенно исчезла, словно растеклась по асфальту. Колесо прошлось по тому месту, где она только что стояла. Раздался визг тормозов, а затем щелчок открывшейся дверцы.

— Ты что, дура? — выглянувший из машины мужик прятал за злобой собственный страх. — Зачем под колеса лезешь?

— Вы тут кошку не видели? — спросила Лиза совершенно спокойно. — Прямо на дороге…

— Кошку? — мужик опешил, в темных глазах блеснуло подозрение. — Ты что, подруга, пьяна? Никакой кошки тут не было!

Лиза не стала ничего объяснять, оправдываться, просто пошла дальше. Хлопнула за спиной дверца, взревел мотор и машина укатила, оставив переулок во власти мрака и тишины.

Николай Степанович, психиатр городского стационара, а некогда просто Колька с соседней парты смотрел на Лизу с нескрываемым сочувствием.

— Что, аменазин уже не помогает? — спросил он, когда Лиза избавилась от плаща и села.

— Дело не в нем. Меня беспокоит кое-что другое…

— И что именно?

Слушал Смирнов спокойно, ни жестом, ни движением брови не показывая, какие чувства вызывает у него рассказ Лизы. А она путалась, сбивалась, злилась на себя за это и еще больше путалась.

— Кошка, говоришь? — уточнил Смирнов, когда повествование оказалось завершено. — Большая? С синими, как у Ваньки, глазами?

Лиза судорожно кивнула.

— Ее кто-нибудь еще, кроме тебя, видел?

Последовало столь же конвульсивное пожатие плечами.

— Понятно, — Смирнов покачал головой. — Не хочу утомлять тебя специальными терминами, но, скорее всего, твоя «кошка» в реальности не существует. Посуди сама, откуда столь крупному животному взяться посреди мегаполиса?

— Так что, она мне… — Лиза замялась, будучи не в силах подобрать нужное слово.

— Привиделась, — мягко подсказал Смирнов. — Сама понимаешь, стресс от потери сына, увлекавшегося, кстати, котами. Психика напряжена, возникают разные болезненные состояния, небольшие галлюцинации…

— Так что, у меня бред? — напрямую спросила Лиза.

— Ну, я бы не стал так говорить, — уклонился от прямого ответа Смирнов. — Но кое-что похожее.

— И что же делать?

— Для начала — не верь глазам своим. Если что-то увидишь, то не обращай внимания. А для того, чтобы видения не одолевали, я пропишу тебе кое-чего, — он зашуршал бланками рецептов. — Эту штуку просто так не достанешь, но вот тут в уголке я напишу телефон. Позвонишь, сошлешься на меня. Яков Абрамыч — мой старый приятель, так что все будет в лучшем виде…

— Да, было еще кое-что, — сказала Лиза.

Выслушав про порезанную дверь, Смирнов изменился в лице, из уверенного в себе и чуточку надменного врача превратившись в просто встревоженного человека.

— Так, — проговорил он и недописанный рецепт, порванный на клочки, отправился в корзину для бумаг, — Якова Абрамыча мы тревожить не будем.

— Сразу вызовешь санитаров со смирительной рубашкой? — Лиза нашла силы чтобы пошутить.

— Нет, — психиатр покачал головой. — Никакие санитары тебе не помогут, даже со смирительной рубашкой. А вот человек, живущий по этому адресу, — он протянул бумажку, — вполне вероятно, что и поможет…

— А кто он? — спросила Лиза.

— Не он, она… — Смирнов на мгновение замялся, а потом добавил, чуть ли не на тон тише: — Ведьма.

Мокрый снег падал такой густой пеленой, что казалось, между небом и землей повешена занавеска из полупрозрачной ткани. Свет фонарей с трудом пробивался через сонмища снежинок, асфальт маслянисто блестел.

Лиза, измотанная до предела, медленно шла привычным

маршрутом. В пятницу их обычно отпускали на час раньше, но сегодня пришлось работать сверхурочно.

Шаги ее глухо отдавались в тишине. Когда на них наложился еще какой-то звук, Лиза поначалу решила, что ей кажется, и только когда кусты на обочине затрещали, подняла голову.

Преградивший ей дорогу юнец телосложением напоминал швабру, дышал тяжело, с присвистом. На выбритой наголо голове в изобилии красовались прыщи, а впавшие глаза были настолько дикими, что Лиза мгновенно вспотела.

— Тетка, дай денег, — надрывно проговорил юнец, и на губах его запузырилось нечто, напоминающее пену. — Тетка, дай денег…

— Нет ничего… нет, — ответила Лиза, ощущая, что не в силах двинуться с места. Ее сковал липкий, противный страх.

— Дай… те жалко, что ли? — прыщавый всхлипнул и оскалился, став похожим на бешеного волчонка. — Ведь есть… Мне много не надо… А не дашь, так я ведь и сам возьму!

Тощая бледная рука нырнула в карман черной, слишком большой для юнца куртки, а когда вернулась, то в ней оказался зажат длинный нож с выкидным лезвием.

Лиза всхлипнула и отшатнулась. Она слышала о наркоманах, о том, что те за дозу готовы убить родную мать, но никогда до сего дня не сталкивалась с любителями отравы.

— Дай денег… — повторил юнец и шагнул вперед, вплотную, обдав женщину зловонным дыханием.

Сбоку донесся негромкий шелестящий звук, словно ползла через траву большая змея. Наркоман глянул в ту сторону, глаза его выпучились. Лиза невольно повернула голову.

Кусок асфальта под самым фонарем тек, рябил светлыми пятнами, точно там восставал из небытия недобитый Шварценеггером жидкий Терминатор. Дорога вспучилась чудовищным горбом, принявшим очертания крупной кошки. Хлестнул по серым бокам хвост, сверкнули синие глаза.

Прыжок зверя оказался настолько стремительным, что Лиза уловила только смазанное движение. Наркоман пошатнулся, отступил на шаг, затрещала разрываемая ткань. Нож со звяканьем шмякнулся на асфальт и покатился в сторону.

В полуобморочном состоянии Лиза смотрела, как оскаленный кот рвет в клочья грязные джинсы, как брызжет на асфальт кровь. Наркоман взревел, развернулся и бросился прочь.

Кошка не стала за ним гнаться. Она уселась и принялась умываться, облизывая лапу и водя ей по морде. Серая шкура казалась чуть присыпанной чем-то белым, светящимся. Или это отблескивал растаявший снег?

Лиза моргнула, хлюпнула носом, прогоняя запоздалые слезы. Поднесла руку к лицу, да так и замерла — очертания кошки начали расплываться, она сделалась полупрозрачной, пока не исчезла совсем.

Ощущая, как ее покидают остатки здравого смысла, Лиза шагнула вперед, нагнулась и ощупала асфальт на том месте, где только что сидела кошка. Тот был холодным и мокрым.

Наркоман удрал, нож его куда-то закатился. Единственным свидетельством того, что нападение все же было, остались капли крови.

Ведьма оказалась совсем не такой, как представляла Лиза. Дверь открыла вовсе не древняя старуха с мрачным взглядом и черным котом на плече, а довольно молодая женщина.

Короткая прическа, крашеные волосы — одна из тысяч рядовых жительниц Москвы.

— Здравствуйте, вы ко мне? — поздоровалась она, потом глянула куда-то поверх Лизиной головы и уверенно закончила. — Точно, ко мне. Заходите. Меня зовут Ирина.

Немного робея, Лиза переступила порог. Хозяйка провела ее длинным коридором и они оказались на кухне, где буднично пахло гречневой кашей.

— Садитесь, — Ирина кивнула, указывая на табуретку. — Я пока чаю поставлю…

Лиза с непонятным трепетом смотрела, как хозяйка, наряженная в джинсы и просторную рубаху из клетчатой фланели, хлопочет у плиты.

— Что же, — сказала Ирина, когда желтый чайник с кокетливым петушком на боку утвердился на конфорке. — Слушаю, в чем проблема…

Запинаясь и путаясь в словах, Лиза начала рассказывать. Неожиданно больно и страшно оказалось вспоминать о том вечере, когда она впервые увидела на окне серую кошку, о встрече с ней в темном переулке, а когда дело дошло до наркомана, Лизу просто затрясло.

— Интересно, — сказала ведьма, когда рассказ оказался завершен. — Все случившееся вовсе не глюк и не сон. Просто вы повстречались с асфальтовой пантерой.

— С кем?

— С асфальтовой пантерой, — повторила Ирина, поднимаясь и выключая назойливо шумящий чайник. — Одним из существ, что живут в городе бок и бок с нами.

— Это как домовые, да? — Лизе до озноба хотелось поверить, что над ней смеются. Но хозяйка квартиры с невозмутимо серьезным видом разливала чай и на шутницу походила меньше

всего.

— Раньше были домовые, лешие, прочие существа, с которыми наши предки умели сосуществовать, — кивнула она. — Теперь их почти нет, зато есть другие, каких мы в значительной степени породили сами. Демоны канализации, духи супермаркетов и гении метрополитена…

— Они что, живут в каком-то другом, параллельном мире?

— Мир один, — на стол была водружена фаянсовая сахарница с изображением единорога и вазочка с печеньем. — Просто люди видят доступную их восприятию часть и считают, что она и есть — мир… Пейте, а то остынет…

Лиза поднесла ко рту чашку, отхлебнула, не чувствуя вкуса, и едва не вскрикнула — чай оказался настоящим кипятком.

— Странно только одно, — проговорила Ирина, глядя на мучения гостьи без особого любопытства. — Мы асфальтовым пантерам не интересны и они показываются людям только в исключительных случаях. А эта еще и помогла… Хотя вы говорили, что у вас умер кто-то из близких?

— Ничего я не говорила, — Лиза едва не подавилась чаем.

— Да? — хозяйка квартиры почесала подбородок. — Иногда я бываю такой рассеянной… Но ведь умер же кто-то?

— Сын.

— Мои соболезнования, — в голосе ведьмы не было и намека на сочувствие, но Лизу это почему-то не расстроило и не задело. — Но в любом случае, хотелось бы знать, что именно вы от меня хотите? Чтобы зверь больше не появлялся?

— Я хочу узнать, что… какая связь между ним и моим… Ванькой, — Лиза ощутила, как встал в горле комок, глаза защипало.

— Это можно, — Ирина кивнула, — и даже бесплатно. Мне и самой интересно, в чем тут дело. Диктуйте свой телефон, да, мобильный… Как наступит подходящее время, я вам позвоню…

«Подходящее время» наступило в день, когда на город обрушилось предзимнее ненастье. Ветер тряс деревья, как ошалевший медведь, небо сплошь затянули тучи. Мелкий дождь то и дело порывался стать мокрым снегом.

Лиза «предвкушала» дорогу домой по холоду и слякоти, когда лежащий в сумочке телефон разразился недовольной трелью.

— Да? — сказала она.

— Добрый вечер. Ну что, вы готовы к встрече?

— Готова, — ответила Лиза, узнав звонкий, насмешливый голос. — А что, именно сегодня?

— Сегодня, — подтвердила ведьма. — Погода самая

подходящая, да и снегу пока немного. Встречаемся… какая у вас там ближайшая остановка?

На место встречи Лиза явилась раньше и пятнадцать минут мерзла, переминаясь под пластиковым козырьком.

Подъехавшая маршрутка извергла из чрева порцию спрессованных людей.

— Привет, — выныривая из нее, поздоровалась Ирина. — Идем?

— Да, — обреченно согласилась Лиза.

Переулок, где Лизу атаковал наркоман, оказался безлюден, точно недра Сахары. Один из фонарей несколько дней назад погас, а второй светил из последних сил, пляшущие вокруг лампочки капли воды переливались, создавая радужный ореол. По мокрому асфальту скользили тени и пятна света.

— Мамочка родная, — сказала Ирина изменившимся голосом. — Сколько же их тут?

— Кого? — ощущая себя последней дурой, спросила Лиза.

— Смотри, — и ведьма, повернувшись, неожиданно отвесила Лизе подзатыльник.

В голове что-то екнуло, из глаз брызнули слезы. Проморгавшись, Лиза хотела было сказать все, что думает о таких поступках, но открывшаяся картина заставила ее окаменеть, застыть с открытым ртом.

Вокруг фонаря, едва касаясь земли пушистыми лапами, скользили десятки гибких силуэтов. Их серые тела чуть заметно светились, вились длинные хвосты, сверкали желтые и зеленые глаза.

Все сопровождалось едва слышным низким урчанием, похожим на звук работающего под землей мотора.

— Что они делают? — шепотом спросила Лиза.

— Танцуют, — так же негромко отозвалась ведьма. — Приветствуют наступление зимы… Видишь своего, того, что тебе помог?

В изысканном танце гибкие тела сплетались и казалось невозможным отличить одну пантеру от другой. Лиза отчаялась, когда неожиданно наткнулась на знакомый синий взгляд.

Взгляд Ваньки.

— Вот он! — крикнула Лиза, вскинув руку.

Пантеры замерли, десятки морд обратились в одну сторону, урчание стихло.

— Орать не стоило, — заметила Ирина. Руки ее двигались, совершая один за другим какие-то сложные пассы. — Теперь попробуем его позвать. А ну-ка иди сюда, мой милый…

Голубоглазая пантера отделилась от собратьев и мягко, точно

струясь, двинулась к людям.

Лиза как зачарованная глядела на нее, силясь увидеть за знакомыми глазами Ваньку.

— Сейчас, сейчас посмотрим, — шептала ведьма, тяжело и хрипло дыша. — О, да… Он был, был человеком…

— Это мой сын? — требовательно спросила Лиза, глядя на остановившееся в нескольких шагах животное.

— Тот, кто когда-то им был, — мягко поправила Ирина. — Теперь так вышло, что он выбрал другую часть нашего мира, жизнь разлитых по городу дорог, сумерек и кружащегося снега, бликов на асфальте и танцев под луной…

— Он счастлив… там? — Лиза ощутила першение в горле. Слова приходилось выдавливать.

— Наверняка. Тебе повезло, что остатки человеческой памяти сохранились. Поэтому он тебя и спас. Еще месяц-другой, и он забудет все, станет просто асфальтовой пантерой, одной из сотен, обитающих в нашем городе.

Молодая пантера подозрительно смотрела на женщин, и в сапфировых зрачках светился разум, но не человеческий, звериный.

— Ванька… — прошептала Лиза. — Ванька, вернись!

— Прошлое нельзя вернуть, — Ирина схватила Лизу за руку, удержала на месте. — Жизнь продолжается, теперь у каждого из вас — своя…

Последовал новый удар по затылку. Лиза всхлипнула, сквозь слезы видела, как шагает прочь грациозная крупная кошка, как ползут по серой шкуре пятна света…

А потом все исчезло. Остался лишь пустынный переулок и качающийся на ветру старый фонарь.

Лиза решительно вытерла слезы, ощущая, как на сердце становится легко, как рассеивается окутывавшее его последние месяцы облако горя. Теперь она знала, что ее сын жив и, может быть, даже счастлив.

А что еще нужно матери?

Игорь Пронин

ПОЛНЫЙ СТАКАН

Возможно, он был из греков. А может, турецкая кровь или балканская, но Лиза еще в прихожей решила: Матвей Васильевич из казаков. Там у них всякое бывало, попадаются и вот такие костистые лица, с орлиным, но не кавказским носом, с черными бровями вразлет, с маленькими цепкими глазами. По крайней мере Лиза так думала. Почему — не важно, она и сама не знала почему, и не хотела знать. Вообще-то ей такие мужчины не нравились, и тут не в носе дело и не в глазах, а в том, что не был Матвей Васильевич настоящим казаком — сутулился, рубашку, старую, клетчатую, сзади в тренировочные штаны плохо заправлял, волосы отпустил чуть ли не до плеч, а все горшком. В прихожей пахло закислым мусорным ведром и еще чем-то вроде сырого паркета. В такую квартиру идти-то не хотелось.

— Проходите! — чуть сиплым, низким голосом пригласил Матвей Васильевич. — Тапочки где-то там… — и почесал макушку. — Там. В тапочнице.

Лиза, перебрав несколько в блин затоптанных тапок, нашла наконец пару. Ну не босиком же тут расхаживать? Холостяцкая квартира. Там, на кухне, газовая колонка и дребезжащий холодильник, радиоточка едва слышно гундосит на стене, не вытряхнутая пепельница и наверняка большущий коробок спичек. Возможно, даже тараканы. Вообще-то Лиза не боялась тараканов, ловила когда-то в детстве руками и сажала в спичечный коробок — только не в большой, больших у них дома не было, а в маленький. Еще у Матвея Васильевича должна быть старенькая плита с заляпанными конфорками.

— Проходите на кухню! — позвал хозяин из коридора.

А Лиза знала, что на кухню. У такого Матвея Васильевича кухня для всего: и поесть, и гостей принять, и поработать. Он ждал ее за углом, опять расчесывая макушку. Борода точно такого же цвета, что и волосы на скальпе — Лизе подумалось, что это не так уж часто встречается. Всплыло кем-то придуманное название колора: чернорусый. Рта совсем не видно, как же он ест свои супы из пакетиков? Наверное, лапша повисает, а Матвей Васильевич аккуратно стряхивает ее ладошкой. Он, конечно, аккуратный. Настоящие, не комплексующие холостяки все аккуратные. Но конфорки будут заляпаны.

Матвей Васильевич вошел первым, обогнул стол и уселся на мерзко скрипнувшую кушетку. Лизе достался табурет — а она и не удивилась. Вот плита (газовая, три конфорки), вот колонка, вот радиоточка… Лиза, чуть поморщившись, утвердила голые локти на немного липкой клеенке стола и поискала глазами пепельницу. Должна быть на подоконнике — и действительно там стоит! В ней окурки, два или три. Где же коробок спичек?

— Вы Лиза, верно? — Матвей Васильевич поставил пепельницу перед собой, достал с нависающей над радиоточкой полки «Яву» и китайскую зажигалку. — Вам порекомендовала меня…

— Ольга.

— Да, Ольга… Вы курите?

— Нет.

— А хотите чаю?

— Нет!

Лиза не хотела чаю, она вообще ничего здесь не хотела. У таких мужиков чай будет или помоями холодными, третьей заварки, или, наоборот, чифирь. Но скорее — помои. Матвей Васильевич выпустил облако дыма, перебив кондовым табаком запах от мусорного ведра. Лиза опять поморщилась, но вообще-то хуже ей не стало. Из комнаты доносились детские голоса, скрип качелей — там открыта балконная дверь. Балкон крохотный, бельевые веревки натянуты на уровне Лизиного носа. Там, наверное, старые ободранные коричневые лыжи и что-то еще, накрытое целлофановой пленкой. Позапрошлогодней, непрозрачной и ломкой.

— Как поживает Ольга?

— Вроде хорошо. Мы довольно редко видимся. Так, познакомились когда-то на курсах, живем на одной ветке.

Матвею Васильевичу лет пятьдесят, хотя выглядит моложе. Лицо худое, жира почти нет, без намека на второй подбородок. На носу ни угорька. Если сбрить бороду, вообще будет неопределенного возраста. Лиза представила себе, как он умывается в ванной: старые скомканные тюбики, потеки зубной пасты на стеклянной полочке, пузырек «Тройного». Но умывается очень аккуратно, ни на что не отвлекаясь. Бритва — станок. Лежат на полочке забытые ржавые лезвия… Нет, какой же станок, если борода?

— Вы сказали, что у вас обеденный перерыв сейчас? — Матвей Васильевич вытянул из лежащей на полке стопы желтоватый лист бумаги, отыскал карандаш.

— Да. Но это не значит, что я как штык должна в половину второго появиться, могу немного задержаться… Сейчас пробки на

шоссе.

Лиза сама не знала, как решилась войти в подъезд, подняться на четвертый этаж. Заросли хрущоб производили гнетущее впечатление. Тут даже бабушки у подъезда какие-то малоформатные, и всюду пахнет помойкой. А может, у него ванна тоже малоформатная, сидячая?.. Лиза представила, как Василий Матвеевич моется в сидячей ванной, поливает себя из чуть заржавленного душа. Краны немного текут.

— Елизавета… — Он написал ее имя на листе, положив его горизонтально, задумался.

Довольно корявый почерк, а в то же время читаемый. Аккуратность пополам с неряшливостью — такой вот холостяк. Лиза их знала, у нее дядя был очень похож. Только пил. Василий Матвеевич не пьет. Может быть, даже делает зарядку? На балконе, рано утром, с сосредоточенным выражением лица. Потом ставит на конфорку чайник со свистком и возвращается на балкон, выкурить первую сигарету. С таким же выражением лица. Потом завтракает, один; слушает, наверное, радио. Смахивает ладонью крошки с бороды, в тарелку. Прихлебывает чай.

— Вы не волнуйтесь, это недолго.

— Мне Оля говорила. Она сказала, что все быстро. А когда вы сможете… Ну, это сделать.

— Когда? — Матвей Васильевич поднял глаза на гостью. — Да сейчас вообще-то собирался. Вы деньги принесли?

Лиза с кассой не ладила, и эти сучки выдали почти половину суммы сотенными. Сумочка едва закрылась. Лиза всю дорогу волновалась, что распахнется в троллейбусе. На шоссе пробки, жарко… Уже скоро час дня, а если она задержится, то Наталия Игоревна опять будет свои рожи корчить. Ну и наплевать на грымзу старую.

— Принесли? — переспросил Матвей Васильевич.

— Да. — Лиза достала перетянутые резинками пачки. — А вы… Сейчас, да? Я просто… Просто у меня перерыв. Надо вернуться в банк, и так две сотрудницы в отпуске — форс-мажор, понимаете? — Она держала деньги перед собой, не решаясь ни положить их на стол, ни убрать в сумочку.

Матвей Васильевич, не улыбнувшись, протянул к ним руки. Пришлось отдать, иначе зачем доставала? Жаль, конечно. Все-таки сумма, мягко говоря, не маленькая, а человека Лиза видит первый раз в жизни. Не стоило приходить. И Ольгу не надо было слушать. Разревелась как дура, наплела ей о себе черти-что, да еще половину выдумала. А Ольга тоже хороша: направила к кудеснику. Еще и звонила два раза, торопила. Неужели это возможно?

— То есть… Я тогда лучше вечером заеду.

Василий Матвеевич считал деньги. Он снимал с пачки резинку, опускал руки с купюрами вниз, ниже уровня стола, и считал не торопясь, чуть шевеля губами. Его совершенно ничто не стесняло. Да и кого стесняться? Пришла какая-то дурочка, принесла кучу денег. С чего, спрашивается? Лиза заметила телевизор — спрятался под салфеткой. Непорядок, такой кухне телевизор не положен, там должна стоять железная хлебница.

— Все хорошо, — кивнул хозяин. — Так, я уберу деньги, а вы вот. — Он достал с полки небольшое круглое зеркало. — Посмотрите на себя, расслабьтесь. Настройтесь.

— На что настроиться? — запоздало крикнула ему в комнату Лиза.

— Просто посмотрите на себя!

Лиза отогнула подпорочку, поставила зеркальце на стол. Круглое, и лицо в нем круглое. Похоже, тянет в ширину, полнит. С левого глаза тушь просыпалась немного, Лиза подобрала ее салфеточкой — купила как раз по дороге. Губы стоило бы подкрасить, но не сейчас же? Глаза у Лизы красивого карего оттенка, а вот веки тяжеловаты. Брови когда-то в детстве она мечтала выщипать, но потом как-то не пришлось. На виске вызревает прыщик.

— Сколько вам лет?

Лиза даже вздрогнула. Матвей Васильевич протиснулся мимо, обдав запахом отфильтрованного легкими табака, и снова взялся за карандаш.

— Тридцать семь.

— Не замужем, — как-то очень довольно протянул он, делая пометку.

«Жаль, что у него карандаш не химический».

— Угадали, не замужем. Это имеет значение?

— Да и нет.

— Да и нет?

— Для вас имеет, для меня — нет. Вы, наверное, помните свои детские кошмары, Лиза?

— Почему вы так думаете? Да, помню. Колдуньи всякие… От мамы украсть хотели. — Лиза без всякого веселья фыркнула. — А что?

— Мама жива?

— Тьфу-тьфу-тьфу.

— Чем болеет?

— Сосуды, сердце. Давление… Ну, все что положено. Ревматизм еще.

Матвей Васильевич чертил какие-то неправильные линии,

очень сосредоточенно чертил. Лиза поверх зеркала попробовала всмотреться, мысленно перевернуть картинку. Может, диаграммы, а может, британский флаг — это если Матвей Васильевич вовсе рисовать не умеет.

— Пауков боитесь?

— Ну да. Конечно.

— А еще кого?

— Крыс. Змей. Жуков. Тараканов. Червей. Пантер. В лифте ездить боюсь, — зачем-то добавила Лиза. — Немножечко.

— Понятно…

— Что?

Он сложил листок пополам, потом еще раз и убрал на полку.

— Что вам понятно? Кто я такая?

— Я не психолог, и даже гороскопы не составляю. Мне тоже нужно настроиться, вот и все.

— Давайте, я лучше вечером приду? — Лиза встала. — Обед кончается.

«Взять с него расписку? Неудобно. Глупо».

— При чем тут обед? Садитесь, успеете. Вы теперь всегда будете успевать: и пообедать, и поработать.

Ноги подогнулись, и Лиза снова почувствовала под собой жесткий табурет. Уплачено, извольте ехать… А если она передумала? Всю жизнь мечтала о чем-то подобном, а теперь передумала. Всю жизнь была дурой, и теперь себе не изменила.

— Скажите, а… Как это?

— Сейчас.

Он опять закурил.

Ольга сказала: «Этот человек действительно сможет изменить твою жизнь. И не надо больше курсов, не надо практической психологии. Не надо пытаться стать правильной с понедельника, просто придет мастер и завинтит тебе гайки. Все встанет на свои места».

Ольга сказала, что она в тот же день уволилась. Ну, Лизе-то увольняться ни к чему: работа, в общем, нормальная, банк крепкий. А Ольга нашла себе что-то другое. В принципе мало изменилась. Только так говорила, что… Лиза ей поверила. Лиза ведь дура, а Ольга говорила как человек, у которого в жизни теперь что-то есть. Раньше она не была такой.

— Вы на меня не смотрите, смотрите в зеркало, — приказал Матвей Васильевич. — Так… Знаете шутку про стаканы? Один наполовину пустой, другой наполовину полный?

— Знаю.

— Все зависит от точки зрения.

— Знаю.

— Каждый человек на самом деле живет в своем собственном, отдельном мире. Нет двух одинаковых людей, нет двух одинаковых миров. А этот мир, по сути — ваша точка зрения, ваше отношение.

— Я знаю, я читала, — вздохнула Лиза.

— Мало ли что вы читали? Меня слушайте. Реальность ирреальна, реальность — это лишь ваше восприятие, оно обманчиво. Мир таков, какова вы.

— Значит, я неправильная.

— Все наперекосяк?

Лиза смотрела, как расплывается в зеркале ее отражение. Терялась контрастность, резкость, смотреть становилось чуточку больно. И чуточку приятно. Пришлось моргнуть, и тогда по щеке побежал ручеек. Потом второй, по другой щеке. Да, все наперекосяк. Хотя вообще-то ничего особенного. Совсем ничего. Жива, почти здорова, почти хорошая работа, почти хватает денег. Ни одна мечта не сбылась, новых не появилось, старые стерлись. Бутерброд лежит маслом вниз, даже когда Лиза его вовсе не роняла. И не скажешь, что не везет, ведь в лотереи не играет — потому что не видно лотерей, в которых есть достойный приз. Так и живет. Год за годом, день за днем. Не замужем, и не хочется.

Зачем все это? Кому это надо?

Одна скажет: найди мужика. Вторая скажет: уйди от матери, а то так одна и останешься. Третья скажет: знаешь, я тебе завидую. Лиза понимала, что живет неправильно, что ей не нужна такая жизнь, но поделать ничего не могла. Да, эта не нужна. А другой не хочется. Их как бы и нет, других, они скучные и тоже никому не нужны. Поэтому и нельзя ничего сделать, даже научиться готовить — ведь не хочется. Даже сходить на шейпинг больше двух раз. Даже выйти в магазин и купить сока, когда вроде бы хочется… Но вроде и не хочется. Потому что — зачем? В кране есть вода.

Нет, хоть тресни, Лиза не могла объяснить, что у нее внутри. Все говорят: мы понимаем, и все ничего не понимают, не могут понять. Там, внутри, чего-то не хватало… Но как же знать, чего, если этого чего-то никогда не видела и не чувствовала? У других оно, наверное, есть с детства. Даже у таких, как Ольга. Точнее у таких, какой была Ольга.

— Вы… Вы в самом деле сможете что-то изменить?

— Я делаю это часто. Я меняю людей. Но будьте готовы, что изменится и мир вокруг вас. Если трудно говорить — кивайте. Это хорошо, что вы плачете.

— Я сейчас перестану… Знаете, я, видимо, напрасно… Понимаете, я неудачница. Ну, не совсем, а…

— Теперь немного помолчите! — Голос Матвея Васильевича стал тверже и ближе. — Мне это не интересно. Я не психоаналитик или еще что. Я никому не помогаю изменяться — я изменяю сам. За деньги. Как автослесарь чинит машину. Вы сейчас чувствуете, что у вас внутри — неполадка? Нехватка чего-то важного?

Лиза кивнула. Несколько раз, много раз кивнула Лиза. Да, сейчас, как никогда, она чувствовала «неполадку». Ничего нельзя сделать, все зря. Все попытки что-то из себя представлять, кем-то быть, даже просто собой — бесполезны. А быть хочется.

— Повторяю: ваше отношение к миру это и есть вы, это и есть мир. Изменив его, это отношение, я изменю вас, но одновременно и ваш мир — мир, в котором вы живете. Это не страшно, надо только притереться немного. Ольга, например, теперь живет в сером доме, а раньше он был белый в синюю полоску, хотя она и не думала переезжать. Ольга помнит, каким был дом прежде. И не важно, каким он прежде был на самом деле, какой он для Ольги сейчас и изменилось ли что-нибудь с вашей, скажем, точки зрения. Важно только ее отношение, а для Ольги дом стал другим. Так же и с вами: наверняка будут изменения. Но это же не страшно, верно? Даже интересно. Доверьтесь мне сейчас, не сопротивляйтесь. Я опытный мастер. Я не трону вашу душу, вашу личность. Душа — зыбкий огонек, о котором никто доподлинно ничего не знает. Я над ним не властен, и не желаю этой власти, прочее же — преходяще. Доверьте это «прочее» мне. Лиза? Кивните, если доверяете мне!

Лиза кивнула. Что угодно. Нечего терять, потому что ничего нет. Пусть кто-то придет и сделает нечто, сделает так, чтобы машина ехала, а человек жил.

— Вот, вы мне поверили, вы меня ждете, я чувствую!

Лиза не видела Матвея Васильевича, хотя слезы высохли. Она смотрела в свои глаза и удивлялась их глубине. Никогда они такими не были. А значит — были, были всегда. Только Лиза их никому не показывала, даже себе. Глубина — это боль. А болеть-то нечему! Да, жизнь наперекосяк, но ведь не объяснишь же никому, что не в мужике дело, и не в апатии, и не в лени, и не болит ничего. Дело в пустоте.

— Пустота, — сказала Лиза.

— Так. И что же это за пустота? — Матвей Васильевич говорил над самым ухом, он что-то делал там, но Лиза его не видела.

— Пустота — это когда чего-то нет. Я не знаю чего именно, но пустоты не должно быть. Может быть, смысл. Или желание. Я в одной книге прочла про…

— Вот этого не нужно! — Он нахмурился голосом. — Забудьте книги. Про себя, только про себя.

— А что — про меня?.. Другие телевизор смотрят, а мне неинтересно.

— Хотите, чтобы было интересно?

— Нет! — Лиза тыльной стороной руки смахнула сохнущие на щеке слезы. — Нет, при чем здесь телевизор? Я про пустоту. Книги читать неинтересно. В походы ходить не интересно.

— Работа?

— Что?.. При чем здесь работа? Работа — это каторга… Матвей Васильевич, что вы делаете?

Он не ответил, продолжал дышать над правым ухом. Лиза попробовала чуть повернуть голову, но не смогла. Вспомнила про зеркало и увидела, как бегают по ее голове длинные крепкие пальцы Матвея Васильевича. Что они там ищут?

— Чего ты боишься, Лиза?

— Всего.

— Нет, не так. И не в пауках дело, не в крысах. Давай, посмотри себе в глаза и скажи, чего ты боишься.

Глубоко в глазах — страшно заглядывать.

— Трещины боюсь.

«Вот брякнула! Какая еще трещина? — Слезы высохли, и Лиза видела убегающие от глаз морщинки, а еще на лбу, от привычки хмуриться, и у губ. — Может, эти трещины страшат? Возраст?»

— Не то! — сурово оборвал ее мысли Матвей Васильевич. — Думай о трещине!

— Она извилистая и живая.

— А что делает?

— Расширяется… Там пустота.

— Бездна?

— Бездна. Пустота без дна. А трещина живая, она расширяется, она хочет проглотить. Она подо мной. Я боюсь.

Пальцы мастера изменений так сильно сжали макушку, что Лиза зажмурилась. Не от боли, от какого-то другого ощущения.

— Ты боишься трещины. Ну, так больше ты не будешь ее бояться.

Еще сжатие, еще… Тепло, макушка так и горит. И правее тоже, до самого виска. Матвей Васильевич вдруг резко повернул прижатые к Лизиной голове ладони, вырывая волоски.

— Ой!

— Все!

Они воскликнули одновременно. Матвей Васильевич облегченно вздохнул и шлепнул Лизу по голове, словно захлопывая капот. Клиенту пора завести машину и послушать,

как фырчит отлаженный мотор.

— Конечно, Лизонька! Готово дело. — Он вернулся на свое место, утирая пот.

Лиза видела, как он подмигнул ей, как губами вытянул из мягкой пачки торчавшую сигарету.

— Слышишь меня? Лиза!

— Слышу. И что теперь?

— А ничего. Иди по своим делам, если что — звони… Только знаешь, не посылай ко мне никого, предварительно не связавшись. Хорошо?

— Хорошо.

Она поднялась, опираясь на стол ладонями. Немного покачивало, но голова не болела. Гипноз?.. Наверняка. Нужно уходить, дура была, что явилась. Этот Матвей Васильевич, он ведь что угодно мог сделать! Рожа как у старого извращенца. А Лиза даже не сказала никому, куда отправилась. Дура. Деньги отдала… Потом, когда в себя придет, надо будет разобраться.

По коридору Лиза шла медленно, придерживаясь рукой за стену. Она боялась, что станет тошнить, что придется задержаться в квартире, но обошлось. Обула туфли, сминая задники, мстительно затолкала тапки под шкаф. Хозяин появился, довольно попыхивая сигаретой.

— Голова немного кружится? Бывает. Сейчас на воздух выйдешь, и все пройдет.

— До свидания, — сказала Лиза.

Она пошла вниз по лестнице, чувствуя на себе взгляд Матвея Васильевича. Он действительно смотрел, без интереса. «Не слишком симпатичная особа. Вон как бока трясутся на каждой ступеньке. Здоровата задница-то для тридцати семи, могла бы и следить за собой немного. Белое платье в черный горошек, с синим поясом — она в зеркало смотрится, когда вещи покупает?» — Матвей Васильевич был одинок по собственной воле, но иногда позволял себе посудачить о бабах, мысленно, сам с собой, после работы. Когда внизу хлопнула дверь подъезда, он затянулся в последний раз, швырнул окурок на верхний пролет и пошел в комнату, читать Шопенгауэра с заложенной страницы.

А Лиза, просидев несколько минут на лавочке, направилась к остановке. Перерыв скоро кончится, Наталия Игоревна будет кривить губы, но ехать-то все равно надо.

«Каторга, каторга, — подумала она. — Пять дней в неделю, не считая сдачи баланса. Бомжи веселее живут».

Лето. Как ни короток был гипнотический сон, а Лиза чувствовала себя отдохнувшей. В голове окончательно прояснилось, дышалось легко. Выйдя из рядов пятиэтажек на

широкий, продуваемый ветрами и отчего-то еще не застроенный луг, она даже заулыбалась. Одуванчики и облака, трава и солнце. Если этому не радоваться, если думать только, что жарко, что платье того и гляди промокнет где-нибудь на животе, то чему же вообще радоваться?

В туфлях по тропинке идти было тяжело. Лиза пару раз оступилась и просто сняла их, взяла в руки. Мягкая земля пружинила, где-то под ней — вода. Грязная вода, тяжелая, и все же живая. Низины обладают силой… Будто напоенная частью этой силы, Лиза взбежала наверх, к троллейбусной остановке, и уже на асфальте обулась.

Троллейбус подошел почти сразу, похожий на огромного, давно томящегося в рабстве жука. Усы ему выкрутили назад, словно руки пленного, и заставили бегать, ударяя током. Из открывшихся дверей пыхнуло жаром, но не чистым, солнечным, а человечьим. Лиза вскарабкалась по ступеням, ухватилась за поручень и задумалась: «Зачем я это делаю? Я ведь не хочу никуда ехать».

— Девушка, пробейте талончик!

Лиза обернулась и едва не вскрикнула: злое, оскаленное лицо. Смутно знакомое… Не чертами, скорее выражением.

— Талончик, — повторил мужчина, перестав улыбаться. — Пробейте, пожалуйста. Вон там.

В руке оказался кусочек картона. Лиза сумела вспомнить, что с ним нужно сделать — вставить в прорезь железного прибора и нажать. Исподлобья она огляделась. Лица, лица… Чем-то опасные. Куда она едет?

— Спасибо, — буркнул ее сосед, сам ударяя по компостеру и вытаскивая талон.

При этом он привалился к Лизе, и она вдруг, не успев ничего подумать, сильно ударила его локтем под ребро. Мужчина охнул, расступилась на миг удивленная толпа, и Лиза рванулась к дверям, назад. Что-то надо было понять, причем как можно быстрее — со всех сторон на нее дышала опасность.

По счастью, двери почти сразу открылись, и она выскочила, едва не сбив с ног пожилую женщину. Знакомые дома, улица… Лиза побежала, на ходу сбросив мешающие туфли. Горячий асфальт больно бил по пяткам, прохожие оборачивались. И все же нужно было бежать: с каждым шагом морок отступал. После него оставался кошмар чужих враждебных лиц, каменных улиц, грохочущих экипажей. Через этот кошмар можно было прорваться лишь одним способом — и она бежала.

Не помня себя, совершено выдохнувшаяся Лиза подбежала к знакомому серому зданию. Она трижды падала по пути, порвав

платье и разбив в кровь лицо и руки, горло горело огнем. За стеклянной дверью какой-то мужчина протянул к ней руки, но Лиза кинулась в сторону, сильно ударившись об угол. Дальше, дальше! Она скакала по лестницам вверх, уже совершенно не понимая, где находится и куда спешит. Вокруг кричали, пытались схватить.

Потом был коридор, потом комната. Старуха в углу вскочила, заговорила грозно, но Лиза не разобрала слов. За большим окном расстилались широкие, напоенные солнцем луга. Кто-то скакал далеко, на самом горизонте. Лиза видела колышущиеся алые плюмажи. Это были друзья!

— Я здесь!!! — закричала она далеким всадникам, подпрыгивая и размахивая руками. — Здесь!

Толстое стекло не пропускало звуков. Будто зачарованное, как весь этот дом! Лиза обернулась в поисках оружия, сбила плечом назойливую старуху. На столе нашлось несколько связанных железных ящиков. Схватив ближайший, Лиза, выдернув мерзкую на ощупь веревку, швырнула его в стекло. Оно отозвалось хрустом, от подоконника вверх побежала трещина.

— Да остановите же ее! — завопила Наталия Игоревна, когда в распахнутую дверь заглянули возвращавшиеся из курилки кредитчики. — Вызовите «Скорую»!

Лиза дралась, царапалась, наконец ей удалось вырваться из рук бросившихся на нее мужчин с перекошенными лицами. Она вспрыгнула на стол, пробежала по нему до подоконника и с маху, будто птица, ударилась о зачарованное стекло.

— Я здесь!!! Я здесь!!!

Стекло выдержало. Лиза сползла на подоконник и лишь провожала глазами удаляющуюся кавалькаду. Они не заметили пленницы, этот замок невидим простым глазом… Ее снова схватили, усадили и принялись что-то говорить, но Лиза не понимала, да и не хотела понимать. Морок спал, но остались его порождения. Сколько лет провела она в плену?..

Потом зазвучали особенные шаги, уверенные, беспощадные. Лиза посмотрела в сторону двери и увидела Белых Рыцарей. Ими предводительствовала женщина с холодными глазами, которая сразу же достала длинную иглу.

— Все хорошо, — сказала женщина, поднося иглу к руке Лизы. — Держите ее крепче.

Сопротивляться Белым Рыцарям было бесполезно, Лиза и не пыталась. Если это смерть — пусть. Но игла оказалась доброй: гул вокруг стих, в глазах перестало рябить. Белые Рыцари прикрикнули на обитателей зачарованного дома, приказав им отойти.

— Ты помогаешь мне? — шепнула Лиза женщине, что пришла с Рыцарями.

— Да, — подмигнула она. — Разве не видишь? Сейчас поедем в одно очень славное место.

И Лиза заметила ее красоту. Ну конечно, это… Она не могла вспомнить. Пока не могла, но теперь была уверена, что память вот-вот вернется.

— Идем к карете.

— Ты — Сестра!

Рыцари хотели набросить на Лизу новую одежду, но Сестра приказала им остановиться. Значит, Лизе не стать одной из Сестер? Значит, ее помиловали, даровали свободу. Еще есть шанс увидеть ту кавалькаду! Под охраной молчаливых, исполненных достоинства Белых Рыцарей Лиза спускалась по лестнице. Обитатели серого дома не рисковали приближаться.

— Я чуть с ума не сошла. Вбежала вся в крови, грязная, босиком… Она вас ударила, Наталия Игоревна?

— Да, я сейчас отпрашиваться пойду. Даже сердце защемило… А силища-то какая! Верно говорят, что сумасшедшие — семижильные. Монитор как запустила через половину комнаты — я думала, окно высадит! Выброситься хотела, помоги ей Господи.

— И ведь кто бы мог подумать?..

В карете Лиза хотела поговорить с Сестрой, но та приложила палец к губам. Белый Рыцарь, сидевший рядом, хохотнул, празднуя удачное похищение жертвы из-под самого носа мертвецов. Да, в сером доме жили мертвецы, теперь Лиза это поняла. Она даже вспомнила лицо того колдуна, что заточил ее: костистый, орлиный нос, пышная грива волос, сливающаяся с бородой. Он похитил ее и держал в плену много лет… Но не добился самого главного, не сделал ее рабой своего морока.

— Он так ничего и не добился от меня! — гордо похвасталась уверенная теперь в своей правоте Лиза. — Ничего!

— Чего же он хотел? — спросила Сестра, расправляя на коленях белоснежную тунику.

— Хотел… Того, что я обещала другому.

Сестра мягко улыбнулась, а Белые Рыцари и кучер громко расхохотались над неудачей колдуна. Лиза тоже засмеялась: все его козни оказались напрасны! Перед каретой расстилались луга. Каменный град исчез, рассыпался.

Дорога до дворца Сестер вышла долгой. Лизу провели, бережно поддерживая под руки, по прекрасному залу. Здесь прохаживались другие Белые Рыцари и Сестры, а также их слуги. Пол украшала чудесная мозаика, ярко горели свечи. Лиза

раскланивалась с равными себе, и они отвечали. По мраморной лестнице все вновь прибывшие поднялись на второй этаж, где Сестра отперла ключом сохранявшиеся все эти годы только для Лизы покои.

— Ах!.. — не сдержала Лиза восклицания, останавливаясь на пороге.

Это не было покоями. Солнце клонилось к западу, будто скатываясь по склону далекой горы. С другой стороны уже показалась боящаяся опоздать на смену луна — целая, чистая. По левую руку виднелся лес, а справа сияло первыми розовыми отблесками заката озеро. По воде плыли прекрасные птицы…

— Ну вот, входи, — чуть подтолкнула Лизу Сестра.

— Спасибо тебе! Я никогда не забуду твоих глаз! Будь счастлива!

— Вот и ты будь счастлива! — Сестра отступила, собираясь закрыть дверь.

— Мы еще увидимся?

— Обязательно! И очень скоро.

— Но как твое имя?! — Лиза уже чувствовала под ногами влажные травы, готова была упасть в них. — Я хочу знать твое имя!

— Я скажу тебе, когда мы увидимся. Жди, не скучай.

Сестра закрыла дверь, трижды повернула ключ и пошла заводить историю болезни. После укола больная будет еще некоторое время спокойна. А Лиза все-таки упала, прокатилась по траве, руками раздирая грязное платье. Этой нечистой одежде здесь не место! Потом, немного отдохнув, Лиза пошла на закат. Она не могла пока выбрать, к кому в гости заглянуть сначала — к озеру или к лесу? Напевая мелодию, когда-то забытую, а теперь вернувшуюся, Лиза поднялась на холм, чтобы обозреть свои владения. И увидела Его.

Он приближался. Чудесная шерсть сияла белизной, единственный рог гордо уставился в зенит. Грациозно, медленно перебирая стройными ногами, сказочный зверь дошел почти до Лизы и остановился, пугливо кося изумрудным глазом.

— Ну же, — шепнула Лиза, вытягивая руку. — Это я. Я вернулась такой же, как и ушла.

Раздувая ноздри, Единорог понюхал пальцы Лизы, и сердце девушки вдруг взорвалось паникой: что, если колдун все же преуспел?! Но в следующий миг зверь склонил голову, опустился на колени. Они признал ее Чистоту, ее Власть. Облегченно вздохнув, Лиза перекинула ногу через нежную спину Единорога, и он понес ее прочь от всего прежнего, которое забылось навсегда. Трещина заросла, теперь впереди лишь долгое и счастливое

ожидание настоящего Счастья, когда вдали покажется кавалькада всадников с алыми плюмажами. Один из них, скачущий впереди…

Наталья Резанова

ВДОЛЬ ГРАНИЦЫ СНОВ

В час дракона, в день луны и серебра,
Дверь закрылась, путь открылся на заре.
Так и двигаюсь теперь с того утра -
Крылья кожистые, латы в серебре
Слева — всем известный демон Азазел,
Для защиты справа — ангел Рафаил.
Так небесный крыг звериный повелел,
И газа заслонкой лунной мне закрыл.

Карен Бат-Адар

1

Я просыпаюсь от голоса Кьяра: «Пора! Рассветает!» Просыпаюсь я с трудом. Все шесть лет здесь я не высыпаюсь, потому что Кьяр меня непременно будит. Он сам спит мало, и не любит, когда спят долго, а если он меня не будит, значит его нет рядом, и я сразу просыпаюсь от страха за него.

Но на этот раз действительно пора, и некогда даже подумать о том, что мне снилось. Мы вышли вчера, а нынче к вечеру, Бог даст, должны быть на мельнице. Нас пятеро, с остальными встретимся в условленных местах по округе.

Идем мы пешком, по этому бурелому ни одна лошадь не проберется. Это для нас спасение. Кьяр приучил нас к таким переходам, так что страже по лесу и верхом за нами не угнаться, а уж пешим — и говорить нечего. Только они что-то часто стали шнырять в верхнем лесу. Поэтому Кьяр не велел мне оставаться там, хотя он не любит брать меня в дело. Но я бы и сама не осталась. Идем так — Кьяр, я, Тейт, Пескарь и Дубленый. Идти легко, мешок и арбалет — ноша привычная, а сапог на мне нет. Я всегда до снега хожу босиком. Некоторые у нас удивляются — неужто сам Кьяр не может своей бабе справить башмаки? А я не могу в башмаках, пускай даже змеи кишат в лесу и на болотах. И подошвы у меня стали такие, что я могу по дробленому камню ходить без вреда, не то, что по лесу. Подол только мешает. вечно цепляется. Но Кьяр не хочет, чтобы я ходила в штанах. Ну, и так можно.

А вообще мы все ходим быстро. Наподобие того греческого бога, забыла, как его называют, у которого на башмаках были крылья — нам про него Сколар рассказывал. А все суеверы в окрестных местах плетут про нас всякие небылицы. Пусть плетут.

Потом привал. Кьяр сидит у меня за спиной. Он думает, что он меня прикрывает. Пусть думает. Хотя, если будут стрелять из тех зарослей, я все равно услышу раньше. Передо мной — остальные. Тейт в шайке давно, задолго до меня, один из первых людей Кьяра, старше его, уже лысеет, тощий. жилистый, высокий. Вестейн-Дубленый долго мыкался, прежде, чем прибился к нам. Был и в замковой охране, и у Вульфера, а может, и у Чумного, а сам — из крестьян. Не человек, а сплошное поле боя. Шрамы и ожоги. Но силы необыкновенной. Ненавидит всех за пределами шайки, к остальным холоден. Пескарь еще ученик, но парнишка смышленый. Белобрысый, белесый, конопатый. Пескарь и есть.

Потом снова идем. теперь стража может хоть неделю рыскать по верху, мы уже с другой стороны хребта. К тропе выходим

ближе к вечеру, но солнце еще не закраснело, время есть. Кьяр кивает Пескарю, тот лезет на дерево.

— Идет. Чисто.

На тропе показывается Маккавей. Кафтан на нем — заплата на заплате, сапоги обвязаны бечевками, об ермолку словно ноги вытирали, из-под нее выглядывают тощие рыжие космы. На еврея, если у него вид сколько-нибудь зажиточный, нападает каждый, от барона до последнего стражника, и защищать его никто не будет. От своих ему тоже приходится таиться, потому что его община отнюдь не обрадуется, если прознает про дружбу с нами. Жизнь у него под ярмом двойной тайны, но Маккавей — один из самых ловких наших лазутчиков. Зачем ему это надо, не знаю. Он часто говорит, что поднакопит еще немного, заберет свою долю, уедет подальше и заживет, как человек. Все так говорят. Даже Кьяр иногда заявляет — погоди, скоро выроем наше из тайника, уйдем и заживем спокойно. Пусть говорит. Он бы мог сделать это и сейчас. Но он не уйдет из леса. Никогда. И другие не уходят. Почти не уходят. В лес редко приходят по своей воле, и еще реже по своей воле уходят.

— Я узнал, — говорит Маккавей. — Они выезжают завтра утром. Конвой обычный, труха, да четверо наемников, бывших наших замковых.

— Утром? Эначит, к вечеру будут у Вальтрады?

— Точно так.

— Наши знают?

— Я предупредил Короеда. Он обойдет всех.

Я не прислушиваюсь к их разговору. Все равно будет так, как решит Кьяр.

— Ладно, — говорит он. — С нами пойдешь или в город вернешься?

— Лучше в город, пока ворота не закрыли… Да, вы ведь к мельнику идете?

— Ясное дело, — говорит Тейт.

Маккавей заметно мрачнеет.

— Ну? Что скривился?

— Вернулся Принц. И просит, чтоб его приняли обратно. Он сейчас на мельнице.

Ужинаем на мельнице. Едим. Даже Тейт с мельником не обмениваются шуточками. Всем, кроме Пескаря, по молодости лет не понимающего в чем дело, мешает понурившийся в углу Принц. Впрочем, теперь бы его так не окрестили. Вылинял парень, совсем вылинял, от прежнего красавчика — одно воспоминание. Но не в этом дело. Принц — единственный на моей памяти, кто добровольно покинул шайку, причем сделал это

из-за женщины. А это здесь не одобряется. Правда, она была очень хороша собой, я ее видела. Ее звали Бувина, она пела и плясала по городским кабакам. В лесу, конечно, эта красотка жить не захотела. Так что же? Из наших женщин, кроме меня, постоянно в лесу никто не живет. Остальные жены, любовницы и подружки приходят и уходят. И не потому, что они такие неверные, а просто пока никто, кроме меня, не смог выдержать этой жизни — переходов, побегов, погонь, перестрелок, ночевок на снегу и прочего. Вот когда мы ставим лагерь на долгий срок, а у нас бывает и такое, они приходят и остаются. Но эта Бувина и близко к лесу подходить не желала. Тогда Принц вытребовал свою долю и убрался. Ему плюнули вслед и забыли. А теперь он, значит, запросился обратно.

Потом Принц начинает говорить. Он рассказывает, как мучила его Бувина, как изводила, как обманывала с каждым встречным-поперечным. Как он надеялся, что она уймется, когда забеременела, но она вытравила плод и снова принялась за свое. И удрала от него с последними деньгами. А он понял, что лучше верных товарищей ничего не было и нет.

Все это длится довольно долго, и Кьяр дотрагивается до моего плеча.

— Иди-ка ты спать, — говорит он, — мы еще посидим.

Я послушно поднимаюсь наверх, но сон не идет. Я была бы рада и простому забытью, и тем диким видениям, которые часто посещают меня и сбивают с толку странными словами и непонятными образами. Но сна нет.

Появляется Кьяр.

— Спишь?

— Нет, не сплю, — говорю я. — И куда ты вечно меня торопишь? Ведь есть же время. Отдохнул бы сам.

Против ожидания он не спорит. Плюхается рядом со мной на солому, не снимая сапог. Потом поворачивается в мою сторону.

— Хаста, — говорит он, — тебя очень расстроило это дело с Принцем?

Он всегда понимает, что я хочу сказать, даже если я молчу. Поэтому я не отвечаю.

— Не терзай себя. Шлюха она и есть шлюха.

Я тоже понимаю, что он хочет сказать, даже если он говорит без складу. Он не хочет, чтоб я огорчалась. Правда, с точки зрения горожан я тоже шлюха, но для лесных людей я — праведница. Однако шлюха Бувина убила своего ребенка, а я, праведница Хаста, родить не могу.

— Да не терзай себя, я сказал! Разве младенец выжил бы при нашей жизни?

Я молчу.

— И потом, он виноват не меньше ее.

— Ты говоришь так, потому что у тебя никогда не было выбора между женщиной и товарищами.

— У меня был выбор, — смеется он, — когда я выбрал тебя. А дальше выбирать уже не надо было.

Мы молчим.

Этот странный час перед рассветом… В голове начинает мутиться… я вижу непонятные картины, лица… слышу непонятные слова, похожие на заклинание… и колдовские знаки мелькают у меня перед глазами.

— Кварк, — безотчетно повторяю я. — Эксел …

— Что ты сказала?

— Ничего. Ты не помнишь, по какому случаю мы прозвали его Принцем?

— Нет, совсем выпало.

— Примешь его назад?

— Не знаю, — сухо отвечает он. Я вижу, что ему очень не хочется. Принц для него предатель. Но он не может нарушить установленные им самим правила. — Это уж пусть все решают. Ладно, хватит валяться. Пора вставать!

2

Пора вставать. Меня никто не будит, мне не нужен будильник, я сама просыпаюсь рано и никогда не высыпаюсь. Последние пять-шесть лет — точно. Опять мне снилось что-то из этого… сейчас уж не припомню. Некогда. Я встаю ни свет ни заря, чтобы привести себя в порядок, иначе лошади… Господи, какие здесь, в Костанжогловском районе лошади … их и у нас поселке-то почти не осталось…. — маршрутки будут шарахаться.

В ванную прихватываю с собой приемник и включаю «Радио Селяви». По утрам тетка спит крепко, и ее не будит ни шум воды, ни «хэви металл». Всю сознательную жизнь она проработала кадровиком на судоремонтном заводе, служа верой и правдой за эту квартиру, и, безусловно, наслышалось такого грохота, что все шумы, производимые мною, представляются ей легким дуновением.

А меня хорошая порция тяжелого рока вместе с контрастным душем приведет в себя. После таких сновидений это необходимо. К тому времени, когда я перебираюсь из ванной на кухню, рок сменяется повизгиванием очередного попсового звездуна, и я переключаюсь на местные новости, аккурат к сообщению об открытие чемпионата по парашютному спорту «Итильские боги». Во кощуны! Мне, замшелой атеистке, и то неловко. Затем включается местный маг и звездочет Федот Рокфеллер со своим ежеутренним астропрогнозом. Этот бред я тоже не слушаю, но хотя бы могу понять. Говорят, Федя по образованию психотерапевт, и таким образом снимает у населения стрессы. Под его успокоительное бормотание варю кофе и достаю из холодильника молоко для тети Люси, чтоб согрелось до комнатной температуры.

Одеваюсь согласно погоде — белые немецкие брюки х/б, серая блуза с поясом, серые босоножки, сумка через плечо. Пока что погода не слишком отличается от летней, и надо этим пользоваться. Последний взгляд в зеркало — в порядке. Пора отбывать. Я никогда не опаздываю на работу. Я педантична и горжусь этим. При наших доходах больше гордиться нечем. Это я себе напоминаю каждое утро, пока давлюсь по пути на работу в двух маршрутках. Конечно, в моем возрасте пора бы иметь собственную машину или хотя бы ездить на такси, но на машину мне сроду не накопить, а такси лишило бы нас и кофе, и молока.

«Ездила бы на трамвае, там народу меньше», — вздыхает тетя Люся, и я устала объяснять ей, что, во-первых, на трамвае в два раза дольше, а во-вторых, пришлось делать бы не две, а три

пересадки, поскольку на наш проспект Летчиков трамвайные пути провести не удосужились.

Как добрая половина жителей нашего богоспасаемого Итиль-города, я квартирую в пролетарской, заречной части города, а тружусь «у белых людей» — на Горе. Но не в старом городе, а поближе к типовым микрорайонам, ничем, в сущности, от зареченских, неотличимых.

После пересадки у ярмарки народ в транспорте рассасывается, можно даже сидеть, и я успеваю проглядеть взятый в технической библиотеке последний номер «Scientific review». Подумать только, когда-то я мечтала об академической карьере! Ничего из этого не получилось. К сведению — я заканчивала не гуманитарный факультет, как большинство окружающих меня жлобов, а радиофизический, и не с худшими результатами. Однако рылом-с мы не вышли, из нашей-то Макароны. А несколько лет назад, когда пошла эпидемия повальных сокращений, женщин, как всегда, пропустили вперед, и я вообще оказалась без работы. Единственным местом, где удалось зацепиться, была «Итильская неделя», изданьице на государственной дотации, и соответственно, с той позицией которую на данный момент занимают местные власти. Мне, в общем, на это наплевать, я не журналист, я совмещаю должности программиста и системщика. За одну зарплату, естественно.

Вот и проспект Летчиков. Чтоб дотопать теперь до нашей конторы, надо еще дважды перейти дорогу, причем в довольно оживленных местах. А я страшно боюсь городского транспорта, это последний еще неизжитый комплекс глубокого провинциала. А было их, этих комплексов, видит Бог, немало… Р/п Каронино, в просторечии Макаронино, Макарона тож. И сразу после школы — в город. Не мегаполис, но близко. И все постепенно, кроме глубокого почтения к правилам дорожного движения.

Ровно в восемь я на месте.

— Здравствуйте, Марина Яковлевна.

— Привет, Витя.

Витя Худяков — стажер. Ему как юнге, положено быть на месте первым и выполнять все команды вышестоящих. Правда, дедовщина-бабовщина у нас не в заводе — больше от лени, чем по добросердечию. Несколько позже прибывает Слава Замятнин. А последним, как и подобает Александр Иванович — начальник отдела информации. И весь отдел — три землекопа и две трети — в сборе.

Я принимаюсь за работу. Слава принимается за работу, предварительно услав Витька за куревом… А. И. размышляет. О чем? Кто его знает. Но я могу оторваться от компа и спросить.

Бывало уже. Мой непосредственный начальник не знает, как ко мне относиться. С одной стороны, я не пью, не курю, не гуляю. И наркотиков не употребляю, ибо теперь об этом принято сообщать. С другой стороны, я много говорю, и преимущественно на посторонние темы, а это существенно уменьшает вышеперечисленные достоинства. Однако ж я работаю без замечаний. Более того, есть мнение, что я здесь не задержусь. В каком смысле? В хорошем, господа, в исключительно хорошем. А вы что думали господа? Даже в нашей стране кризис не вечен. И некоторые крепкие фирмы вполне могут себе позволить принять на работу программиста женскаго полу. И некоторые доброжелатели уже донесли А. И. о том, что резюме было принято, и первое собеседование прошло благополучно. А «Итильская неделя» может и лишиться дотации, и где гарантия, что в будущем он не окажется у меня под началом? Поэтому он согласен пока терпеть мои разговоры. Но только терпеть. А если б я еще сказала ему, что вижу сны… Но сейчас не до снов, работа, господа, бывшие граждане, работа!

А где работа, там и обед. В отличие от некоторых пижонов, тратящих свои гроши в ресторанчике «Буй-Тур», я довольствуюсь столовкой, которую мы делим с технической библиотекой. В очереди я снова пытаюсь связать в памяти все обрывки, но пока без успеха. На обед у меня — кефир. Я предпочла бы сметану, но сметаны нет, я не Штирлиц, обойдусь и кефиром. А более ничего мой желудок, избалованный маминой, а затем теткиной стряпней, в нашей харчевне не принимает. Андрей Сажин, дизайнер, машет рукой из-за стола — место занял. Дрюню я знаю давно, мы ним после университета посещали курсы ликвидации компьютерной безграмотности. Он один из первых в нашем городе профессионально занялся веб-дизайном, и у него немало частных заказов, в то время как большинство его соратников с архитектурного торгуют своими творениями на Преображенке, где у нас толкучка художников.

Я сажусь, а рядом примащивается Паша Фирсов с тарелкой гречневой каши. Исключительно потому, что больше нет свободных мест. Впрочем, Сажина для себя он еще не вычислил. Меня он не любит по тем же причинам, по каким не пьет кефир — принципиально. Весьма принципиальный молодой человек. Типа обозреватель, но в журналистской тусовке практически не показывается. Презирает. Он у нас большой любитель всяческой эзотерики и активист общества «Капище Сварога».

Сажин тем временем начинает блистать эрудицией. Он еще на курсах этим отличался. Сейчас он хвалится выкаченной из Сети распечаткой «Чжуан-цзы». Хотя мог бы дойти до

Балабановской библиотеки, если ломает ходить по книжным магазинам, и спокойно взять том «Философского наследия». Все почему-то думают, что все интересное при большевиках обязательно запрещали.

Андрей в восторге.

— «Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он бабочка», — сообщает он. — «он весело порхал, был счастлив, и не знал, что он Чжоу. А проснувшись внезапно, даже удивился, что он Чжоу».

— «И не знал уже, Чжоу ли снилось, что он — бабочка», — подхватываю я — «или бабочке снится, что она — Чжоу. Ведь бабочка и Чжоу — совсем не одно и то же. Именно это то, что называется превращением вещей». Это мы кушали, Дрюня, еще во времена студенческие. «Где бы мне найти человека, забывшего о словах, чтобы с ним поговорить?». Тогда была повальная мода на дзен и даосов, так же как сейчас на неоязычество.

Фирсов хватает тарелку и отсаживается на освободившееся место за соседним столом.

— Что это с ним?

— «То ли выпь захохотала», — говорю я, — «то ли филин заикал…»

— «На душе тоскливо стало у Ивана-дурака», — я удивлена, что он смог подхватить цитату. Высоцкий сейчас подзабыт, привязанность к нему — тоже комплекс провинциала.

По-моему, Пашка нас слышит. Меня это устраивает.

После работы заглядываю еще в одну фирму — надо иметь в запасе несколько вариантов. По возвращении домой сил хватает лишь на то, чтобы прожевать разогретый теткой ужин. Тетя Люся бухтит, она чем-то недовольна, то ли моим внешним видом, то ли поздним приходом, но от меня уже отскакивает. Я устала и хочу спать. И более всего меня интересует в настоящий момент — примет Кьяр Принца обратно в шайку или нет?

3

Я осматриваю рану Короеда. Не рана — царапина, промыть, и все дела. Он дергается и скулит. Это смешно — боец злой и отчаянный, Короед боится боли. Он боится боли и мечтает, чтоб его перестали звать Короедом. А сам ведь рассказывал, как у них в деревне во время голода ели кору. Верно, иногда клички меняют. Маккавея, например, сперва прозвали Иудой. Но «Короед» прилипло и не отдирается. Как кора.

Мы сидим в Гнилом логу, к северу от Вальтрады, и люди понемногу собираются. После захвата обоза Кьяр нарочно велел поделить добычу поровну между всеми. И большинство притащили свое обратно для тайника. Все знают: Кьяр — не Вульфер и не Чумной, он своих не ограбит.

По склону съезжают еще четверо. Все, ждать больше некого. Собралось человек тридцать, почти все, кто в подчинении у Кьяра. Не пришли только больные, и те, кто сейчас далеко от леса. Сколар и Маккавей.

Я отхожу к костру. Теперь время заняться ужином. Суд — это их дело, а мое похлебка. Так думают они все. Кроме Кьяра. Но сейчас я поступлю так, как думают все. Одной женщине среди трех десятков мужчин, даже если она живет с предводителем, следует молчать. И даже не в этом дело. Просто я не хочу говорить.

Они тем временем сбираются в круг и вытаскивают Принца на середину. Я помешиваю в котле. Я не хочу слушать. Не знаю почему, но мне не жаль Принца. Кстати, я вспомнила его настоящее имя — Никлаус. Не надо было ему приходить обратно. Тому, кто ушел из леса, обратно хода нет. А он все говорит, и бьет себя в грудь, и клянется… В конце концов, он ведь никого не выдал, нет? Кьяр молчит. Я сижу, слежу за варевом, и хочу заткнуть уши. Если бы я могла вспомнить свой сон! Но я помню только небо, очень синее, чудовищно огромные здания и много шума. Как на шабаше. Стук, вой, визг. Но там, во сне, я этого шума не слышала. Там, во сне, я передвигалась среди этого шабаша свободно, как рыба в воде… или как я в лесу. Нет, я не могу совсем уйти в сон, они говорят слишком громко. К тому же дозорный свистит.

На тропе слева показываются двое. Кривой и Мэрта. Кривой тащит к тому же бочонок с пивом, который сваливает на землю возле меня, а сам отходит к мужчинам. Мы с Мэртой киваем друг другу, и она присаживается к костру. Немного погодя подходит Кьяр.

— Ты тоже должна сказать.

— У меня похлебка пригорит, каша еще не готова…

— Мэрта присмотрит. Идем!

Господи! Зачем ему это понадобилось? Я понимаю — он хочет показать перед всеми, что мое решение тоже имеет значение, но когда они все уставились на меня, я готова зарыться в землю. А может, это мне кажется, никто особо и не смотрит.

— Ну, Хаста, а ты что скажешь? Оставаться ему или убираться?

— Мне все равно, — говорю я. — Что бы вы ни решили, мне все равно.

Кьяр отпускает мою руку. Он недоволен, я знаю.

Потом оказывается, что из тридцати двух человек восемнадцать были за Принца, остальные — против. Мой голос ничего бы не изменил.

4

Среда у меня вроде бы библиотечный день, он мне положен. Это еще с допотопных времен, при большевиках, не предвидевших возникновение Сети, завели. Технический персонал, к каковому я имею счастье принадлежать, обязан быть в курсе технических новинок. Но Александру Ивановичу вовсе не светит отпускать меня на целый рабочий день. Поэтому мы договорились, что в отдел я прихожу после обеда. А до этого могу делать, что хочу. То есть, в библиотеку я, конечно, иду. По случаю солнечной, почти летней погоды — не в техническую, а в Балабновскую, ноги размять, прогулявшись от Летчиков до Преображенки. А в читальном зале — свобода. Можно читать, можно писать, можно думать, можно предаваться воспоминаниям. Они у меня не слишком красивы или оригинальны, зато свои.

Макарона — бензиновая гарь, родители — поселковые учителя, спящие, намаявшись после ежедневной войны с прогрессирующим невежеством бепробудным сном, стук в окно после двух часов ночи, сиплый бас-дискант-фальцет: «Я до Сереги!» А брат Серега по бабам пошел, будет гулять, пока его кто-нибудь с багром не встретит. Или с топором, кому как больше понравится. Махаловка на пятачке у «Серой лошади», паленая водка, которую пьют, не поморщившись, а технический спирт не отличают от медицинского, и настойка на астматоле для любителей более крутого кайфа. Анаша и таблетки появились у нас позже. Но я-то знаю кайф покруче! Библиотека! Сначала поселковая, потом университетская. А там уже — весь тогдашний пантеон: Булгаков, Гессе, Акутагава, Сэлинджер и даосы, «Основы вычислительной техники», Высоцкий, «Властелин колец», еще не ставший новой религией, Борхес, «Аквариум» и царица наук — математика. Наука, которая не лжет.

Ясно, что под библиотекой я определяю не просто собрание книг, а некий комплекс понятий, делающий человека личностью. В данном случае Сколотову М. Я. Может быть, и сюда я хожу исключительно по этой причине. Однако ели я уйду из нашей конторы туда, куда собираюсь, еженедельным визитам в читалку придет конец. Ладно, обойдусь интернетом. И довольно об этом.

На обратную пешую прогулку времени уже не хватит, придется снова загружаться в маршрутку. Остановка — на другой стороне площади, возле залюбленного журналистами «Буй-Тура». По счастью, здесь есть подземный переход, и мне не надо трепать нервы, мечась, как ошпаренная крыса, между машинами — по-моему, у нас в городе все водители — прирожденные дальтоники,

и зеленого света не видят в упор. Ради душевного спокойствия можно было потерпеть даже непременных певцов и музыкантов, прочно обсидевших это место.

Вот и сейчас у исписанной и разрисованной стены наблюдается целое трио. Девица в длинном красном платье, стянутом поясом из медных блях, и два парня. Этим на стильный прикид уже не хватило, они в обычнх джинсах и майках, зато вооружены скрипкой и флейтой. Девица самозабвенно тянет:

Двенадцатого, в пять часов,
Я отодвинула засов.

Светало. Даль была ясна.
В газах как не бывало сна.

Мне путь себе не выбирать.
Мне дело — до свету вставать,

Не задержаться у креста,
Не наклониться у моста,

И ждать, пока свершится срок,
На перекрестке трех дорог.

Об этом песню не споешь:
Рассвет, колодец, окрик, нож,

И занемевшая рука,
И вздох, глубокий, как река.

Теперь моя земная ширь —
Венец, костер и монастырь.

Пути открыты с этих пор —
На рынок, в лес и под топор.

Шел ветер. Даль была светла.
В глазах как не бывало зла.

Когда она замолкает, я выгребаю из кармана всю мелочь, загодя приготовленную для транспорта, и швыряю в футляр от скрипки.

— Спасибо, ребята. Не за то, что пели-играли, а за то, что перестали!

Они супятся от обиды, но молчат — вдруг да в другой раз не подам. А я и впрямь не подам. Не водится за мной такого — швырять деньги уличным музыкантам. Но и хамить им я тоже не имею привычки. Зачем обидела ребятишек, спрашивается? Они деньги зарабатывают в меру своих способностей. Может, меня псевдосредневековый прикид девицы вывел из себя? Или сама песня? Но ведь ничего же общего…ничего…

Пока еду на работу, в голове вертится непонятное слово «таулта». Мне оно ни о чем не говорит. Или говорит, но я забыла, об этом. Надо будет как-нибудь посмотреть в словаре. Если б еще знать, какого языка…

В положенное время и даже чуть раньше я появляюсь в отделе. Витюши нет — в столовке, Славы нет — в «Буй-Туре». За стеллажами — голоса. Один — начальников, другой — Пашкин. И обсуждают они, между прочим, меня.

— Нет, почему же, Сколотова — русская фамилия. Сколоты — скифское племя, от которого, предположительно, произошли славяне. Сколоты — склавины — славяне, такой ряд…

— Это она сама вам сказала?

— Разумеется.

— Скифы, как же! Уж тогда хазары… Ясно, что еврейка. Фамилию-то можно и поменять. А Яков — самое еврейское имя.

— Ага, — говорю я, заходя за стеллажи. — Еврейское. Так же как Иван. Да Марья. А также Петр, Павел и Андрей Первозванный. Ну, ты ведь у нас Библию не читал, ты на своих камланиях хреном моржовым в бубен стучишь, свой-то, небось, оторвали давно? А теперь пошел, сука, отсюда!

Пашка удаляется, не вымолвив ни слова. Он привык действовать заглазно. И слаб он против моего каронинского воспитания. Тут никакое «Капище Сварога» не устоит.

А. И. морщится. Ему неудобно. Собственно, мои слова должен был сказать он.

Я тоже хороша. Второй раз за день срываюсь. Что я, Пашку не знаю? И совершенно незачем было так орать, как сказано у классика. Причем не совсем по делу. Петр и Андрей — имена не еврейские, а греческие.

(А Хаста — какое?)

— Ладно, — говорю я, — давайте работать.

Но с работой что-то не ладится. Вновь начинает лезть в голову всякое… причем, достаточно последовательно. Не Пашка ли, засранец, послужил катализатором, вызвавшим «момент истины?» Нет, пожалуй, это произошло раньше. Музыканты? Нет, еще раньше…

И то, что я говорила в столовке… Увольте меня! Какая-то

сожительница какого-то уголовника, где-то в Северной Европе, да еще в Средние Века… Ориентиры! Я даже не знаю, как выглядит Хаста, потому что вижу этот мир ее глазами. Хаста, надо же, имячко!

Все. Хватит!

Александр Иванович заметил, что я отвлеклась, и поскольку он в претензии на меня за свое смущение, начинает бубнить из-за стеллажей про грядущую мэрскую комиссию, к которой надо готовиться, а я занята неизвестно чем…

Вот именно.

События дня настолько выбили меня из колеи, что когда после работы Андрей Первозванный, то есть Сажин, в очередной раз начинает напрашиваться в гости, я на сей раз не отлаиваюсь. Сажин — мужественный человек. Его даже не испугала моя тетушка, исправно работающая жупелом для всех знакомых мужиков. На самом-то деле тетя Люся не так страшна, как я ее малюю, просто пребывание мужчины в ее стародевической квартире приводит тетушку в эйфорическое состояние. Она все еще надеется… на меня, понятно. Я разливаю кофе (а как же!), Сажин роется в книгах — некоторые вывезены еще из Каронина. В те полузабытые времена всеобщего дефицита книжные магазины в области были богаче, чем в городе. Других богатств не имелось.

Разумеется, едва войдя в комнату, и оглядевшись, он спрашивает, где у меня компьютер. Рефлекс, ничего не поделаешь. Честно отвечаю, что не держу. Уж на комп-то моих заработков бы хватило. Но пусть хоть дома глаза отдыхают.

Тетя Люся периодически заглядывает в комнату. Пусть заглядывает, ничего существенно нового она не увидит. Словом, все честь честью.

— А это что? — спрашивает Сажин. Он поднял с пола какую-то бумажку, видимо, выпавшую из книги. — График какой-то, расчеты… может, что нужное?

— Ну-ка дай сюда. Чьи ж это каракули такие безобразные? Батюшки-матушки, да это ж я рисовала…когда? Аж в девятом классе. Позже я уже теорий не придумывала.

— И что ж это такое?

— А это, брат Дрюня, не менее, как попытка изобразить графически ход времени. Потому что если представить его себе не вертикальным, а горизонтальным, то все происходящее во времени происходит одновременно. Нет ни прошлого, ни будущего, есть общее «сейчас», но на разных отрезках.

— Ну, мать, хорошо, что ты остановилась в девятом классе. А то вдруг бы начала проводить теорию в жизнь?

Мы смеемся, пьем кофе, немного беседуем. Потом я

ненавязчиво, но твердо выставляю Сажина за дверь. Посидели и будет. Под непрерывно льющиеся тетины сетования мою посуду, раскладываю диван и гашу свет.

Тетка все вопрошает: «Ну почему, почему?»

Их было не так уж мало, начиная с университетских лет. Потому что, несмотря на ежедневные и полезные, как массаж, самобичевания, я не так уж дурна собой. И, как говорится, в наилучшей спортивной форме. Поэтому находились типы, желавшие свести со мной знакомство поближе, а может быть, и довести его до загса. И каждый раз тетка спрашивала: «Почему, почему?»

Но я-то знаю, почему.

Потому что никто из них не похож на Кьяра.

5

Мы были у Свена-угольщика, когда пришел отец Дамиан, прозванный «пастырем бедняков». Он все еще не оставил надежды вернуть нас на путь истинный. Хотя к Кьяру он больше не подходит, знает, что тот слушать не будет. Причем он почему-то уверен, что Кьяра на путь порока сбиваю я. Попробовала бы я заставить Кьяра сделать хоть что-нибудь против его желания!

Но отцу Дамиану нравится так думать. И с этой мыслью он не поленился уйти так далеко от своего прихода. И направился прямо ко мне. Чтобы опять попытаться открыть мне глаза на мою греховную жизнь. Вот я живу в беззаконной связи с Кьяром, который, хоть и не лишен добрых свойств, но все же грабитель и убийца. А в городе я могла бы остаться честной женщиной. Вступить в достойный брак, освященный церковью. Или оставаться девицей, благо моя добропорядочная родня могла бы обеспечить мне достаток до конца дней, раз уж я не захотела найти успокоение в стенах монастыря. Стало быть, про монастырь он слышал. Ох, грехи наши тяжкие.

А я вообще не могла оставаться в городе, ни у родных, ни в монастыре, куда меня хотели отдать, хотя никакого зла я ни от ближних, ни от монахинь не видела, не могла я там жить, и надоело, что меня там считают тронутой. Но этого я ему сказать не могу. И говорю, что мне уже все равно.

И отец Дамиан ужасается. Потому что таких слов в ответ на свои проповеди он ни от кого никогда не слыхал. Потому что я на все вопросы отвечаю «все равно», это ему и Тейт говорил, и Короед, болтуны несчастные. А мне вовсе не все равно, я просто не хочу, чтобы меня спрашивали. Поэтому я спрашиваю сама.

— Так что же нам, по-твоему, делать? Разойтись по монастырям?

— Ты смеешься надо мной, а это было бы лучше, право, лучше. Ведь вы же говорите, что вы все здесь честные христиане, не еретики. Ведь вы все христиане? — спрашивает он с тревогой.

— Да, — говорю я. За тех, кто здесь, я могу отвечать, а про Маккавея он не знает. Лучше ему не знать, а то его пастырская кротость может и не выдержать. Даже наверняка не выдержит.

— Потому что только церковь могла бы вас спасти. На этот раз вам не уйти. Наместник головой поручился, что уничтожит вас. И солдаты идут к городу со всех концов провинции.

Нас уже столько раз обещали уничтожить, и не только наместник, но и легат, и покойные Вульфер с Чумным, и другие вожаки — пришлые, и беглые солдаты-мародеры, что меня не

пугают его слова. Скорее, это для него повод, чтобы закончить неприятную беседу. Он уходит, а Кьяр возвращается от угольной ямы, где говорил со Свеном. Он, понятное дело, ничего не слышал, но и без того знает, что вещал отец Дамиан. Я все же говорю ему про солдат. Он отмахивается.

— Отобьемся. — Потом спрашивает: — А тебя он монастырем заманивал?

— Да, как всегда.

Лицо у него в саже, и смотрит он как-то странно. И снова спрашивает:

— Может, тебе и в самом деле лучше укрыться в монастыре?

— Ты меня гонишь?

— А ты знаешь, что они с тобой сделают, если нас поймают?

Я знаю. Даже слишком хорошо знаю. Как ее звали, женщину Чумного? Таулта, верно. Ее захватили, когда она шла к нему в лес. Тогда я поняла, что таким, как я, даже честной казни не дано.

— Но мы же с тобой договорились. Разве ты передумал?

— Я помню. Ты ведь моложе меня. Ты можешь прожить еще долго.

— Женщины старятся раньше, — говорю я.

Ничего подобного я от него раньше не слыхала. И разница в летах его не смущала. Поэтому я перевожу разговор на другое — куда нам уходить.

Он смеется.

— Это просто. Они пусть ищут нас в лесу, а мы уйдем в город.

Да, мы уже делали так. Но мне это не нравится.

Однако я не успеваю сказать об этом. Слышится свист Тейта, и на поляну с треском вываливается Маккавей. И ложится на землю носом вниз чтобы отдышаться. Потом сквозь свистящее дыхание становится различим голос.

— …надо уходить. Лошадей у Снорри возьмем. Они целое войско пригнали в город. Солдаты на всех заставах. — Он с трудом садится, трет тощую грудь. — Еле пробрался… Они идут сюда.

6

Подъем, разминка, водные процедуры. Долгая работа над собой в ванной с помощью кремов и лосьонов, ибо мои не слишком густые волосы, не слишком гладкая кожа и не слишком ровные зубы ясно дают понять, что мои родители, а также деды и прадеды хорошо знали, что такое хроническое недоедание.

А мы уже вылезли за китайскую черту бедности, правда, до американской еще далеко. А, к черту! У меня есть моя работа, и мои книги. У меня нет подруг, и тем более друзей, а для сердечных привязанностей есть мои родные. Я их понимаю, они меня понимают, и с легкой душой выпустили меня из Каронина. Танька со Светкой еще у родителей под крылышком, я здесь, а братец служит по контракту. И молодец. Останься он в Макароне, мотал бы второй срок не в армии, а на нарах. А так он герой.

Тетушке сегодня что-то не спится. Она приходит на кухню и смотрит на меня осуждающе. В чем дело?

— Марина, ты совсем перестала есть. На тебя страшно смотреть. Ты просто таешь на глазах.

— Тетя, ты успокоишься только тогда, когда во мне будет не меньше ста килограммов. А я ем ровно столько, сколько мне нужно…

О чем это я? О мэрской комиссии? Или о собеседовании? Да провались они, вместе с мэром и хозяином крутой фирмы в самую глубокую задницу. И черта с два нужна мне эта карьера! Вперед и вверх, «к тому высшему интеллекту, который сам по себе прекрасен и сам по себе благ».

Андрей Первозванный, умный мальчик, определи автора цитаты. Тебе бы она понравилась, в этом я уверена. А знаешь, что с ним, с автором сделали? На костре его сожгли, брат Дрюня.

На собеседовании все идет как надо, как положено, они задают вопросы, я отвечаю правильно. Но что-то еще происходит. Они сидят передо мной, мы говорим, но уже не понимаю, что говорю, и не знаю их. Совершенно чужие лица. Вот этот круглый, налитой, улыбающийся, он немного похож на Чумного, но Чумной умер, а это кто?

Я смотрю на свою руку и вижу другую. Грубую, темную, с обломанными ногтями. Это не моя рука, я забыла русский язык, я никогда не изучала высшей математики. Это все мои сны, они… Но я не схожу с ума. Иначе бы все это давно заметили. Я просто вижу сны… вот и ответ…

…Мы созданы из вещества того же
Что наши сны, и сном окружена

Вся наша маленькая жизнь…

Нет, нет, это мы тоже кушали, так же, как и даосов. Чжоу и бабочка… … Алиса и Черный король. Все не то, и не в этом дело, совсем не в этом. Недовольство собой, невозможность жить в своей среде, нежелание принять предложенные обстоятельства… а больше ничего общего, ничего. И моя детская теория есть не более чем школьные выдумки, тоже мне, мыслитель с Макароны, все события не могут происходить одновременно.

Но можно представить, что где-то на пересечении времени и пространства, яви и сна существует точка, в которой Хаста и Марина являются одним человеком…

7

Я совсем перестала видеть сны, даже если урывками удается уснуть. Страна моих снов, ты не можешь быть ни раем, ни адом, куда попадет моя душа. Но ни раем, ни адом не считала я эту жизнь, а сейчас…

Мы встретились на Бычьем рынке. Мы считали удачей, что они застигли нас именно здесь, потому что именно на Бычьем рынке мы когда-то устроили роскошный костер из долговых расписок, и все здешние жители обещали нам помощь и поддержку. Но при появлении солдат они все попрятались по домам. Но это не спасло их, потому что в конце концов солдаты кинулись по домам грабить. Только поэтому нам и удалось уйти.

Короед убит, Мэрта убита. Ингер, Сколар, Ауд, Снорри — сколько народу полегло, Боже мой! А остальные схвачены или ранены. Нас восемь, и мы уходим. У Вестейна сломана рука. И Тейт что-то стал заговариваться. Но он хотя бы не ранен…разве что старая рана воспалилась. И еще Кривой, Пескарь и Маккавей. И Принц. Он тоже уцелел.

Мы уходим к Песчаной косе. Там всегда принимали нас после того, как мы выжили из тех мест шайку Беззубого. Ждем только Пескаря. Его, как обычно, послали посмотреть, чиста ли дорога.

— Идут, — шепчет он. — Десятка два. Пешие. Латники.

Мы встаем. Кьяр подходит к Маккавею.

— Симон, — говорит он. — Уходи.

— Да ты что! — Маккавей кричит, откуда только силы берутся. — Я с вами! До самого конца!

Я молчала несколько дней. Но сейчас я говорю. Потому что я всегда знаю, что хочет сказать Кьяр.

— Маккавей. Подумай, что будет с общиной, если тебя найдут с нами, живого или мертвого. Ты знаешь, что все припишут им. И тогда…

Маккавей уходит, плача. Я знаю, что никогда его больше не увижу. Потому что прорваться нам — чистое безумие.

Не только потому, что нас мало. Ни у кого у нас нет брони, только кожаные куртки, оббитые бронзовыми бляхами — у Тейта и Кьяра. И оружие… Кьяр всех нас научил стрелять, даже меня, но если завяжется рукопашная, арбалеты нам не помогут. Еще ножи, дубинки, топор у Вестейна, мечи у Кьяра и Принца. Кьяр хорошо владеет любым оружием, выучился, еще когда служил в дружине у своего барона. Того, которого он потом убил. А как Принц управляется с мечом — не знаю, не видела. От меня тоже толку мало. Я почти не принимала участия в стычках — Кьяр этого не

допускал. И теперь в бою я буду скорее мешать, чем помогать.

Но мы идем навстречу латникам. И прорываемся. Без Вестейна, без Кривого и без Пескаря.

К вечеру я обнаруживаю на обходной тропе еще одну заставу. И мы уходим в чащу. Есть еще тропа, мы знаем их все. Но они тоже знают, как выяснилось.

При закатном свете на тропе видна черная фигурка, изо всех сил машущая руками. Принц прицеливается. Кьяр удерживает его руку. Это отец Дамиан.

Мечта отца Дамиана исполнилась. Не совсем так, как он хотел, но все же… Мы, грешники, нашли защиту у святой церкви. Почти под ее сводами. Церквушка маленькая, деревянная, поставленная на месте разрушенной, а от старой, сгоревшей еще во времена Черной Смерти, сохранилось подземелье. Попасть в него можно только из церкви. Маленькая дверь за алтарем, потом земляной ход, потом кирпичи, и снова дверь, запирающаяся изнутри на засов (та, что в церкви — на замок) — и это подземелье. Бог знает, что здесь раньше было, может, хоронили кого, может, тоже прятались. Здесь темно и сыро.

— Холодно, — говорит Принц.

— Ничего, перетерпим, — отвечает Тейт. По-моему, на холоде ему стало лучше. Лихорадка улеглась.

Два дня (или две ночи — темно, не разобрать) отец Дамиан приносит нам еду и огарки свечей. Свечи церковные, восковые, наверное, это кощунство — отдавать такие, но не нам его попрекать. На третий его нет. Мы ждем, долго ждем, не знаю, сколько, кажется вечность. Кьяр отправляет Принца на разведку. Тому удается добраться до алтарной двери. Он ничего не видел, но слышал в церкви голоса солдат. Отца Дамиана нет.

— Значит, они его забрали, — говорит Кьяр. — Сам он нас не выдаст, но если его будут пытать…

— Они не станут пытать священника, — говорит Принц. — Это против всех законов.

— Схватить священника без разрешения епископа тоже нельзя. По закону. И кому это когда мешало?

— Но право убежища…

Глаза Тейта блестят в темноте.

— Не пожалели священника, не пощадят и церковь. Что им право убежища! Подожгут и выкурят нас, как лис из норы. — Он хрипло смеется. Все же он болен.

Принц глядит на нас с ужасом. Его колотит.

— Я не хочу гореть! — кричит он так, что может быть слышно снаружи. — Я не хочу гореть!

— Заткнись! — Тейт бьет его в поддых. — И чему здесь гореть

— камни кругом! Задохнемся — и все. А может, еще и обойдется. Кьяр! Может, они побоятся пытать священника? За это их самих на костер могут отправить.

Может, еще и обойдется. Но мы устанавливаем порядок стражи. Один сторожит, другие валяются, скорчившись на каменном полу, голодные, грязные, продрогшие. Как ни странно, спят. Но это похоже на смерть.

А когда приходит пора сменить Принца, оказывается, что его нет, и засов на двери отодвинут. Теперь вопрос о том, решатся ли они пытать священника, уже не имеет значения.

Кьяр кидается запирать засов. Тейт повисает у него на ногах.

— Убей меня, Кьяр! Я был за него!

— Убить нас успеют, — говорит Кьяр и смотрит на меня.

Потом — шум и крики в подземном ходе. И ругань, и удары топором в дверь. Запаха дыма пока не слышно, но, вероятно, если дверь выдержит, они ее подожгут.

Тейт бросает арбалет и хватает топор, доставшийся ему от Вестейна. Но я вижу, что руки у него трясутся. У Кьяра — все тот меч. Мои глаза привыкли к темноте, и я все различаю. Кьяр и Тейт — тоже.

Я выбираюсь из своего угла и подхожу к Кьяру. Он оборачивается.

— Кьяр, — говорю я. — Пора.

Когда-то давно мы говорили об этом, и я сказала: «Ведь я могу и сама». Но он ответил: «Я не дам тебе погубить свою душу». И, пожалуй, лучше, что мы так договорились, потому что я ослабла от голода и усталости, и не могу нанести верного удара.

Он смотрит на меня, потом просит:

— Закрой глаза.

Я покорно закрываю, и вижу синее небо, яркий солнечный день…

8

— Не представляю, о чем она думает. Через полчаса комиссия из мэрии, а она даже не появлялась в отделе. Ей что, нужно, чтоб ее уволили по статье?

— Не знаю, Александр Иванович, то есть я хотел сказать, не знаю, почему ее нет. Она никогда не опаздывает. Может, у нее что случилось, дома то есть?

— Так позвоните ей, узнайте.

— У нее нет телефона, у тетки я хочу сказать, она у тетки прописана.

— Что за детский лепет! Тетки, дядьки… Может, в технической сидит?

— Я звонил. Там никто трубку не берет.

— Ну, вот что, Витя. Сбегайте, не в службу, а в дружбу, до библиотеки. Недалеко же…

Худяков выбежал из редакции «Итильской недели», не столько торопясь в библиотеку, сколько радуясь возможности слинять ненадолго из отдела при хорошей погоде, и заодно купить сигарет. Завернул за угол и увидел…

… кружок любопытствующих, становящийся все больше, и высокого милиционера во все еще летней форме, вымахавший на бровку «жигуленок», истерически всхлипывающего потного водителя, привалившегося к борту, и распростертую на асфальте фигуру в серой блузе и белых брюках. Только теперь и блуза и брюки были покрыты пятнами…

Худякову стало нехорошо. Он остановился. Как сквозь вату доносились голоса.

— Господи, кровищи-то…

— Она идет, а этот как свернет с проспекта и затормозить не успел!

— Да не я это! Не я! Чем угодно докажу! Свидетели же есть! Она раньше упала! Я и не касался ее! Может, у нее сердце больное!

— Сердце? А кровь на асфальте откуда?

— Граждане! Да не я же! Не я!

— Следствие разберется, — веско сказал милиционер.

Евгения Ремез

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

«Там, внизу, холодно… и темно…»

Петр стоял на мосту и смотрел в воду. А может, и не Петр вовсе, а Пит или Пьер. Важно лишь то, что произошло, произошло с человеком в знакомом ему месте в самый заурядный, правда очень жаркий, яркий день одного лета. Невыносимая духота, обитающая в крупных городах, мягкой лапой закрывала рот всякому зачем-то собравшемуся вдохнуть. Ночью снова был ураган, кто-то пропал, что-то порушилось. Зубцы Кремлевской стены снова восстанавливали все утро (или это был шпиль Эмпайр Стэйт Билдинг?) — современные мегаполисы обзавелись новым хобби в летнюю пору.

«Это только сначала больно, а потом… Ничто не гнетет, ничто не болит. Все уже было. Или будет?»

Он не сомневался ни в чем, его решение не было спонтанным, хотя что-то серьезно обдумать со вчерашнего вечера вряд ли получилось. Весь день как в тумане. Он еще не осознал до конца, как, из-за чего ему пришло это в голову, но был уверен, что именно так и надо. Его взгляд, устремившийся было за линию горизонта, скрытую многоэтажками, словно отделившись от сознания, опустился на водную гладь — и не захотел возвращаться к скучному пейзажу скучного города.

Прохладная бездна завораживала и манила. Он понимал, что если испугаться, помедлить, если передумать, то станет лишь хуже. И не только ему — всем. Он осознал это во время того урагана.

«Всем… Но кто эти все? Горстка бездельников, ничего не пытающаяся добиться в жизни. Ничего не желающая. Ни к чему не стремящаяся. Почему я… я должен за них еще и думать? — Он начал захлебываться собственными мыслями. — Стоп. Начинается… Надо успокоиться. Вода освободит. Ты уже не сможешь измениться, если решишься, но ты уже решился… Ведь так? Ты останешься таким, какой ты сейчас, в эту минуту. Хорошим».

Как же ему хотелось поверить в свою доброту, в то, что он лучше, чем все они о нем думают. Но почему-то не выходило. Петр никак не мог заглянуть в себя, подозревая: то, что он там увидит, не слишком его порадует. «…Нет. Страшно».

— Да. Решено! — почти закричал он и слегка покачнулся. Вспышка.

Голова пошла кругом. Откуда-то сзади выплыло лица… Петр всмотрелся. Призрак был похож на мать. «Бред начинается… или продолжается со вчерашнего дня…» Сбоку кто-то еще. «Я его знаю? Отец?» Казалось, мимо с невероятной скоростью проносились огненные шары, замирая на секунду, будто в невесомости, у самого носа Петра. Прошлое, быть может, уже пришло забрать его с собой?

Постепенно образы начали принимать очертания совершенно незнакомых людей, движение замедлилось. Внезапно они исчезли — кругом лишь свет, жизнь. Благодать! Петр ощутил, что стоит где-то на деревянном мостике. К нему бежит маленькая девочка. Но нет. Не к нему — к мосту. На мост. Отталкивает Петра — с середины удобнее прыгать. И ласточкой — бултых!

Казалось, этот прыжок длился вечность. И страх, холодный жгучий страх захватил Петра без остатка, с головой. Он словно прирос к перилам. Но тут малышка вынырнула и приветливо помахала ему рукой.

— Какая же у нее лучезарная улыбка! Просто необыкновенная! — Он не замечал, что мыслит вслух. — О чем это я? Господи! Что я делаю?!

Он тряхнул головой — мираж рассеялся, — поднял взгляд и посмотрел на небо. Там, в полуденной бирюзе, словно чайки, сновали голуби — коренные жители города.

— Жизнь! — И ему показалось, будто мост пошевелился. Петр вздохнул, повторяя это движение.

Ольга шла по проспекту в звенящей тишине. «Как все прекрасно! Люди, я вас всех обожаю!» Она одаривала улыбкой каждого встречного и заставляла оборачиваться даже самых мрачных прохожих. Иногда с ее уст слетали обрывки мыслей. Светлых и чистых, как ключ в лесу.

«Так-с. Сейчас домой. Позвонить ему и сказать, что… Ну ведь если весь мир могу любить, значит, и ему чуть-чуть перепадет».

— Люблю! — слышали окружающие.

«А потом на работу: взять расчет — ив свой «домик в деревне». — Она усмехнулась. — Н-да… не звучит. Но ведь всю жизнь этого хотела. Как хорошо там!»

— Жизнь!.. Хорошо!.. — долетало до прохожих — и ей улыбались в ответ.

Девушка пересекла площадь, ускоряя шаг. Впереди ждала безмятежная заводь в самом центре города, всегда завораживающая красотой и спокойствием. Ольга не могла не

попрощаться с родным для нее местом. Ей непременно нужно было сказать: «Мне будет тебя не хватать. Жаль, не скоро увидимся, Тихая вода».

«Эх, окунуться бы напоследок».

Воздух, будто соглашаясь, дохнул ей в лицо знойным пламенем.

«Но как? Платье испорчу, наверное, а жалко. Да нет, все нормально. Ведь не растает же! Даже не замечу, что купалась, такая жара. Как люди ее переносят? Люди! У меня к вам такие теплые чувства… хотя сегодня больше подошло бы что-нибудь попрохладнее».

— Жизнь! Самое прекрасное, что дает нам природа. А она дает многое и позволяет еще больше. Так зачем же лишать себя этого? Нет никакого повода. Да, есть работа — правда, неинтересная, но все можно исправить и начать продавать свои картины. Есть любовь, только, кажется, неразделенная, но и это можно изменить. Главное — самому не сделать непоправимого. Да, но почему, почему она не рядом? Почему ей не нужен никто? Почему у нее все так солнечно в жизни? Вот если бы она умела плакать — я бы ее утешил, когда она рыдала бы на моем плече. Вот если бы она не любила весь этот мир, если бы понимала, что никому нет дела ни до кого, она бы смогла полюбить меня одного. Она бы почувствовала, увидела бы, как вспыхнуло мое сознание, когда я… решился. — Петр, казалось, снова видел ослепительный свет, весь мир был соткан из сияния.

«Просто яркое солнце, очень яркое.» — Совершенно не было желания задумываться.

Проходя к воде сквозь кусты, стеной отделяющие ее от роя городских забот, Ольга оглянулась. Ей показалось, будто что-то сверкнуло… где-то очень далеко.

— Странно… — прошептала девушка, но тут же забыла, из-за чего ей на секунду стало неуютно.

«Люди. А кто они, все эти люди? Такие же, как я, со своими заботами и проблемами. Быть может, им совсем не интересно, что я о них думаю и кто я такая? Но как же так? Я же… А они… Так не честно. Даже плакать хочется. А я еще хотела искупаться в этой чудесной заводи. Как же хорошо мне было, а тут… — Она присела на корточки, и ее взгляд словно утонул в манящей глубине реки. — А почему, собственно, я не должна поступать так, как мне хочется, из-за того, что они… Ну и что? А какое мне дело? Хочу — и буду. Буду. И плевать мне на всех. Да-да, удивляетесь, люди? А мне на вас плевать. Мне все равно, что вы думаете. Я вот

вас всех люблю. Представляете, какая я хорошая? Не то что вы. Только этот дурак и знает… и любит… Я вот сейчас искупаюсь, да еще и разденусь…»

Петр мог до бесконечности, до изнеможения представлять ее рядом с собой. Мысленно он уносился все дальше от этого раскаленного города. Но вдруг полет прервали, неумолимо приближалось настойчивое жужжание. К перилам подлетела муха и принялась назойливо кружить над ним, садясь ему то на голову, то на руку, изучая этот экземпляр человекоподобного. Петр присмотрелся, прицелился. Муха села на землю. Ботинок был уже над ее крылом.

— Конец света, — завизжала муха.

Петр не попал: муха сделала шажок в сторону.

— Ха, шажок — и вроде не конец. Вот он, свет родимый. — К цокотухе возвращался оптимизм. Она заметила, как в окнах домов дважды отразилось что-то яркое, но что — для нее не имело значения. Муха все-таки.

«Тьма. Тьма? А, это я глаза закрыл. Н-да». — Петру не хотелось их открывать. Так он сделал несколько шагов, словно преодолевая неожиданное сопротивление, остановился, взглянул на берег.

— Ах, милая, как бы мне хотелось, чтобы ты, именно ты спасла меня от этого глупого решения, а не кто-то чужой. Ты могла бы быть со мной. *Я* верю. Пусть я не богат и почти безработный, но я художник, я еще прославлюсь, сделаю карьеру, мои полотна будут… хотя неважно.

«Тьма. Непроглядная тьма — теперь я понимаю, как это. Тьма — лишь отсутствие света». Ольга то открывала, то закрывала глаза. С закрытыми даже как-то светлее было.

— Здесь света нет точно. Но где-то же он есть, его просто найти надо. Найти — и он будет. А чтоб искать — надо идти. Вот только куда? Знать бы… — Она сказала это громко, просто чтобы стало полегче. Но в этом чужом вязком воздухе ее голос звучал тяжело и дико.

«Вот и он. Страх своими красными, словно угли, глазами сверлит душу. Запахло серой. Так надо? Боже! Уже, верно, с ума схожу. Надо действовать хоть как-то».

Ольга сделала небольшой шаг вперед, и ей показалось, что вокруг стало чуть-чуть светлее, но все так же сумрачно. Она снова шагнула — нет, это ей не показалось. И так с каждым новым движением. Постепенно тьма стала светом, но холодным, непроглядным и неприступным до боли. Ольга не смогла этого

выдержать — зажмурилась и побежала.

«Как будто легче стало, вдохнуть надо… Не бояться! А потом посмотреть. Здесь наверняка все прекрасно. Буду думать только об этом». Ее легкие наполнились воздухом. Казалось, она каждой клеточкой кожи ощутила солнечный свет и весеннюю прохладу. Глаза сами собой распахнулись.

— Луг! Солнце! Ветер!

Ноги несли ее вперед, и не было нужды останавливаться. Она не хотела возвращаться мыслями к произошедшему. Все дурное оставалось где-то за горизонтом и казалось необычно далеким и относящимся совсем не к ней. Так она летела, не задумываясь, наперегонки с ветром, покуда не увидела речку.

Такую, как в детстве, как дома. А над нею мостик — деревянный, горбатый.

«Надо же. Человек на мосту тоже хочет прыгнуть, прям как я. Как мы замечательно искупаемся!»

Ей пришло в голову непременно первой оказаться в воде. Ольга припустила с азартом маленькой девочки, решившейся на очередную шалость. Хотя… почему «как»? Она вдруг осознала: эта невесомость мыслей, это легкое дыхание, эти быстрые детские ноги… Она и есть маленькая девочка!

Мужчина на мосту непонимающе уставился на приближающуюся Ольгу.

«Странные какие эти взрослые. Ну ладно, объясню».

— Я первая! — И ласточкой — бултых!

«Мысли вылетают из головы, а все от этой жары в каменных колодцах. Справа — высотки, слева — башня. Река в граните — ей это чуждо, и только тонкая ниточка моста связывает этот город с Жизнью с большой буквы, уже, наверное, тысячу лет согревая души и сердца горожан.

Какие прекрасные слова. Да я еще и поэт! Сумасшедший поэт, беседующий со своим отражением. Опять отвлекся. Мне же совсем немного надо. Я лишь хочу, чтобы все меня знали и уважали…»

— Да? Пусть все они меня знают и уважают! — и снова слова непроизвольно слетели с губ.

Внезапно проходящая мимо женщина остановилась, будто ее окликнули, развернулась, подошла к нему, щурясь, словно только что ее ослепило палящее солнце.

— Можно автограф? Я вас не отвлекаю? Простите. Никогда не говорила с такими людьми. Вы… Я всегда восхищалась вашими работами…

Петр опешил. Кто мог его знать в этом огромном городе?

Никто. Его мать всегда подчеркивала, что здесь даже соседи не здороваются. Он замешкался.

— Все-таки отвлекаю? Простите, мне жаль. Наверное, на каждом шагу пристают, да? А где охрана? Нету? Ну как же так, в наше время? Ой, снова простите, я же ручку не дала. Вот.

Трясущимися руками он взял ручку и расписался на протянутом листке бумаги, который тут же исчез в бездонной сумочке любительницы искусства. Она больше не смела задерживать мастера — застенчиво кивнула и проворно удалилась, словно ее и не было.

— Ну и дела… Сейчас ко мне подойдет собака и заведет разговор о верифицируемости вульгарного материализма.

Вдалеке показалась собака.

— Нет! — Пошатнувшись, Петр схватился за перила и спугнул муху, замечтавшуюся об островах и кокосах. Его испуганные после «автографа» глаза теперь напоминали два CD-диска. — Так, хорошо. Она не подойдет, не подойдет. Она развернется и с радостью побежит обратно… Слава богу! — вылетел вздох облегчения, когда собака исчезла из виду.

«Что происходит? — Он задумался о странностях последних часов. — Вчера, например… молния… Я же ночью видел. Куда-то сюда, в этот мост, ударила молния… Неужели такой эффект? Значит, стоя здесь, можно загадывать желания. Вот мне и пришла в голову эта идея. А вдруг это специально, чтоб я оказался на этом месте? Да, точно».

Вчера вечером, восхищаясь грозой, Петр почувствовал, как в нем неожиданно что-то перевернулось. И с непостижимой скоростью все его мысли и поступки стали приобретать новые оттенки, поворачиваться иными гранями. Он словно ощутил в своих ладонях судьбы человечества и на несколько секунд перенесся в будущее. И, надо сказать, там было неуютно, и даже страшно как-то. Казалось, что оно целиком зависит от него, от его поступков, от его желаний… Липкий страх толчками наполнял его с каждым ударом грома. Каждая вспышка молнии удивительно и неотвратимо приближала к решению. Он с поразительной ясностью осознал, что власть окажется у него в руках, что он не будет способен ей противиться, и, если никто не вмешается, маленький человек из большого города разрушит целый мир… И тогда словно раскат грома в голове: «Молния — точно в старинный мост… Вот и надо — с моста… и всем хорошо». В сознании Петра между вчерашним н сегодняшним пролегала бездна. Сейчас хотелось жить, творить, экспериментировать, править…

«Значит, загадываю желание — оно исполняется. Хорошо.

Любое. Сначала поскромнее, а потом можно и… Ну, там, миром поправить. Хм… потом сформулирую. Ладно. Загадываю. Однако не сходя с места. Так… я хочу… мороженого… Не происходит ничего. Тогда вслух».

— Надо, чтобы мороженное… здесь было, мне поесть… хорошо, чтобы было… будет.

Тут же из-за поворота выехал фургончик мороженщика.

— Работает! — Петр так обрадовался, что даже в ладоши захлопал. — Но, похоже, только на этой площадке. — Он посмотрел на мост: камень казался отполированным и сиял, отражая небо.

Подоспел мороженщик.

— Эскимо, пожалуйста. Ой… еще одно.

Как бывает обидно, когда мороженое падает на землю. На жаркой плите моста оно быстро превратилось в сладкую лужицу — море с шоколадным островком, — а палочка преобразилась в миниатюрное каноэ, которым незамедлительно воспользовалась муха. Она была счастлива очутиться на сладких Багамах.

— Как же вкусно. Сразу — мысли о добром, вечном. Вот пусть всем хорошо будет! — И муха стартовала в праздничном фейерверке солнечных лучей.

«Как же *хорошо,* — подумала Ольга, — правильно, что полезла в платье… Правда, вода сама меня поманила — так засияла, что я не удержала равновесие. Вот и ветерок наконец-то. А мой пример заразителен». Она сидела на берегу, сушилась на солнышке и улыбалась, наблюдая за стайкой ребятишек, забирающихся в воду. «Эх, люблю я вас, люди… Да и этому оболтусу тоже перепадет, он же человек все-таки!»

«Как же *хорошо,* — подумал Петр, — эскимо в знойный день… А что я здесь делаю? Надо бы в мастерскую зайти, и… настоящий город написать, холодный, жесткий, раскаленный, весь в камне и железе, и только тонкая ниточка старинного моста свяжет его с настоящей Жизнью с большой буквы. Вдруг прославлюсь? Хм, где-то я это уже слышал. Дежа вю…О, ветерок наконец-то! А еще можно Ольге позвонить, она же всех любит, вдруг и мне перепадет, этакому оболтусу…»

«Как же *хорошо* без этого глупого родимого пятна! — подумал Мост и вздохнул — ветерок пролетел над городом. —

Долго же я этого ждал, мечтал. Всегда в грозу оно проявляется, выходит из-под контроля, призывает свою подругу — молнию, и вместе они выбирают «счастливца», а по мне, так настоящую жертву, глупейшие «желания» которой — а в реальности то, что произносится вслух, — я должен исполнять.

Спасибо, что эта была последней! Никаких больше психов с суицидальными мыслями и маньяков, желающих править миром. Как свободно! А ведь просто муха. Надо же! Не предполагал. Сразу бы… тогда и проблем никаких. Позвал бы, нашептал желание: «Чтоб каждому *хорошо* было». Я ж не какой-то бетонный юнец, я кое-что аде умею. И никаких проблем! Все спокойно, тихо, как в Заводи, где его подруга купалась. А ведь просто-напросто забыл, что я такой же каждый в этом большом городе».

Олег Овчинников

ОПЕРАТОРЫ ОДНОСТОРОННЕЙ СВЯЗИ

Привет, я один из тех, кто разговаривает в автобусе. И в кабине лифта, стоя в углу и не обращая внимания на мелькание этажей. И когда поздним вечером вы спешите домой, а я бреду вам навстречу по темной улице. Не потому, что у меня в ухе наушник, а на щеке — модная проволочка «хэндс фри» микрофона. У меня вообще нет мобильника. С кем бы я по нему общался? Даже пейджера нет. Я сам как пейджер.

Я разговариваю сам с собой, так думаете вы. Если вам взбредет в голову понаблюдать за мной, вы заметите, что я говорю разными голосами. Но я не шизофреник. Шизофренику никогда не бывает так одиноко.

Я связист. Или связной. Название не меняет сути. Опс, извините, начинается моя передача.

— Эй, кончайте прикалываться, злыдни! Зачем вы меня заперли? Тоже мне, шуточки… Откройте, я же все равно выберусь! Дверь вышибу или по пожарке слезу. Слышите? Все, вышибаю… — Минуту спустя: — Крепкая, черт! Все-таки по пожарке… У-у, шатается!

Кажется, все.

— Извините, это я не вам. Да, да, мне очень жаль. Я же извинился!.. Сами вы прете! Да вам одной на тротуаре тесно! Езжайте в Индию, там на таких, как вы, молятся. Все, я сказал!

Ненавижу прохожих-скандалистов! Готовы целый час возмущенно размахивать руками и чесать языком, вместо того чтобы просто сделать шаг в сторону и дать мне пройти. Я же не виноват, что меня периодически накрывает. Можно подумать, я сам выбираю время и место сеанса! Чуть настроение не испортила. Не видно разве: человек на свидание торопится. В чистых брюках. Со стрелочками.

Стрелочки, правда, немного разные получились. Что поделать, маловато опыта… Так ведь они и в швейцарских часах не совсем одинаковые. По слухам.

Все, вроде успокоился.

О чем я? Об одиночестве? Ладно.

Мы повстречались прошлой осенью, в парке.

Смешное слово «повстречались». Повстречались,

повстречались и разошлись? Я не суеверен, однако не пожалею ни слюны, ни свежевыглаженной рубашки, лишь бы такого не случилось. Тьфу-тьфу-тьфу!

«Повстречались» значит случайно встретились. И познакомились — тоже случайно. Только благодаря поделке из цветной бумаги, иначе бы так и остались незнакомыми, случайными, чужими… Я озабоченно пинал опавшие листья: «Середина октября, время продумывать зимний гардероб. А чего тут продумывать? Заштопать свитер, второй… Самый теплый, с оленями, к сожалению, «восстановлению не подлежит», но, если обрезать и подшить рукава, из него получится отличная жилетка. И ветровка — поверх: зимы в Москве дождливые. В общем, как-нибудь перезимуем. Как-нибудь…» Она недовольно сметала листву к обочине: «Середина октября, теплынь, солнышко. Второе лето за год проходит мимо. Даром что бабье…» Я шаркал подошвами, она — метлой. Она работала с прохладцей, я просто прохлаждался. Я вносил элемент хаоса в золотисто-багряное великолепие, в это унылое очарованье для очей поэта. Она пыталась его упорядочить, выметая листья чуть ли не у меня из-под ног, собирая их в аккуратные кучки, сильно смахивающие на заготовки для жертвенных костров. Словом, трудно представить себе пару, менее расположенную к знакомству.

Шарик из сиреневого картона мы заметили одновременно. Он лежал посредине пустой скамейки, забытый кем-то или выброшенный. Грани на шарике стали заметны, когда мы подошли ближе, каждый своим путем.

Она остановилась, я склонился над скамейкой. Она протянула к шарику руку в неуклюжей брезентовой рукавице, я оказался проворней.

— Двенадцатигранник, — сказала она тихим голосом.

— Додекаэдр, — согласился я.

Я уже вертел его в пальцах — правда, тогда он был серый и пластмассовый — давным-давно в кабинете алгебры и геометрии. И думал, что все люди похожи на многогранники. Простые и прямодушные — на кубы, более сложные, «с подтекстом» — на додекаэдры, себя же я с юношеской самоуверенностью причислял к икосаэдрам, сплошь состоящим из маленьких хитреньких треугольничков.

С какой стороны ни посмотри, увидишь всего несколько граней, прочие останутся в тени. На них даже можно написать: «эта сторона — для родителей», «эта — для учителей», «эта — для случайных встречных». И только к тем, кто нам по-настоящему дорог, мы стараемся поворачиваться своими лучшими гранями.

С годами число треугольничков поубавилось, граненый

брильянт икосаэдра потускнел и выродился до чего-то угловатого и плоского. Сторона «А» для тех, кто пройдет мимо и не заметит, и сторона «Б», для тех, кто заметит… и пройдет. В частности, к парковой «девушке с метлой» я неосознанно старался повернуться левым боком. На правой щеке третий день белела полоска пластыря, вернее сказать, уже серела — в память о неудачной попытке заточить тупое лезвие одноразового бритвенного станка. Заметив такую странность в своем поведении, я улыбнулся.

— Можно? — Маленькая узкая ладошка вынырнула из рукавицы, превосходящей ее размерами раза в три.

— Пожалуйста. — Я положил на нее наглядное пособие по наивным заблуждениям детства.

— Картонный, — заметила она с легким сожалением. — У нас в классе был пластмассовый.

Сиреневый двенадцатигранник дрогнул под порывом ветра и мне пришлось придержать его пальцами, чтобы не улетел.

Девушка с метлой бросила на меня короткий взгляд исподлобья и тут же отвернулась. Я успел заметить лишь красное пятнышко расцветающей простуды — слева над верхней губой. На ее стороне «А».

Две минуты спустя она призналась, что ее зовут Лара. Три минуты спустя я все еще пытался вспомнить собственное имя. Меня так давно о нем не спрашивали, чаще интересуясь регистрацией… А когда вспомнил — не успел назвать.

Знакомый холодок пробежал вверх по позвоночнику, вздыбил волоски на шее, больно клюнул в темечко. Разошелся электрическими волнами по рукам и ногам, нестерпимо засвербел, уткнувшись в кончики пальцев. Я почувствовал приближение сеанса. И даже зубы стиснул от раздражения: до чего же не вовремя!

Впрочем, когда это сеанс наступал вовремя?

Я повернулся спиной к Ларе и успел сделать несколько шагов по дорожке черного и как будто осиротевшего после расчистки асфальта. Начинать передачу в присутствии новой знакомой почему-то не хотелось. Я еще порадовался про себя: начало эфира по непонятной причине задерживалось. Но уйти достаточно далеко мне не удалось.

— Антон! — раздалось за спиной и я, хоть имя было не мое, резко обернулся.

— Когда же ты приедешь? — немного нервным, но пока еще контролируемым голосом спросила Лара, глядя куда угодно, только не на меня. — Два часа давно прошли, эти люди сказали, что дают тебе еще полчаса. Верни им деньги, Антон, это всего лишь деньги. У тебя же есть, ты говорил…

Я уставился на Лару как в первый раз. Вернее, не «как» — просто в первый раз, поскольку обычно избегаю пристально смотреть на людей, надеясь, что и они в свою очередь проявят тактичность и не станут пялиться на меня в какой-нибудь не самый подходящий момент. То есть практически в любой…

И увидел бледное лицо с тонкими дрожащими губами, которые стали бы выразительнее, не пожалей их обладательница хоть капельку помады. И слипшиеся волосы цвета сырого песка, спадающие на лоб десятком мышиных хвостиков. И выглядывающие из-под челки глаза неопределенной расцветки: не зеленые, не серые, не голубые…

Они и должны быть такими — никакими — глаза связного во время сеанса.

Из-под казенного фартука выглядывали потертые джинсы и мятая трикотажная майка. Стоптанные кроссовки, почти слившиеся цветом с окружающей серостью, завершали ансамбль. Все сходится. Нам незачем заботиться о внешнем виде. Не для кого.

— Антошечка, милый, приезжай поскорее, пожалуйста! Мне не нравится, как на меня смотрит этот лысый!

Взгляд в никуда, закушенные губы… Я не в первый раз наблюдал передачу со стороны. А вот собственной шкурой почувствовал начало сеанса — *чужого* сеанса — пожалуй, впервые. Почему бы?

Впрочем, когда посланное сообщение нащупывает надлежащий пейджер, оно тоже сперва пару секунд трещит и булькает помехами в случившемся на пути луча телевизоре, радиоприемнике, даже в электрических розетках. Говорят…

И вдруг громко, не своим — с самого начала не своим, но теперь к тому же полным отчаяния — голосом:

— АНТОН! Я БОЮСЬ!

Все.

И сразу — распахнутый рот, два судорожных вдоха без промежуточного выдоха, изломанная поза с упором на рукоять метлы и прорвавшаяся плотина слез. Истерическая реакция. К слову сказать, не самая худшая.

Я уже был рядом. Обнимал за плечи — неловко, как умею. Ничего не говорил, только гладил по волосам, как будто успокаивал десяток дрожащих мышек. А что тут скажешь? Что все прошло? Что все уже кончилось? И в любой момент может начаться опять?

Это она и без меня знает.

— Почему она не сказала адрес? Телефон? — слабым, но уже собственным голосом пожаловалась Лара. — Хотя бы фамилию! Я

могла бы приехать, поднять на уши соседей. Или, я не знаю, позвонить в милицию. Господи, ну почему они никогда не говорят фамилию и адрес!

Я сжал покрепче худые вздрагивающие плечи и порадовался тому, что парк в этот час практически безлюден. Только вдалеке по одной из боковых аллеек прогуливалась молодая пара с детской коляской. Счастливые… За собственными большими радостями и мелкими заботами им дела нет до тетки в дворницком фартуке, которая сначала закатила шумную истерику, а потом бросилась на шею своему невзрачному кавалеру — мириться. Кстати, так и не выпустив из рук верное орудие труда. Вот и стоят в обнимку все трое: он, она и метла.

— Не злись, — посоветовал я. — Они ведь даже не догадываются, что мы их слышим. Думают, что кричат в пустоту.

Потом вздохнул и добавил:

— Лучше бы так оно и было.

Я проходил это. По молодости тоже пытался отыскать, помочь. И рядовому запаса, которого бросила невеста. И выжившему из ума старику, который во время прогулки сбежал от сиделки, гордился своей проделкой минуты три, а после до глубокой ночи искал собственный дом. И особенно студентке, забывшей в автобусе папку с дипломной работой. Все три отпечатанных под копирку экземпляра, за несколько дней до защиты. До чего же мне хотелось ее найти! Но как? Бегать по улицам, заглядывать в глаза?… В надежде узнать, успокоить, объяснить, что есть на свете вещи и похуже потерянной папки. И получше — тоже есть.

Ведь иногда человеку нужно так немного, чтобы перестать чувствовать себя несчастным. Хватит и доброго слова. И теплого взгляда.

А однажды, два года назад, я не выдержал. Мне неделю не давала покоя девочка лет пяти. Днем еще ничего, по-видимому, в детский сад ее возили куда-то в отдаленный район, зато по вечерам она стабильно с 21 до 23:00 рыдала о пропавшем щеночке. Видимо, лежа в постели. Видимо, отвернувшись к стенке и уткнувшись лицом в подушку, чтобы не услышали родители. Причем по чистоте сигнала было ясно, что его источник находится где-то рядом. Девочка жила в моем дворе, максимум, в соседнем, и ее отнюдь не маленькая трагедия не давала мне спать по ночам.

Я обегал весь район. Заглянул во все подвалы, незапертые подсобные помещения и расщелины между гаражами. И наконец нашел это курчаво-пятнистое чудо (благо из сбивчивых жалоб девочки успел составить примерный портрет пропажи) на

двенадцатом этаже строящегося неподалеку дома. Само оно туда забралось или затащили хулиганы-мальчишки — щенок не отвечал. Только скулил и жался к полу. Я взял его домой, накормил, согрел. На следующее утро обвешал все столбы в районе образцами своего почерка. «Найден щенок, порода неопределенная, окрас — все цвета радуги, кроме, кажется, зеленого. Потерявшим убедительная просьба…»

И еще неделю после этого сам зарывался головой в подушку, чтобы не слышать невыносимое «Кузя, где ты?» Но подушка не влияла на четкость сигнала, а от детского голоса подолгу болели связки.

Пятилетняя девочка не умела читать. А ее родители либо не замечали моих объявлений… либо хулиганы-мальчишки были тут ни при чем.

Через неделю сеансы связи пошли на убыль. Детское горе недолговечно. Я хотел оставить щенка себе. Потом подумал и отдал в приют. Кому нужен такой хозяин.

Кому мы вообще нужны…

— Мы? — Лара подняла на меня глаза — два стоячих омута, готовые в любой момент снова стать проточными, и повторила за мной: — *Мы* их слышим? Ты тоже?

— Тоже, тоже.

Недоверчивый взгляд… пожалуй, что карих глаз.

— А… давно?

— Четырнадцать лет. А ты?

— Шесть. Шесть с половиной. Мне тогда пришлось уйти с четвертого курса.

Я вздохнул, поделив сочувствие на три части: себе, Ларе и шарику из сиреневого картона, смятому до неузнаваемости во время сеанса. Это я тоже проходил. Таким, как мы, об учебе лучше забыть. И о нормальной работе лучше забыть. Особенно о той, которая предполагает частое общение с людьми. Не только потому что тебе в конце концов надоедают косые взгляды коллег и клиентов, ставших невольными слушателями не им адресованной передачи, просто… В какой-то момент ты понимаешь, что не очень-то хочешь видеть людей. Всех, без разбора, со всеми их слабостями, проблемами и душевными воплями.

Кажется, как раз для таких, как мы, придуманы профессии дворника, ночного сторожа, кочегара в котельной… Правда последний в случае затянувшегося сеанса рискует оставить весь район без горячей воды.

В Лариной каптерке, похожей на поставленный на попа цинковый гроб, обнаружилась вторая метла. Старая, но мела она,

вопреки пословице, чище новой.

А поговорить под слаженное вжиканье метел нам было, о чем.

— У тебя было так, чтобы с риском для жизни?

— Сто раз! Дважды — когда дорогу переходил. Потом еще раз, когда в трамвай садился. Ну и на день города — просто в толпе. Чуть не затоптали.

— А остальные девяносто шесть?

— Лара! Не будь занудой.

И под гулкое уханье лома:

— А в самый первый раз, когда тебя накрыло, ты что подумал?

— То же, что и все, кто в тот момент оказался рядом. Что схожу с ума.

— А тебя забирали… Ну, в больницу?

— Шутишь? Меня бы оттуда никто не выпустил. Столько абонентов под боком, передачи шли бы без перерыва. Круглосуточно! Нет, больницы с поликлиниками я обхожу за километр.

— И дома престарелых.

— И роддома.

— О-ой! Не напоминай!.. А как ты думаешь… Почему это случается именно с нами?

— Не знаю.

— А… это когда-нибудь кончится?

— Не знаю.

— А…

— Лариса! Если я буду так часто пожимать плечами, тебе придется долбить лед в одиночестве.

И под скрежет деревянных лопат по асфальту.

— А как ты чувствуешь, что вот сейчас тебя абонируют?

— Ларусь! — предыдущее придуманное мною ласковое прозвище Ларек почему-то не прижилось. — Мне не нравится, когда ты говоришь «абонируют». Я же не ложа в театре и не банковская ячейка.

— Ну, вызывают.

— Да что я чувствую… Холод чувствую. Мурашки. И покалывание. Голова болит.

— Виски или затылок?

— Темечко. О! Кстати, вот… накликали! Извини… Эй! Какой умник опять засунул Кешу в мусоропровод? Вы, что, думаете, это смешно, что ли? Ну, погодите, оболтусы, вот поймаю… Иди сюда, Кешенька, сладкий мой… Фу, какой же ты грязнуля!

31-го декабря перед началом рабочего дня Лара торжественно вручила мне пару вязаных перчаток и шарф. Очень

своевременно, хотя и непонятно, когда же она успела их связать? Я, немного смущаясь, достал из кармана маленький хрустальный додекаэдр. Напоминание о нашем знакомстве, которое можно сжимать в руке хоть тысячу сеансов напролет, не опасаясь раздавить. И потом, что это за медиум без магического кристалла? Несмотря на несоответствие практичного и сентиментального, Лара казалась очень довольной моим подарком. У меня тоже изрядно потеплело на душе, не говоря уже о вечно мерзнущих руках и шее. Мы весело покидали снежок, еще раз поздравили друг друга с новым годом — и расстались до следующего дня. Рабочего, несмотря на праздничную раскраску календарика.

Иногда я провожал Лару до подъезда. Домоуправление — или как оно сейчас называется? — щедро выделило ей комнатушку на первом этаже. Без окон, зато с отдельным входом с улицы. Ко времени нашей встречи Ларе оставалось блюсти чистоту окрестного асфальта семь лет с небольшим, чтобы стать полноправной владелицей этих дармовых хором размером чуть больше парковой каптерки. В саму комнатушку я не заходил. И через открытую дверь было видно, что двоим внутри попросту не развернуться.

Пригласить Лару к себе я тоже не решался. Хотя обитал вообще-то в нормальной однокомнатной берлоге, помимо отсутствия телефона, телевизора и практически всей мебели имевшей всего три недостатка: счета за газ, воду и свет. В сумме они обычно превышали все мои случайные заработки и приработки за месяц. Нет, не три. Четвертым недостатком были соседи. Со всех сторон. Слишком много соседей.

Взрослые ладно, они как правило сдержаны, детей разумного возраста тоже можно терпеть, они отходчивы. Но когда я вижу, как у соседнего подъезда останавливается машина и из нее выносят сверток из одеяла, перевязанный голубой или розовой лентой, мне хочется сменить место жительства. Или попросту бросить и стать «без определенного…» Будто было что-то определенное в моих 14-ти метрах полезной площади.

Но есть и другой выход. Любым путем раздобыть нужную сумму денег и приобрести в ближайшем продмаге ящик самой дешевой водки. А лучше — два. Иначе не пережить.

Первые три месяца еще ничего. Ну холодно. Ну покормить забыли. Ну животик заболел. Почему бы не поскулить об этом тихонько? Под настроение.

Но когда они начинают узнавать своих, к тому же входят в голос… тут-то и начинается сущий Ад. Пекло. С которым ничего нельзя поделать. Разве что вместе с маленьким сучить ножками и

вопить от невозможности облечь в слова простенькие, но мощные чувства.

Или периодически пытаться залить адское пламя алкоголем. Три раза по сто грамм перед сном — и «будь спок!», как говаривал известный всему миру детский доктор. Ночь пройдет без сновидений.

Кстати, что бы ни думали по этому поводу Бенджамин Спок с коллегами, кричат они главным образом не от голода, боли, страха или скуки, а оттого, что хотят каждый раз, просыпаясь, видеть перед собой родное лицо. Разве это так много?

Ужасно много, на мой взгляд. Со мной, к примеру, такого не случалось ни разу.

Это проходит, когда им исполняется полгода. Видимо, в этом возрасте приходит обидное понимание, что не все и не всегда в жизни получается так, как нам хотелось бы.

Нашим с Ларой отношениям, текущим куда-то *вяло-повялу*, тоже на днях исполняется полгода. Наверное, поэтому вчера, отмахав свое, я предложил Ларе:

— Завтра у тебя выходной. Может… сходим куда-нибудь?

— Ты приглашаешь меня на свидание? — спросила она очень серьезно, не зная, куда девать глаза и руки в неуклюжих рукавицах.

— Да нет, просто… Да, — быстро поправился я, поймав на мгновение ее беспомощно метущийся взгляд.

Лара подумала еще немного, разглядывая очертания ладони, как будто пыталась увидеть линию судьбы сквозь мягкий брезент.

— Хорошо. Только пусть в этом месте…

— …будет поменьше людей, — закончили мы хором.

Я рассмеялся. Она тоже улыбнулась.

Домой я вернулся только под утро, весь бледный и седой от цементной пыли. Даже не вернулся — заскочил, чтобы наскоро переодеться, отмыться, побриться, погладиться… Правда, переодеться оказалось не во что, так что пришлось в авральном режиме еще стираться и сушиться. В общем, заскочил на минутку и задержался на четыре часа. Полчаса из которых, будто подросток, провел перед зеркалом. Разглядывал ямочку на подбородке, о существовании которой успел забыть.

Вышел из квартиры сверкающий, благоухающий… и отчаянно зевающий. Сказывалась ночь, проведенная на разгрузке вагонов. Зато мятых бумажек в кармане теперь хватало на обед в кафе. Каком-нибудь загородном, безлюдном, где появляются только автомобилисты и только по вечерам. Такие, как мы с Ларисой, всегда тяготеют к окраинам. Внутри МКАД нам становится шумно.

Я шел по улице, щурился на апрельское солнце и сам себе не верил: неужели и вправду свидание? Настоящее свидание, как у нормальных людей, с цветами и шам… Шам, шам… Что это я вдруг зашамкал? Да, шампуня пришлось вылить полтюбика, потом минут пятнадцать расчесывать волосы, которые от воды начало потихоньку прихватывать, потом снова промывать… Цемент оказался въедливым — куда там местному участковому.

Кстати, о цветах.

— Баб Глаш, дай-ка мне вон тех, мохнатеньких.

— Скока? Три?

— А сколько же.

— Кто тебя знает. Может, на кладбище собрался.

— В глаженой рубашке?

Моя ирония осталась незамеченной.

Баба Глаша тоже из наших. Нелюдимая, неразговорчивая, зимой она перебивалась сбором стеклотары, а с марта по октябрь подпирала стену универсама с ведерком цветов. Где она их берет, я не в курсе. Летом, понятно, собирает урожай с городских клумб, но в апреле-то? М-да, загадка…

Сурово поглядывая из-под косынки, женщина-загадка выудила из разномастной толпы цветов пушистую белую гвоздичку, протянула мне. Выбрала вторую — тоже белую, но как будто с розоватыми ноготками на концах лепестков. Потянулась за третьей, но на полпути помутнела взглядом да так и застыла — с занесенной рукой.

А я вздохнул и услышал:

— Андрюшенька… Это даже хорошо, что ты не смог приехать. Не хочу, чтобы ты меня видел такой. Все вокруг, как сговорились, только и твердят, как я чудесно выгляжу и как быстро поправляюсь. Но я же вижу, как они на меня смотрят, когда думают, что я сплю. И почему у меня отобрали зеркальце? Правым-то я уже вполне могу смотреть. Андрюш, пойми… Я разговаривала с Галиной Владимировной и я все решила. Два-три месяца роли не играют. Господи, прости! Сына, в последний раз: ты ни в чем не виноват! Все, прощай, Андрюшенька.

— До свидания, баб Глаш… — Я выдернул из ведерка третий цветок, вложил в протянутую руку часть мятых бумажек и удалился быстрым шагом, не дожидаясь реакции на сеанс. Не выношу, когда плачут старики.

Поймите, мы не медиумы. Медиум означает посредник. Между человеком и Богом, миром «духов» и людьми, короче, между кем-то и кем-то. А мы — связные между непонятно кем и пустотой. Как полупроводники. Как мятые конверты со штемпелем: «Адресат выбыл». Как бутылки с запиской,

проплававшие в океане так долго, что не осталось в живых ни автора письма, ни получателя, да и сам язык, на котором оно написано, давно перешел в разряд мертвых. Но больше всего мы похожи на пейджеры. Нас потеряли владельцы, но мы будем исправно доставлять сообщения для никого, пока не сядет батарейка.

Мы не виноваты, что мы такие. И мы ни в чем не виним вас. И уж ни в коем случае не ненавидим. Но и для любви к вам, согласитесь, у нас нет особых причин.

Возможно, наше сверхчувственное восприятие могло бы принести хоть какую-то пользу, будь у вас чуточку больше терпения и здравого смысла. Ну неужели трудно предварять каждый крик души коротким предисловием: «Я, фамилия имя отчество, телефон… зарегистрированный по адресу… взываю к абоненту номер…»

Шучу.

Мрачно шучу.

Шути с оглядкой, как сказал один шут другому, все мы, братец, под колпаком.

И главное — чего завелся-то? Глупо же: давно пора привыкнуть. И на редкость не вовремя. Не хватало еще опоздать на свидание! Первое за последние… не помню, сколько лет. Надо бы свериться с паспортом.

Лара ждала меня на улице, рядом с персональным входом в личные апартаменты и, кажется, слегка уже изнемогала от ожидания.

— Привет! Как дела?

— Ничего…

Так всегда. На вопрос «Как дела» Лара неизменно отвечала либо «Хорошо», либо «Ничего», как будто речь шла о покойниках.

— Ну что, пошли, что ли?

— Пошли…

Шагая рядом, я украдкой поглядывал на Лару, размышляя, не слишком ли нагло будет с моей стороны взять ее за руку. Так ничего и не решил. Вместо этого сказал:

— Да. Это тебе.

— Спасибо. — Она взяла мой скромный букетик и обеими руками прижала к груди.

Видно было, что Лара тоже всерьез готовилась к нашей встрече. С джинсов куда-то ушла почти вся потертость, отмытые до изначального цвета кроссовки уже не казались такими стоптанными, а свитер на Ларе был то ли новый, то ли я прежде не замечал его под рабочим фартуком и пуховиком. Вдобавок она наконец избавилась от челки. Десять мышиных хвостиков

собрались в один большой — на затылке, правда, цвет волос не изменился, и от этого Лара стала похожа на, скажем так, королеву-мать из мультфильма про Щелкунчика. Каюсь, неудачное вышло сравнение, зато я получил возможность любоваться ее глазами… по-моему, все-таки карими.

По дороге в автобусе мы почти не разговаривали. О чем? О погоде? О трудовых успехах? О планах на будущее? О чем-нибудь еще, о чем не успели переговорить раз по десять под аккомпанемент метел и лопат? Скажем, о любви? В самом деле, почему бы двум умеренно привлекательным и нестарым еще людям не побеседовать на эту волнующую тему?

Ах, не смешите меня!

Так что мы просто молчали. И даже без необходимости старались не смотреть друг на друга. Думаю, Лара уже забыла, когда ее в последний раз приглашали на свидание. А я, сколько не рылся в памяти, так и не вспомнил, было ли в моей прежней жизни что-нибудь, достойное забвения. Поэтому, подозреваю, мы с Ларой чувствовали себя в равной степени неловко, оба не знали, как себя вести, и за время пути успели не раз и не два пожалеть о том, что вообще затеяли все это. Я так точно успел.

Оставалась, правда, робкая надежда, что разговор сам собой как-нибудь завяжется, когда мы доберемся до места. Но вот мы отыскали пустующее кафе, разбудили официанта и с удобством расположились на стульях с подгибающимися ножками за круглым столиком из красной пластмассы, а неловкое молчание между тем никуда не делось. Напротив, стало совершенно невыносимым.

В конечном итоге мы все же заговорили. Как ни странно, о любви. По крайней мере это слово витало над столиком чаще других.

— Хорошо, что весна, — первой нашлась Лара. — Не люблю зиму.

— А я люблю, — парировал я и добавил, уже смелее: — Люблю работать зимой снежным первопроходцем.

— Как это?

— А так. Кто, по-твоему, прокладывает тропинки между сугробами?

— Люди.

— Да? А кто идет первым, чтобы остальные поняли, что тропинка должна проходить именно здесь?

— Ты?

Я ограничился исполненным достоинства кивком.

— А я не люблю снег. Он тяжелый.

— А я люблю. Он похож на эскимо.

— А я не люблю эскимо.

— Сочувствую.

— Не за что! Зато у меня до тридцати не было ни одной пломбы, — похвасталась Лара и демонстративно оскалилась.

Я не поверил, конечно, — месяца полтора назад она говорила, что ей двадцать семь, — но на всякий случай позавидовал.

Неловкость куда-то исчезла, как исчезла со стола пепельница, набитая доверху чьими-то окурками — незаметно, без следа. Мы болтали как дети, ни о чем, прячась от солнечных лучей под парусиновым зонтом с надписью «Клинское». Как вдруг солнышко скрылось за облаком, косая тень упала на Ларино лицо и неприятный холодок пробежал по спине.

Слишком знакомый холодок, не имеющий отношения к капризам погоды.

Ну, и кого на сей раз? — с тоской подумал я. Меня или Лару? За время знакомства я научился чувствовать ее вызовы как свои собственные. Правда, так и не научился их различать.

Я на всякий случай взял Лару за руку — она по-прежнему чересчур болезненно реагировала на сеансы — и внимательно вгляделся в ее лицо. Из карих глаз стремительно уходили цвет и выражение.

— Почему ты неее… — тихо, на пределе слышимости спросила она. — Почему ты не звонишь?

Помехи и громкость голоса — вернее, его *тихость* — свидетельствовали о чрезвычайной удаленности источника. Не межгород, конечно, но до абонента точно не один километр. Хотя кто знает, от чего, помимо расстояния, зависит качество сигнала? Может, от желания быть услышанным?

Я не столько слышал ее, сколько читал по губам. Тонким и дрожащим. Единственному островку жизни на окаменевшем лице.

— Чего стоили твои слова в тот вечер? Или ты врал? Алексей… Надеюсь, хотя бы с именем ты меня не обманул? Так вот, Алексей. Если ты не позвонишь сегодня, я никогда и никому больше не поверю.

Значит, все-таки Лару… Я вздохнул, испытывая смесь сочувствия и стыдного облегчения.

Как оказалось — рано!

Тупая игла по-хозяйски вошла в затылок. По рукам и ногам пробежала судорога, как от удара электрошоком. Кончики пальцев зачесались, словно у вора-карманника при виде пухлого кошелька.

В следующее мгновение мир вокруг стал черно-белым, а мой собственный голос — чужим. Сделался моложе, резче…

Несчастнее?!

— Эй, где ты бродишь третьи сутки подряд? И что у тебя с телефоном? Ты же говорила, что звонить можно в любой день, начиная с полпятого. Когда же он наступит, твой любой день?

Наверное, со стороны мы смотрелись престранно. Два медиума, накрытых одновременным сеансом. Два пейджера, трезвонящие на разные голоса: один пронзительно, другой чуть слышно, как из последних сил.

— Ты говорил: завтра же! Ты говорил: обязательно позвоню. Ты говорил: не волнуйся, Верунь, я всегда говорю только…

— …ни полпятого, ни полдевятого, ни даже в полседьмого утра. Такое впечатление, что ты перешла на круглосуточный метод работы!

— …же твоя правда? Я не хочу думать, что… Что?

— …напросто начинаю волноваться. Или тебе настолько безразличен мой звонок? В таком слу… Эй, кто тут?

— Что? Кто это говорит?

— Я. А с кем? И… как?

— Лешка, ты?!

— Верка? Верка, чумичка, куда ты пропала? Почему не берешь трубку?

— Это *я* не беру? Почему ты не звонишь?

— Я?! Да у меня мозоль на пальце от твоего номера.

— Какого?

— Какой продиктовала. 212-85-06. Видишь, наизусть выучил.

— Ноль семь!!!

— Что?

— Ноль семь, дурилка! Последние цифры — ноль семь.

— Что? Говори громче, связь ужасная!

— Какая связь?!

— Какая… Я не знаю! Как ты это делаешь?

— Как *я*?! Как *ты* это делаешь?

Как *мы* это делаем, хотел бы я спросить у Лары. Хотя бы взглядом. Если бы он мне хоть чуть-чуть подчинялся.

Связь, говорите, ужасная? Ну-ну! Погодите, вот расцепим руки…

На самом деле расцепить руки — последнее, чего мне в тот момент хотелось. Даже умереть, наверное, было бы не так страшно.

— Я не знаю.

— И я не знаю. Ты перезвонишь?

— Конечно, сейчас!

— Ноль семь, запомнил?

— Конечно. Не вздумай снова пропасть! И ничего не бойся,

слышишь?

— Слышу.

— Я люблю тебя.

— Я… тоже.

Все…

И я ни за что не признаюсь Ларе, что мое «все» наступило репликой раньше. Впрочем, глаза напротив тоже подозрительно покоричневели, а голос дрогнул слегка, до того как тонкие губы прошептали: «Я… тоже».

Что «тоже»? М-да, загадка…

Лара держала меня за руку и улыбалась сквозь слезы. Я тоже держал ее за руку и, к счастью, не видел собственного лица. Глупейшее, должно быть, прилипло к нему выражение.

Только с таким и можно, не мигая и не жмурясь, смотреть на чудо. Ведь, согласитесь, это маленькое чудо, когда два додекаэдра намертво сцепляются всеми двадцатью четырьмя гранями. Когда брошенная в океан бутылка через некоторое время возвращается — против всех течений! — с ответом и обещанием скорой помощи. А два ущербных пейджера совместными усилиями обеспечивают вполне сносную сотовую связь.

«Значит, все-таки можем? — спрашивал Ларин взгляд. — Все-таки чего-то да стоим?»

Вслух говорить она вряд ли могла. Наверняка дальняя связь сорвала ей связки.

Я тоже промолчал, из солидарности. Только пожал плечами, всем видом изображая легкомысленную самоуверенность. «Естественно! А ты что, сомневалась?» И покрепче сжал маленькую узкую ладонь.

Она ответила на пожатие. «Да уж. И ведь неплохо получилось — для первого раза».

«Какого еще первого раза?! — Брови недоверчивыми пчелами взметнулись на середину лба. — Что значит первого раза?!»

Но Лара только улыбнулась еще шире и загадочней…

Ну вот, на этом я, пожалуй, закруглюсь.

Нет, все-таки добавлю еще кое-что от себя. Да, Лара, добавлю. И нечего пинать меня под столом. От таких намеков портятся стрелочки на брюках.

В конце концов я столько лет озвучивал чужие стенания, проклятия и мольбы о помощи, что наверняка заработал право на одну маленькую встречную просьбу.

Итак, дорогие мои абоненты, убедительно просьба к вам. Пожалуйста, не бойтесь занять место рядом со мной в автобусе. Это не заразно. Не выбегайте при виде меня из лифта или хотя бы

дождитесь своего этажа. И не спешите переходить на другую сторону плохо освещенной улицы. Лучше подойдите поближе, возьмите за руку, если это не сложно, и внимательно вслушайтесь в мой лепет, который кажется бессвязным только на первый взгляд. И тогда, не исключено, вы услышите что-то важное именно для вас.

Вот теперь действительно все. Всем пока.

Что?… Лара, ты восхитительная зануда!

Конечно же правильно говорить: до связи!

Владимир Березин

ПЕСОЧНИЦА

Летом Москва пахнет бензином и асфальтом — днём этот запах неприятен, раздирает легкие и дурманит голову, но поздним вечером пьянит и дразнит. Город, выдохнув смрад днём, теперь отдыхает.

Проезжает мимо что-что чёрное и лакированное, несётся оттуда ритмичное и бессловесное, на перекрёстке можно почуять запах кожи — от дорогих сидений и дорогих женщин.

Интересно в Москве жарким летом, когда ночь прихлопывает одинокого горожанина, как ведро зазевавшуюся мышь.

Чтобы спрямить дорогу домой, Крылов пошёл через вокзал, где под путями пролегал длинный, похожий на туннель под Ла Маншем переход.

Там к Крылову подошёл мальчик с грязной полосой на лбу.

— Дядя» — сказал он, — дай денег. А не дашь, — мальчик цепко схватил Крылова за руку, — я тебя укушу. А у меня СПИД.

Отшатнувшись, Крылов ударился спиной о равнодушный кафель и огляделся. Никого больше не было.

Он залез в карман — и мятый денежный ком поменял владельца. Мальчик отпрыгнул в сторону, метко плюнул Крылову в ухо и исчез. Снова вокруг было пусто — только Крылов, пустой подземный коридор да бумажки, которые гонит ветром.

Крылов детей любил — но на расстоянии. Он хорошо понимал, что покажи человеку кота со сложенными лапками, заплачет человек и из людоеда превратится в мышку — сладкую для хищного котика пищу. И дети были такими же, как «котята в банках», — действие их было почти химическое.

И с этим мерзавцем то же — пойди пойми, заразный он на самом деле или просто обманщик.

Не проверишь.

* * *

Под вечер он вышел гулять с собакой — такса семенила позади, принюхиваясь к чужому дерьму. Самым милым для неё было нагадить в песочницу на детской площадке.

Но сейчас там шла непонятная возня — не то совершался естественный отбор у младших, Не то борьба за воспроизводство у старших.

Крылов вздохнул: это взрослые копошились там — то ли дрались, то ли выпивали. Да, в общем, и то и другое теперь едино.

И тут Крылова резанул по ушам детский крик. Крик бился и булькал.

— Помогите, — звал невидимый ребёнок из песочницы, — помогите!..

Что теперь делать? Вот насильники, а вот он, Крылов, печальный одиночка. Куда ни кинь — всюду клин, и он дал собаке простую команду.

Такса прыгнула в тёмную кучу, кто-то крикнул басом — поверх детского писка.

И вдруг все стихло.

— Сынок, иди сюда, — позвали из кучи.

— Ага! — громко сказал Крылов, нашаривая в кармане мобильник.

— Иди, иди — не бойся.

Отряхиваясь, на бортик песочницы сели старик и девушка, они держали за руки извивающегося мальца — точную копию приставшего к Крылову в подземном переходе. Левой рукой старик сжимал толстый кривой нож.

— Да вы чё? — Крылов Отступил назад. Собака жалась к его ногам.

— Знаешь, Крылов, — заявил старик, — это ведь оборотня мы поймали. Хуже вампира: этот мальчик только шаг ступит — крестьяне в Индии перемрут, плюнет — Новый Орлеан затопит. Он из рогатки по голубям стрелял — три чёрные дыры образовалось. А сейчас мы его убьём — и спасём весь мир да и Вселенную в придачу.

Крылов отступил ещё на шаг и стал искать тяжёлый предмет.

— Ну, понимаю, поверить сложно. Вдруг мы сатанисты какие — но мы ведь не сатанисты. А ведь пред тобой будущее человечества. Вот к тебе нищий подойдёт — ты у него справку о доходах спрашиваешь? Или так веришь?

— А я нищим не подаю, — злобно ответил Крылов, вспомнив сегодняшнего — в переходе.

— Ладно, зайдём с другой стороны. Вот откуда мы фамилию твою знаем?

— Да меня всякий тут знает.

— Если вы не верите, то человечеству что — пропадать? Вот вас, дорогой гражданин Крылов, — отправить сейчас в прошлое,

да в известный австрийский город Линц. А там Гитлер лежит в колыбельке.

— Шикльгрубер, — механически поправил Крылов.

— Неважно. Что, не убить — маленького? Миллионы народу, между прочим, спасёте.

— Это ещё неизвестно, кто там вместо Гитлера будет. А в вашем деле, я извиняюсь, ничего мистического нет. Налицо двое сумасшедших, что собираются малого упромыслить. Как тебя звать, мальчик?

— Витьк-к-ка, — сквозь слёзы проговорил мальчик.

— Крылов, Крылов, весь мир оккупирован, они среди нас, — вступила девушка, между делом показав Крылову колено. Колено было круглое и отсвечивало в ночи.

— Нет, не понимаю, что за «оккупация». Оккупация, по-моему, это когда в город входит техника, везде пахнет дизельным выхлопом, а по улицам идут колонны солдат, постепенно занимая мосты, вокзалы и учреждения. — Крылов сел верхом на урну и, пытаясь в кармане вслепую набрать короткий милицейский номер, продолжил: — Во-первых, порочен сам ваш подход. И вот почему: мы говорим об абсолютно реальных вещах — у вас мальчик и ножик. У вас могут быть доказательства ваших конспирологических идей. Значит, мне на них надо указать. Или сразу перейти к метафорам и шуткам, которые я очень люблю.

Иначе получается примерно такая история: у меня в квартире испортились пробки, ко мне приходит монтер, и вместо того чтобы починить пробки, говорит, мол, твой дом стоит в луче звезды Соломона, Юпитер — в семи восьмых… Да ну этого монтёра в задницу.

Во-вторых, мы как бы живём в двух мирах — реальном, где этого монтёра надо выгнать и починить пробки с помощью другого монтёра, скучного и неразговорчивого, и втором мире — мире романов Брэма Стокера и Толкиена. По мне, так лучше отделить мух от котлет. Починить материальным способом пробки, а потом при электрическом свете заниматься чтением.

Мобильный так и не сработал, а лишь подозрительно попискивал в кармане. Мальчик, почуяв надежду, забился в цепких руках парочки.

— Крыло-о-ов, — протянула девушка, — ну ты пойми, человечество, Вселенная, не захочешь, никто ведь не узнает. А я помнить буду — ты мой герой навсегда, а? Тебя вся мировая культура к чему готовила? Ты как единорог выглядит, знаешь?

— Не знаю я никаких единорогов, — оживившись, ответил Крылов.

— И Борхеса не читал? — язвительно произнесла девушка, но

её перебил старик:

— Дорогой ты наш товарищ Крылов, ты убедись сам: мы этому оборотню сейчас ножом в голову саданём, и он сразу обратится в прах — вот оно, решительное доказательство.

— Это детский сад какой-то прямо. Вы ребёнка сейчас зарежете, а потом уж обратного пути не будет. А принцип Оккама никто не отменял. Он, я извиняюсь, замечательный логический инструмент. И работает вполне хорошо и в том, и в этом случае. Никого мы резать сегодня не будем. Сейчас вы мне ещё сошлётесь на процессы над ведьмами, что были в Средние века, по десяти публикациям газеты «Масонский мукомолец», пяти публикациям в «Экспрессо-газете» и одной — в журнале «Домовый Космополит», и ваше суждение обречено. Увеличение бредовых версий ведёт к превращению человека в параноика. Или в писателя…

Крылов в этот момент оторвал от урны длинную металлическую рейку и, размахнувшись, треснул старика по голове. Девушка вскрикнула, а мальчик упал на песочную кучу.

— Беги, малец! Фас, фас! — завопил Крылов, хотя его такса уже визжала и дёргала старика за штанину, а девушка, разрыдавшись, спрятала лицо в ладонях.

Мальчик удирал, не оборачиваясь. Он бежал резво, шустро размахивая руками и совершенно не касаясь ногами земли.

Сергей Лукьяненко

МЕЛКИЙ ДОЗОР

(Дозоры — 5)

1

Будет

Когда человеку с телекамерой развяжут глаза, он увидит перед собой людей, словно бы сбежавших со съемок костюмированного фильма.

Рыжая девушка в прозрачном белом платье, в туфельках на высоком каблуке, со сверкающей в волосах диадемой — красное золото и зеленые, в цвет глаз, камни. Слишком большие, чтобы быть изумрудами, конечно же. Ну просто неприлично большие. Такие изумруды хранятся в музеях и государственных сокровищницах. Ведь правда?

Молодой мужчина в облегающем черном костюме и черном плаще, заколотом у горла серебряной розой. На поясе у мужчины шпага — не спортивное оружие современных фехтовальщиков, а настоящая боевая средневековая шпага, тяжелая и широкая, подлинное оружие убийства. А вы думали, мушкетерская шпага — это та тонкая острая палочка, вроде шампура, с которой бегал в известной экранизации актер Михаил Боярский?

Седовласый старик, закутанный в мантию и опирающийся двумя руками на деревянный посох. Из той редкой породы людей, которые с возрастом не толстеют и не ссыхаются, остаются ровно такими же, как и в зрелости. Глаза у него ясные и мудрые, на лице добрая улыбка. Похож на Гэндальфа из сказки Толкиена, не так ли?

Оператор на всякий случай начнет работать. Картинка в любом случае обещает получиться интересной: темная законсервированная станция метро и трое ряженых в ярком круге света.

Рядом с ним несколько молодых людей самой обычной наружности снимут повязки с глаз двум фотожурналистам и довольно-таки известному сетевому публицисту. Еще двум людям, видимо, тоже журналистам, не только снимут повязки, но и развяжут руки.

— Благодарим вас за то, что вы согласились прийти в наше убежище, — негромко произнесет старик.

— Согласились? — Один из тех, кому развязали руки, разразится саркастическим смехом. — Вообще-то, выбора у нас не было!

— Выбор есть всегда. — Старик покачает головой. — Можете

уходить, вас проводят.

Журналист настороженно оглядится — и замолчит.

— Мы похожи на вас. — В разговор вступит мужчина в плаще. — Но мы — не люди. Мы Иные.

— Я — оборотень, — скажет девушка в белом платье.

— Я — маг, — проговорит старик.

— Я- вампир, — улыбнется мужчина в плаще, обнажая острые зубы.

Оператор равнодушно продолжит снимать. Вы бы только знали, с каким количеством психов приходится сталкиваться оператору новостной программы!

— Это рекламная акция музыкальной группы? — спросит насмешливо сетевой публицист. — Или новой книги Пелевина?

— Скорее Акунина, — с усмешкой предположит кто-то из фотографов, и камера в его руках тонко всхлипнет, записывая очередной кадр. — Фандорин и упырь…

В следующий миг его палец вдавит спуск камеры — то ли на профессиональных рефлексах, то ли от животного страха, — и та застрекочет, выдавая кадр за кадром. Рыжая девушка с улыбкой потянется — и белое платье на ней разойдется по швам. Руки девушки начнут удлиняться, ноги, напротив, укорачиваться. Густая рыжая шерсть полезет сквозь кожу. Глаза начнут сходиться, нос плющиться.

— Оборотень-орангутанг, — произнесет старик, называющий себя магом. — Очень редкий вариант, признаюсь. Как правило, человек перекидывается в хищника. Чаще всего — в волка. В Азии распространены перевертыши-тигры. В Японии встречаются лисы. Небольшое количество медведей… кабанов… случается и иная экзотика. Но опрокидень-обезьяна — случай редчайший…

Его не станут слушать, но старик словно и не ждет этого. Он будет все так же бубнить себе под нос о редкости и значимости данного случая, поскольку, по его мнению, перекидывание в обезьяну начисто опровергает теорию Дарвина о происхождении человека, пока журналисты не сойдутся вокруг оборотня — неуверенные, опасающиеся, но уже почуявшие в тяжелой звериной вони сладкий запах сенсации.

И когда где-то в темноте откроется дверь — этого не услышат. Ни журналисты, ни телеоператор, ни ряженый под Дракулу вампир, ни обернувшаяся обезьяной женщина, срывающая с себя остатки одежды. И маг — тоже не заметит. И молодые люди, которые привели журналистов и должны были, очевидно, служить охраной, среагируют слишком поздно.

В круг света вступит мальчик лет десяти, полуголый — в одних только грязных белых шортах, исцарапанный — будто

протискивался через узкий лаз, вооруженный — с маленьким, но явно не игрушечным автоматом в руках. К нему успеют повернуться все — мальчик словно дожидается этого момента. Известный сетевой публицист даже заметит:

— В этом есть какой-то нездоровый фрейдизм…

Мальчик кивнет, поднимая автомат, и скажет тонким, еще не ломавшимся голоском:

— Совершенно с вами согласен!

И только после этого начнет стрелять.

2

Есть

Говорят, что французы любят слово «маленький». У них и книжка самая знаменитая — «Петит принц», и в ресторанах самые дорогие блюда — какой-нибудь «петит» или «миньон». Они, наверное, считают, что хорошего много не бывает.

А у нас в России — совсем по-другому. Маленький — это еще ладно, это снисходительно. Мол, не лезь не в свое дело: ты еще маленький, мал еще, маловат будешь…

Куда хуже слово «мелкий». Маленький — он еще может вырасти. Даже лилипуты друг друга зовут маленькими, им ведь хочется верить, что их рост — не навсегда. А вот мелкий как был мелким, так им и останется. Пусть даже он не лилипут, а всего-то чуть ниже среднего роста. Может, и не ниже, есть ведь такие случаи, когда вначале кто-то плохо рос, а потом раз — и вытянулся!

Да и вообще, важное ли дело — рост? Наполеон был небольшого роста. Путин тоже совсем не высокий. Актер Денни де Вито — коротышка, ну и что? Да если подумать, так почти все великие люди были маленькими! Вот только Петр Первый…

— Уснул, Мелкий?

Это Надя, мы с ней вместе сидим на занятиях. На нее я не обижаюсь, ведь на самом деле именно она самая маленькая в группе. И по возрасту, ей всего семь лет. И по росту — ниже меня на голову. Но раз все меня зовут Мелким, то и она не отстает.

— Ага, — отвечаю я тихонько. — Я эту тему знаю.

— Я тоже.

Спорить я не спорю, хотя Серый молебен — заклинание сложное, и в семь лет ему не учат. Надя хоть и маленькая, но очень сильная волшебница. Очень и очень. Это большая удача, что она — Светлая.

— Ты готовься, — говорит Надя.

— К чему?

— Сейчас придет папа.

— Мой папа? — удивляюсь я. — Мой папа работает на стройке. Он электрик. Он про Иных не слышал, в волшебство не верит и даже не подозревает, что я учусь в школе магов при Ночном Дозоре.

— Мой! Придет и заберет тебя с собой.

Я искоса смотрю на Дмитрия Эдуардовича, который ведет у нас сегодня занятия. Он Иной третьего уровня, это и вправду круто. И я слышал, что как раз предвидение — самая сильная его сторона. Но сейчас Дмитрий Эдуардович явно ничего не подозревает.

Обычное дело. Слабый маг сильного не почувствует… ну, если специально не начнет вглядываться в будущее.

Дверь открывается, но входит вовсе не Антон Городецкий. Входит Ольга.

— Класс, встать. — Дмитрий Эдуардович вежливо склоняет голову. — Большая честь для нас, Великая!

Я смотрю на Надю и, не удержавшись, шепчу:

— Твой папа сегодня как-то странно выглядит!

— Может, он замаскировался под нее! — не сдается Надя. Но по глазам видно, что она уже признала свою ошибку.

Предвидение — самое сложное, что есть в магии. Ведь никакой маг не знает точно, что именно случится. Он может только предположить, что может случиться — и с какой достоверностью. Чем маг сильнее — тем больше вероятностей он видит. А чем опытнее — тем точнее просчитывает варианты.

Скорее всего, Надин папа и впрямь мог прийти. А ей очень хотелось его увидеть. Вот Надя и поверила в ту вероятность, которая ей больше нравилась…

Все это проносится у меня в голове за те секунды, пока Ольга с улыбкой шепчется с учителем, потом оглядывает класс… Похоже, она и впрямь за кем-то пришла, но пока еще не решила, за кем именно.

На занятиях нас шестеро. Самый старший — Лев, ему сорок лет, и он инженер. Ну, то есть был раньше инженером. Говорят, из него получится боевой маг. Он хороший дядька, и даже когда обзывает меня Мелким — это звучит не обидно. Просто его дети мои ровесники, а он их зовет иногда мелкими, а иногда спиногрызами.

Потом есть Фирюза. Она тихая и всего боится. Ей лет тридцать, она с мужем приехала из Таджикистана и работала где-то на стройке. А дома у мужа осталась еще одна жена, моложе и красивее… В общем, случилась какая-то противная история, из-за которой Фирюза попыталась отравиться, выпив бутылку уксуса. Ей повезло, что дежурный врач в больнице был Светлым и что он почувствовал в умирающей женщине Иную. Спасать магией обычных людей ему нельзя. А Фирюзу, раз она Иная, — можно. Вот он ее и спас, хотя она все равно ходит с такими глазами, будто умерла.

Стас и Сашка — им лет по двадцать, наверное. Они приятели,

очень заводные ребята и шумные. Дмитрий Эдуардович про них как-то сказал: «Новую генерацию Светлых порой трудновато отличить от старой генерации Темных…» Вот как раз они называют меня Мелким так, что это звучит обидно.

Хотя Стас как-то объяснял, что это вовсе не в насмешку, а как необходимый этап инициации подростка в суровом, почти воинском коллективе…

— Ты Витя Мелков? — спрашивает Ольга, глядя на меня.

— Да.

Я совсем не трушу. Конечно, Великие к нам заходят нечасто. Но Ольга симпатичная тетка. Жалко, что старая такая. Мне кто-то говорил, что ей триста лет, а кто-то — что гораздо больше.

— Нам надо кое о чем поговорить, Витя, — Ольга смотрит на меня как-то очень оценивающе. — Дмитрий Эдуардович готов отпустить тебя. Ты не против?

Нет, ну конечно, это не школа. Не скукотища вроде ботаники или геометрии. Но какой нормальный человек не захочет уйти с занятий?

— Конечно!

— Тетя Оля, а почему не я… — внезапно пищит Надя Все-таки она и впрямь совсем еще маленькая!

«Тетя Оля» вроде как и не перестает улыбаться, но смотрит на нее так, что Надя замолкает.

— Тетя Оля заходит к вам в гости выпить чаю. Здесь никакой тети Оли нет.

Так что выхожу я из класса победителем. Надя глядит мне вслед с завистью, а Стас и Сашка с удивлением. Лев подмигивает. Только Фирюза как смотрит в никуда, так и продолжает смотреть.

Учебные классы — на первом этаже. Туда даже людей иногда пускают. На второй нам можно заходить, там тоже ничего очень уж секретного нет. Только в компьютерный центр и в архив без разрешения войти не позволят. А на третий этаж ученикам подниматься нельзя.

— Не был здесь? — спрашивает Ольга. Охране она лишь кивнула — никто не стал ничего проверять.

— Нет, — говорю я.

На третьем этаже красиво и интересно. Вдоль всего коридора висят закрытые стеклом старые агитационные плакаты. На одном — два молодых Светлых мага о чем-то беспечно беседуют, стоя на улице. Под ногами у них трется белая кошка со злобными зелеными глазами. Надпись на плакате гласит: «Болтун — находка для шпиона! Черная тварь может таиться в белой шкуре!» На другом — симпатичная волшебница в ситцевом платье, почему-то похожая на Ольгу, и Светлый маг в спецовке стоят у

пограничного столба с надписью: «СССР». Из-за границы на них скалится худой вампир, щерится облезлый волк-оборотень и размахивает склянкой с черной жижей мерзкого вида мужчина в смокинге. Подпись к плакату сообщает: «Темным силам даст отпор Пограничный наш Дозор!» Еще висит несколько пожелтевших номеров какой-то старой газеты с названием «За передовую магию!», но их рассматривать у меня времени нет, потому что мы идем по коридору все дальше и дальше. Похоже, к самому главному начальству. Я слышал, что кабинет Бориса Игнатьевича, директора нашего Дозора, — в самом конце коридора. Круто! Будет, что рассказать!

Мы действительно доходим до дверей с табличкой: «Директор». У окна, облокотившись о подоконник, стоит Надькин папа и говорит по мобильнику. Когда мы приближаемся, он бросает в нашу сторону:

— Оля, я сейчас…

— Я уже его привела, Антон.

Ага. Значит, Надя не ошиблась, должен был прийти ее отец.

— Здравствуй, Витя, — Антон смотрит на меня и как-то очень быстро отводит глаза. — Мы тебя сняли с уроков, потому что…

— У вас есть для меня задание.

— Спредвидел? — интересуется Ольга.

— Нет, просто догадался, — честно отвечаю я. — Ну зачем еще меня вызывать к директору? За плохую успеваемость?

Я стою на стуле, будто малыш, собравшийся рассказать взрослым стишок. Уже от одного этого можно покраснеть.

К тому же я в одних трусах!

А на меня задумчиво смотрят Антон, Ольга и Борис Игнатьевич.

— Нет, он все-таки слишком крупный, — сказал Борис Игнатьевич. — Сколько тебе лет, Витя?

— Четырнадцать, — говорю я. Перед директором я даже не робею. Ну кто же робеет перед рисунком в учебнике или статуей в музее? Гесер ведь сам — живая история.

— Кхм, — кряхтит Борис Игнатьевич. — Да, ты… э-э-э…

— Мелкий, — подсказываю я. — Меня к докторам водили. Вроде, все в порядке. Просто я буду не очень высокого роста. — И зачем-то добавляю: — Как Наполеон.

Борис Игнатьевич качает головой.

— Не надо как Наполеон. Несчастный был человек…

— Зато, какой галантный, — бормочет Ольга. — Витя, подними-ка руки…

Я послушно поднимаю. Ольга еще раз меряет мне плечи сантиметром.

— Впритык. Ты мальчик худощавый, но…

— Давайте сделаем проще. — Антон подходит к окну и берет лежащий на полу пластиковый обруч. Возвращается, поднимает его над моей головой. Я жду — это уже делали.

Ой, нет!

Антон что-то негромко произносит — и обруч в его руках утончается, стекает вниз, заключая меня в тонкую полупрозрачную трубу. Ощущение не из приятных, я едва могу пошевелиться.

— Борис Игнатьевич, помогите…

Трубу подхватывают с двух сторон и кладут на пол. Я растопыриваю локти и коленки, чтобы удержаться.

— Витя, сможешь вылезти?

Я молча ползу по трубе. Не очень-то и трудно…

— Нет-нет, это не чистый эксперимент, — замечает Ольга. — Труба на самом деле идет с легким наклоном.

Антон со своей стороны приподнимает трубу. Ползти вверх сразу становится тяжело, но если упираться спиной… а потом плотно прижимать ладони к стенкам…

— Надо будет одеть мальчика в футболку из шершавой ткани, — предлагает Ольга. — Ой, нет! Лучше нашить полоски из наждачной бумаги! А еще перчатки и носочки. Или кроссовки? Есть такие шикарные кроссовочки, специально для занятий скейтбордом…

— Кирзовые сапоги, — мрачно изрекает Борис Игнатьевич. — Нет, мне не нравится. Слишком опасно, чтобы посылать туда ребенка.

— Ну нет у нас сотрудников мельче! — с искренним сожалением произносит Антон. — Я узнавал, все лилипуты, которые стали Иными, первым делом добивались разрешения на увеличение роста! Хотите — уменьшите меня магией!

— Нельзя, почуют, — резко отвечает Ольга.

Наконец-то выползаю. Антон протягивает руку, и помогает мне встать. За моей спиной труба с легким хлопком вновь превращается в обруч.

— Я мелкий, но не маленький, — заявляю я. — Сколько надо проползти?

Ольга и Борис Игнатьевич переглядываются.

— Гесер, он справится, — говорит Ольга. — Цепкий мальчик, я сразу поняла.

Антон расхаживает по кабинету и рассказывает:

— Это довольно-таки частая ситуация, Витя. Иногда открыться людям хотят Светлые. Иногда — Темные. Причины самые разные… Но допустить этого мы не можем. Ни в коем

случае. Понимаешь, почему?

— Мы учили, — отвечаю я. — Паника. «Охота на ведьм». Развитие у обычных людей комплекса неполноценности. Очень много причин.

Я говорю, а сам все смотрю на автомат, который чистит Ольга. У нее бережные, четкие движения рук. Автомат очень красивый. Это «вереск». Оружие спецназовцев, под особый патрон. Мелкий.

Ольга негромко произносит:

— Тут особые пули. Заговоренные. Это должно сработать… если уж что-то пойдет не так. Но мы обойдемся без стрельбы… надеюсь… Ты умеешь стрелять?

Я пожимаю плечами.

— В тире стрелял немножко. И в игрушках.

— Игрушки не считаются… — хмыкает Ольга. — Эх, нельзя на тебя наложить заклятие… почуют…

— Их около десяти, — поясняет Антон. — Темные Иные. Я уж не знаю, зачем они решили поведать о нас людям… но информатор убежден, что решение принято. Через шесть часов на законсервированной станции метро они встретятся с группой людей: журналистов, фотографов, телевизионщиков. Продемонстрируют вещи, которые убедят любого скептика…

— Если вы знаете время и место, — говорю я, — то надо туда пойти самым сильным. Гесеру и вам, и еще кому-нибудь… Нет, я не боюсь, но ведь Гесер бы справился?

— Справился бы, конечно, — кивает Антон. — Вот только пока преступление не совершено — у него нет оснований останавливать Темных. А когда оно совершится… не факт, что мы успеем их задержать. Гесер, конечно, способен так закрыться, что его никто не почувствует…

— Но у них помимо магического чутья — повсюду электронные системы охраны, — добавляет Ольга.

— Если идти сквозь нижние слои Сумрака — это вызовет изменения силы, и они почуют опасность. Если идти в реальном мире — сработает сигнализация. — Антон разводит руками. — И единственный выход, который мы нашли, — вентиляционный короб. Металлическая труба, которая идет между основной, функционирующей станцией метро и законсервированной, расположенной рядом. По трубе очень маленький человек способен добраться до комнаты дежурного по станции. Оттуда — выйти на платформу. И, угрожая оружием, задержать всех — и людей, и Иных.

— У тебя неплохая способность к защите, — сообщает Ольга. — Мы не можем наложить на тебя чары — ты станешь

«фонить», опытный Темный почувствует твое приближение. Но ты и сам продержишься. Минуту. Буквально одну минуту.

— В крайнем случае — стреляй, — наставляет Антон. — Не по людям, конечно. По Темным. Стреляй по ногам, ты их не убьешь, но задержишь.

— Все расписано по минутам, — уточняет Ольга, — Мы еще потренируемся на макете, но ты должен будешь проползти трубу за девять минут. Как только к Темным приводят журналистов — ты отправляешься в путь. Девять минут — это вполне реально.

— У меня будет связь?

— Нет. Мы будем находиться поблизости от станции — и атакуем ее ровно через десять минут. Ты к этому моменту должен держать их всех под прицелом. Через минуту мы придем тебе на помощь.

— Только не начни стрелять без нужды, — улыбается Антон.

— Не начну. Да что вы, право! Обидно даже…

— Умный мальчик. — Ольга целует меня з макушку. От нее пахнет духами — сладкими, жаркими. — Все, вперед, в тренажер!

Я вздыхаю и иду к трубе. Она короткая — всего два метра. Это если снаружи. Если забраться в нее — куда длиннее…

— Уверен, что кроссовки не нужны? — интересуется Ольга.

— Я лучше в шортах и босиком, — отвечаю я. — Так удобнее, чес слово!

Уже находясь в трубе, слышу голос Антона:

— Хочешь, позвоню твоим родителям? Или, лучше, заеду к ним?

— Не надо, — глядя на далекий кружок света впереди, откликаюсь я. — У меня папа поздно придет, они объект сдают. А мама сегодня в ночную смену.

3

Было

— Я сказал, что ты электрик, — признался я.

— Электрик? — отец засмеялся не сразу. Некоторое время обдумывал мои слова, потом улыбнулся. — Почему?

— Ну… раз они называют себя Светлыми… Свет, электричество, как-то созвучно… подсознательно настраивает на доверие.

— Разумно, — кивнул отец. — Наивно, но может и работать. Все-таки они тоже люди. Пускай и иные.

— Так ты мне веришь, папа? — прямо спросил я.

— Да.

Мы гуляли в парке. Вообще-то я не люблю гулять просто так, бесцельно. Уж лучше с друзьями. Но разговор был слишком серьезным.

— Почему? — не унимался я. — Если рассуждать разумно, то я фантазирую, будто маленький. Ко мне на улице подошел человек и заявил, что он волшебник, что я тоже будущий волшебник, и сейчас мы вместе войдем в Сумрак…

— Извини, но прежде чем ответить, я тоже кое-что спрошу. Твоя первая мысль?

— Маньяк-извращенец, конечно. «Мальчик, я отведу тебя в Сумрак…» Тьфу.

— Почему же ты продолжил разговор?

— Место было вполне безопасное. Возле метро, очень много людей. Какие-то пацаны тусовались, пиво пили, их человек двадцать было, и им хотелось подраться. Надо быть самоубийцей, чтобы в таком месте пристать к ребенку. Я стоял так, что он не мог меня схватить, и в любой момент мог позвать на помощь.

— Разумно. — Отец, прищурившись, посмотрел на ограду парка, за которой плавно катилась черная «Волга». Водитель у папы замечательный, машина шла с нашей скоростью, как приклеенная. — Хорошо, Виктор. Я доволен тобой.

— Спасибо, папа.

— Я верю твоим словам, потому что мы знаем о существовании Иных.

Внутри у меня что-то вздрогнуло. Взаправду! Все это действительно взаправду!

— И у нас, и у американцев, и у других крупных служб есть

свои люди… ну, или Иные, в так называемых Дозорах. Иногда случается так, что Иные вербуют наших сотрудников… и, как правило, те подают докладную о случившемся. Так что мы знаем, давно уже знаем о существовании параллельной ветви человечества: магов, оборотней, вампиров. Но я никогда не думал, что мой собственный сын… — Отец замолчал.

— Папа, я все сделаю как надо…

— Да ничего не надо, — отмахнулся он. — Будешь ходить… в ихний Хогвартс… учиться магии и чародейству.

Когда папа начинает коверкать слова и говорить «ихний», или «ложить», или «приехамши», или нарочно неправильно ставит ударение — это значит, что он всерьез разволновался. Я это знаю. И он знает, что я знаю. Время экономится, и не надо ничего лишнего говорить.

— Но если надо что-то узнать…

— Виктор, информация не бывает лишней. Но основная задача наших людей в Дозорах… Предположи?

Я подумал и сказал:

— Что-то очень странное. Не навредить Иным… не разведать их тайны… Дозоры — это вроде как их спецслужба, которая охраняет людей от Иных…

— Очень разумно, — произнес папа. И я понял по голосу, что он мной гордится.

— Если наши миры соприкоснутся — то это будет вредно для всех, — продолжил я. — И для Иных… и для нас, наверное. Я думаю, что наши заняты тем же самым, что и Дозоры. Препятствуют разглашению информации.

— Разумно, — согласился папа. — Да, Виктор. Именно так. Это наш маленький, человеческий дозор. Есть Дозоры со стороны Иных… Хотя, если честно, я назвал бы их двумя отделениями одного Дозора. А есть и наш Дозор.

— Мелкий, — невесело пошутил я,

— Отставить нюни, — велел папа. — Молодость — тот недостаток, который проходит. А то, что ты выглядишь несколько инфантильно, — он никогда не старался смягчить выражения, — так это огромный плюс. Для людей нашей с тобой профессии. Внушает доверие и заставляет недооценивать. Ты и дальше веди себя как ребенок.

— Смешно. — Я развел руками. — Вроде как я их обманул. Проник в их тайны. А получается — буду делать то же самое, что и они!

— О нет. — Отец покачал головой. — Нет, Витя. Ты будешь делать то, чего они сделать не могут — по своей природе.

Он присел на скамейку, достал портсигар, в котором лежали

две сигареты. Задумчиво посмотрел на них, будто выбирая, хотя сигареты были совершенно одинаковы. Достал одну и закурил. Закашлялся.

— Пап, я ведь смогу тебя вылечить! — сказал я.

— Не откажусь. — Отец жадно затянулся. — Но ты не спеши. У тебя есть три-четыре года на обучение… — Он протянул руку и взъерошил мне волосы: — Мелкий дозор…

Я не обиделся.

Было — Есть — Будет

Антон Городецкий вышел в коридор, открыл третье от кабинета Гесера окно (все знали, что датчик на нем не работал), высунулся по пояс, взял с узенького выступа между окнами пачку сигарет и зажигалку. Закурил, вернул общую заначку на место. Над пачкой угадывалось слабенькое заклятие, гасящее ветер, отгоняющее ворон и отсекающее дождевые капли.

Полгода назад Гесер запретил курить в здании Дозора. Отношение сотрудников к этому решению оставалось сложным.

Антон успел сделать всего пару затяжек, когда рядом с ним в окно высунулся Гесер. Молча отобрал сигарету, поморщился, глядя на фильтр, сказал:

— Слюнявишь! — и начал курить сам.

Антон взял вторую сигарету.

— Да — Гесер проследил за его руками. — Понятно. Дисциплина на высоте.

— Та часть моего организма, которая курит, находится за пределами здания.

Гесер подумал и кивнул.

— Да, в этом что-то есть.

Некоторое время они курили молча.

— Почему?

— Этот парнишка готовится идти в одиночку против…

— Этому парнишке почти пятнадцать! — проронил Гесер. — Однако он себе самому повторяет, что ему четырнадцать! А ведет себя как десятилетний. Относись к нему… реалистично. Без соплей. Он не ровесник твоей дочки! Он уже не ребенок.

— Ну да, Гайдар в его годы полком командовал, — соглашается Антон. — Но дело ведь не в возрасте. Будь ему и двадцать, и даже тридцать — все равно он был бы мальчишкой по сравнению с тобой. И даже по сравнению со мной! У него нет…

— Опыт тут не важен.

— Готовности к такому…

— Готовность у него есть. — Гесер щелчком отправляет окурок вниз. Антон только собирается сделать ехидное замечание, как видит — окурок по дуге пролетает над тротуаром и скрывается в урне.

— Но он же человек! Пусть даже его отец в спецслужбах, пусть мальчик и сам туда собирался…

— Вот раз человек — пусть и делает свою, человеческую, часть работы! Ту, которую мы сделать попросту не можем! Остановить своих психопатов — всегда! А их? Человеческих? Ты же понимаешь: те, кто придут, — не случайные люди! Это те, кто копает под нас. Они полны скепсиса. Они никогда не признавались, что верят. Но это те, кто поверит… и кто начнет непоправимое. Войну людей и Иных. Исходя из самых благих целей… они погубят всех нас. И именно потому, что они исходят из самых благих целей — мы не можем их остановить! Не можем! Нужен инфантильный мальчик с автоматом и обоймой заговоренных патронов. Инфантильный и хороший мальчик, у которого свой Дозор. Свой маленький Дозор…

И тогда Антон Городецкий посмотрит в глаза своему начальнику, тому, кто когда-то его инициировал — точно так же, как Антон полгода назад опознал в идущем ему навстречу чем-то неуловимо странном не то мальчике, не то юноше Иного, — и произнесет:

— Гесер… Мы знаем, что было. Мы видим, что есть. И мы понимаем, что будет. Мальчик кивнет, поднимая автомат, скажет тонким, еще не ломавшимся голоском: «Совершенно с вами согласен!» После этого он начнет стрелять. Он проползет трубу не за девять минут — за семь. Специально, чтобы мы не успели никого арестовать. Чтобы полностью зачистить ситуацию. Он расстреляет всех. И сам погибнет от ответных заклятий. Пусть он даже к этому готов — но мы отправим его на смерть!»

Гесер нахмурится и ответит:

— Да, Антон. Но у нас нет выбора. А если разобраться, жизнь — это и без того всего лишь маленький дозор между рождением и смертью. Даже если жить очень-очень долго — его все равно очень маленький дозор…

Перед тем, как податься обратно в коридор, он все-таки начнет колебаться, остановится и заявит:

— К тому же… тебе прекрасно известно, что существует лишь прошлое. Будущего нет. Читать вероятности можно лишь до определенного предела. Да, если поддержка появится через десять минут — паренек погибнет. А вот если, нарушив приказы,

через девять — у него уже есть шанс. Но, конечно, тогда возникнут вопросы. Что делать с группой рассекретившихся Темных? Каких компенсаций затребует Дневной Дозор, если мы их просто уничтожим? Удастся ли промыть память людям… а если нет — то каковы будут последствия их знания? И что нам делать с мальчиком, который одновременно работает на нас — и на людские спецслужбы? Очень много вопросов, Антон. Очень. Но варианты — варианты существуют всегда, Гесер давно уже скроется в своем кабинете, а Антон все еще будет торчать в окне, мусоля потухшую сигарету, У него есть еще почти два часа, чтобы принять решение. За это время можно выкурить десять сигарет. А можно и целую пачку. А можно бросить курить — чтобы удобнее было бежать по гулким темным коридорам законсервированной станции московского метро.

Варианты, как известно, существуют всегда.

Василий Мидянин

МОСКОВСКИЕ ДЖЕДАИ

— Да пребудет с нами Сила! — горестно возопил Титус Рутра Пазузу, падаван второй ступени, в отчаянии роняя руки на руль. — Все, приехали!

Магистр Джагавр Чоудхури наклонился к лобовому стеклу и близоруко прищурился, пытаясь разглядеть, отчего на дороге возникла столь серьезная пробка. Похоже, из Нагатинского затона на Третье транспортное кольцо выполз гигантский плотоядный слизень, потерявший ориентацию в пространстве из-за внепланового сброса ядовитых фабричных стоков в Москву-реку. По крайней мере, слизистая сизая туша величиной с двухэтажный дом, колыхавшаяся далеко впереди над рядами нетерпеливо сигналящих машин, наводила именно на такую мысль.

— Опоздаем? — озабоченно спросил Титус Рутра.

— Неизбежно, — согласился магистр Чоудхури, вытащив из кармана платок и степенно промокнув морщинистый доб.

— Не помешал бы кондиционер, — произнес Пазузу, до упора откручивая окошко со своей стороны. Особого облегчения это, впрочем, не принесло — окружающее пространство было наполнено густым бензиновым выхлопом. — Кажется, это надолго.

— Не помешал бы, да, — после паузы невозмутимо ответствовал Чоудхури, пряча платок в карман.

Титус помолчал и, не дождавшись продолжения, опустил голову, привычно сцепив руки перед лицом в молитвенном жесте.

— Мой разум отравлен ядом сомнения, учитель, — сказал он, прикрыв глаза.

— Хочешь поговорить об этом, юный падаван? — приподнял бровь магистр.

— Да, учитель.

— Что ж.

Магистр поудобнее устроился на переднем сиденье и начал неторопливо перебирать извлеченные из рукава кипарисовые четки, глядя прямо перед собой. Поняв, что это было приглашение к откровенности, падаван несмело начал:

— Видите ли, магистр Чоудхури…

Машина впереди тронулась, и Титус Рутра, тихо чертыхнувшись, подал «Ладу» вперед. Наставник неодобрительно

поморщился, но промолчал. Через десяток метров падавану опять пришлось затормозить, и он вновь сложил руки в жесте покорности.

— Не делай так, — разрешил магистр.

— Но, учитель! — запротестовал Пазузу. — Это не по Уставу!..

— Не джедаи для Устава, но Устав для джедаев, — наставительно проговорил Джагавр. — Правила писаны для того, чтобы поддерживать внутренний порядок среди братьев, но не для того, чтобы возводить их в абсолют и молиться на них, как на идола. Правила хороши тем, что в экстренной ситуации ими можно пренебречь, иначе они превращаются в мельничные жернова на ногах пловца. Держись в среднем ряду, сынок, следи за дорогой и поведай мне свои сомнения.

— Да, учитель.

Падаван сосредоточился на дороге и несколько мгновений молча лавировал между неуклюже движущимися металлическими экипажами, сердито бибикая на нерасторопных коллег. Наконец, собравшись с духом, спросил:

— Скажите, учитель Чоудхури, почему мы с вами не выезжаем на задания с мигалкой и сиреной, как делают многие братья? Это ведь не гордыня и не стремление к комфорту, правда-правда, это насущная необходимость! Для чего мы торчим в пробках, опаздывая на чрезвычайно важные миссии, и позволяем надутым ничтожествам с милицейскими номерами обгонять нас? Во имя Альмонсина-Метатрона, да если бы порядок в этом городе был возложен на плечи милиции, здесь уже на третий день воцарилась бы анархия! Меж тем они имеют преимущественное право проезда в любой ситуации, а мы нет…

— Все крайне просто, юный падаван, — ответил Джагавр Чоудхури, монотонно перебирая пальцами четки. — Если мы решим воспользоваться спецсигналом, нам придется взять в гараже Ордена машину представительского класса. Согласись, мигалка на «Ладе» будет выглядеть анекдотично. Услышав сирену, водители судорожно начнут озираться в поисках правительственного «гелендвагена» или фургона «Скорой помощи» — им даже в голову не придет, что спецсигнал установлен на нашей машине, дешевенькой и побитой. Хорошо, мы взяли автомобиль представительского класса, дорогой и комфортабельный, с милым твоему сердцу кондиционером. Что дальше? Друг мой, гидра порока коварна и вкрадчива. Тебе непременно захочется между заданиями катать на этом лимузине красивых девочек и парковать его возле шикарных ресторанов. Ты станешь требовать у меня денег на девочек и рестораны, и я буду

удовлетворять твои желания, поскольку Устав Ордена в воспитательных целях рекомендует наставникам выдавать ученикам на мелкие расходы определенные суммы из орденской кассы, которые, по мнению наставника, не выходят за рамки приличий. Рано или поздно суммы, в которых ты станешь нуждаться, неизбежно выйдут за эти рамки, и я буду вынужден отказать тебе. И тогда ты возьмешь без спросу — неважно, из кассы Ордена или у беззащитных горожан, хотя первое, безусловно, гораздо более отяжелит твою карму. Поверь мне, юный падаван: путь на темную сторону Силы короче, чем на другую сторону улицы.

— Простите мне мою дерзость, учитель Чоудхури, но отчего же тогда мастер Гаумата и его падаван Миахил Минотаурус разъезжают по Москве на «мерседесе» и вовсю используют спецсигнал? Разве Минотаурус уже на темной стороне Силы? Что в таком случае он делает в Ордене, и почему же Великий магистр Миллер не изгонит его?

— Ну, начнем с того, что мастер Гаумата — сам пьяница и развратник, каких свет не видывал, — проворчал магистр Чоудхури. — Своим поведением, на мой взгляд, он порочит звание рыцаря-джедая. Но в нем есть могучая искра. Видишь ли, юный падаван, у каждого рыцаря свой путь. Кто-то способен опрометчиво предаваться пагубным земным утехам, но при этом оставаться ревностным Воином Света, готовым по первому зову броситься на защиту светлых идеалов. А кому-то достаточно одного неверного шага, чтобы навсегда сгинуть в пучине порока. Именно поэтому мы смиренно терпим недостойное поведение мастера Гауматы, ибо нет в нашем Ордене равного ему по силе и умению, разве что Великий магистр. Изгнать его за незначительные и в общем-то простительные грешки — значит неизбежно ослабить Орден. А от смертных прегрешений, я уверен, Гаумата удержаться сумеет, ибо силен дух его на светлой стороне Силы. И падаван Миахил также гораздо далее продвинулся по пути Силы, чем ты. Кто проиграл ему всухую в Смертельной Битве на прошлой неделе? Три раза подряд!

— Учитель! — запротестовал Пазузу. — Вы же в курсе: у меня заело джойстик!..

— Это самообман, юный падаван! — отрезал Чоудхури. — У высших магистров никогда не заедают джойстики, не ломаются будильники и не отключается горячая вода в летний период. Для истинного джедая не существует случайностей. Нелепые случайности — это просто придуманный нами термин для обозначения наших собственных промахов, когда мы не в силах вывести закономерности их возникновения. Случайности

возникают исключительно благодаря нашему несовершенству. — Наставник помолчал, потом дружелюбно вопросил: — Я развеял твои сомнения, юный падаван?

— Вполне, учитель Чоудхури, — смиренно склонил голову Титус Рутра.

Наконец пожарным, пешком пробившимся в эпицентр автомобильной пробки с ранцевыми огнеметами, удалось согнать слизня с моста. Побалансировав несколько мгновений на эстакаде, словно неуклюжий верблюжий горб, плотоядный моллюск плюхнулся в мутную воду и начал стремительно погружаться на дно. Могучая волна жадно лизнула бетонные берега. Тут же у второй опоры моста опустился вертолет Людей в Черном, закамуфлированный под санитарную винтокрылую машину МЧС, из него выпрыгнули несколько агентов в строгих костюмах и темных очках, засверкали вспышки мнемоцидов, замаскированных под чернильные ручки, и пробка понемногу начала рассасываться.

— Ну, хвала Верховному Архитектору, — облегченно вздохнул магистр. — Если и опоздаем, то ненамного.

— Интересно, — проговорил Пазузу, когда они миновали заслон спецслужб. Один из агентов сверкнул мнемоцидом прямо у него перед носом, но мифриловый фильтр, встроенный в лобовое стекло, полностью поглотил излучение амнезирующей вспышки. Падаван презрительно скривился. — Как этот инцидент будет отражен в сегодняшнем «Дорожном патруле», хотелось бы знать? Отражать-то придется так или иначе, пробка все-таки была заметная. Просто никто не вспомнит ее причин. Значит, правдоподобную причину населению не обходимо мягко подсунуть, чтобы особо пылкие умы из праздности не докопались до настоящей… Что третий канал выдаст на сей раз? Перевернувшийся грузовик? Массовая авария? Рухнувшая опора моста?..

— Пути государственных СМИ неисповедимы, — отозвался магистр Джагавр Чоудхури. — Современные технологии открывают самые широкие возможности. Это раньше приходилось инсценировать и снимать новости на специальных секретных полигонах под Москвой, а сейчас даже в районной студии кабельного телевидения легко подчистить все, что надо, прямо на записи, а потом наложить нужное изображение. И в результате вместо гигантского слизня предъявить аудитории перевернувшийся грузовик.

— Столько ресурсов уходит на то, чтобы держать профанов в неведении, — покачал головой Титус Рутра. — Мы так упорно выстраиваем для них иную, кастрированную, реальность,

информационный вакуум, в котором они живут, как внутри яичной скорлупы… То есть, — смутился он, — я понимаю, конечно, что это совершенно необходимо…

— Пустое, юный падаван, — устало махнул рукой в черной перчатке магистр. — Разумеется, Совет уже неоднократно обсуждал это. Смею тебя заверить, аналогичные дискуссии велись и среди высшего руководства РПЦ, и среди владык Темного Ордена, и в Ватикане, я в конгрессе Империи Добра. Политика, проводимая посвященными на протяжении последних пятисот лет, действительно слишком энергозатратна. Но по-другому не получится привести человечество к соответствию изначальному замыслу Верховного Архитектора. Чересчур силен будет шок, когда люди протрут глаза и вдруг с ужасом осознают, что живут совсем в других декорациях, нежели те, к которым они привыкли с детства, что на самом деле они со всех сторон окружены неведомыми опасностями и беспощадными монстрами, что в действительности они — лишь мясо для зверя…

Справившись наконец со сложной развязкой на эстакаде, падаван прибавил скорости, не забывая сохранять на лице выражение почтительного внимания.

— Как ты думаешь, — продолжал воодушевившийся магистр Чоудхури, — какие социальные катаклизмы потрясут этот регион, если население узнает, что под мавзолеем Ленина в тридцатые годы было оборудовано подземное святилище, где до сих пор живет древний червь Аварон, а тело самого Ленина подменили мумией ламы Агвана Доржиева, выкраденной из тибетского дацана, и именно этими обстоятельствами была обусловлена дальнейшая причудливая судьба Советской империи? Что произойдет, когда профаны дознаются, что вместо Собора Василия Блаженного на Красной площади уже более четверти века зияет огромная зловонная яма, населенная галлюциногенными жабами, которые и создают массовый морок, будто собор все еще стоит на прежнем месте? Как отреагируют неподготовленные массы, выяснив, что на московских улицах время от времени десантируются и начинают крушить все подряд големы из преисподней, составляющие себе твердые тела из всего, что только подвернется? Хорошо ли будет, если простой народ получит такую информацию: крыша аквапарка «Трансвааль» в действительности обрушилась оттого, что на нее случайно наступил пьяный элоим, защитник города?.. Это будет крушением всех привычных представлений, это будет внезапным и катастрофическим изменением устоявшейся картины мира. Кто из современных людей сумеет сохранить трезвомыслие, а то и рассудок, когда увидит подлинные фотографии, сделанные из

космоса, и удостоверится, что Земля на самом деле диск и покоится на спинах четырех слонов, кои стоят на спине огромной черепахи, которая, в свою очередь, лениво плывет в безбрежном Изначальном Океане? Результаты будут самые непредсказуемые, но с большой долей вероятности можно прогнозировать кровавые смуты, бунты, массовые истерии и коллективные помешательства. Вспомни, как ты сам воспринимал окружающее, когда тебе при поступлении в Орден была дарована возможность познать истинную ткань бытия, реальную подоплеку происходящих событий и настоящие мотивы поступков власть имущих, кажущихся непосвященным абсурдными. Когда тебе была дарована способность *видеть*…

— Да уж, — пробормотал падаван. Он не забыл, что только интенсивная психотерапия удержала его в то время на краю бездны, в глубине которой непрерывно хохотал слепой бог Азатот.

— Раскрывать истинную реальность нужно крайне осторожно, — рассуждал тем временем Чоудхури, — а еще лучше не раскрывать вообще, дабы избежать ненужных соблазнов и искушений. Возьмем, скажем, вампиров. Легко предугадать, как откликнется широкая общественность, узнав, что большая часть людей, пропавших без вести в прошлом году, — это жертвы кровососов, получивших лицензии на кормление в Ночном Дозоре. Да штаб-квартира Дозора будет разгромлена в тот же день, а вампиров начнут преследовать и травить повсюду!

Увы, вампирофобия — жуткая, постыдная болезнь, уже практически побежденная в Европе и Штатах, но все еще дающая свои уродливые метастазы в мусульманских странах и в России. А между тем вампиры — очень талантливые существа, они весьма тонко чувствуют, они прекрасные любовники, они гораздо возвышеннее, чем гетеро- и гомосексуальное быдло. Вампирами были Моцарт, Достоевский, Черчилль, Леонардо да Винчи, Оскар Уайльд, Уолт Дисней. На Западе вампиры имеют возможность сполна реализовать свой потенциал — Роберт Родригес, Пауло Коэльо, Кондолиза Райс, Рональдо, Николас Кейдж, Мадонна не считают необходимым скрывать свою истинную сущность, и общество дружелюбно принимает их такими, какие они есть. Десяток бездомных бродяг, которых упырь уничтожает в течении месяца — ничто по сравнению с тем высокодуховным творческим продуктом, что он производит за то же время. Вампиры надежно удерживают западную цивилизацию от скатывания в средневековое варварство. Но как ты думаешь, если отечественный плебс докопается, что кровососы живут среди нас — сможет ли он вести себя толерантно? Сильно сомневаюсь.

Страну ждут погромы, разгул ксенофобии и мракобесия. И наши конкуренты из РПЦ наверняка будут в первых рядах вампирогонителей, отстаивая дикий и абсолютно несовременный тезис о том, что убивать людей для собственной прихоти греховно.

Церковь вообще прискорбно отстает от времени, упрямо продолжая отрицать новые веяния. «Не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» — это уже не работает в современных условиях, это пережитки тех времен, когда данные, с позволения сказать, грехи действительно тормозили развитие человеческого социума. Или вот, допустим, «не пожелай». Во имя Альмонсина-Метатрона, да вся современная цивилизация построена на этом постулате — «пожелай!» Пожелай жены, раба, вола ближнего своего. Пожелав, ты начинаешь шевелиться, ты начинаешь делать какие-то телодвижения, чтобы у тебя были жена, раб, вол ближнего твоего — или хотя бы их суррогатные аналоги, в наш-то век массовых технологий. Если же следовать замшелым постулатам христианской церкви, прогресс человечества остановится. Мы все станем носить бороды и жить в кибуцах…

Магистр мрачно замолчал. Титус Рутра не решался нарушить возникшую паузу, опасаясь, что неосторожным замечанием снова вызовет водопад учительского красноречия.

— Нет, юный падаван, — устало произнес наконец Джагавр Чоудхури, откидываясь на спинку сиденья. — Люди в основной своей массе слабы, инертны и суеверны, им нужна надежная опора в этом качающемся мире. Нельзя давать знание всем, ибо обратят его во вред себе и другим. Вотще делать Истину всеобщим достоянием, ибо повергнут ниц, сомнут и растопчут ее и вновь растащат на тысячи крошечных правд, не в силах постичь неразвитым умом своим великого замысла Верховного Архитектора. Мы, джедаи, владеем Истиной и делим ее между страждущими не поровну, но по справедливости. Не навреди — вот наш Закон. В мире должны сохраняться священные порядок и равновесие, поэтому мы бескомпромиссно противостоим поползновениям темных владык ситхов, которые всячески стараются расшатать существующее мироустройство…

— Но ведь ситхи тоже считают, что делят между людьми Истину. — Титус более не в силах был молчать. — Никто из них не говорит: давайте-ка, братие, расшатаем этот мир, дабы повергнуть его в хаос и отчаяние. Напротив, они говорят: миру необходимо развитие, а без внесения в бытие некоторых строго дозированных элементов беспорядка, для устранения коих мир мобилизует все свои интеллектуальные ресурсы, никакое развитие невозможно…

— Похоже, постулаты учения ситхов ты выучил лучше, чем мои коаны? — сердито приподнял бровь магистр.

— Что вы, учитель! — переполошился падаван. — То есть… Великий магистр на пятничной трапезе говорил, что врага нужно знать в лицо, а для того следует его внимательно изучать…

— Ситхи на темной стороне Силы, — задумчиво проговорил Чоудхури. — Им кажется, что они владеют Истиной, но она просачивается у них между пальцев, словно сухой песок. Делай, что требует твое естество — вот их ложный Закон. Впрочем, они, так же как и мы, обладают знанием о реальном положении вещей, и они достойные противники, поэтому мы, как минимум, должны уважать их. Но их путь ошибочен и в случае победы приведет всех к гибели. Лишь джедаи дарят человечеству мир, любовь и свет. Тьма, непомерная гордыня и постоянные раздоры — вот удел ситхов.

— Простите, учитель, — сказал Пазузу, склоняя голову — но не до конца, а так, чтобы исподлобья наблюдать дорогу впереди. — Зря я поднял эту тему.

— Тебе не за что извиняться, юный падаван. Честно говоря, у меня тоже давно вызывает озабоченность то, что действия сильных мира сего с каждым годом все больше и больше выглядят для населения театром абсурда. Но это неизбежно. Непосвященным невдомек, что на самом деле картинка в теленовостях — лишь верхушка айсберга, что в действительности тайные и явные владыки мировых держав плетут сложнейший сакральный узор бытия, охватить который единым взглядом способен лишь хорошо осведомленный духовный рыцарь. Что иногда просто нет выбора.

Допустим, властелины древнего Израиля — они ведь бомбят гражданское население Ливана вовсе не из-за собственной кровожадности, как это выглядит по сообщениям агентства «Рейтер», а из-за того, что «Хезбалле» удалось призвать из Гулкой Пустоты многочисленных мерзких демонов-мстителей. Эти твари вселяются в мирных ливанцев, предпочитая детей: при помощи темной магии в течении нескольких часов превращают их тела в ракеты и выстреливают ими в направлении Земли обетованной, убивая иудеев в приграничных районах. Единственный шанс остановить их еще до метаморфирования — это уничтожить инфицированного человека, личность которого все равно уже необратимо разрушена в момент подселения адского существа. Но пойди докажи мировому общественному мнению, что все бомбовые удары Израиля на самом деле были адресными и не захваченных демонами гражданских лиц за все время бомбежек погибло меньше десятка!.. — Закашлявшись, магистр извлек из-за

пазухи плоскую фляжку серебристого металла, открутил крышечку и сделал солидный глоток. В салоне автомобиля резко и прохладно запахло душистыми травами. — Мало кто догадывается, что запрет на продажу в России «Боржоми» был введен не столько потому, что русские решили финансово задушить гордую и свободолюбивую Грузию, а в основном из-за того, что горные источники кавказской минеральной воды в соответствии с тысячелетним циклом своего существования разом поменяли знак и теперь текут мертвой водой, однако Грузия из экономических соображений отказывается это признать. Как и то, что напитки из винограда, поливаемого мертвой водой, тоже опасны для ментального здоровья.

А резня в Дарфуре продолжается не из-за дикости и свирепости враждующих сторон, а только лишь потому, что авторитетное пророчество указывает: владеющие Дарфуром станут контролировать всю территорию Судана, их же религиозные оппоненты будут поражены эпидемией ультравируса Эбола++. Мир давно был бы установлен, но ни одной из сторон не хочется вымереть на корню… — Старец взболтнул фляжку — что-то царапнуло изнутри по стенке сосуда — и сделал еще один вдумчивый глоток. — Или, допустим, Россия, которая сейчас стремится стать мировой энергетической супердержавой, — продолжал Чоудхури, вернув фляжку на место. — Практически все западные аналитики видят в этом экономическую экспансию коварных русских, так и не оставивших своих имперских амбиций после крушения Советского Союза. И лишь посвященные понимают, что на самом деле это всего-навсего поспешная, судорожная попытка успеть выкачать побольше энергоресурсов из восточных территорий Сибири, прежде чем через двенадцать лет они вплоть до Уральского хребта отойдут к окрепшей Поднебесной империи…

— Простите, учитель, — вновь решился подать голос Пазузу, — позволено ли будет недостойному задать вопрос по последнему пункту? Меня уже не первый день терзает сомнение: почему Московский Совет джедаев не делает ничего, чтобы предотвратить эту катастрофу? Возможно, мы могли бы довольно серьезно повлиять на ситуацию…

— В чем же ты видишь катастрофу, юный падаван? — удивленно вскинул брови магистр. — Москва никуда не денется, и ее новым хозяевам не обойтись без городских джедаев. Мы будем соблюдать строгий нейтралитет и вскоре после смены власти восстановим свое влияние в полном объеме.

— Вам совсем не жалко людей, интересам которых мы сейчас служим, — дерзко произнес Титус и тут же осторожно стрельнул

глазами в сторону магистра: не вознегодовал ли старец. Однако обычно вспыльчивый Чоудхури был сегодня ангельски терпелив.

— Всех людей жалко, мой мальчик, — рассудительно проговорил он. — Не забывай, что мы служим человечеству, а не отдельным нациям и народам, на территории которых расположен наш филиал. Чем китайцы хуже русских? Тем, что едят кошек и змей, а маленькие китайчата присаживаются по большой нужде в любом месте улицы, где приспичит?.. Полно, юный падаван. Это древний, мудрый, терпеливый народ, создавший огромное количество бесценных культурных артефактов, более многих достойный мирового господства.

Русские же со стороны выглядят восточными варварами — с их поразительной нетерпимостью ко всему живому, ужасающим пьянством, патологическим пристрастием к тоталитаризму. Да, русских жалко, но ничто не вечно под луной. Этот народ сам избрал свою судьбу — медленное угасание, постепенное сползание в бездну. За три века максимального напряжения всех душевных и физических сил он полностью вычерпал свою пассионарность и теперь обречен уйти с мировой арены.

Поверь мне, триста лет в таком режиме — это подвиг. Многие народы начисто исчезали за гораздо более короткий срок, едва успев мелькнуть яркими метеорами на небесах чедовческой истории. Впрочем, и тысячелетние империи неизбежно рушатся, оставляя после себя лишь груды мусора, поэтому какая разница, кто находится на вершине в очередной момент вечности… — Магистр снова кашлянул и, поморщившись, потер левую сторону груди ладонью в черной перчатке. — В связи с этим я сейчас зачту тебе один коан, который составил сегодня под утро. Слушай. Как может звучать хлопок одной рукой в чаще леса в три часа ночи, если предварительно накуриться ароматических палочек?..

Падаван озадаченно сдвинул брови к переносице.

— Только не вздумай играть в Ли Бо и следи за дорогой, — предупредил старец. — А то будешь потом оправдываться, что, дескать, врезался в столб из-за того, что слишком глубоко задумался над сутью коана. Разрешаю тебе дать ответ после вечерней трапезы.

— Спасибо, учитель, — с видимым облегчением сказал Пазузу. — Честно говоря, вы меня несколько огорошили. Это очень трудный коан.

— Да ни хрена он не трудный! — внезапно вспыхнул Чоудхури. — Ну, быстро, отвечай не задумываясь: имеет ли собака природу Великого магистра?

— Нет!

— Чушь!

— То есть да!

— Кретин! Убийца мозга!

— Отчасти!..

— Епитимья по прибытии в расположение Ордена! Две!.. Что можно налить в бочку без досок и обручей? Ну, быстро!

— Воздух… то есть… пространство?

— Бестолочь!

— Суть? Суть вина?..

— Да! В каком году состоялась битва при Пуатье?

— В семьсот тридцать втором!

— Еще!

— В тысяча триста пятьдесят шестом!

— Еще!

— Э-э-э… В пятьсот семьдесят…

— Душу выну!

— В пятьсот седьмом!

— «Зачет»! Блокировка удара «симатта ё» производится в вертикальной или горизонтальной плоскости?

— По диагонали сверху вниз!

— Дельно! Молодец! Слово, в котором есть четыре буквы «о»! Быстро, быстро!

— Э-э-э… Коловорот?..

— Это ты уже называл вчера! Не засчитано! Ну?!

— М-м-м…

— Епитимья?

— Нет, нет, учитель… Сейчас… О! Головотяпство!..

— Что ж.

Чоудхури скрестил руки на груди и закрыл глаза. Падаван опасливо покосился на него.

— Ладно, «зачет», — неохотно согласился магистр, открывая глаза. — В теории ты более или менее подкован, но твое духовное зрение требует серьезной корректировки. Сегодня после вечерней трапезы и епитимьи мы займемся разбором коанов. Обещаю сразу: легко не будет.

Титус Рутра привычно подавил горестный вздох.

Вырулив на проспект Вернадского, падаван направил свой механический экипаж в сторону циклопической башни РАО «ЕЭС России» из стекла, металла и бетона, вздымавшейся над почтительно присевшей окрестной застройкой. Здание было величественным, оно походило на невероятно огромную волну цунами, которая надвинулась на город с юго-запада, но в последний момент, перед тем как обрушиться с чудовищным ревом и расплескать игрушечное человеческое поселение до

горизонта, застыла в камне, угрожающе нависнув над ближайшими многоэтажными домами. Оно таило в себе неизъяснимую угрозу, поэтому Титус старался не смотреть на него, опасаясь, что это грандиозное зрелище отвлечет его внимание и спровоцирует аварийную ситуацию на дороге. Магистр Чоудхури, напротив, подался вперед, впившись пронзительным взглядом в ненавистное строение.

— Возведенная на месте обширного военного кладбища восемьсот двенадцатого года, Башня ситхов скрывает в себе невероятную мощь, — вполголоса, словно бы даже для самого себя, проронил старый джедаи, однако Пазузу жадно ловил каждое его слово, ощущая, как понемногу сгущается в окружающем пространстве зловещая тень приближающейся враждебной твердыни. — Когда три года назад против гнета Маммоны восстали Бирюлево и Капотня, Рунарх поднялся на башню и дважды брызнул в южном направлении лиловым солнцем. Теперь, как ты знаешь, в этих районах зона сплошной застройки и метр жилой площади самый дешевый по Москве. Полагаю, правда, что его стоимость будет расти параллельно очистке местности от спекшихся шлаковых завалов и постепенному снижению уровня радиации. Население, разумеется, убеждено, что такое количество свободных площадей появилось в результате городской программы по сносу ветхих пятиэтажек… Этот случай послужил хорошим намеком для многих, и даже Архимэру Москвы, давнему противнику Рунарха, пришлось сдать некоторые свои принципиальные позиции, хоть он и остался в результате новой застройки в значительном финансовом выигрыше. Но Орден джедаев обладает не менее мощным оружием, юный падаван. Могучее оружие возмездия — это мы, Рыцари Света, Воины Биотора. Нам нет преград ни в море, ни на суше…

Совершив несколько сложных виражей между выложенных орденскими крестами цветников и альпинариев возле фасада, они остановились перед шлагбаумом, который перегораживал въезд на внутреннюю территорию РАО «ЕЭС». Текли секунды, но шлагбаум оставался неподвижен, как верхняя перекладина Врат Солнца в Тиауанако.

— Ну, в чем дело? — нетерпеливо побарабанил пальцами по рулю Титус. — Почему стоим?

Он потянулся к дверце, но магистр накрыл его руку своей ладонью, затянутой в черную блестящую кожу перчатки.

— Не суетись, юный джедай, — проговорил Чоудхури. — Сохраняй рыцарственное достоинство. Сами придут и все дадут.

Вздохнув, Титус Рутра откинулся на спинку сиденья.

Стражник в будке, едва угадывавшийся за темным стеклом, неподвижностью своей напоминал каменное изваяние. Падаван уже начал было подозревать, что тот просто тайком направился пить пиво, оставив вместо себя на посту муляж из поставленной на стол пустой титановой кирасы и водруженного сверху арбуза средних размеров, прикрытого шлемом. Однако внезапно фигура за стеклом пришла в движение. Приоткрылась дверь КПП, и страж нехотя выбрался из кондиционированного пространства в липкую духоту июльского полдня. Постоял на пороге, похлопывая по колену висящей у бедра укороченной секирой с литым резиновым древком, затем неторопливо направился к обшарпанной «девятке» с двумя лохами, для чего-то остановившимися Перед въездом на сакральную территорию РАО «ЕЭС России».

— Чего хотели, ребята? — поинтересовался он вальяжно, с глубоким чувством собственного достоинства и абсолютного превосходства, качнув султаном из страусиных перьев на шлеме, с прищуром пытаясь разглядеть через тонированное стекло лица сидящих в машине.

Чоудхури, которому не так давно исполнилось шестьдесят два, едва заметно поморщился.

— Рыцари-джедаи! — выпалил Титус, расправив плечи. — Прибыли для конфиденциальной беседы с владыкой ситхов!

— Ну! — радостно изумился страж. — Надо же. А я Папа Римский Бенедикт Шестнадцатый и ожидаю тут прибытия Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. Он, случайно, не попадался вам по дороге?

— Пропуск, — сквозь зубы прошипел Чоудхури.

Покраснев, как вареный крипозоид, Пазузу поспешно полез в бардачок. Оттуда посыпались какие-то мятые накладные, штрафные квитанции ГИБДД, упаковки антипохмелина, презервативы, пустые надорванные пакетики из-под растворимого кофе, бамбуковые палочки в фирменных упаковках ресторанов японской кухни. Учитель молча смотрел на Титуса; в его взгляде не было ни насмешки, ни осуждения, но падаван под этим пристальным взглядом терялся все больше и больше. Наконец весь взмокший, багровый от стыда ученик нашарил в бардачке заламинированный прямоугольник картона с многочисленными печатями и голограммами и с размаху пришлепнул его с внутренней стороны к ветровому стеклу. Стражник прищурился, внимательно изучая автомобильный джедайский пропуск третьей категории, затем с преувеличенной любезностью поклонился в пояс и ушел в свою кабинку. Металлический шлагбаум поднялся, и Титус Рутра, чертыхаясь про себя, вырулил на стоянку для сотрудников РАО «ЕЭС».

— Прежде чем завидовать братьям по Ордену, необходимо убедиться в собственном совершенстве, — невозмутимо проронил магистр, вколачивая последний гвоздь в гроб самолюбия падавана.

— Но, учитель!.. — взмолился Пазузу. — Никто не совершенен, кроме Великого магистра! Всякий может забыть…

— Я уже говорил тебе, юный падаван, что истинные джедаи никогда не забывают удостоверения в бардачке, — прервал его Джагавр Чоудхури, — В следующий раз ты забудешь световой меч в барсетке и потеряешь голову в простой схватке не потому, что ты слабее противника, а только лишь из-за своей прискорбной безалаберности.

— Вы могли просто применить Силу и заставить это ничтожество пропустить нас безо всякого удостоверения, — пробурчал Титус, паркуя машину.

— Зачем? — вопросил Чоудхури. — Ты должен был получить небольшой урок. Надеюсь, ты его получил. Поверь мне, юный падаван, единственный опыт, который чего-то стоит — это опыт личный. Ты можешь часами слушать ворчание старого Джагавра, но пока ты не прочувствуешь заключенную в его словах истину на своей шкуре, ты ничего не поймешь. — Магистр покосился на ученика. — Все, что не убивает нас, делает нас сильнее, мой мальчик. А от стыда на моей памяти еще никто не умирал.

Выбравшись из машины, джедаи по свежеасфальтированной дорожке двинулись ко входу в застекленный вестибюль-аквариум Башни Рунарха.

— Постарайся не делать резких движений, сынок, — произнес магистр, невозмутимо вышагивая чуть впереди ученика. — Пусть не обманывают тебя кажущиеся тишина и спокойствие. Нас держат под прицелом. Постарайся сохранять хладнокровный вид и, ради всего святого, не озирайся по сторонам, будто ты из Нижнего Тагила.

Рыцари вошли через предупредительно разъехавшиеся в стороны автоматические прозрачные двери и приблизились к перегородившему проход турникету из стали и пуленепробиваемого стекла, перед которым неподвижно замер массивный охранный голем. Сбоку от турникета, за роскошным барьером мореного дуба, располагался длинный ресепшн с десятком ослепительно красивых секретарш, большая часть которых оживленно беседовала по телефонам с невидимыми конфидентами. То и дело раздавались мелодичные звонки и ласковые мурлыкающие голоса: «РАО «ЕЭС России», добрый день!»

— Обрати внимание: это Мария-Луиза Виллореаль, в

девичестве Альмивар. — Сбавив шаг на пороге, магистр взглядом указал падавану на одну из секретарш. — Крайне опасная особа, трехлетняя самка инсектоида; ударом жала пробивает десятисантиметровую дубовую доску. Слева от нее — Инга Жилинскайте, более известная как Леди Ящерица. У нее все тело покрыто чешуей, кроме лица, шеи до линии декольте и кистей рук, поэтому в деловом костюмчике она, как видишь, выглядит вполне по-человечески. Страшно ядовита, прекрасный экземпляр Saura edibamis. Рядом с ней — Этаоин Шрдлу, жуткая стерва, в момент оргазма отращивает крокодилью пасть и выпускает когти, крепостью не уступающие стальным крючьям. Не рекомендую ее злить, как, впрочем, и любого половозрелого мескалозавра. А вон, видишь, черненькая? Это графиня Франческа Пече Шалое. Осенью ей стукнет шестьсот сорок семь лет, а выглядит как новенькая. Дашь больше тридцати? Вот именно. Она высший вампир и не способна удовлетворяться кровью простолюдинов, тем более бомжей или преступников; ей необходимы публичные фигуры, утонченные творцы, мировые знаменитости. Серж Лифарь, Сальвадор Дали, Бенито Муссолини, Джина Лоллобриджида, Никита Хрущев, Жак Майоль, Фил Эспозито, Сильвио Берлускони, Анна Курникова — все они в разное время служили источниками для утоления ее неутолимой страсти. Почти всем понравилось. За ней, в розовом тюрбане — Ирина Шамбло. Ниже пояса у нее щупальца, а под тюрбаном живые змеи, растущие из черепа. Во время акта высасывает из партнера жизненную энергию, но противостоять этому довольно просто: достаточно до начала любовной прелюдии выпить около двухсот граммов водки. Следующая, вон та белокурая бестия — Ингремия Хвать Жаволотса, в посвященных кругах также именуемая Сатанеллой, юный хемуль репродуктивного возраста. Смотри, какие бицепсы. С огромной силой мечет из естественных отверстий тела острые роговые шипы, которые шутя пробивают милицейский бронежилет…

— Ну, отбить такую штуку световым мечом наверняка не сложнее, чем пулю, — самоуверенно усмехнулся Пазузу.

— Разумеется, — подтвердил Чоудхури. — Только естественных отверстий у нее семьдесят восемь, и она способна произвести до тридцати пяти залпов в минуту. А вон в том углу, за компьютером, пристроилась Маша Порываева — паразмат в стадии имаго. Большая поклонница Пелевина. Абсолютно ничем не отличается от среднестатистического человека, кроме одной пренеприятной особенности: вагина у нее, я извиняюсь, дентата, то бишь с зубами. Многие рыцари-джедаи пострадали из-за этой омерзительной особенности дамской физиологии… Запоминай,

мой мальчик, запоминай, а лучше записывай в книжечку, ибо рано или поздно тебе неизбежно придется сразиться либо совокупиться с одной или несколькими из этих тварей. И я не знаю, что опаснее, ибо в постели при тебе не будет светового меча, сексуальное же поведение многих из них несовместимо с жизнью; у некоторых даже принято поедать самца после спаривания… Да пребудет с вами Сила! — вежливо, хотя и с оттенком агрессии обратился Джагавр Чоудхури к стражнику, который преградил ему дорогу к турникету титановой секирой на длинном древке. — Соблаговолите подвинуться, любезнейший, иначе я никак не смогу миновать вас, не задев плечом.

— Извольте предъявить служебный пропуск, уважаемый, либо гостевой допуск по форме номер пять, — невозмутимо прогудел охранный голем, и вделанные в его виски бронзовые кольца негромко звякнули, когда он чуть повернул голову.

— Да вы… да как вы смеете! — задохнулся от возмущения Титус. — Это же магистр Чоудхури! Вы что, телевизор не смотрите, газет не читаете?!

— Спокойнее, спокойнее, юный падаван. — Джагавр потянул его за рукав. — Не забывай о рыцарственном самообладании. Они только и ждут повода, чтобы устроить провокацию, но пока их требования не выходят за рамки приличий. Где мы можем получить допуск, о доблестный страж?

— Бюро пропусков справа от входа, — флегматично пояснил голем.

Мягко ступая по мраморному полу, инкрустированному мозаикой из яшмы и смальты, джедаи приблизились к бюро пропусков. Возле слишком низко расположенного окошечка

Джагавр Чоудхури нервно закряхтел, но все же нагнулся, приняв несколько унизительную для рыцаря его ранга позу.

— Здравствуй, о достойная самка мирмекоида, — проговорил он в окошечко. — Соблаговоли выписать нам допуск в Башню, да поскорее, ибо мы весьма ограничены во времени.

— Здравствуйте! — профессионально обрадовалась девушка по ту сторону окошечка. — Кто вас ждет?

— Рунарх, — солидно произнес магистр.

Самка мирмекоида смутилась. Она еще раз бросила пристальный взгляд на посетителя, зачем-то быстро застучала по клавиатуре стоявшего перед ней компьютера — вероятно, чтобы скрыть растерянность. Казалось, еще мгновение, и она встанет по стойке смирно перед человеком, удостоенным чести общаться с главой Темного Ордена.

— Он вам назначил?.. — в благоговейном ужасе прошептала она.

— Нет, — признался Чоудхури, — но я магистр Чоудхури, член Внутреннего круга джедаев. Я имею право войти, и я непременно войду, с вашего разрешения или без оного.

Лицо девушки мгновенно превратилось в застывшую маску. Уголок ее рта презрительно искривился.

— К сожалению, Рунарх не принимает без предварительной записи, — холодно проронила она. Ей явно хотелось сказать нахальному посетителю что-нибудь более дерзкое, но ее сдерживала профессиональная выучка.

— Что ж, — веско сказал магистр, — не видать вам доброго посмертия.

Падаван покосился на наставника, опасаясь, как бы тот не пустил в ход световой меч, но Чоудхури лишь яростно раздул ноздри и вновь направился в сторону голема, стоявшего на воротах. Пазузу мысленно вздохнул: схватка все равно была неизбежной. И он не сомневался, что теперь им придется иметь дело разом со всеми этими тварями, которых только что в красках живописал ему магистр.

— Ой, постойте! — вдруг истошно закричала девушка из окошечка бюро пропусков. — Ваша фамилия Чоудхури? Вы есть в списке! По договоренности с руководством Ордена джедаев вы входите в число лиц, которые имеют право на встречу с Рунархом без предварительного согласования!

Удовлетворенно хмыкнув, магистр вернулся к окошечку. У девушки теперь был такой вид, словно она готова была не просто вытянуться перед магистром в положении «руки по швам», но и разорвать себя пополам, если того потребует почетный гость.

— Извините, очень нервная работа, — пролепетала она. — Я тут совсем недавно…

— Ничего, ничего, — снисходительно кивнул магистр. — Упоение крошечной властью. С пониманием относимся.

— Простите, а кто вас сопровождает? — несмело осведомилась девушка, не прекращая колотить наманикюренными пальчиками по клавиатуре.

— Это мой ученик, о достойная самка мирмекоида, — ответствовал Джагавр Чоудхури. — Мы войдем вдвоем, либо я подаю жалобу в Инквизицию.

— Не сердитесь, рыцарь, вы войдете вдвоем, — ласково прощебетала секретарша. — Будьте любезны, господа, суньте левые руки в отверстия в стене слева от вас — получите временные допуски.

Титус на мгновение замешкался, но увидев, что учитель хладнокровно исполнил требуемое, тут же последовал его примеру. Еще мгновение — и падаван содрогнулся от внезапной

нестерпимой боли: в его запястье впились миллионы крошечных ледяных игл. Магистр перенес процедуру стоически — видимо, подвергался ей не в первый раз.

— Можете вытащить руки, — сообщила девушка в окошечке.

Титус Рутра извлек покрасневшую кисть из пыточного отверстия и с изумлением уставился на свое левое запястье. Чуть выше браслета наручных часов появилось странное вздутие, словно под кожу засунули столбик из нескольких пятирублевых монет, впрочем, нигде не было видно ни швов, ни разрезов, ни каких-либо других повреждений. Через эпителий на верхней части загадочного цилиндра просвечивали зеленые сегментированные цифры: «00.59.59». Последняя уменьшалась на единицу с каждой секундой.

— Это временный гостевой допуск, — любезно пояснила девушка. — У вас один час. По истечении установленного времени вживленные в ваши тела заряды автоматически сдетонируют, и вас разорвет в клочья. — Она ослепительно улыбнулась. — Продлить допуск можно у личных секретарей Рунарха или здесь, в бюро пропусков. Извлекается допуск нашими сотрудниками при выходе из здания. Удачного дня. И, пожалуйста, во имя Альмонсина-Метатрона, не говорите начальнику охраны, что я сперва была так холодна с вами, иначе мне отрубят голову…

Чоудхури пробормотал в ответ что-то сердито-невразумительное и, развернувшись на каблуках, направился к стражу. Через трещину в бронзовом черепе у того внезапно просочилась струйка пара, еще раз убедив посетителей, что это рукотворный гомункулус.

— На! — рявкнул магистр, выбрасывая левую руку вперед. — Съел?

Пазузу молча повторил жест наставника. Голем считал данные с допусков джедаев ручным сканером, встроенным в левую ладонь, и почтительно поклонился.

— Вы можете пройти, господа рыцари. Вам будет выделен почетный эскорт до кабинета Рунарха. — Он звонко щелкнул металлическими пальцами, и два его каменных помощника, вышагнув из-за угла, заняли место в арьергарде колонны. — Нижайше прошу вас, господа.

Он двинулся вперед, не оглядываясь, нисколько не сомневаясь, что гости последуют за ним. Падаван бросил вопрошающий взгляд на учителя, и тот, пожав плечами, направился следом за големом.

— Там у вас девушка в бюро пропусков, — произнес Чоудхури в бронзовую спину охранника. — Самка мирмекоида. Она не

сразу выдала нам допуски. Проследите, пожалуйста, чтобы ей сегодня же отрубили голову.

— Как скажете, магистр, — невозмутимо ответствовал голем.

Они миновали еще одни раздвигающиеся стеклянные, двери и оказались в огромном атриуме под открытым небом. Многоэтажное здание, из которого они вышли, опоясывало Башню Рунарха на манер солидной крепостной стены; турникеты-врата и бюро пропусков, таким образом, располагались как бы в донжоне крепости ситхов. Вход в это здание-стену с улицы был всего один, зато со стороны внутреннего двора врат было превеликое множество.

— Портативная империя ситхов, — негромко проговорил магистр. — На территории РАО «ЮС» можно жить годами, не выбираясь в город. Это государство в государстве. В этом здании расположены магазины, рестораны, киноконцертные залы, библиотеки, сауны, гостиницы, кондоминиумы, прачечные, зимние сады, храмы, нотариальные конторы и выставочные галереи. Цены на всё до смешного низкие, но если потребитель демонстрирует атрибуты принадлежности к Темному Ордену, а не к обслуживающему либо вольнонаемному персоналу, то цены еще дополнительно делятся на два. В библиотеке можно взять на дом подлинные фрагменты «Некрономикона», оригиналы сочинений Парацельса, Джона Ди, Алистера Кроули, Гермеса Трисмегиста и Агриппы Неттесгеймского. В ночных клубах выступают приглашенные на три часа и доставленные чартерными рейсами Майкл Джексон, Робби Уильяме, Бритни Спирс и «Резиденте». В ресторанах и барах подают запретную черную икру, элитную мраморную говядину «Кобе», трюфели, экскрементный кофе «Копи Лувак», чай «Да Хун Пао» и «Сотерн» урожая 1787 года. Владыки ситхов заботятся о своей пастве и тщательно следят, чтобы их воинство не теряло лояльности по отношению к ним. Хлебом и зрелищами держат они на темной стороне Силы толпы неразумных неофитов…

Процессия пересекла обширный двор, заполненный снующими простолюдинами, стражниками и офисными менеджерами с пластиковыми файлами в руках, и через массивные железные ворота вступила во врата Башни. После тщательной проверки на металлодетекторе, газоанализаторе, масс-спектрографе и ультразвуковом сканере джедаи в сопровождении охранных големов были допущены во внутренние помещения цитадели ситхов.

Титус Рутра нервно поглядывал на левое запястье, на котором электронные цифры неумолимо отсчитывали драгоценное время, оставшееся до взрыва; магистр сохранял

рыцарственное достоинство и хладнокровие, ни разу не бросив даже беглого взгляда на свой допуск. Механические стражники Башни Рунарха поначалу настаивали на том, чтобы джедаи оставили световые мечи на посту охраны, но потом, еще раз считав данные с допуска Чоудхури, рассыпались в извинениях и более препон не чинили.

Светлые рыцари вновь двинулись за бронзовым големом, коий указывал им путь к лифтам. Широкий сводчатый коридор, по которому они гулко шагали, был украшен увеличенными рисунками из исторических хроник и комиксов, посвященных великим деяниям ситхов. Крупно выписанные объемные слова «Бах!», «Трах!», «Буме!» и «Тресь!» прыгали навстречу входящим со всех стен и с треском лопались у них за спиной, подобно огромным мыльным пузырям.

— Внутри Башни расположены офисы, лаборатории, мастерские, гигантские боевые машины и пыточные подвалы Темного Ордена, — поведал наставник ученику, во все глаза разглядывавшему настенные фрески и готическую лепнину контрфорсов. — Здесь в алхимических тиглях и ретортах кипит мировое зло. Здесь вынашиваются коварные планы и разрабатываются бесчеловечные научные проекты. Здесь в ткань бытия вплетаются грубые черные нити…

Вскоре воины-джедаи вместе со своим почетным караулом вышли в просторную рекреацию, в стенах которой располагались серебряные двери лифтов. Над ними скалились и дразнили посетителей длинными острыми языками каменные горгульи, по пояс высунувшиеся из-за угловых балок, да так и застывшие навеки гротескными памятниками самим себе.

— Спасибо за компанию, господа, — внезапно обратился к големам сопровождения Чоудхури. — Было крайне приятно познакомиться с вами, но дальше, с вашего разрешения, мы уже сами.

В руке его блеснул световой меч. Отточенным самурайским движением магистр смахнул с плеч главного стражника бронзовую голову, и та, весело подскакивая на гранитных плитах пола, покатилась к выходу.

Ничего не понимая, падаван выхватил свое оружие. Каменные големы разом атаковали его с двух сторон; прянув назад, Титус сверху донизу располовинил первого противника, второго же с разворота полоснул поперек поясницы учитель. Големы кучей булыжников загрохотали по полированному граниту.

— «Зачет», юный падаван! — одобрил Джагавр. — Быстро и четко!

— Во имя Альмонсина-Метатрона, но зачем мы это

сделали?! — воскликнул Пазузу.

— Потому что безгранично коварство ситхов, — снисходительно пояснил Чоудхури. — В тесной кабине лифта, где негде как следует размахнуться, у нашего эскорта было бы гораздо больше шансов расправиться с нами. Бронзовое шило в почку или стилет в печень. Или ты придерживаешься мнения; что им непременно нужно было дать шанс? Так было бы благороднее?..

— О Верховный Архитектор, — пробормотал Титус Рутра, глядя, как из-за угла один за другим выкатываются и принимают боевую стойку армейские роботы РАО «ЕЭС». — Я придерживаюсь мнения, что теперь нам крышка.

— Уныние — омерзительный смертный грех, юный падаван, — сообщил Чоудхури. — Тому, кто избавился от страха смерти, ничто не печалит душу. Лучше займи правильную позицию для отражения вражеской атаки.

— Внимание, злоумышленники! — пролаял один из роботов голосом дистанционного оператора. — Бросайте оружие и выходите в коридор с поднятыми руками!

— Что ж, мой мальчик, — хмыкнул магистр, стискивая рукоять светового меча, — нас ожидает славная разминка!

— Но учитель! Их же слишком много!..

— В чем дело? — ледяным тоном осведомился наставник. — Я ощущаю эманации трусости? А ну-ка быстро: слово, в котором имеется пять «о»!

— Но учитель!..

— Быстро, я сказал! — Чоудхури опустил меч. — Я не стану отражать выстрелы противника, пока не услышу слово с пятью «о». Ну?

— Это… сейчас… — пролепетал несчастный Рутра, заворожено глядя, как понемногу начинают вращаться барабаны встроенных пушек-пулеметов армейских роботов.

— Последнее предупреждение! — загремел динамик. — Если в течение пятнадцати секунд вы не бросите оружие и не выйдете в коридор с поднятыми руками, будет открыт огонь!

— Однако как нелепо мы с тобой погибли, юный падаван, — горестно вздохнул магистр.

— Нет-нет, учитель! Сейчас… М-м-м… Сейчас, сейчас.» Э-э-э… Молоковозов! — выкрикнул Пазузу. — Молоковозов!

— Это что, дурацкая фамилия?! — возмутился магистр.

— Нет, это множественное число, родительный падеж! Не вижу чего? Молоковозов!

— Ладно, «зачет», — нехотя проговорил Чоудхури. — Но молокозаводы в следующий раз уже не приму. И вообще не приму

ничего, что не будет в единственном числе именительного падежа. Ясно?

— Ясно, мастер, — облегченно выдохнул Титус.

Они встали плечом к плечу у дверей лифта, ощетинившись лезвиями световых мечей.

— Ваше время вышло! — рявкнул оператор.

Звонко заработали пушки-пулеметы, выплевывая порции концентрированной перегретой плазмы. Магистр и его падаван стремительно завертели световыми мечами, отражая направленные в них сгустки. Два робота почти сразу были разрушены рикошетами, но остальные усилили огонь.

— Что нам делать, магистр? — прокричал падаван, едва успевая бешено манипулировать мечом. — Может быть, попробуем укрыться в лифте?

— Может быть, кто-нибудь догадается наконец его вызвать? — отозвался Чоудхури.

Не прерывая фехтовальных упражнений, Пазузу хлопнул ладонью левой руки по стене за своей спиной. Мелодичный звук прибывшей на этаж кабины лифта возвестил, что он крайне удачно попал пальцем в кнопку вызова.

Падаван спиной вперед ввалился в лифт. Отступление прикрывал магистр, меч в руках которого вспарывал окружающее пространство, словно архимедов винт.

— На самый верх, сынок! — скомандовал Чоудхури, ступив на порог кабины.

Титус Рутра поспешно ткнул в одну из верхних кнопок, и двери с легким шелестом схлопнулись. Снаружи снова донесся вой рикошетов: кабина лифта на случай непредвиденных ситуаций была бронирована. Среди шума стрельбы рыцари сумели различить металлический лязг — один из зарядов, отраженный дверями, вдребезги разнес выпустившего его робота РАО «ЕЭС», и деструктурированные останки боевой техники разлетелись по всему коридору.

Электронное табло над головами джедаев начало размеренно отсчитывать этажи: «1», «2», «3», «4»…

Падаван Титус убрал лезвие светового меча и очумело посмотрел в зеркало на противоположной стене. Судя по выражению лица, увиденное ему не понравилось. Вид у типа в зеркале был совершенно не героический, даже более того: встрепанный и ошарашенный. И по его левой щеке, в довершение конфуза, пролегла широкая полоса копоти.

— Ну-ну, юный ученик. — Чоудхури ободряюще похлопал падавана рукой в черной перчатке по плечу. — Ты держался молодцом.

— Спасибо, учитель. — Титус Рутра низко склонил голову в ритуальном поклоне, почти упершись лбом в надпись «Otis» на кнопочной панели, и тут же начал яростно оттирать сажу с лица. Магистр снисходительно усмехнулся, глядя на него.

Когда они миновали восьмой этаж, стрельба внизу прекратилась.

— Надо же, — удивился магистр Чоудхури, — перегруппировались! Я-то думал, что они будут корежить двери, пока не выпустят весь имеющийся боезапас. Значит, их оператор не столь туп, как мне представлялось… Что ж. Это даже интересно.

Табло продолжало торопливо отсчитывать этажи: «16», «17», «18», «19»…

— А вот на лифтовом хозяйстве сидит тупица, — прокомментировал старый джедай. — Впрочем, поглядим. Безопасности лифтовых шахт ситхи придают особое значение — с тех пор, как в семьдесят первом году взбунтовавшаяся чернь поднялась по ним и атаковала кабинет Рунарха, Во избежание подобного для незваных гостей должны быть приготовлены любопытные сюрпризы…

После некоторой Паузы, словно подтверждая его слова, кабина лифта внезапно остановилась между этажами, дернулась и замерла. Плафон под потолком мигнул и погас.

— Нас заблокировали? — встревожился Титус.

— Именно, — кивнул магистр Чоудхури. — И даже несколько позже, чем я рассчитывал. Задержи дыхание: возможно, сейчас будет пущен газ. — Он вновь активизировал световой меч, молнией прорезавший тьму, воцарившуюся было в кабине, и несколькими движениями клинка вскрыл крышу лифта. Посыпались стекло и пластик, внушительный металлический квадрат с оплавленными краями упал к его ногам. — Полезай, юный падаван, — велел мастер.

Титус подпрыгнул, ухватился за еще горячий край дыры, с удовольствием подтянулся, ощущая, как играют молодые мышцы после фехтовальной разминки, и выбрался на крышу лифта.

Шахта над его головой, освещаемая тусклыми аварийными фонарями в предохранительных проволочных подстаканниках, уходила в головокружительную бесконечность. Покачивались натянутые тросы, соединявшие кабину лифта с лебедками и иными подъемными механизмами где-то в недосягаемой вышине. В тускло поблескивавших направляющих на стене, метрах в десяти над головой джедая, замер массивный противовес, заблокированный огромным чугунным храповиком.

Пазузу шагнул в сторону, оставив четкие ребристые следы в

густом слое пыли, скопившейся на крыше.

— Давайте руку, магистр Чоудхури, я помогу вам выбраться.

Однако не успел он наклониться, как под ногами у него раздался оглушительный металлический щелчок. Падаван определил взглядом источник звука и остолбенел.

— Учитель! — воскликнул он. — Они отстрелили тросы! Лифт больше ничто не удерживает!

— Ну конечно ничто! — придушенным голосом проговорил Чоудхури. — Я держу его при помощи Силы! Скорее хватайся за трос и вытаскивай меня отсюда!

Титус поспешно вцепился одной рукой в трос и сунул ладонь другой в широкую дыру с оплавленными краями.

— Держитесь, мастер!

— Если я шевельнусь, лифт рухнет! — прохрипел Джагавр. — Ну же! Ослабеваю!..

Падаван свесился и ухватил учителя за капюшон балахона. В ту же секунду лифт ринулся вниз. Чоудхури, стремительно выдернутый учеником из люка, повис, как тряпичная кукла. Долю секунды он пребывал в неподвижности, затем зашевелился. В руке его, словно звездочка электросварки, ослепительно блеснуло лезвие светового меча. Медленно погрузив меч на всю длину в двери лифтовой шахты, мастер стал деловито вырезать в них прямоугольную дыру.

Кабина, пролетев около десятка этажей, начала чиркать о бетонные стены, и вскоре ее намертво заклинило в шахте: сработала предохранительная блокировка.

— Скорее, учитель! — жалобно попросил Титус, который все это время висел на одной руке, удерживая другой рукой наставника.

Наконец отверстие было проделано, и магистр убрал лезвие светового меча.

— Учитель! — воззвал Пазузу. — Сейчас я раскачаю вас, вы сумеете уцепиться за край, а потом…

— Нет, юный падаван, — возразил мастер-джедай. — Нам необходимо выбраться из шахты двумя или тремя этажами выше.

— Зачем же вы потратили столько времени на эту дыру?! — заорал несчастный Титус Рутра.

— Это военная хитрость, — отрезал Чоудхури. — Она здорово нам поможет.

— Хорошо. — Падаван привычно проглотил ругательство, готовое сорваться с языка. — Тогда хотя бы ухватите меня за ноги, наставник.

— И не подумаю даже. — Магистр демонстративно скрестил руки на груди. — Рыцарь-джедай должен уметь шутя выходить из

подобных примитивных ситуаций. Подумай, как бы эту проблему разрешил я или мастер Гаумата.

— Учитель, — взмолился Пазузу, — это ведь не тренировка, это боевая операция! Сейчас не время экзаменовать меня на выносливость!..

— Епитимья по прибытии в Орден.

— Магистр Чоудхури! — взвыл Титус. — Я уроню вас!

— Орден тебе этого не простит, — резонно заметил наставник.

— Черт!..

Примерившись, падаван собрался с силами и, изо всех сил стискивая трос ногами и судорожно перехватывая его правой рукой, крошечными шажками, словно гусеница, пыхтя от напряжения и усердия, с трудом Пополз вверх. Магистр расслабился и, приняв позу лотоса, погрузился в медитацию.

— Здесь, — простонал ученик, когда мастер оказался на уровне дверей следующего этажа. — Вскрывайте!

— Я сказал «два или три», — произнес Чоудхури, не открывая глаз. — Хочешь, чтобы я сказал «четыре»? Может быть, желаешь найти мне еще одно слово с пятью «о»?

Надрывно дыша, падаван полез еще выше, подтягивая за собой наставника.

Снизу донесся характерный треск: металлические клинья, удерживавшие кабину лифта от дальнейшего падения, выстрелили из пазов. Видимо, ситхи окончательно решили не брать джедаев живьем и дистанционно привели в действие вторую очередь системы самоуничтожения.

— Меня всегда мучил вопрос, — задумчиво промолвил магистр, приоткрыв глаза и провожая взглядом кабину, проваливающуюся с мучительным скрежетом, — почему в голливудских фильмах лифты, упав вниз, с грохотом взрываются, исторгая море огня? Ведь они просто железные коробки? Поправь меня, если я ошибаюсь. Впрочем, лифты РАО «ЕЭС» вполне соответствуют голливудским стандартам. Видишь ли, на уровне нулевого этажа во всех лифтовых шахтах этой магической башни расположены обширные резервуары с легковоспламеняющимися жидкостями. Именно на тот случай, если атакующие прорвутся в атриум и, как тридцать пять лет назад, решат воспользоваться лифтами для штурма цитадели. Эрго, фейерверк при падении этой штуки должен получиться преизрядный…

— Так что ж вы сразу-то!.. — Следующий этаж падаван форсировал за рекордное время. — Режьте! — истерически всхлипнул он, мертвой хваткой вцепившись в трос.

— Зачем же резать? — удивился Чоудхури. — Вполне

достаточно применить Силу.

— Режьте, он уже внизу! — прохрипел Титус.

До них донесся глухой раскатистый удар, и снизу начало стремительно подниматься клубящееся облако раскаленных газов.

Чоудхури хладнокровно щелкнул пальцами, и двери этажа распахнулись. Протяжно застонав, падаван швырнул наставника в образовавшийся проем и рыбкой нырнул следом. Металлические двери щелкнули челюстями за его спиной, и в шахте лифта в полутора метрах от него загудел огненный смерч.

— «Удовлетворительно», юный падаван, — проговорил магистр, поднимаясь с пола и тщательно отряхивая балахон, — с минусом. Еще немного — и крайне важная миссия была бы провалена вследствие гибели исполнителей. Недопустимое легкомыслие. — Он неодобрительно покачал головой. — Впрочем, все закончилось хорошо, поэтому — «зачет». Но в другой раз постарайся не доводить ситуацию до критического предела. Всегда сохраняй хладнокровие, мой мальчик, и у тебя будет отличное пищеварение. — Чоудхури приложил ухо к дверям лифта. — Боюсь, что некоторое время эта шахта будет непригодна. Нам придется воспользоваться другой.

Падаван Титус Рутра Пазузу, который в продолжение этого монолога лежал на полу возле лифта и жадно глотал воздух, приподнялся на локте.

— Да, учитель, — прохрипел он. — Простите, учитель.

Едва он успел произнести это, как из соседней шахты тоже донеслись приглушенный грохот и рев пламени, прокатившегося по бетонному колодцу. Мгновение спустя такая же участь постигла лифтовые кабины номер три и четыре.

— Однако! — вымолвил магистр Чоудхури. — Они обрушили все имевшиеся в нашем распоряжении средства передвижения. Можно с уверенностью сказать, что некоторый элемент паники в стан врага мы уже внесли.

— Да, но как мы теперь доберемся до верхнего этажа? — осторожно поинтересовался Пазузу. Он очень боялся заработать еще одну епитимью, но вопрос, по его мнению, не терпел отлагательства. — Времени осталось не так уж много. — Он снова, в четвертый раз за последнюю минуту, бросил взгляд на свое левое запястье.

— Времени у нас более чем достаточно, юноша, — отрезал магистр. — Мы можем успеть спуститься вниз по лестнице, добраться до ВВЦ, сделать круг на гигантском колесе обозрения и вернуться сюда для беседы с Рунархом. Поступим так, или ты предпочитаешь найти мне слово, в котором есть пять букв «о»?

— Пять букв «о»! — торопливо выпалил Титус Рутра, закономерно опасаясь епитимьи.

— Епитимья по возвращении в Орден, — флегматично заметил Чоудхури. — Истинный рыцарь не должен выбирать легчайший путь к цели — это неизбежная деградация для воина. Но что ж, выбор сделан. Изволь отвечать, и пока ты не найдешь необходимое слово, мы будем стоять тут без движения.

На падавана страшно было смотреть. Его лицо перекосила ужасная гримаса. Казалось, сейчас он шагнет к учителю и совершит непоправимое — скажем, схватит его двумя пальцами за нос или сделает ему лося.

— Время идет, — подлил масла в огонь магистр.

Титаническим усилием воли Пазузу взял себя в руки и погрузился в размышления. Впрочем, нервическое подрагивание правого века указывало на то напряжение, с которым это ему дается.

Молчание затянулось. Мастер пристально смотрел на ученика. Наконец Титус мрачно проронил:

— Холодоустойчивость.

— «Зачет»! Однако морозоустойчивость в следующий раз уже не приму. — Выхватив меч, Джагавр Чоудхури направился к дверям, отделявшим лифтовую рекреацию от офисного коридора. — Придется нам найти другие лифты — допустим, в противоположном крыле здания. Не может такого быть, чтобы в столь циклопическом строении имелся лишь один комплекс подъемных машин. Это нерационально.

— Как скажете, наставник.

Стены и потолок коридора состояли из переплетения темно-коричневых барельефов — не то впаянных в гипсокартон гигантских рыбьих кишок, не то трахей огромных четвероногих хищников, не то гофрированных шлангов от пылесоса. Отдаленно обстановка напоминала некоторые интерьеры, в которых происходило действие кинофильма «Чужие». Коридор был абсолютно пуст. В дальнем конце виднелся кулер с огромной пластиковой бадьей питьевой воды сверху. Над ним прямо на стене пылали большие буквы из текучего огня: «Каннибализм менеджеров среднего звена — это не только дополнительный источник финансирования и символ унижения конкурента, это еще и бесценный духовный опыт».

— Что ж, — произнес Чоудхури, — я думаю, теперь было бы разумно…

Его прервал раскатившийся по коридору энергичный голос, многократно усиленный мощными динамиками:

— Внимание! Сотрудникам тридцать седьмого этажа: на ваш

уровень проникли вражеские лазутчики, поэтому в настоящий момент он полностью блокирован. Через пять минут в вентиляционную систему будет подан нервно-паралитический газ. Попросите прощения у коллег за все те неприятности, которые вы могли доставить им за время совместной службы, приведите в порядок рабочее место и кратко помолитесь слепому богу Азатоту. Затем следует организованно выйти в коридор, лечь на пол лицом вверх, ногами по направлению к выходу, скрестить руки на груди и ожидать поступления газа — эта поза максимально облегчит действия похоронной команды, которая будет вывозить ваши трупы из здания. Извините за доставленные неудобства. Благодарим за понимание и сотрудничество.

— Тридцать седьмого этажа! — Чоудхури со значением поднял палец вверх. — А мы на тридцать девятом. Выходит, старый Джагавр не зря терял время, кромсая двери лифта двумя этажами ниже. Видишь ли, юный падаван, людям присуща некоторая инертность мышления. Стоит ремонтным роботам обнаружить дыру в двери на тридцать седьмом этаже, как слабый аналитический аппарат смертных тут же перегревается и теряет способность к дальнейшей работе. А подумать стоило бы — хотя бы о том, что джедаи славятся своей изысканной военной хитростью. Увы, невозможно на всякую малозначительную должность посадить боевого мага, джедая иди ситха, которые сразу уловили бы в происходящем некоторую странность. Мы штучный товар и обходимся очень дорого…

— Преклоняюсь перед вашей интуицией, мастер. — Падаван, уже пришедший в себя после очередной выволочки, склонил голову в знак почтения. — Однако как же безжалостно поступили ситхи в сложившейся ситуации!..

— Чепуха, — отмахнулся магистр. — Это закон астральной войны. Охрана здания «Газпрома» действовала бы точно так же. В этих офисах сосредоточено слишком много стратегических секретов, чтобы позволить вражеским лазутчикам безнаказанно шмыгать по коридорам. Поверь мне, потеря подготовленного персонала числом в несколько сотен человек — ничто по сравнению с сохранением абсолютной секретности.

— Но тогда выходит, что мы сейчас запросто можем похитить какие-то важные разработки и документы ситхов, которые принесут реальную пользу нашему Ордену? Да, учитель?

— Остынь, юноша. Мы явились сюда не за этим. Каждый должен заниматься своим собственным делом. Не забывай, мы пришли, чтобы поговорить с Рунархом. Пустяками пусть развлекаются мальчишки из внешней разведки «Газпрома». Не станем же тратить время на ерунду, лучше убьем всех, кто

попадется нам по дороге. Это будет деяние, достойное рыцарей-джедаев!

— Но учитель! — запротестовал Титус. — Это ведь просто обслуживающий персонал! В будущем кто-то из них мог бы склониться на светлую сторону Силы…

— Раковую клетку бесполезно лечить, — покачал головой магистр Чоудхури. — Вотще взывать к ее изначальной благой сущности, крепко спящей внутри смертельно опасного мутанта. Ее можно только уничтожить — более или менее болезненным способом. Начнем же!

— Как скажете, мастер, — покорился падаван. Вежливо постучав в дверь первого по ходу офиса, они вошли внутрь и за восемь с половиной секунд безжалостно зачистили весь планктон, который обнаружили внутри.

Так же они поступили и в следующем помещении. И в следующем. И в следующем.

В очередном офисе падаван Пазузу не утерпел и заглянул в плоский монитор, за которым несколько мгновений назад сидел приспешник ситхов. Однако никаких стратегических секретов там не обнаружилось. Видимо, покойный составлял стандартный ответ на поступившую рекламацию — империя темной стороны Силы, как и всякая империя, не могла обойтись без бюрократии:

> *Уважаемый миноритарный акционер! В ответ на Вашу жалобу сообщаем, что допустивший халатность сотрудник РАО «ЕЭС России» распят на тау-кресте в соответствии с установленной процедурой. Заверенный правоохранительными органами акт о распятии, отчет патологоанатома и фотоснимки с места экзекуции прилагаются.*

Фотоснимки менеджер приложить не успел.

У его разрубленной надвое соседки на мониторе было следующее:

> *Уважаемые сотрудники! В этом году День российского триколора будет отмечен массовым пожиранием омерзительных морских тварей, как то: каракатицы, трепанги и мидии. Просьба заранее получить тварей в отделе снабжения.*

Ее обезглавленный сосед слева несколько минут назад трудился над корпоративной рассылкой:

> *Коллеги! В связи с постоянно возникающими*

вопросами напоминаем еще раз, что во время активизации Интернет-карт МТУ необходимо после введения пин-кода громко и четко сказать вслух: «Мене-текел-упарсин!» Только в этом случае МТУ гарантирует, что номинал карточки будет удвоен…

Ниже шла длинная строчка, состоявшая из букв «и», — отсеченная кисть руки менеджера упала на клавиатуру и, прежде чем соскользнуть на пол, на несколько мгновений заклинила соответствующую клавишу.

— Откуда этот запах? — Стоя в дверях офиса, магистр с интересом поводил носом.

— Горелое мясо? — предположил падаван.

— Да нет же. Я бы сказал, очень неплохо!

Недолго порыскав по этажу, мастер-джедай обнаружил в нише кофейный автомат, издававший негромкое гудение. Определенно, ситхи не жалели средств для удобства своих сотрудников: автомат был бесплатным и готовил на выбор дюжину сортов кофе.

— О! — приятно изумился магистр Чоудхури. — Проклятые темные, умеют жить красиво! Ты что будешь? — поинтересовался он у падавана. — Не стесняйся, мы честные посетители и имеем полное право воспользоваться щедротами владык ситхов. Две чашечки кофе я категорически отказываюсь рассматривать как мародерство.

— Не разумнее ли нам двигаться дальше, пока на нас не вышла группа захвата? — осторожно спросил Титус Рутра. — Да и время тикает… — Он в очередной раз с тоской посмотрел на свой гостевой допуск, на котором неумолимо скакали проклятые цифры.

— Пять минут в данном случае роли не играют, — заявил магистр. — Кроме того, ты снова забываешь главный постулат рыцаря-джедая: ни при каких обстоятельствах не суетиться. Итак, что ты предпочитаешь?

— Капучино, учитель, — обреченно проговорил Титус.

Чоудхури выбрал в меню капучино и произвел необходимые манипуляции с пультом согласно наклеенной на боку агрегата инструкции. Из прозрачного цилиндра в недра автомата просыпалась порция жареных кофейных зерен. Он загудел, размалывая их, забулькала в его чреве перегретая вода,

— Тебе сахару побольше или поменьше? — деловито осведомился магистр.

— Побольше.

— Сластена.

— Много углеводов сжег в шахте! — обиженно вскинулся падаван.

— Ладно, будет тебе побольше сахару.

Кофейный автомат изготовил порцию капучино почти мгновенно. Магистр бережно передал пластмассовую чашечку ученику и снова начал колдовать над автоматом, пытаясь изготовить себе двойной эспрессо.

Менее чем через пять минут они уже сидели на гостевом диванчике возле ближайшего офиса и неторопливо, с достоинством завершали кофе-брейк. Внезапно в дальнем конце коридора щелкнул и захрипел динамик. Затем по этажу раскатился искаженный помехами властный голос:

— Уважаемые господа джедаи! Все выходы из здания заблокированы. Предлагаем вам сдаться в почетный плен. Вы будете со всем возможным уважением переданы вашему Ордену в обмен на пленных оперативников-ситхов. Убедительная просьба воздержаться от дальнейшего причинения ущерба имуществу и персоналу РАО «ЕЭС России», поскольку это серьезно отяготит вашу карму. Спасибо за понимание и сотрудничество.

— Забегали, тараканы! — с удовольствием отметил Чоудхури, — Это значит, что мы до сих пор опережаем их на шаг. А ну-ка, попробуем… — Он щелкнул пальцами в направлении динамика.

Раскатистый голос умолк, однако акустический фон и потрескивания не исчезли. После паузы из динамика негромко донеслось:

— Во имя Альмонсина-Метатрона! Рунарх нас конкретно уроет. Лестницы блокировали?

— Так точно, эксцелленц, — отозвался другой голос.

— Всех штурмовиков на лестницы! И дармоедов из Особого отдела тоже. Мидянина и Вендиго срочно на тридцать девятый! Где Саня Бафомет?

— Повез ребенка в бассейн.

— Ну что за невезуха! Еще хоть кого-нибудь из ситхов мы можем реально выставить? Где Говорящий Череп Ибикус?

— В отпуске. В Коста-Брава. До вечера не успеем выдернуть.

— Терминатрица тоже в отпуске?

— Угу. В Эквадоре.

Что-то звонко щелкнуло, и в разговор вступил новый конфидент:

— Епископ! Шеф велел выпускать зубырастения на тридцать девятый.

— А кто потом будет ремонт на этаже оплачивать?! Он же там все разнесет к чертовой матери!

— Не могу знать. Распоряжение я до вас довел, дальше как хотите.

Снова звонкий щелчок.

— Ну, блин! Парни, выпускайте тогда уже и проволоколака. Кашу маслом не испортишь.

— Может быть, попробуем поднять из подвала еслобынерога?

— Не поднимем. Слишком большой…

— Эй, вояки, — раздался вдруг новый голос, прокуренный и хриплый. — Селектор нажмите еще раз, а то на все здание транслируете.

— О черт!

Что-то треснуло, щелкнуло, и шипение в динамике оборвалось.

— Что ж, — произнес магистр. — Такой трюк не всегда удается, но когда удается, можно узнать много любопытного о планах противника… И кстати, наконец-то диспетчер обратил внимание на то, что наши метки высвечиваются двумя этажами выше положенного. Чувствуешь — появилось что-то большое и агрессивное? Какой-то охранный организм.

— Как же они отличают наши метки от меток собственных сотрудников? — поинтересовался Пазузу.

— Очень просто. — Чоудхури поднял левую руку и поболтал ее в воздухе.

— Подождите-ка. — Голос ученика дрогнул. — Значит, эти гостевые допуски еще и сообщают ситхам, где мы находимся?

— Точно так, юный падаван. В каждый из них встроен микропередатчик. Очень удобно: охрана может постоянно контролировать наши перемещения и следить, чтобы мы не совались в запретные помещения — скажем, в магический арсенал, сокровищницу или комнату релаксации старшего менеджмента. Впрочем, общая паника и прорезанные двумя этажами ниже двери лифта все-таки сбили их с толку.

— О учитель! Но что же тогда мешает ситхам через те же устройства дистанционно активировать заряды в наших запястьях и мгновенно отправить нас с вами к Верховному Архитектору?!

— Закон, юный падаван, закон! Конвенция о честных методах ведения астральных военных действий, подписанная после того, как в результате ошибки персонала в Башне Рунарха посредством допусков были дистанционно уничтожены трое архатов из Шамбалы. Тогда это едва не привело к Четвертой астральной войне. Теперь ситхи лишены этого весьма эффективного средства контроля за нежелательными посетителями. Конечно, они могут пытаться применять его тайком, но вряд ли, потому что если тот, против кого они его используют, окажется тайным инспектором

Инквизиции, их ждут более чем серьезные проблемы…

Оглушительный рев сотряс волнообразные стены цитадели ситхов.

— Оп! — Магистр взял меч наизготовку. — А вот и организм.

Гулкий мерный топот возник где-то в недрах гигантского здания и начал понемногу приближаться из дальнего конца коридора. Судя по характеру доносившихся звуков, существо было огромным и передвигалось на вывернутых лапах, словно варан.

— Что это? — недоуменно спросил Титус.

— Надо полагать, зубырастений, — хладнокровно откликнулся наставник, крепче сжимая рукоять меча. — Потому что проволоколак, если это имя отвечает его внутренней сущности, должен быть длинным, гибким и проворным…

Внушительное треугольное рыло выглянуло из-за поворота. Морда зубырастения напоминала ночной кошмар африканского охотника на носорогов. Она состояла из множества бородавчатых костяных пластин, наслаивавшихся одна на другую. Больше всего она походила на морду гигантского кабана, только вместо пятачка красовался внушительный роговой нарост, напоминающий острие топора. Голову твари венчали два массивных кривых рога; третий, покороче, торчал у нее из подбородка.

Гигантское существо выбралось в коридор целиком, и теперь стало окончательно ясно, что это рептилия. Ее ноги действительно соединялись с туловищем на манер вараньих. Тварь была цвета сырого цемента, вся покрыта лоснящейся чешуей, омерзительно смердела даже на таком расстоянии и яростно грызла трензель упряжи из металлического троса, которая охватывала переднюю часть ее тела. Вслед за зубырастением из-за угла вынырнули двое громил в черных кожаных фартуках на голое тело, в руках которых были концы плетеных поводков, прикрепленных к узде гигантской рептилии, — видимо, дрессировщики. Оба были вооружены короткими заостренными прутами, по которым то и дело проскальзывали колючие сиреневые молнии.

Увидев джедаев, чудовище вновь бешено взревело — так, что у рыцарей заложило уши, а падаван едва не присел от неожиданности. Треснули и посыпались вниз кусками пластика несколько плафонов дневного света. Погонщики монстра не отреагировали никак — то ли на эту работу специально подбирали глухих, то ли они предусмотрительно пользовались берушами, прекрасно понимая, чего можно ожидать от своего подопечного.

— Большой, — нервно выдавил Титус Рутра.

— Вижу, — проговорил Чоудхури. — Да, великоват. И три крошечных мозга, расположенных в разных частях тела и хорошо защищенных роговыми наростами, поэтому уничтожить его будет более чем непросто. Медленно отступаем к лифтам. Разумная осторожность — главный залог успеха в любой битве.

Однако со стороны лифтов внезапно донеслись странные шорохи, а затем по коридору разнесся пронзительный вой. Похоже, пути к отходу были отрезаны — прибыл проволоколак.

Это существо опровергало своим видом всякое материалистическое мировоззрение, даже более, чем его коллега. Оно представляло собой упругий сгусток первобытного ужаса, мягко крадущийся на огромных кошачьих лапах. Пылающие ненавистью зеленые глаза то и дело исторгали крошечные электрические разряды Из разверстой пасти торчали два огромных зуба, напоминавших остро заточенные ятаганы, с них стекала и капала на пол дымящаяся концентрированная кислота, оставляя в полимерном покрытии пола неопрятные дыры и опаленные пятна. Кожа проволоколака была гладкой, черной и блестящей, в его впалых подрагивающих боках отражались огни светильников и искаженные фигуры дрессировщиков, которые с большим трудом сдерживали рвущуюся вперед адскую бестию толстыми металлическими цепями, прикрепленными к строгому ошейнику. В отличие от погонщиков зубырастения, укротители проволоколака были тощими и с ног до головы затянуты в черный скрипящий латекс, в котором у каждого была прорезана единственная узкая щель — для глаз.

— Это несколько осложняет дело, — задумчиво произнес магистр. — Похоже, каждому из нас придется взять на себя по одной твари.

Увидев четвероногого собрата, зубырастений оглушительно взревел. Проволоколак ответил ему столь пронзительным воем, что у джедаев заныли корни зубов. Погонщики тут же остановили своих животных и начали безжалостно охаживать их энергетическими жезлами.

— Вы уверены, что я справлюсь, наставник? — шевельнул пересохшими от страха губами Титус Рутра.

— Разумеется. Это все же не высшие инсектоиды. Вот если бы ситхи сумели поднять из подвала еслобынерога, нам пришлось бы туго… Возьмешь на себя зубырастения, — деловито распорядился Чоудхури. — Проволоколак слишком проворен для тебя.

— Да, учитель, — пролепетал падаван, стискивая рукоять меча потными ладонями.

Зубырастений мотал огромной башкой, пытаясь отогнать

назойливых электрических пчел, жалящих его бока, но воинственно реветь не прекращал. На его территории находился древний противник, а ему зачем-то мешали немедленно атаковать эту черную скотину и разорвать ее пополам по линии хребта.

Внезапно чудовище на вараньих лапах рванулось вперед с такой силой, что не ожидавшие этого погонщики не сумели его удержать. Джедаи едва успели вжаться в стену — огромная туша пепельного цвета пронеслась мимо них в каких-то сантиметрах, едва не зацепив огромными каменными бородавками, следом за ней по полу скользили так и не выпустившие поводков погонщики. Увидев приближающегося противника, проволоколак бросился ему навстречу, волоча за собой упирающихся изо всех сил дрессировщиков. Метрах в десяти от джедаев два огромных монстра с гулким шлепком сшиблись, словно элитные борцы сумо, и с яростным ревом начали свирепо полосовать друг друга передними лапами и кошмарными клыками. Зубырастений с такой силой ударил мордой своего соперника, что тот врезался в стену, едва не проломив ее и оставив в гипсокартоне четкий вдавленный след. Погонщики, попавшие в жернова битвы чемпионов, были обращены в окровавленные лохмотья в первые же секунды.

Из лифтовой рекреации показалась группа имперских штурмовиков во главе с ситхом в строгом деловом костюме. В руке у ситха пылал световой меч. Сражающиеся монстры в пылу схватки врубились в толпу, сходу разорвав на части троих или четверых последователей Тьмы. В коридоре образовалась куча мала; махая световым мечом, точно дрыном, ситх случайно зацепил датчик противопожарной сигнализации в потолке, и на бурлящую кашу из людских и звериных тел хлынули сверху потоки ледяной воды.

— Что ж, — сказал Чоудхури, когда они с Пазузу, достаточно насладившись зрелищем, свернули за угол, из-за которого несколько минут назад появился зубырастений, — зло, сколь бы велико оно ни было, всегда рискует оказаться побежденным собственной звериной ненавистью. Запомни это, мой юный ученик.

Адептам темной стороны Силы, выглядывавшим на шум из офисов, они на ходу отрубали головы световыми мечами.

Коридор вильнул еще раз и наконец вывел джедаев в рекреацию, аналогичную той, которую они покинули четверть часа назад.

— Так. И эти лифты они с перепугу обрушили, — прокомментировал Чоудхури, безуспешно попытавшись вызвать

хотя бы одну кабину. — Интересно, как сюда прибыл зубырастений? Вряд ли по лестнице, как проволоколак, — он бы там застрял. Значит, существует грузовой лифт. Впрочем, его потом тоже могли сбросить вниз…

— Сложности, магистр Чоудхури? — вежливо поинтересовался падаван, украдкой поглядывая на левое запястье.

— Не то чтобы… — задумчиво проговорил наставник. — Скорее морального порядка. Ты когда-нибудь тренировался в перемещении по вертикальным поверхностям?..

Титус Рутра виновато опустил взгляд.

— Ясно. — Магистр побарабанил пальцами по рукояти меча. — Что ж, хорошо. Пусть вся ответственность ляжет на меня. Смотри. — Он извлек из внутреннего кармана ампулу с густой ярко-лиловой жидкостью. — Видишь? Это оборвах, специальное химическое средство, разработанное учеными «Газпрома». Страшная штука. Полностью меняет восприятие воина, что позволяет последнему выполнять задачи, недостижимые при обычном состоянии психики. Побочные эффекты — временная утрата связи с реальностью и гарантированная импотенция в случае постоянного применения. — Он покосился на сразу погрустневшего ученика. — Не волнуйся, от одного раза ничего не будет. Меня беспокоит другое: в юном возрасте препарат довольно быстро вызывает устойчивое привыкание. А это приводит, во-первых, к психическим сдвигам в сознании рыцаря, а во-вторых, к утрате им боевых навыков. Без оборваха такой джедай уже ни на что не способен. Поэтому поклянись на мече, юноша, что в ближайшие шесть месяцев ты не станешь больше экспериментировать с этим коварным веществом.

Титус Рутра решительно возложил левую руку на рукоять своего меча, а правую — на грудь в районе сердца.

— Клянусь на мече, — заявил он, — что до тех пор, пока я не начну обучать собственного ученика, я буду принимать оборвах только с разрешения своего наставника. Афара мабат!

— Прекрасно, юный падаван. — Магистр извлек из кармана балахона безыгольный иньектор и надломил ампулу. Быстро впрыснув вещество себе и ученику, он помахал раскрытой ладонью перед глазами Титуса. — Сколько пальцев видишь?

— Пять, учитель.

Чоудхури помолчал, задумчиво теребя нижнюю губу. Полминуты спустя он вновь махнул рукой перед лицом ученика.

— А теперь?

— Подождите… девять… нет, восемь с… с половиной… — Падаван перевел на наставника очумелый взгляд. — Восемь с

половиной, верно?

— Отлично! Ты готов.

Магистр повернулся к дверям ближайшего лифта и раздвинул их. Перед джедаями открылся черный провал, из которого дохнуло зноем и металлической окалиной.

— Сможешь ли ты забраться вот по этой стене на этаж выше? — Джагавр Чоудхури похлопал ладонью рядом с распахнутыми дверями.

— Конечно, учитель! Это очень простое задание.

— Тогда выполняй. Поднимись, повисни на арматуре и дожидайся меня.

Падаван опасливо выглянул в шахту. Дышать в ней было тяжеловато — далеко внизу еще клубились ленивые облака то ли дыма, то ли потревоженной пыли. Однако непосредственной опасности вроде ползущих по стенам дроидов или спускающихся огненных змей Титус Рутра не зафиксировал. Нащупав на стене опору, падаван ловко полез вверх, довольный тем, что хоть в чем-то может продемонстрировать старому учителю свою ловкость и выучку. С проворством паука он вскарабкался на этаж выше и остановился, ожидая дальнейших указаний.

Магистр не заставил долго себя ждать. Он неторопливо подошел к вцепившемуся в теплую от недавнего пожара арматуру ученику и присел рядом с ним на корточки.

— Не желаешь ли подняться на ноги, молодой человек? — произнес Чоудхури.

На мгновение Титус от изумления потерял дар речи.

— Но как вы ходите по вертикальной стене, магистр?! — выдавил он наконец.

— Мне кажется, ты заблуждаешься, юный ученик, — строго проговорил Чоудхури. — По-моему, я хожу как все обычные люди. А вот ты разлегся на полу, что не очень-то гигиенично и не вполне вписывается в правила приличия, принятые в современном цивилизованном обществе.

— Да, действительно, — сконфузился Титус Рутра, поднимаясь и отряхивая испачканный ржавчиной балахон.

Он огляделся. В тусклом свете немногочисленных уцелевших после взрыва светильников было видно, что они стоят в длинном бетонном туннеле, оба входа в который исчезают в густом мраке.

— А куда же делась лифтовая ша… — начал было ученик, но магистр приложил палец к губам, призывая к молчанию.

— Это мы обсудим после, — сказал он. — Сейчас нам нужно добраться до противоположного конца, пока не закончилось действие оборваха.

Они двинулись вперед: сначала медленно, поскольку ноги

Титуса все время заплетались с непривычки — при хождении по вертикальной стене силу тяжести приходится преодолевать совсем под другим углом, нежели при горизонтальном перемещении, — потом все быстрее и быстрее. Наконец они со всех ног побежали вверх по боковой стене шахты, грохоча по регулярно попадавшимся в полу металлическим дверям и от полноты чувств радостно крича во все горло:

— Оборвах! Оборвах!

На голодный желудок секретное средство «Газпрома» вставляло особенно сильно.

Внезапно сталь под их ногами разъехалась в стороны, и джедаи провалились в образовавшийся проем. Они пронеслись мимо остолбеневших имперских штурмовиков, столпившихся возле дверей, и с головокружительной скоростью рухнули в длинный коридор, ставший для них глубоким колодцем. Мимо проносились упавшие набок двери офисов, мелькнула оторопевшая секретарша, сидящая за приклеенным к стене столом. А снизу с огромной скоростью, неудержимо надвигалось большое тонированное окно на дне.

Магистр и его ученик с размаху врезались в стекло, разнеся его вдребезги, словно в одном из тех голливудских фильмов, в которых взрываются упавшие лифтовые кабины. В этом месте отнюдь не помешала бы рапидная съемка и крупный план Сильвестра Сталлоне или, скажем, Арнольда Шварценеггера, эффектно выныривающего из облака острых осколков. Однако обошлось без этого: реальность гораздо более сурова и менее эффектна, нежели ее аудиовизуальные суррогаты. Тем не менее, проявив более чем похвальную скорость реакции, падаван одной рукой намертво вцепился в оконную раму, а другой ухватил пролетавшего мимо магистра за рукав.

— Дельно, — похвалил Чоудхури, вновь покачиваясь над бездной, — правда, теперь эта бездна располагалась в горизонтальной плоскости. — «Зачет». Пожалуй, одну епитимью я с тебя сниму… Кстати, надо же — оперативные данные о том, что во всем здании РАО «ЕЭС» пуленепробиваемые стекла, категорически не подтвердилась! Это можно использовать для планирования будущих диверсионных операций…

Почтительно дождавшись, пока наставник замолчит, падаван срывающимся голосом заговорил:

— О учитель Чоудхури! Позволено ли будет недостойному спросить: что же нам теперь делать? Если я отпущу раму, мы будем лететь параллельно земле, пока не столкнемся с более высоким зданием или какой-нибудь горной грядой. Что делать?!

— Я не собираюсь думать за тебя всякий раз, юный

падаван, — заявил мастер, привычно скрестив руки на груди. — Ты до старости будешь бегать к старому Джагавру, чтобы тот подсказал тебе выход из сложного положения?! Стыдись, ты же джедай! В бою ты должен уметь мгновенно принимать решения, поскольку противник не станет ждать, пока ты посоветуешься с наставником. Ну, живо: слово, в котором пять «о»! Быстренько!..

— Учитель, сейчас не время… — простонал несчастный падаван.

— Большая епитимья! — рявкнул магистр. — Ну? Будешь отвечать, сын осла? Две большие епитимьи! Ну же?.. Две большие епитимьи и наряд на кухню вне очереди!

— Подождите я.

— Ну? Раз… два… — начал отсчет Чоудхури. — Нет? Две большие епитимьи, два наряда на кухню вне очереди и поражение в финансах до конца недели!

— Постойте, отче!.. Пощады! Хорошо, я… Вот, знаю! Головоногое! Головоногое!.. То есть нет…. Да, да: го-ло-во-но…

— «Зачет», юный падаван, — сухо похвалил магистр. — Теперь вернемся к основной проблеме. Прояснилось ли у тебя в голове?

— Проя… снилось, мастер, — отозвался Титус, мышцы которого уже трепетали от напряжения.

— Теперь ты понимаешь, почему Будда не пробовал ничего вкуснее той землянички, которую обнаружил растущей в трещине на скале, куда его загнали два голодных тигра?

— Кажется, понимаю, учитель… — прохрипел падаван.

— Итак, как нам выйти из создавшейся ситуации?

— Не ведаю, учитель, — сипел несчастный падаван. — Епитимьи, учитель…

— Идиот! — закричал Чоудхури. — Как можно быть таким деревянным?! Подумай хорошенько: мы падаем вбок только потому, что оборвах изменил наше восприятие! Когда ты уже поймешь, что все в мире относительно?!

В глазах падавана мелькнуло понимание.

— О учитель! — воскликнул он. — Кажется, я осознал…

В ту же секунду изменившийся вектор тяготения швырнул их через пустую раму обратно в коридор, который снова стал глубоким колодцем. Однако теперь окно было над головой, а на дне оказались двери лифта. Джедаи еще раз пролетели мимо ошеломленной секретарши и группы имперских штурмовиков. Те наконец догадались открыть огонь; за неимением времени на то, чтобы активизировать световой меч, магистр поймал несколько плазменных зарядов рукой в перчатке и швырнул их обратно, повергнув в Гулкую Пустоту сразу троих противников.

Джедаи рухнули в распахнутые двери и неминуемо разбились бы, если бы не спасительное воздействие оборваха. Вскочив на ноги, рыцари вновь бросились вверх — но теперь уже по той стене шахты, которая несколько минут назад представлялась им потолком. Чоудхури при помощи Силы заклинил двери лифта, чтобы уцелевшие штурмовики не принялись стрелять им вслед. Цель была близка.

Метров через сто они уперлись в тупик.

— Девяносто девятый этаж! — произнес Титус, разглядывая в неярком сиянии светового меча преградившую им путь шероховатую бетонную стену. — Кабинет Верховного владыки ситхов на сотом. Где же сотый?

— Справедливо замечено, юный падаван, — кивнул магистр. — Подними голову.

Тутус подчинился и обнаружил у себя над головой широкое прямоугольное отверстие, в которое как раз поместилась бы кабина лифта, уложенная на бок. Оно открывало уходящий вверх коридор, который быстро скрывался в кромешном мраке.

— Смертному не суждено доехать в лифте до сотого этажа, — пояснил магистр. — Трос заканчивается на девяносто девятом. В случае необходимости добраться до самого верха трос отстреливается, кабина уходит вбок, вот в этот коридор, и дальше некоторое время перемещается в горизонтальной плоскости, следуя изгибам охранного лабиринта, всякий раз новым маршрутом. И лишь в конечной точке траектории она подается на этаж вверх и оказывается прямо в кабинете Рунарха. Не знаю, каким образом ситхи это делают. Возможно, лифт при помощи Силы перемещает сам Рунарх. В любом случае нам — туда. — Обтянутым черной лайковой кожей пальцем он ткнул в потолок.

— Как же мы туда заберемся? — Падаван с сомнением посмотрел наверх, затем оглянулся, окинув взглядом опрокинутую набок лифтовую шахту, по которой они только что добрались сюда. — Разве что используя оборвах…

Видимо, что-то внезапно щелкнуло у него в голове относительно реального взаиморасположения бетонных плоскостей, потому что он нелепо взмахнул руками и ухнул в бездну, в которую внезапно превратился для него горизонтальный коридор. Очень вовремя магистр ухватил его за шиворот.

— После принятия оборваха категорически запрещено мыслить привычными категориями, — заметил магистр, затащив ученика в прямоугольное отверстие в потолке, которое теперь, когда верх и низ снова заняли свои привычные места, располагалось в левой стене шахты. — Но я рад, что мне не

пришлось прибегать к другим сильнодействующим средствам, скажем, рукоприкладству, дабы избавить тебя от его воздействия. Больше оно нам не требуется.

Согласованными движениями они вонзили лезвия световых мечей в стену и начали медленно, с трудом преодолевая сопротивление материала, вырезать в ней дыру.

— Вы чувствуете, как похолодало? — с тревогой спросил падаван, орудуя мечом.

— Совершенно ничего удивительного, — спокойно ответил Чоудхури. — Ситхи решили дополнительно подстраховаться и залить лифтовые шахты жидким азотом. Он уже начал поступать с крыши здания по специальным трубопроводам, но еще не проник сюда. Если мы не поторопимся, то скоро будем иметь сомнительное удовольствие играть в снежки прямо здесь.

Менее чем через пять минут они уже двигались прогулочным шагом по охранному лабиринту. За их спинами остались вскрытая стена, несколько разрезанных на куски боевых дроидов, два десятка тел армейских рептилий, ряд сложных ловушек ситхов, состоявших из восьмидесяти кубометров плавиковой кислоты и сорока пяти метров колючей проволоки под напряжением в четыре тысячи вольт, а также шахта лифта, залитая жидким азотом и промороженная настолько, что бетон и металлические конструкции Начали трескаться, не выдержав столь свирепых температур.

— Учитель, — внезапно нарушил молчание Пазузу, — а можно мне еще немного оборваха?

Чоудхури нахмурился.

— В чем дело, юный джедай? — В его голосе прозвучали угрожающие нотки.

— Оборваха! — Глаза падавана горели, как угли. — Немножко! Вы знаете, после него так хорошо… свободно… — Его взгляд затуманился. — Дай мне немедленно оборваха, старая скотина! — заорал он, поворачиваясь к учителю. В его руке блеснул световой меч.

Меч возник и в руке магистра.

— Ты поклялся клятвой рыцаря, — медленно произнес Чоудхури, описывая перед собою кончиком меча небольшие восьмерки. — Ты желаешь ее нарушить?

— Я не собираюсь ничего нарушать, — помотал головой падаван. — Четверть ампулы, а? Ну хотя бы восьмую часть?..

Давай сюда оборвах, ты, вздорный старик! — Он сделал стремительный выпад.

Магистр парировал удар и снова замер напротив ученика в оборонительной стойке.

— Я опасался этого, — проронил он. — И мне некого винить, кроме самого себя. Будь любезен, юный падаван, быстренько найди мне слово, в котором есть шесть «о».

— Какое еще слово, к дифференциальной матери, — безнадежно проговорил Пазузу. Меч в его руках начал едва заметно подергиваться и вибрировать. — Не существует слова с шестью «о»!

Наставник поморщился.

— Ладно, в твоем нынешнем состоянии это слишком сложное задание, — сказал он, — приму даже в родительном падеже.

— Нету даже в родительном падеже! — дерзко бросил Титус.

— Как это нету?! — вновь вскипел Чоудхури. — Щенок! Поролонового! Многопользовательского!

— Простите, наставник… — Титус Рутра медленно опустил меч, с ужасом глядя на магистра.

— Ну? Громоподобного! Многоголосого!

— Пощады, учитель!

— Все еще не придумал, недоносок? Электровозостроительного!

— Стойте, стойте, наставник! Не добивайте! Я придумал… Колобкообразного!

— Это еще что за языковой кадавр?!

— Порошкообразного! Порошкообразного!

— «Зачет»! Но более ничего «образного» не приму! — Магистр посмотрел на сконфуженного ученика и смягчился. — А помнишь, как ты с круглыми глазами уверял меня, что нет в русском языке слова с четырьмя «о»? — миролюбиво закончил он.

— Помню, учитель Чоудхури.

— Вот и хорошо. Убери меч.

— Простите, учитель, мне нет оправдания и…

— Убери меч.

Титус послушно выполнил приказ.

— Иди вперед. Об этом твоем поступке мы серьезно поговорим по возвращении в Орден.

Благополучно миновав несколько искажающих порталов, установленных в охранном лабиринте Рунарха, преодолев еще несколько хитроумных ловушек и обратив в бегство свирепого зверя эльчупанибрея, измученные джедаи с трудом сдвинули тяжелую гранитную плиту, прикрывавшую выход на верхний уровень Башни, и через квадратный люк выбрались в циклопический колонный зал, освещаемый множеством факелов. Глазам воинов Света предстали огромные золотые врата, перед которыми за массивными металлическими столами, более напоминавшими долговременные огневые точки, заняли позицию

две личные секретарши Рунарха.

— Здравствуйте, господа, — прощебетала светленькая, та, что сидела слева. Бэджик на лацкане делового костюмчика свидетельствовал, что ее зовут Гнуся Согнилом. — Боюсь, к Руиарху нельзя.

— Он занят, — подхватила вторая, та, что сидела справа, — жгучая брюнетка с чуть раскосыми глазами и смуглой кожей. Звали ее Улеглася Махнагова.

— Он уехал, — продолжила Гнуся. — В отпуск. Его не будет до августа.

— У него важное совещание, — подтвердила Улеглася. — И он не сможет вас принять.

— Он обедает.

— Он заболел.

— Он принимает делегацию дружественных тибетских лам. — Он отправился в Кремль для личной встречи с Хозяином Тайги.

— Он отдыхает и велел никого не впускать.

— Извините, господа, — подытожила Махнагова. — Всего наилучшего.

— Девушки, — сумел наконец вклиниться Чоудхури, — мы войдем и побеседуем с Рунархом, хотите вы этого или нет.

— Тю! — изумилась Гнуся. — Как же вы это сумеете, ребятки?

— Смешной старичок! — обворожительно улыбнулась Улеглася. — Убирайся отсюда, слушай, да? И мальчика прихвати, иначе мы сделаем из него питательный бульон…

Секретарши сексуально захихикали, глядя друг на друга.

— Магистр, — заявил Титус Рутра, — почему бы нам немедленно не изрубить этих дерзких девчонок в крабовый салат, как мы уже поступили с несколькими десятками их коллег?

Судя по всему, подвиги последнего получаса настроили его на воинственный лад.

— Как ты думаешь, юный падаван, — напряженно заметил магистр, не сводя пристального взгляда е секретарш, — почему на последнем рубеже обороны у Рунарха всего-навсего две хрупкие девушки?

— Неужели?..

— Вот именно. Хорошо еще, что Аленка Исполинка ушла в декрет, иначе нам пришлось бы совсем туго…

— Господа, — снова заговорила Гнуся Согнилом, — Рунарх не желает напрасного кровопролития. Если вы выразите намерение немедленно покинуть здание РАО «ЕЭС России», вам будет обеспечена торжественная безопасная нуль-

транспортировка. В противном случае вы умрете здесь и сейчас.

— Без аудиенции у Рунарха мы не уйдем, — сказал магистр.

— Значит, вы выбрали смерть, — со смешком поведала Улеглася.

Миловидное личико Гнуси внезапно потемнело и зловеще исказилось. Она начала подниматься из-за стола, и падаван с ужасом увидел, что ниже пояса у нее нечто огромное, бесформенное, белесое, Колышущееся от каждого движения, словно тело гигантской королевы термитов или личинки майского хруща.

— Высшие инсектоиды, — процедил Чоудхури, крепче стискивая обеими ладонями рукоять светового меча. — Матерые пятисотлетние твари. В их гнилосомах полно генов древних хтонических чудовищ. Будь предельно осторожен, юный падаван.

Улеглася Махнагова тем временем тоже поднялась во весь свой устрашающий рост. За ее столом, как выяснилось, скрывалось черное, покрытое хитином, сегментированное тело гигантской сколопендры с множеством коротких омерзительных лапок, которые с сухим треском судорожно стригли воздух. Физиономию Улегласи перекосила гримаса ненависти, превратив ее в маску театра кабуки. В лице Гнуси к этому моменту уже Вовсе не осталось ничего человеческого — это была морда невообразимого чудовища из фильма «Капитан ЕО». Угрожающе шипя, две человекообразные насекомые твари выползли из-за своих столов и начали надвигаться на джедаев.

— Девочки, спасибо большое, — внезапно ожил селектор над вратами. Голос у Рунарха был немного усталый и грустный. — Пропустите, пожалуйста, господ рыцарей. Еще не хватало, чтобы они и вас поцарапали.

— Вы уже пообедали? — вежливо осведомилась Гнуся.

— Пообедал, — подтвердил владыка ситхов. — Все в порядке.

— Обед сопротивлялся? — благоговейно вопросила Улеглася.

— Недолго. Он был успешно загипнотизирован и мгновенно проглочен. Всегда делайте только то, что вам хочется, девочки, и у вас будет отличное пищеварение. А теперь пусть эти назойливые рыцари войдут.

Золотые врата скрипнули и начали медленно раздвигаться. Чудовищные секретарши вытянулись по обе стороны от них по стойке «смирно» — насколько это позволяла им насекомая комплекция тел.

— Войдем же, юный падаван, — негромко произнес Джагавр Чоудхури, и ученик с изумлением отметил, как дрогнул голос наставника. Судя по всему, старый джедай предпочел бы сразиться с двумя высшими инсектоидами, нежели

беспрепятственно проникнуть в логово злейшего врага. То, что владыка ситхов отказался от жестокого сражения на последнем рубеже обороны, было странно, а следовательно, крайне опасно. Ситхи всегда были известны своим изощренным коварством.

В сопровождении ученика магистр Чоудхури вступил под своды кабинета Рунарха.

Вопреки ожиданиям и размерам приемной обитель владыки ситхов была довольно скромной, даже аскетичной, как и подобает обители всякого великого духом воина, далеко ушедшего по пути Силы. На стенах, сложенных из дикого камня, висели черепа самых знаменитых противников Рунарха и их оружие. Стены были испещрены многочисленными рунами. В дальнем углу кабинета в громадном очаге пылали поленья древнего чинара. В ближнем углу располагался небольшой бар красного дерева со множеством заманчивых бутылок. На внушительном дубовом столе посреди кабинета были в беспорядке свалены древние, покрытые плесенью фолианты, стояли колбы и реторты, наполненные разноцветными мутноватыми жидкостями, тлел в бронзовой курительнице ароматический бамбук. Возле плоского компьютерного монитора, на котором извивалась энергосберегающая мультипликационная заставка, тихо шелестела действующая модель вечного двигателя. За монитором виднелся анчар в изящном керамическом горшочке. Рядом с массивным креслом владыки ситхов замерла на вешалке его полевая форма — длинный черный плащ с кровавым подбоем и глухой блестящий шлем, похожий на голову злого робота. Судя по внушительному слою пыли на столе и книгах, Рунарх запрещал уборщицам прикасаться к своему рабочему месту.

— Зачем ты убил моих людей, Джагавр?

Хозяин кабинета стоял возле стола, скрестив руки на груди. Он был одет согласно принятому в корпорации ситхов дресс-коду — строгий черный костюм, белоснежная рубашка, галстук в тон. Лишь огненно-рыжая шевелюра нарушала цветовую гамму его костюма, но либо с этим ничего нельзя было поделать, либо Рунарх не считал необходимым тратить свое драгоценное внимание на такие пустяки.

— Чтобы не терять зря времени, ожидая аудиенции, мы решили совместить приятное с полезным, — ответствовал магистр после некоторой паузы.

— Что ж, весьма достойная мотивация, — кивнул Рунарх. — Устроили нам, значит, небольшой холокост? Маленький такой холокостик. Несомненно, попади я в цитадель «Газпрома», повел бы себя точно так же. Кстати, господа, прошу вас, спрячьте оружие. В любом случае вам не будет от него никакого толку: в

этом помещении сгенерировано очень мощное магнитное поле, в котором лезвия световых мечей — не более чем очень яркие пучки света. Если не верите, соблаговолите нанести несколько ударов мечом по какому-либо предмету обстановки на свой выбор.

— Ладно, верим, — произнес Чоудхури, убирая свой меч. Падаван последовал его примеру.

— Кроме того, — продолжал владыка ситхов, — тройной силовой кокон сформирован непосредственно вокруг моей персоны. Это на тот случай, если вы решите полезть на меня с кулаками. Вот это, — он прикоснулся к висевшему у него на шее на кожаном шнурке фианиту, — если вы надумаете плюнуть в меня ядом или другой агрессивной субстанцией. Ну и, наконец, хочу сразу предупредить вас, что в отношении меня вообще бессмысленны какие-либо поползновения. Как только вы вошли в здание, я включил режим форсированного обмена веществ и к настоящему моменту за счет ускорения всех процессов, протекающих в моем организме, удалился от вас в будущее на четырнадцать секунд. Таким образом, в каждый момент времени я точно знаю, что именно вы предпримете, поскольку для меня это уже прошлое. Поэтому я способен пресечь любое ваше враждебное действие еще до того, как вы начнете его осуществлять, а если не сумею — надо мной мгновенно опустится пуленепробиваемый и взрывоустойчивый колокол, в котором я буду немедленно телепортирован в свою загородную резиденцию. Пусть не смущает вас то, что я якобы беседую с вами в реальном времени: на самом деле для каждой своей реплики я делаю четырнадцатисекундную задержку, чтобы не доставлять вам лишних неудобств. — Он помолчал, давая собеседникам время переварить услышанное. — Теперь, когда вы проинформированы в достаточной степени, можете присесть. Не желаете ли чаю или кофе, господа? Ничто так не бодрит утром, как чашка крепкого, горячего черного кофе, выплеснутая в лицо.

— Нет, большое спасибо, — вежливо отказался магистр, располагаясь в гостевом кресле.

— Может быть, в таком случае желаете спуститься со мной в подвал? Я покажу вам бочонок амонтильядо.

— Благодарю вас, но сегодня я позавтракал лишь стаканом холодной воды и оттого не уверен, что мой организм сумеет адекватно воспринять порцию алкоголя, — покачал головой Чоудхури. — Давайте не умножать сущностей сверх необходимого, владыка.

— Что ж, хорошо. Тогда извольте разъяснить свое вопиющее поведение, любезный магистр. Вы напали на цитадель нашего

Ордена в середине июля, когда все достойные рыцари-ситхи разъехались в отпуска! С вашего позволения, это подло, господа!

— Мы вовсе не собирались нападать на цитадель, — заявил Чоудхури. — Мы собирались мирно побеседовать с вами, владыка. И если бы не коварство вашего почетного эскорта, в этом здании не пролилась бы кровь.

— Странно, я не давал охране указаний уничтожать вас, — удивился Рунарх. — А что касается крови… Она в этом здании проливается регулярно — боевых монстров надо чем-то кормить, да и пыточные орудия подвергаются коррозии, если долго лежат без употребления… И персонал начинает вести себя слишком развязно, если хотя бы раз в неделю не устраивать публичную корпоративную казнь. В общем-то сотня-другая обученного быдла, что я потерял сегодня, — пустяки, не стоит даже говорить о такой мелочи. Однако вы внесли определенный хаос в размеренный ритм работы моей корпорации. Ситхи не прощают подобного.

— О чем вы говорите, мерзкое чудовище! — вскричал магистр джедаев. — У вас только что погибло несколько сотен сотрудников, а вы смеете думать о нарушенном ритме работы?!

— Спасибо, вы приятно оскорбили меня в лучших чувствах, — с достоинством ответил владыка ситхов. — Что ж, вы правы, я влияю тлетворно буквально на всё, это ни для кого не секрет. Смрадно дыхание мое, огнь серный исходит из уст моих, страшно далек я от народа. Но не произошло ничего катастрофического, не беспокойтесь: я дам объявление в Интернете и привлеку на темную сторону Силы еще пару сотен неофитов. Возможно, больше; Ордену давно пора расширяться.

— Ринпоче Иисус некогда справедливо сказал: «Горе тем, кто соблазнит малых сих», — мрачно произнес Чоудхури.

— Однако равноапостольный Оззи Осборн возразил на это: «Я ничего не могу поделать с тем, что люди для самых невероятных своих поступков используют мое творчество словно тележку, подвозящую их к тому или иному безумству». Ему вторили в этом такие авторитеты теологии, как Элис Купер, Стивен Кинг и Мэрилин Мэнсон.

— Златоуст Равиньяни крайне удачно парировал: «Главный успех Сатаны заключается в том, что он уверил нашу эпоху, будто его нет».

— Преподобный Амброз Бирс заметил на это: «Страх перед дьяволом убил людей больше, чем сам дьявол». А настоятель-бессребреник Густав Манринк весьма справедливо указал: «Тот, кто всегда слышит песнь соловья, — всегда безгрешен, даже если убьет своих отца и мать».

— Он же утверждал: «Вы получите чечевичную похлебку, ибо не жаждете большего», — возразил магистр.

— Он также называл глупцом того, кто, разбив электрическую лампочку, считает, будто нанес урон электричеству. — Рунарх насмешливо посмотрел на магистра. — Вы все еще полагаете, что нанесли сегодня серьезный урон Ордену ситхов?

— У нас не было такой цели.

— И тем не менее вы выступили в роли, так сказать, санитаров офиса. Что ж, этот планктон давно пора было немного почистить. Ротацию менеджеров следует проводить не реже раза в два года, иначе они прирастают к своим местам, словно морские желуди» и начинают слишком много о себе мнить. А ведь даже святой Дион Кассий призывал: «Ублажайте воинов, на всех остальных можете не обращать внимания».

— Однако отшельник Юлий Капитолий добавил: «Нет возможности держать в узде воинов, если их души полны ненависти».

— Пустое. Мудрец Вантала изрек: «Хищник не сражается, он добывает себе пищу. Всякий обученный воин темной стороны Силы умеет контролировать себя и выпускает свою ненависть на свободу только по приказу своего верховного божества — Рунарха».

— Евангелист Лидбитер часто повторял: «Каждое божество, требующее кровавых жертв, должно быть причислено к разряду низших отвратительных элементалей», — хмыкнул Джагавр Чоудхури.

— А пустынник Адриан констатировал: «Единственный бог — деньги. Вот божество, которому поклоняются и христиане, и евреи, и всякого рода люди».

Рунарх и магистр замолчали; первый раунд был окончен. Они уважительно поклонились друг другу, приветствуя достойного соперника.

— Постник Плутарх Херонейский отмечал: «Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных средств», — проговорил владыка ситхов после паузы. — Современная медицина катастроф, спасающая ныне миллионы жизней по всему миру, почти целиком базируется на живодерских опытах доктора Менгеле и прочих медиков фашистских концлагерей, ибо только они имели возможность проводить лабораторные исследования на неограниченном количестве свежего человеческого материала. Это называется дуализм существования… По этому поводу патриарх Эвклид Мегарский заявил, что добро не имеет противоположности, поэтому зло не

существует.

— Вздор.

— Всесвятейший Ремарк утверждал, что человек жив именно вздором, а не черствым хлебом фактов. А что касается вашего нескончаемого плача по поводу жестокости ситхов, то столпник Бхактиведанта Свами Прабхупада декларировал следующее: «Правители никогда не должны лицемерно объявлять себя сторонниками ненасилия, так как для них это прямая дорога в ад». Как насчет джедайского лицемерия, о рыцарь?

— Он же провозгласил: «Убийство в бою и убиение животных на жертвенном огне не считаются актами насилия, ибо совершаются во имя религиозных принципов и являются благом для всех», — отреагировал магистр Чоудхури. — И еще из него: «Кто не руководствуется ложным это и чей разум свободен, тот, даже убивая людей в этом мире, не убивает, и поступки его не имеют для него последствий». И еще: «Для уничтожения безбожников у Господа есть много энергий и посредников, которые и без него могут выполнить эту задачу…»

— Хватит, хватит! — взмолился рыжий Рунарх. — Ты победил меня, колдун!.. — Тяжело дыша, он откинулся на спинку своего массивного кресла. — А вы неплохо фехтуете теологическими максимами, магистр, — признал он, дотянувшись до бара и шедро набулькав себе в стакан торфяного шотландского виски. — Было крайне любопытно побеседовать с вами. Я даже готов отдать чью-нибудь жизнь, чтобы вы всегда имели возможность беспрепятственно высказывать свое мнение… Однако мое оскорбленное самолюбие настоятельно требует реванша. Какое оружие вы предпочитаете теперь?

Чоудхури задумался.

— Может, партию в гипершахматы! — предожил он.

— В гипершахматы? — Рунарх с сомнением посмотрел на Титуса. — В присутствии младшего?..

— Ничего страшного. Это мой падаван, а следовательно, можно расценивать его просто как одну из моих рук, — произнес магистр и безжалостно уточнил: — Левую.

Пазузу понурился.

— Что ж, прекрасно! — согласился Рунарх. — На каком поле будем играть? У меня есть треугольное, круглое, кубическое, в форме пирамиды, конуса, шара и додэкаэдра, В объемных полях ходы можно делать как снаружи, так и внутри роля. Есть поле-плоскость, состоящее из бесконечного числа. Есть поле в виде ленты Мёбиуса. Играть на двух последних можно бесконечно долго, целую вечность получая непрекращающееся наслаждение от игры.

— Не сомневаюсь, сударь. Однако я консерватор и предпочитаю классическое поле. Не в моем возрасте обманывать себя вечностью.

— Хорошо. Пусть будет классическое.

Владыка ситхов нажал на кнопку, утопленную в столешнице, и та автоматически сдвинулась в сторону, уступив место огромной плите из цельного куска лазурита. Плита была испещрена многочисленными складками местности, миниатюрными водоемами и горными хребтами, нитками рек и стенами городов, покрытых масштабной сеткой.

— Желаете играть белыми, черными, желтыми, красными, зелеными или голубыми? — любезно осведомился Рунарх.

— Если позволите, я буду играть своим набором фигур. — Магистр Чоудхури извлек из широкого рукава небольшой полотняный мешочек.

— Как вам будет угодно. Но учтите, что в таком случае я задействую собственный сувенирный набор.

— Извольте.

Два иерарха начали расставлять гипершахматные армии на исходные позиции.

— Что это? — поинтересовался магистр, разглядывая необычную ладью ситха.

— Это танк, — вежливо пояснил Рунарх. — Причем не обычный, а танк-рикошет. Он способен отражаться от краев доски и от объектов на местности, подобно бильярдному шару, после чего двигаться юзом, то есть по диагонали. Делает два хода подряд. Очень полезная фигура.

— Не сомневаюсь.

— А вот это кентавр. Объединяет в себе качества слона и коня. Это шут, он ходит буквой «ж». Епископ, дракон, императрица. Некромант оказывает воздействие на поля доски через другие фигуры. Адвокат-правозащитник — его брать нельзя ни при каких условиях, а стоящие рядом с ним фигуры имеют статус женщин и детей и оттого неприкосновенны. У меня целый батальон правозащитников. Камикадзе покидает доску вместе со снятой фигурой, но побить может абсолютно любого, вплоть до Ктулху. А вот это голем. Сокрушить голема очень тяжело, это может сделать только равноценная или старшая фигура, например, боевой маг. Либо младшая, вроде падавана или спецназовца, но за три-четыре хода, на протяжении коих ей придется непрерывно нападать на голема, который, естественно, станет защищаться.

— Принимается, — сказал Чоудхури и тут же ввернул: — Однако из-за своей тяжести и неповоротливости голем не

отличается быстротой перемещения и скоростью реакции. За один ход он может преодолеть не более двух клеток вперед и не более одной в стороны и назад.

— Принимается, — недовольно проворчал Рунарх. — Начнем же? — поспешно добавил он, опасаясь, что соперник начнет вносить поправки в характеристики и других фигур.

— Начнем, пожалуй, — отозвался старый магистр. Они приступили.

Падавану с его места не было видно, что происходит на игровом поле, а когда он попытался приблизиться, наставник остановил его строгим жестом; однако, судя по приглушенному шуму битвы и доносившимся воплям умирающих, схватка развернулась ожесточеннейшая.

— Почему вы возвращаете фигуры на поле, владыка? — несколько минут спустя нарушил молчание Джагавр Чоудхури. — Они побиты и не могут вернуться к жизни.

— Это зомби, — усмехнулся Рунарх, — поднятые из могил темной магией руководителя РАО «ЕЭС России».

— Принимается, — не стал спорить Чоудхури. — Но в результате трупного окоченения они утратили половину быстроты и треть поражающей силы.

— Принимается.

Игроки вновь погрузились в молчание.

Прошло еще несколько минут. Сгоравший от любопытства падаван грыз ногти, пытаясь хотя бы одним глазком взглянуть на доску, но ему мешал высокий горный хребет, расположенный на юго-востоке.

Внезапно за игровым столом вновь возникла активность.

— Ядерная бомба! — торжествующе вскричал Рунарх, выставляя фигурку в форме ракеты. — Внезапная ядерная атака! Половина игрового поля уничтожена! Чоудхури, вы разбиты, вы оккупированы, вы на коленях, шестьдесят шесть лет вы платите репарации! У вас осталось менее четверти войска. Если вы сдадитесь в почетный плен, я обещаю подумать над тем, чтобы не пытать вас перед казнью. Можете начинать умолять меня прямо сейчас.

— Не так быстро, уважаемый. — Магистр пристально посмотрел на Рунарха. — Что это вы вдруг спали с лица? Ах, да — четырнадцатисекундная фора… Вы ведь уже знаете, что сейчас произойдет? — Он извлек из широкого рукава балахона причудливую раскоряченную фигурку и утвердил ее в центре поля. — Туши свет. Медвед пришел.

Помертвевшее лицо рунарха пошло красными пятнами. Он несколько раз открыл и закрыл рот, словно пытаясь глотнуть

воздуха или что-то сказать. Чоудхури тем временем, убедившись, что противник окончательно осознал произошедшее, начал неторопливо собирать с доски и прятать в полотняный мешочек свои уцелевшие фигурки. Пресловутый Медведь Туши Свет был вновь бережно помещен в рукав. Только после этого падаван понял, что игра, похоже, окончена.

— Мне-е-е… — проблеял потрясенный Рунарх. — Я-а-а… Может быть, партию в города или поедим бананов на скорость?.. У меня есть право на реванш!

— Достаточно! — отрезал магистр. — Даже если в третьей игре вы одержите победу, счет все равно будет два — один в мою пользу. Хватит вилять, владыка ситхов! Извольте наконец выслушать нас!

— Ты снова победил меня, старый колдун, — надменно проговорил Рунарх. Он довольно быстро приходил в себя после унизительного поражения. — Немыслимо! Что ж, я уважаю правила. Говори, чего ты от меня хочешь. Только поторопись — через двадцать минут у меня гольф с послом Империи Добра.

— Две сущих безделицы, — ответствовал магистр. — Начнем с более важной. Ваш рыцарь Дарт Вейнгарт третьего дня причинил нестерпимые моральные страдания джедаю Гаруде Чаклгоолю. Они оба сопровождали своих наследников на утренник в элитный детский сад. Во время представления Вейнгарт отпустил язвительное замечание в адрес юного Чаклюоля, а на закономерное приглашение его отца выяснить возникшие разногласия при помощи поединка встал и молча нанес последнему серьезное оскорбление действием.

— Честно говоря, сколько живу, никогда не мог представить себе, как это — оскорбление действием, — проворчал владыка ситхов.

— Так я вам охотно продемонстрирую! — оживился магистр. — Извольте приблизиться на расстояние вытянутой руки.

— Благодарю, я верю вам на слово.

— Атаковать нахала на месте Гаруда не счел возможным, поскольку кругом были дети. Поэтому он решил написать жалобу в секретариат Ордена джедаев.

— Что ж, весьма достойный ход. Я вполне понимаю его чувства. Заверяю вас, мы проведем внутреннее расследование и независимо от его результатов строго накажем брата Вейнгарта. Акт, подписанный представителями московской администрации, и видеозапись экзекуции мы предоставим Внутреннему кругу Ордена джедаев в течение недели.

— Спасибо, коллега, — кивнул Чоудхури. — Я знал, что в

этом вопросе мы быстро достигнем взаимопонимания. Теперь второе, хотя это уже сущие мелочи. Нас по-прежнему тревожит ваша поддержка бесчеловечного украинского режима. Мы вообще против того, чтобы демонические сущности и элементали занимали высшие посты в правительствах каких-либо государств, а в оранжевой коалиции таковых сразу двое.

— Мне хорошо известна ваша ксенофобская позиция по этому вопросу, — вскинулся Рунарх, — И я готов подтвердить, что мы и далее будем противостоять ей по мере сил. Если у вас есть какие-то менее расплывчатые претензии, просьба конкретизировать.

— Газ «паписят»! — зарычал магистр. — Нам совершенно непонятно, отчего вы ратуете одновременно и за рыночные условия для всех участников, и за газ для Украины «паписят»! Я так понимаю, если страна собирается вступать в Атлантический магический блок, то пусть и платит как все его члены: по двести пятьдесят! Мы не собираемся субсидировать экономику враждебного государства!

— Я прошу прощения, — выразил удивление владыка ситхов, — однако ноту об этом мы получили еще зимой и тогда же ответили полным согласием. Действительно странно, если Германии газ поступает по двести пятьдесят долларов, а Украине — по пятьдесят. Тогда же мы сделали строгое внушение нашим западнославянским друзьям по поводу несанкционированного отбора газа из европейской квоты. Было подписано новое транзитное соглашение. Пожалуйста, уточните, в чем суть вашей нынешней претензии.

— Как в чем?! — оскорбился магистр Чоудхури. — Все не так просто! Ситхи — воплощение коварства, поэтому данный инцидент не мог быть исчерпан столь быстро! Вы наверняка вынашиваете какие-то коварные планы, поэтому нас категорически не устраивает, как именно вы согласились на наши условия. Извольте сделать это без фиги в кармане!

— Нет у нас никакой фиги, — пожал плечами Рунарх. — Мы посовещались, провели тщательные консультации и пришли к выводу, что в данном вопросе вы абсолютно в своем праве. Поэтому мы согласились с вашими претензиями.

— Но так не бывает! Вы всегда вставляете нам палки в колеса!

— Вы тоже.

— Подождите, не о нас идет речь! После тех усилий и средств, которые были вбуханы вами в оранжевую революцию, вы просто не имеете права бросить своих единомышленников на произвол агрессивного восточного соседа!

— А мы и не бросаем. Им будет оказана самая широкая

финансовая и моральная помощь. Но за газ им придется платить сполна, как то диктуют священные законы рынка, ничего не поделаешь.

— Ну знаете!.. — магистр даже задохнулся от возмущения.

— В общем, ступайте к Великому магистру, господа, и подтвердите имеющиеся между нами договоренности, — подытожил Рунарх. Понемногу уверенность окончательно вернулась к нему. — Или у вас есть еще какие-то претензии к Темному Ордену?

— Вы снова обманываете нас, — с мукой в голосе произнес магистр. — Вы затеваете какую-то омерзительную провокацию. Не будет вам доброго посмертия.

— Ничего, у меня впереди лет шестьсот, так что подумать о посмертии я еще успею. И разговаривать о нем я стану не с вами, а с сущностями рангом повыше. — Владыка ситхов презрительно усмехнулся. — Читали ль вы, к примеру, Книгу Щупалец? Крайне, крайне поучительное чтение, лишь самую малость уступающее в сакральной силе Синей Книге, смею? вас уверить. Что ж, если вам больше нечего мне сказать, извольте покинуть мой кабинет, иначе я буду вынужден пригласить из приемной двух высших инсектоидов.

— А вы нас не пугайте! — внезапно взорвался молчавший до сих пор падаван Титус Рутра Пазузу. — Как вы смеете разговаривать в таком тоне с самим магистром Чоудхури? Учитель, почему вы ему позволяете?..

Владыка ситхов воззрился на него с интересом, словно увидел впервые.

— Надо же, какой бойкий мальчуган! — одобрительно заметил Рунарх. — Превосходный экземпляр. Скажите, юноша, а вы никогда не думали о том, чтобы попробовать себя на темной стороне Силы?

— Нет! — дерзко крикнул Титус. — Никогда, ни за что!

— Держи себя в руках, юный ученик, — сухо проронил магистр Чоудхури, направляясь к двери. — Если он обвинит тебя в непочтительности, мы будем вынуждены жестоко наказать тебя, иначе ситхи получат право обратиться в Инквизицию.

Падаван окинул Рунарха пылающим взором и поспешил за наставником.

— Откуда вы знаете, что вы не ситх, молодой человек, если ни разу не пробовали?.. — вкрадчиво поинтересовался ему в спину владыка Темного Ордена. Золотые врата с тихим скрипом сомкнулись за спинами двух рыцарей-джедаев. Падаван чувствовал себя оплеванным. Он жалобно взглянул на магистра.

— Но ведь мы все равно победили? Правда, наставник?

Чоудхури задумчиво смотрел на Гнусю Согнилом, сочувственно-насмешливо взиравшую на него со своего места.

— Никогда, слышишь, никогда не мечи икры перед млекопитающими, юный падаван, — наконец проговорил он. — Девушки, мы покидаем вас! Изволите телепортировать нас на первый этаж или предпочитаете наше общество до тех пор, пока не остынут шахты лифтов?

— Смешной старичок, — оскалилась Улеглася. — Бусинька. Жалко, шеф не позволил нам вкусить его крови. У джедаев сладкая кровь.

— Сударыня! — раздраженно развернулся к ней магистр Чоудхури. — Не будете ли вы столь любезны заткнуться?..

Что-то оглушительно щелкнуло в ушах палавана, перед глазами у него ярко вспыхнул мрак, и через мгновение он оказался за рулем орденской «девятки», которая уже стояла за внешним периметром башни РАО «ЕЭС» и была недвусмысленно развернута в сторону области: дескать, поезжай, дорогой. Через несколько секунд на соседнем сиденье материализовался магистр Чоудхури, который сосредоточенно перебирал кипарисовые четки,

— Я ненадолго задержался, чтобы призвать инсектоидов к порядку и потребовать должного уважения, — сухо пояснил он.

— Мы войдем снова? — тревожно спросил Титус, глядя на учителя.

— Нет, мой юный друг, — задумчиво промолвил тот, пряча четки в рукав. — Боюсь, на сегодня мы исчерпали лимит доверия. Нам не то что не позволят больше подняться к Рунарху — нас не пропустят даже во внутренний двор Башни. Полагаю, они уже закрыли все имеющиеся в наличии броневые щиты, обрушили все лестницы и активировали самые страшные охранные заклятья. Надолго их, конечно, не хватит, но часов шесть можно даже не думать о том, чтобы снова прорваться в здание.

— Но магистр! Допуски!.. Мы ведь так и не избавились от них!

— Ах это, — поморщился Чоудхури. — Конечно. Задача решается очень просто. — Он взялся правой рукой за левую, чем-то щелкнул, слегка провернул, и затянутая в черную перчатку левая кисть легко отделилась от запястья. — Ты разве забыл, что у меня протез? Очень хороший нейромеха-нический протез — после одного пренеприятного случая из моей ветреной юности, когда я осмелился вызвать на поединок самого графа Дуку. — Наставник приоткрыл окошко автомобиля и далеко швырнул протез в сторону Башни Рунарха.

— Но учитель!.. — оторопел падаван.

— Не беспокойся, юный ученик, — успокоил его Джагавр Чоудхури, наблюдая за полетом протеза, — в лабораториях Великого магистра мне сегодня же изготовят новый.

— Я очень рад за вас, учитель, — быстро проговорил Пазузу, — но ведь у меня рука настоящая! Что же мне делать?!

— Хм, разумеется, это несколько усложняет дело, однако не критично. Вспомни, юный падаван: из всякой безвыходной ситуации есть как минимум два выхода.

— Магистр, осталось четыре минуты!.. — от напряжения Титус позорно дал петуха.

— И что?! В бою счет вообще идет на секунды. Ну что за размазня! Ты джедай или кисейная барышня? За четыре минуты я готов купить в ларьке возле метро бутылку минеральной воды, выпить ее, вернуться сюда и без ненужной спешки решить возникшую проблему. Я не в силах вообразить ситуацию, в которой простительно было бы настолько терять лицо. Быстро, юный ученик: слово, в котором семь «о»!

— Учитель! — заорал Титус Рутра. — Я не буду искать слово, в котором семь «о»! Это безумие! Нас сейчас разорвет в клочья, а вы занимаетесь чепухой!..

— Что ж, — ледяным голосом изрек Чоудхури, снова извлекая из рукава кипарисовые четки.

Падаван помолчал несколько мгновений. Затем размеренно произнес:

— Простите, учитель. Воистину простите. Я сказал не подумав. Я непременно найду слово, в котором есть семь «о», как только мы решим неотложную проблему. Хорошо?

— Ты что, одолжение мне делаешь, юный рыцарь?! — оскорбился Чоудхури. — Мы не на овощном рынке!

— Тысячу раз простите, учитель, но ситуация представляется мне совершенно безвыходной! Наложите самую серьезную епитимью, но помогите мудрым советом!

— Ты уже взрослый мальчик, Титус Рутра Пазузу. Смотри: настал момент истины. Сейчас ты либо найдено» слово с семью «о», либо бесславно погибнешь, прихватив с собой в Гулкую Пустоту своего старого наставника.

— О учитель! Такого слова не существует в природе, — безнадежно опустил руки падаван. — Это форменное самоубийство.

— Не существует?! Щенок! А что ты скажешь насчет «обороноспособного»?

Пазузу машинально подсчитал количество «о» в предложенном магистром слове и побледнел еще больше.

— Простите, учитель…

— Нет слова с семью «о», мерзавец? Локомотивовагоноремонтного!

Титус Рутра мелко затрясся. Если бы он стоял, то теперь несомненно рухнул бы на колени перед наставником.

— Пощадите, магистр Чоудхури! Есть, непременно есть слово с семью «о»!

— Ты готов поделиться им со мной, или мне продолжить?

— М-м-м… Я… Молочнотворожного! — внезапно осенило Пазузу.

— Есть таксе слово? — с сомнением поднял бровь Чоудхури.

— Есть, непременно есть! — заспешил Титус Рутра. — Мне попадался такой термин, когда я изучал на прошлой неделе аналитическую записку но продовольственной безопасности московского региона, Я готов понести самую суровую епитимью, о учитель, если этого слова не существует!..

— Хорошо, — удовольствовался магистр. — «Зачет», Вообще-то надо было сразу сказать, что ничего «молочного» более не приму… Ладно, будем считать, что тебе вышло некоторое послабление. Ну, юный падаван, прояснилось ли у тебя в голове? Готов ли ты теперь решить вставшую перед нами небольшую проблему?

— Нет, не готов. — Пазузу задыхался. — Я был плохим учеником, мастер. Из меня не вышло настоящего джедая. Простите, учитель Чоудхури, простите, если сможете. Позвольте мне выйти из машины и отбежать на достаточное расстояние, чтобы вас не задело взрывной волной.

— Сиди, мальчишка! — презрительно усмехнулся магистр. — Ну как можно доверять тебе самостоятельные операции? — Он покачал головой. — А ведь все элементарно. Активируй световой меч.

Падаван торопливо подчинился, едва не проткнув выскочившим из рукояти энергетическим лезвием крышу машины.

— Руби, — буднично распорядился Чоудхури.

— Рубить что?! — обалдел Пазузу.

— Руку, сынок! Руби руку выше допуска, а потом кидай ее вслед за моей, и да пребудет с тобой Сила.

— Но магистр!..

— Что смущает тебя, юный ученик?

— Я ведь истеку кровью! У меня будет болевой шок! — Ничего страшного, я окажу тебе первую помощь.

— Но магистр! Это ведь моя рука, двадцать пять раз всех альмонсинов и метатронов через левое колено!!!

— А, вот ты о чем. Не бери в голову, мальчик. Рано или.

поздно все джедаи теряют кисти рук. Это неизбежно, ибо у световых мечей нет гарды. Так какая разница, произойдет это сейчас или через год-другой? Поэтому наберись мужества, юный джедай. Тебе так или иначе необходимо пройти через подобное испытание. А за этот акт мученичества и самоотречения я, пожалуй, сниму с тебя одну епитимью.

— О учитель! — заскулил Пазузу. — Хотя бы сделайте это сами! Я не в силах отсечь себе руку!..

— Джедай не в силах?.. Правильно ли я тебя понял: ты хочешь сказать, что настоящий джедай не силах что-то сделать? Во имя Альмонсина-Метатрона! Не желаешь ли найти мне слово с восемью «о»?

— Ладно. — Падаван стиснул зубы. По его вискам ручьями струился ледяной пот, лицо стало бледным, как чешуя зубырастения. — Я попробую.

— Смотри не проруби обшивку сиденья, — предупредил магистр. — Нам еще ездить на этой машине.

Примерившись энергетическим лезвием к своему левому запястью, падаван поднял меч и крепко зажмурился, едва сдерживая рвущийся наружу крик ужаса.

А магистр включил радиоприемник и, покрутив ручку настройки, поймал веселую и беззаботную мелодию, дабы милосердно облегчить ученику его аскезу.

Олег Дивов

СТОЯНИЕ НА РЕКЕ МОСКВЕ

На рассвете танки русских подошли к Москве.

В головной машине открылся башенный люк. Высунулась рука с мегафоном. За ней — лейтенант Иванов.

— Сдавайтесь, чурки! — заорал Иванов в мегафон. — Сдавайтесь, а то хуже будет! Русские пришли!

Из-за баррикады, перекрывающей въезд под Московскую кольцевую дорогу, выглянул бригадный генерал Хухуев.

— Я твоя мама имел, морда жидовская! — крикнул он. — Моджахеды не сдаются!

Показал лейтенанту Иванову «фак» и на всякий случай тут же спрятался.

К танку подошел тяжелым командирским шагом подполковник Криворучко.

— Лейтенант! — рявкнул он. — Что за самодеятельность?! Мегафон сюда. А сам убрал хлебало нерусское в люк, быстро. А то противник хрен знает что о нас подумает.

Иванов отдал мегафон и сказал обиженно:

— Сами понабрали в армию хрен знает кого, а теперь ругаетесь.

После чего, как и было приказано, убрал нерусское хлебало в люк.

Подполковник Криворучко поднял мегафон и крикнул:

— Сдавайтесь, чурки! А то хуже будет!

— Я твоя мама имел, русская свинья! — отозвался бригадный генерал Хухуев.

Из люка снова высунулся Иванов.

— Охренеть конструктивная беседа, — заметил он.

— Ну и вали в свой Израиль, если такой умный, — надулся подполковник. — Как я должен с чурками говорить, по-твоему?

— Сейчас нам объяснят, — сказал Иванов. — Вон пиндос нарисовался.

К переговорщикам короткими перебежками, то выскакивая из-за танков, то скрываясь за ними, двигался военный советник капитан Моргенштерн.

— Дурак дураком, а чурок боится, — прокомментировал Криворучко. — Умный, значит. Или все-таки дурак?

— Вы бы сами ушли за броню, — посоветовал Иванов.

— Я стою на своей земле, — веско сказал подполковник.

Подбежал Моргенштерн, присел за кормой танка.

— Ну? — спросил он на ломаном русском.

— Чего? — не понял Криворучко.

— What the hell is going on?

— Слушай, говори по-нашему, пиндос несчастный, а? — взъярился подполковник. — Чему тебя в твоем драном Вест-Пойнте учили?

— Я буду жаловаться, — четко выговорил Моргенштерн.

— Ага! — обрадовался Криворучко. — Слышу голос не мальчика, но мужа.

Моргенштерн достал из кармана переводчик и принялся нажимать кнопки.

— Покиньте открытое пространство! — железным голосом потребовала электронная машинка.

— Понял, — Криворучко кивнул и поднял мегафон. — Покиньте открытое пространство! — крикнул он в сторону баррикады.

— Сам ты покиньте открытое пространство! Я твоя мама имел! — раздалось в ответ.

Иванов грустно поглядел на командира и сказал:

— Вы бедного пиндоса доведете рано или поздно. Он свихнется, и у нас будут неприятности.

— А не хрена тут! — гордо ответил Криворучко.

Моргенштерн продолжал давить на кнопки.

— Сообщите противнику, что вы действуете согласно мандату НАТО! — сказал переводчик.

— Манда ты! — крикнул Криворучко в мегафон.

— Сам дурак!

— За дурака ответишь, козел!

— А ты за козла ответишь!

— Детский сад, — резюмировал Иванов и закурил.

Моргенштерн высунул из-за танка руку и дернул подполковника за штанину.

— Кто?! Фамилия?! — удивился подполковник. — А, это ты…

— Сообщите противнику, что, согласно Вашингтонскому договору 2013 года, занимаемая им территория должна быть возвращена под юрисдикцию Республики Москва!

Криворучко почесал в затылке.

— Вам перевести, товарищ подполковник? — спросил Иванов.

Криворучко показал ему кулак. Поднял мегафон.

— Значит, так, чурки! — крикнул он. — С вами говорит командующий танковыми войсками Республики Москва подполковник Криворучко! Тут советник от пиндосов уверяет, что

вы обязаны убраться с моей земли добровольно. А вы об этом знаете?!

— Скажи пиндосу — я его мама имел! — попросили из-за баррикады.

— Лейтенант! Переведи!

— Answer is negative.

— Сдается мне, ты не все перевел, — заметил Криворучко.

— Answer is negative and fuck you, — поправился лейтенант.

— Так-то лучше, — согласился подполковник.

Моргенштерн, сидя на корточках, хлопал глазами и качал головой. Потом склонился над переводчиком.

— Сообщите противнику, что, согласно Вашингтонскому договору 2013 года, в случае отказа освободить незаконно удерживаемую территорию, войска НАТО оставляют за собой право расценить отказ как недружественное действие.

— Наконец-то, — Криворучко удовлетворенно крякнул и проорал: — Ну, теперь вешайтесь, чурки!

— Хорош врать! Чего пиндос говорит? — раздалось из-за баррикады.

— Вот это самое и говорит!

— Не может быть!

— Очень даже может! Всем чуркам вешаться согласно Вашингтонскому договору 2013 года!

— Пиндосские свиньи! — взвизгнул бригадный генерал Хухуев.

— Моджахеды не сдаются! — подсказал ему Криворучко.

— Сам дурак!

— Повторяется, — Криворучко улыбнулся. — Занервничал, чучмек.

Иванов скрылся в люке, потом выбрался обратно с пластиковым стаканчиком. Перегнулся вниз, протянул стаканчик подполковнику.

— Кофе.

— А мне? — железным голосом спросил переводчик.

Криворучко от неожиданности подпрыгнул.

— Тьфу, черт, — сказал он, принимая стаканчик. — Сделай пиндосу тоже. Только послабее.

Моргенштерн отстегнул от пояса рацию и что-то в нее забормотал.

— Жалуется, падла, что ему первому кофе не дают, — объяснил Криворучко лейтенанту.

— Может, ему еще туалетной бумаги отмотать? — бросил Иванов презрительно.

— Даже не вздумай.

— И в мыслях не было, товарищ подполковник.

Криворучко допил кофе, вернул стаканчик лейтенанту, дождался, когда снова нальют, и передал мутную жидкость Моргенштерну.

— Ну, что делать-то будем? — спросил он советника. — А? Чего молчишь, пиндосина? Давай, жри наш русский кофеек. Авось подавишься и сдохнешь.

Моргенштерн подавился, облил себя кофе и принялся мучительно кашлять. Подполковник зашел за танк и от души треснул советника кулаком по спине.

— Не сдох, — констатировал он, возвращаясь на открытое место.

Из-за баррикады показалась бритая голова.

— Русские! Скажите пиндосу — договор неправильный!

— Какая разница?! Нам по хрену ваши договоры с пиндосами! Вешайтесь, чурки!

— Вы же войска НАТО!

— А нам по хрену!

— Вы же русские…

— И поэтому нам по хрену!!!

Голова исчезла. Иванов снова курил, разглядывая баррикаду.

— А то стрельнуть разок? — спросил он. — Для острастки.

— Тогда пиндос точно сдохнет. В Вашингтонском договоре про стрельбу ни слова. Там написано, что, как только приходят войска НАТО, все негодяи сами разбегаются.

Моргенштерн за танком чихал и плевался. Иванов курил. Криворучко ждал.

— Эй, русские! — позвали из-за баррикады. — Слушай, ехали бы вы домой, а?

Иванов выматерился и полез в башню.

— Лейтенант! — прикрикнул Криворучко.

Иванов высунулся обратно.

— Ты мне брось эти еврейские штучки, — посоветовал Криворучко миролюбиво.

— Вы бы потом сказали, что я случайно задел спуск.

— Ага, сапогом… Отставить, лейтенант. Спокойнее.

Моргенштерн снова бубнил в рацию.

— Теперь жалуется, что я его ударил, — предположил Криворучко. — Чмо.

Из хвоста колонны прибежал вестовой.

— Товарищ подполковник, идите завтракать.

— Принеси сюда. Мне и лейтенанту.

— Есть.

Моргенштерн закончил общение с рацией и взялся за

переводчик.

— Сообщили ли вы противнику, что войска НАТО оставляют за собой право…

— Уже два раза, — перебил Криворучко.

— Twice, — перевел лейтенант.

— And fuck you, — добавил подполковник. — Ой, блин. Само вырвалось. Я этого не говорил.

Моргенштерн впал в задумчивость.

Пришли бойцы в поварских халатах и шапочках. Через пару минут посреди дороги красовался стол, накрытый белоснежной скатертью и уставленный посудой. Принесли два стула. Иванов слез с брони.

— Что у нас сегодня? — спросил Криворучко, усаживаясь. — Опять яичница? Ладно, ладно. Лейтенант, присоединяйся.

— Русские! — крикнули из-за баррикады. — Водки хотите?

— Точно нервничает, чурка, — подполковник усмехнулся. — Ишь, заигрывает.

Некоторое время ничего не происходило. Офицеры завтракали, Моргенштерн тупо глядел на свой переводчик.

— Русские! А русские!

— Чего надо? — невнятно спросил Криворучко, жуя.

— Вы сколько тут еще будете?

— А у тебя что, намаз? Иди, мажься! Мы тут надолго. Навсегда.

— Вот же свиньи… — раздалось из-за баррикады.

Подполковник запил яичницу огромной кружкой кофе, откинулся на спинку стула и задумчиво оглядел свой живот.

— Кончится война, — сказал он, — займусь спортом. Бегать буду. Каждое утро. Ну, не каждое, но по выходным точно. По воскресеньям.

Моргенштерн вышел из прострации и снова взялся за радиопереговоры.

— А я в деревню уеду, — сообщил Иванов, доставая сигареты.

— Уволишься, что ли? Брось. Между нами, тебе следующая звездочка вот-вот капнет.

— Спасибо, конечно, но… Надоело пиндосам служить. Заведу лучше пасеку, медовуху буду гнать. Вы в гости приедете.

— Ты не пиндосам, а Родине служишь! — заявил подполковник твердо. — Как говаривал товарищ Сталин, Гитлеры приходят и уходят, а русские остаются.

— М-да… — сказал Иванов. И больше ничего не сказал.

Стояло ясное утро. Солнце все выше поднималось над Москвой. Иванов курил, пуская дым в небо. Криворучко неодобрительно щурился на торчащую из-за Кольцевой дороги

бетонную иглу Останкинского минарета.

Моргенштерн издал неясный звук, пытаясь привлечь внимание.

— Что тебе? — спросил Криворучко. — Жрать охота? Увы, совсем ничего не осталось.

— В связи со сложившейся кризисной ситуацией командование дает приказ отступить для проведения консультаций и перегруппировки сил! — объявил переводчик.

— Ну и отступай, — добродушно согласился Криворучко.

Советник прицепил на пояс рацию, убрал переводчик в карман и короткими перебежками ускакал в хвост колонны, к своему «Хаммеру».

— Пиндос, — совершенно без выражения сказал подполковник.

Подумал и добавил:

— Вот ведь послал нам бог дурака. Уж и кормить его перестали, вторую неделю сухпаем давится, а все никак не поумнеет.

Подошли бойцы, начали собирать со стола.

— Слушай приказ, — сообщил подполковник, ни на кого не глядя. — С этой минуты пиндосу кофе ни грамма. Довести всему личному составу.

— Есть.

Бойцы забрали посуду, подхватили стол и удалились.

— Эй! — крикнул подполковник вдогонку. — А узнаю, что кто-то дал пиндосу туалетной бумаги, — разжалую и посажу!

Иванов встал, потянулся, забрался на танк и сказал в люк:

— Завтракать идите.

Из машины полезли заспанные танкисты.

Иванов оглянулся на Москву, посмотрел на Криворучко.

— Ну так что? — спросил он. — Развернем лагерь прямо здесь?

Криворучко закинул ногу на ногу, почесал серую щетину на подбородке и произнес:

— …И назовут это позже «Стояние на реке Москве». Ты готов войти в историю, лейтенант?

— Вляпаться в историю не готов, — быстро ответил Иванов. — А войти — всегда пожалуйста.

Подполковник встал и принялся расхаживать туда-сюда поперек шоссе.

— Русские! — позвали из-за баррикады. — Ну чего вы тут застряли? Почему не отступаете?

Криворучко покосился на лейтенанта.

— Пиндос настучал, — сказал тот. — Зуб даю.

Подполковник заложил руки за спину и хмуро уставился на баррикаду.

— Водки подарим ящик! — крикнули оттуда. — На посошок!

Подполковник щелкнул пальцами. Лейтенант быстро протянул ему мегафон.

— Ну два ящика! — надрывались за баррикадой. — Больше нету, мамой клянусь!

Криворучко задумчиво покачивал мегафоном.

— Два с половиной ящика! Больше точно нету! Только уезжайте уже, Христа ради!

Иванов на башне обидно захохотал.

— Чего-то не нравится мне «Стояние на реке Москве», — сказал подполковник. — Не звучит. И скучно будет смотреться в учебниках. Детям неинтересно такое читать.

— Московская битва? — предположил Иванов.

Криворучко поднял мегафон, направил раструб к баррикаде и рявкнул:

— Эй, чурка! Фамилия!!!

— Два с половиной ящика!.. Бригадный генерал Хухуев!

Криворучко опустил мегафон.

— Спасибо, чурка, — сказал он тихонько. Вернул мегафон Иванову и в ответ на его недоуменный взгляд объяснил: — Не бывает таких исторических сражений, чтобы полководец не знал имени своего врага.

Иванов согласно кивнул и сунул мегафон в башенный люк.

Подбежал вестовой.

— Товарищ подполковник! Там пиндос волнуется. Спрашивает, когда поедем.

— Не поедем, — отрезал Криворучко. — Иди скажи начальнику штаба, что после завтрака я назначил войну с чурками. Пусть готовит приказ. Да, особо отметь — пиндосу об этом знать необязательно.

— Есть! — вестовой просиял лицом и убежал с такой скоростью, что над асфальтом поднялась пыль.

— Гляди, лейтенант, — сказал Криворучко, — как солдат войне радуется. А ты увольняться хочешь.

Иванов опять закурил, смял в кулаке пустую сигаретную пачку и швырнул ее на обочину.

— Может, я передумал.

Из-за баррикады кто-то махал белой тряпкой.

— Московская битва… — мечтательно протянул лейтенант.

— Водки! Два с половиной ящика! — орали за баррикадой. — И бабу! Хотите бабу, русские?! Баба хорошая, не пожалеете!

Криворучко недобро рассмеялся.

— Нет, лейтенант, не битва.

Иванов ждал продолжения. И подполковник сказал:

— Московское побоище.

Солнце поднималось все выше в безоблачное небо над древним русским городом.

Сергей Чекмаев

МЫ ДЕЛАЕМ НОВОСТИ

Мы делаем новости.

Девиз новостных программ телекомпании CNN

Вечерняя смена выдалась скучноватой. Разъездная студийная «десятка» медленно тащилась сквозь привычную вечернюю пробку на Садовом, в салоне тихо мурлыкало «Радио-Ностальджи». Напарник — в этот раз с ним ездил Игорь, изрядный циник и пессимист, — на удивление молчал, лениво покручивая руль, и Кирилл в какой-то момент даже задремал.

И может, так и проспал бы до самого Останкино, если бы не ожил приемник, настроенный на милицейскую «тревожную» волну. Несмотря на свой несколько топорный вид, самодельный «перехватчик» значительно облегчил работу съемочных групп. Теперь, когда они получали вызов одновременно с милицией, спасателями и пожарными, иногда удавалось прибыть на место даже раньше спецмашин. А значит — до оцепления, красно-белых ограничительных лент и тяжелой пожарной техники, зачастую перегораживающей все подъезды к месту ЧП. Можно подобраться вплотную к полыхающему зданию или раскуроченным автомобилям. Камера выхватывает не самые политкорректные, зато редкие и эксклюзивные кадры. Далеко не все удается пустить в эфир, но даже после серьезной редактуры сюжет получается потрясающим.

Вот и сейчас приемник, мигнув индикатором, уловил циркулярное сообщение для экипажей ДПС. Сухой женский голос в шуме и треске помех скороговоркой сообщил:

— Внимание, тридцать девятый и сорок шестой! В двадцать два сорок поступил сигнал: ДТП на пересечении улицы Воронцово поле и Покровского бульвара.

Совсем уж неразличимые на фоне статики экипажи ДПС отозвались почти одновременно:

— Я сорок шестой, застрял у Крымского моста, быстро выбраться не смогу.

— Я тридцать девятый, принял, выезжаю.

Кирилл посмотрел на часы, присвистнул.

— Ого! Еще и пяти минут не прошло! Есть шанс успеть

раньше ментов.

— Если вылезем из этого стойбища. — Игорь мрачно кивнул на застывшее море стоп-сигналов впереди.

— Ты уж постарайся. — Кирилл подтянул к себе камеру, проверил свободный метраж, удовлетворенно кивнул: на сюжет хватало. Камеру он получил совсем недавно, и еще не успел к ней как следует привыкнуть. — А то совсем ничего интересного сегодня.

Сказал — и поморщился. Вот уж действительно не зря та старушка на пожаре обозвала их стервятниками. Чужое горе, боль, кровь, а иногда и смерть для разъездной группы программы «Тревожный вызов» давно стали обыденностью. И чем ужасней авария, чем разрушительней взрыв и сильнее пожар, тем лучше для них. Обыватель в теплом уютном кресле любит смотреть ужастики, в глубине души радуясь, что все это случилось не с ним. А значит, поползет вверх рейтинг родного «Тревожного вызова», замороченный и вечно усталый выпускающий редактор Антон сдержанно похвалит именно их группу.

Раньше Кирилла возмущала привычка телевизионщиков тыкать камерой в искаженные болью лица пострадавших, жадно шарить объективом по обгорелым стенам квартир.

А теперь вот привык. И уже сам, не слишком задумываясь о смысле слов, автоматом делит сюжеты на «интересные», «средние» и «отстой» по количеству трупов и искореженных авто.

— Ну что, рванули? — Кирилл весело кивнул напарнику, щелкнул выключателем спецсигналов. Над головой полыхнули оранжевые блики, упали на асфальт, лизнув немытые борта соседних машин.

Игорь изящно подрезал груженую и неповоротливую «Газель», прорвался в крайний левый ряд и прямо через двойную черту нырнул в темный зев какого-то переулка. Позади возмущенно ревели клаксоны.

— Ух! — сказал Кирилл. — Круто. Смотри только, чтобы по нам не приехали сюжет снимать.

— Сам просил. Или соблюдаем правила и стоим в пробке, или… — машина подпрыгнула на незаметной выбоине, Игорь выругался и после паузы закончил: —…играем в гонки на выживание.

Машина один за другим пролетала узкие московские переулки, ревел двигатель, визжали покрышки, а Кирилл то и дело хватался за ручку над дверью. Камеру он прижимал к груди, как родное дитя.

На место они прибыли первыми. По крайней мере, раньше милиции.

Посреди перекрестка раскорячилась длинная, как атомный крейсер, «вольво» со смятым задним крылом. Метрах в пяти отброшенная сильным ударом «девятка» приткнулась бампером в тротуар, уныло подмигивая единственным уцелевшим поворотником. Весь передок вазовской машины смялся в гармошку, крышка капота нелепо задралась вверх. Водитель, судя по всему, был без сознания — на переднем сиденье скорчилась, навалившись на руль, неподвижная фигура. Около машины суетились двое случайных прохожих, пытаясь отогнуть покореженную дверь. Солидный господин с немалым брюшком у дверей «вольво» скучающе созерцал беспокойную возню вокруг, время от времени бросая в мобильный телефон короткие фразы. У заднего колеса иномарки куталась в тоненькую дубленку блондинка на немыслимых каблуках.

Игорь съехал к обочине, припарковался. Мизансцену на перекрестке осветили оранжевые всполохи. Добровольные помощники и блондинка обернулись, ожидая увидеть милицию.

— Смотри, — заметил Кирилл. — Толстяк из «вольво» и ухом не ведет. Как думаешь, не считает себя виноватым или на страховых адвокатов надеется?

— А ему что? Сейчас менты приедут, он им на лапу даст — и в протокол все как надо запишут. Бедняга из «девятки» еще и должен окажется. По гроб жизни.

— Ладно, пойдем побеседуем с этим деятелем. Может, чего интересного узнаем.

— Смотри, как бы он камеру не разбил.

— Не боись, прорвемся.

Кирилл вылез из машины, издалека заснял место ДТП, потом, подойдя поближе, дал крупный план повреждений, ткнул объективом почти в стекло «девятки», запечатлев окровавленный затылок водителя. В этот момент добровольные помощники как раз смогли отжать дверь. Первый — невысокий бородач профессорского вида — приложил два пальца к шее пострадавшего.

— Пульс есть! Аптечку бы…

Второй обернулся к водителю «вольво».

— У вас есть аптечка?

Господин, не прерывая разговора, неопределенно пожал плечами.

— Есть, есть, — быстро проговорила блондинка, — должна быть. Юрик, где она?

Она приоткрыла дверь машины и несколько мгновений копалась внутри. Кирилл смерил камерой модельной длины ноги, усмехнулся про себя.

— Где же она? Юрик, ну посмотри же сам!

— Оставь, Анжела. — На мгновение снизошел на бренную землю толстяк. — Без нас разберутся.

— Сами найдем, — сказал Кирилл и крикнул: — И-игорь! Неси аптечку.

Девушка и прохожий побежали навстречу, оставив Кирилла наедине с водителем «вольво».

— Простите, вас Юрием зовут? — спросил Кирилл и, не дожидаясь ответа, продолжил: — ПраймТВ, программа «Тревожный вызов», ночной эфир. Не хотите сказать пару слов о происшедшем?

— …да, да, знаешь, тут появился парнишка с камерой… говорит, что с телевидения… что? А, какой-то «Тревожный вызов»… да… и что ты посоветуешь? Угу, угу… Да что я, звезда телешоу какая-нибудь?! Может, мне ему интервью дать?! Ты считаешь… Ну хорошо, хорошо. После перезвоню. — Юрий закрыл трубку, спрятал в карман, надменно смерил Кирилла взглядом с головы до ног: — Вот что, мальчик. Я тебе сейчас расскажу, как все было. Но чтоб в эфир пустили дословно! Ничего не резать! Понял? А то знаю я вас…

«Ага, счаз, — подумал Кирилл. — Разбежался. Ты сейчас будешь полчаса рассказывать, какой ты доблестный почитатель Правил дорожного движения, а мы должны на всю эту галиматью время тратить? Да хрен!»

— Это не от меня зависит, решение принимает выпускающий редактор. Но самое главное — ваша точка зрения — останется, обещаю. Да и менты могут на разборе нашу запись попросить, раз уж мы раньше их приехали.

«Соображай, дядя! У тебя есть шанс показания зафиксировать. А то мало ли что…»

— Ну хорошо, — кивнул Юрий, — уговорил. Включай свою технику.

— …Значит, он спокойно себе поворачивал на зеленый свет, а тут — откуда ни возьмись, бац! — «девятка» бьет его в заднее крыло. — Выпускающий редактор программы развернулся в кресле и посмотрел на Кирилла.

— Антон, ты ж сам все видел! Он минут десять меня грузил. Уже и менты приехали, а этот все не умолкает.

— Понятно. Кто он — выяснил?

— А то! Юрий Подгорелый, замдиректора финансового холдинга «Росфинтраст».

— Крутой дядя?

— Средней крутизны. Но проблемы может устроить.

— Хм… Ладно, а менты что говорят?

— На камеру… — глумливо хмыкнул Кирилл, — …по предварительной версии в аварии виноват водитель автомашины «ВАЗ-2109». Подгорелый им, похоже, прямо на месте заплатил.

— А без камеры?

— Без камеры там и слепому ясно. «Вольвешник» на красный ломанулся, думал проскочить. Ну и…

— Что со вторым водилой?

— Скорая минут через десять приехала, мы еще на месте были. Врач — правильный мужик — перед объективом не стушевался, все четко сказал. Там дальше есть, ты просто не досмотрел. Сотрясение мозга, переломы грудных позвонков, голени, а возможно, еще и трех или четырех ребер. Я потом в Склиф звонил, выяснял, так у него еще и разрыв селезенки. Не повезло бедняге…

— Да уж… Ладно, материал сдай в монтажку, сейчас можешь отдыхать. — Антон проводил Кирилла взглядом, крикнул вдогон: — Послезавтра утром — твоя смена, не опаздывай.

***

Кирилл естественно опоздал — Катька задержала, попросила с утра помочь привезти из универа какие-то книжки. Доставка затянулась, они едва не поругались, а на работе Кирилл получил выволочку еще и от Антона и, чтобы избежать сурового редакторского гнева, рванул в город. Денек оказался насыщенным. Сначала ДТП на Волоколамке — панелевоз не поделил полосу с «пятеркой». Без жертв, но легковушку теперь — только на металлолом. Убийство во вьетнамском торговом центре, сигнал о бомбе в здании магазина «Перекресток», оказавшийся, как обычно, фикцией, снова ДТП, на этот раз в Перово… Группа металась по Москве, как заведенная, снимая и снимая сюжеты. Правда, сегодня Игорю ни разу не удалось поспеть на место происшествия раньше ментов, поэтому материал вышел не очень. Из-за спин оцепления особо не поснимаешь, а милицейские старлеи и майоры обычно не слишком разговорчивы. Промямлят в объектив десяток слов, а потом пошлют. Хорошо, если к пресс-секретарю, который и сам обычно не блещет ораторскими талантами, бродя по бесконечному кругу скучных протокольных фраз: «…произошел наезд… при проведении оперативно-следственных мероприятий… по предварительной версии причиной произошедшего ДТП явились… сотрудники правоохранительных органов».

Около пяти часов поступил очередной сигнал. На этот раз от пожарных — горела частная сауна на Лосиноостровской.

— Может, не поедем? — спросил Игорь. — Все равно

первыми не успеем. Опять скучный дым за полкилометра снимать, да бравого пожарного чина какого-нибудь, что ни в противогаз, ни в каску рожей не влезает.

— Поедем. Кто его знает, что там за сауна? А вдруг — поджог? Глядишь, разборки какие всплывут, передел территории…

Добирались больше часа. Кирилл уже и надеяться перестал.

— Игорек, прибавь, а? Не то мы к шапочному разбору приедем.

— Стараюсь.

Как оказалось, Кирилл опасался зря — когда они прибыли на место, тушение еще не закончилось, хотя открытого огня нигде не было видно. Сработанное в древнерусском лубочном стиле здание сауны курилось сизым дымком, на крыше возились несколько пожарных, отдирая почерневшие кровельные листы. Обугленные поленья сруба шелушились чешуйками сгоревшей краски, из сорванной двери валил густой дым вперемешку с паром. Два бойца с длинным брезентовым рукавом методично поливали стены, метр за метром. Пожарные цистерны взяли дымящиеся останки сауны в кольцо. Впереди, как Чапаев на лихом коне, замер такой же ярко-красный «уазик» с номером «37» на борту.

Плотного сложения офицер — погоны так сразу и не разглядишь за навьюченным дыхательным ранцем — удовлетворенно созерцал работу своих подопечных. На груди у него болтался переговорник рации.

— Ну вот, — сказал Игорь, — я же говорил: бравый пожарный чин. Смотри какой — слуга царю, отец солдатам.

— Не зубоскаль. Мужик свою работу делает. Сейчас мы его про-ин-тер-вьюируем. — Последнее слово Кирилл произнес с расстановкой, с каждым слогом пощелкивая на камере какими-то кнопками.

— Ну-ну…

Увидев прессу, командир слегка поморщился: не люблю, мол, ваше племя!

Кирилла подобной реакцией запугать было сложно. Тем более что погоны офицера оказались всего лишь майорскими — не бог весть какая шишка. Не часто, небось, в телек попадает. Ну, вот и ему выпал шансик. Вечером всех знакомых обзвонит, заставит ночной эфир смотреть. Как же — меня в телевизоре покажут! Интервью возьмут! И не в идиотском шоу «Спокойно, вас только что выставили полным дураком и сняли на камеру», а во время работы, на фоне дымящейся развалюхи.

Еще и благодарить будет. Слава, даже сиюминутная, —

сладкий наркотик.

— Добрый день. ПраймТВ, программа «Тревожный вызов». Товарищ майор, не могли бы вы рассказать, как проходит тушение?

— Возгорание не очень сильное, площадью метров сорок-пятьдесят, пожару присвоен сначала второй, а чуть позже — третий уровень сложности. На тушение прибыли четыре автоцистерны с экипажами. Примерно через пятьдесят минут огонь удалось локализовать.

— Экипажи столкнулись с какими-либо трудностями при ликвидации возгорания?

«Тьфу ты, черт, вот и я этим протокольным языком заговорил!»

Майор сдвинул на затылок каску, отер пот брезентовой рукавицей, отчего на лбу остались две сажевые полосы. Кирилл немедленно поймал их в объектив — сказка, а не типаж!

— По сообщению сторожа, — пожарный кивнул на понурую фигуру, что притулилась у капота одной из цистерн, — в момент возгорания внутри здания находилось несколько человек. Поэтому бойцам пришлось войти в здание до окончания тушения, чтобы спасти людей. Очень мешало сильное задымление, лишь через двадцать минут после нашего прибытия удалось найти комнату, где находились пострадавшие.

Кирилл навострил уши, как хороший охотничий пес.

— …в комнате находились два человека с небольшими ожогами и признаками отравления угарным газом.

«Ну, майор, рожай, не тяни!»

— …оба доставлены в реанимацию. Один в критическом состоянии, другой в тяжелом.

Сюжет получился неплохой. Майор оказался человеком обстоятельным, знающим свое дело, правда несколько недалеким. Кроме того, ему нравилось красоваться перед камерой. Он еще долго распинался перед Кириллом, рассказывал в чем, по его мнению, причина возгорания:

— …дерево не обработано противопожарным составом, а из-за постоянной смены температур оно коробится, высыхает и может вспыхнуть даже от одной искры. Скорее всего, виновата неисправная проводка или неосторожное обращение с огнем — у них там внутри камин.

После того, как огонь был окончательно потушен, майор даже разрешил войти внутрь, поснимать вспученный пол, обугленные балки, копоть на стенах, расколотый кафель в душевой и черные хлопья сажи на выгнувшихся горбом полках.

— …вот здесь их и нашли. Одного — на нижней полке, а

второго — в этом углу. Он, похоже, пытался выйти, обжегся и вернулся назад. Именно его в критическом увезли.

— Куда, не знаете?

— Первого в сорок седьмую больницу, а второго — в ожоговый центр Склифа. Фамилия у него… — Майор прищелкнул пальцами. — Если б не ситуация, я бы назвал ее смешной. Очень подходит — Подгорелый.

Антон выпрямился в кресле:

— Как умер?

— Умер, не приходя в сознание. Майор этот, Ковальчук, сказал же, куда его увезли. Мы даже до Склифа не успели доехать — я прозвонился в справочную, и мне сразу все сообщили.

— Ты хочешь сказать…

— Угу. — Кирилл отстранено смотрел в окно. Пальцы беспокойно теребили застежку куртки. — Это именно тот самый, позавчерашний, Юрий Подгорелый, замдиректор «Росфинтраста».

— Дикое совпадение! Бог мой!

— Знаешь, я тут подумал, может сделать общий сюжет? Типа судьба настигла олигарха! Сначала авария, где он вполне мог погибнуть, если б выехал на перекресток секундой позже. Принял бы тогда «девятку» в лоб. Спасся чудом. Но неумолимая судьба, — Кирилл старался говорить весело, ерничал, стараясь скрыть растерянность, — настигла его. Пожар в частной сауне поставил точку в карьере финансиста.

Антон зачарованно следил, как Кирилловы пальцы щелкают застежкой. Открыли — закрыли… щелк-щелк…

— Не стоит. Родственники засудят потом. Да и вообще неизвестно, в какой среде он крутился, может там бандюки через одного. Приедут, камеру разобьют, машину, да еще и покалечат вдобавок. Нет уж. Доживем до старости спокойно.

Кирилл вздохнул.

— Как скажешь…

— Поработали сегодня хорошо, двигай домой. Записи я сам отнесу.

— Слушай, Антон, можешь мне выходной дать, а? До пятницы?

— Сейчас — нет. Извини, Кирилл, но только в конце месяца, когда Наташа с больничного выйдет. Не могу же я две оставшиеся смены гонять через раз.

***

Следующую ночную смену Кирилл оттрубил на автопилоте. Если бы не добрая и отзывчивая Катька, хлопотавшая над ним весь вечер, как любящая мать, он бы хандрил раз в пять сильнее.

С чего? Он и сам не знал. Вроде бы за пять месяцев работы уже давно пора привыкнуть к чужой крови, трупам, смерти. Журналист, особенно такой программы, как «Тревожный вызов», что-то вроде патологоанатома — он не лечит и не спасает, он просто констатирует неизбежный факт. Часто последний факт чьей-то жизни.

А тут вдруг стало не по себе. Получил, что называется, наглядное доказательство бренности бытия — совсем недавно человек ходил, разговаривал, строил какие-то планы… А теперь его нет. Совсем нет. Осталась только запись, где он вполне живой и здоровый, вальяжно разговаривает с ним, Кириллом. А ведь так может произойти с кем угодно. В любой момент.

Спасибо Катьке, что не стала по извечной женской привычке допрашивать: «Ты чего такой грустный?», «Неприятности? Расскажи!» — а просто, как смогла, постаралась исправить ему настроение. Может, не слишком изобретательно, но все же. Куда как лучше, чем сидеть весь вечер наедине с невеселыми мыслями.

Ночью Кирилл снова колесил по городу в паре с Игорьком. Привычная круговерть: Пражская, ДТП; Котловка, пожар; Кунцево, попытка самоубийства; Выхино, задержание мошенников и нудная лекция пресс-секретаря местного ОВД о том, что «не стоит доверять первому встречному»; потом Ордынка, снова ДТП…

Как, наверное, чудовищно смотрится со стороны слово «привычная». Как можно привыкнуть к людскому горю, боли, к желанию обогатиться за счет других? Как?

Но ведь можно. И не только привыкнуть, но еще и жалеть, что денек сегодня неурожайный — сюжетов много, но все без жертв. Где-то в глубине души загнанное в подвал человеческое сострадание наоборот требует радоваться: все обошлось, никто не погиб. Но… сострадание — это так непрофессионально.

Утром Кирилл сдал материал Антону и поехал домой — отсыпаться. Катька вернется из своей аспирантуры только в восемь, лучше проспать до вечера. Проглотить пару таблеток феназепама — и спать. И ни о чем не думать.

Во сне невыносимо верещала милицейская сирена. Знакомая до последней царапины студийная «десятка» куда-то мчалась, сталкивая в кювет белые машины с синей полосой. Но противный звук все не унимался.

Просыпаться не хотелось. Кирилл приоткрыл глаза и сразу же зажмурился от яркого света — вечер еще не наступил.

«Интересно, сколько времени?»

Сирена из сна вопила где-то совсем близко, над ухом.

Только через полминуты Кирилл понял: на прикроватной тумбочке надрывается телефон.

— Алло?

— Кирилл, спишь? Просыпайся.

— Антон? Господи, в чем дело? Сколько времени?

— На моих — три сорок, но это не важно. Давай просыпайся и срочно дуй сюда.

— Зачем? Что-то случилось?

В трубке воцарилась тишина, только слышно было, как где-то далеко щелкает неведомое телефонное реле. Антон молчал.

— Да не молчи! В чем дело?

— Олег с Лехой привезли сюжет: при тушении пожара погиб майор Станислав Ковальчук.

— Как это произошло?

— Вот, смотри. — Антон воткнул в паз кассету, несколько раз крутанул верньер. На экране замелькали полосы быстрой перемотки. — Здесь.

В кадре серой громадой возвышался замшелый перрон какой-то товарной станции — видимо, снимали снизу, с путей. Вдаль тянулись чуть тронутые ржавчиной рельсы, молодая весенняя травка весело пробивалась сквозь почерневшие шпалы.

Потом камера развернулась на сто восемьдесят градусов и в объектив попали курящиеся остовы вагонов, покореженные рельсы, полотно, будто бы расплесканное во все стороны взрывом. Недалеко от путей стоял кирпичный пакгауз с годом постройки «1959» над широкими въездными воротами. Обращенная к полотну стена зияла выщербленными кирпичами, грязно-бурые кляксы испятнали ее.

— Загорелась цистерна с удобрениями длительного хранения, — сообщил Антон. Покрутил верньер еще немного вперед, пока в кадр не попала окровавленная пожарная каска. — В принципе, знали, что она может взорваться, но огонь вроде бы локализовали быстро, потушили даже. Майор Ковальчук руководил операцией. Когда пламя погасло — вместе с одним из бойцов расчета решил проверить, что и как. Тут-то цистерна и рванула. Майор впереди стоял… В общем, он погиб сразу. Второй — в реанимации с баротравмами. Говорят, выживет.

Кирилл с трудом нащупал за спиной стул, сел, бездумно уставился на экран, где на паузе чуть подрагивала каска майора Ковальчука. Казалось, она шевелится. Как живая.

— Вот так, — проронил Антон через пару минут. Просто чтобы сказать хоть что-нибудь. Молчание становилось невыносимым.

— И что ты думаешь?

— Не знаю, Кирилл. Ничего я не думаю. Двух таких

совпадений подряд не бывает.

— А что же тогда?

— Хрен его разберет! Знал бы ты, как надоела мне вся эта мистика!

Слухи по редакции ходили всякие, Кирилл пару раз слышал краем уха про какую-то историю с очевидцем, но подробностей не знал. А сейчас спрашивать не хотелось. И так на душе погано донельзя.

— Делать что будем, а? — спросил он жалобно.

— Значит так. — Антон хлопнул ладонью по столу. — Никаких теорий. Никаких гениальных идей и новых сюжетов. Просто делаешь свою работу, ясно? А я на досуге помозгую.

Кирилл не спорил: начальству виднее. Теорий у него, конечно, набралось вагон и маленькая тележка, но все они нуждались в проверке.

А через две смены случилось то, чего Кирилл боялся и запрещал себе даже думать об этом. Задержанный преступник, налетчик из реутовской банды, завладел оружием конвойного и попытался бежать из-под стражи. В перестрелке получили повреждения двое милиционеров, преступник убит.

Только список жертв на этом не заканчивался. От пулевого ранения в грудь через шесть часов скончалась в больнице пресс-секретарь ОВД «Выхино». Та самая, что чуть больше недели назад долго и нудно вещала в камеру о недопустимой доверчивости наших граждан.

Собственно, на этом перебор безумных теорий закончился не начавшись. Кирилл теперь точно знал, кто виновник этих странных и страшных совпадений.

Камера.

Один за другим гибли люди, попавшие в объектив именно этой, новой, камеры на длительное время. Причем крупным планом, то есть при максимальном увеличении.

Наверное, бесстрастный исследователь еще долгое время ставил бы опыты. Сколько времени, проведенного перед объективом, смертельно для человека? На каком увеличении фатальный исход становится неотвратимым? Есть ли исключения?

Кирилл даже не думал об этом.

В следующую смену он снимал с максимальной осторожностью, стараясь не задерживать камеру надолго на одной точке, а по дороге в Останкино попытался осторожно изучить ее.

— Что ты копаешься? — поинтересовался Игорь, разглядывая его манипуляции в зеркальце заднего вида.

— Да вот, — не моргнув глазом ответил Кирилл, — барахлит что-то.

Ничего сверхъестественного, да и просто необычного, он не нашел. Разве что неприятный холодок, пробежавший по спине, когда, вертя камеру в руках, он случайно встретился глазами с непроницаемо-черной линзой объектива.

«Бр-р-р-р! Такое ощущение, словно заглянул в пистолетное дуло!»

Камера, бетакамовская рабочая лошадка, досталась Кириллу от предшественника, мрачноватого неразговорчивого типа, которого все в программе откровенно побаивались. Говорили, что поначалу Глеб — так звали прежнего оператора — показался коллегам разбитным весельчаком. Его непритязательные, но на удивление всегда приходившиеся к месту шутки, густой сочный бас, вкупе с харизматичной бородой закрепили за Глебом славу «своего в доску» — настоящего рубахи-парня. А потом случилась какая-то не очень приятная история во время выезда на серьезное ДТП. Что там было — никто толком не знает, версий миллион, вплоть до откровенно фантастических, но с того дня Глеба будто подменили. Он появлялся в студии мрачнее тучи, перестал общаться с коллегами, кроме как по делу, легко раздражался, рычал на всех по поводу и без. Постепенно многочисленные ранее друзья, постоянно натыкаясь на приступы глухой злобы, отступились, решив, что в жизни Глеба произошло какое-то несчастье. Не прошло и двух месяцев, как он уволился.

Вечером Кирилл пришел к Антону с отснятым материалом. Встретив взгляд выпускающего редактора, он покачал головой. Такой вот странный завелся у них ритуал: один молча спросил, нет ли снова *необычных* совпадений, второй так же молча ответил.

Отчитавшись, Кирилл пожаловался:

— Камера — барахло, сыпется вся. Сегодня два раза пленка заедала. Да и линзы малость разошлись. Напиши, чтобы выдали другую.

Антон встрепенулся.

— Ты думаешь, это камера?

— Что? — Кирилл изо всех сил старался ничем себя не выдать. — Нет, что ты! Камера и в самом деле барахлит. Вон Игоря спроси. Пока от сюжета до сюжета едем, только и делаю, что с ней вожусь.

— Хорошо, я позвоню, чтобы тебе выдали другую. А эту спишем. Я тебя правильно понял?

— Так точно, командир! — Кирилл повеселел. — Разрешите идти!

— Иди уж. Кате привет.

— Обязательно.

Прошел месяц. Версия Кирилла оправдалась полностью — новая, с иголочки, «сонька» исправно пахала на съемках сюжетов, и ничего необычного за ней замечено не было. Программа «Тревожный вызов» отхватила на телевизионном конкурсе очередную бронзовую цацку, по какому случаю Антон выписал всем экипажам премию. На которую Кирилл с Катькой загудели в любимом подвальном ресторанчике на «Спортивной».

— Кир, а Кир. — Девушка изящно промокнула губы салфеткой. — Пузо мы набили. Может, теперь прогуляемся? А то неохота домой ехать…

— Леди, вам отказать невозможно!

Поднимаясь по Университетскому проспекту, они часто останавливались: Катька изображала игривую кошечку, и ей то и дело хотелось целоваться.

— Знаешь, — сказала она вдруг, — у тебя очень странные глаза.

— Маленькие, злые и красные? Как у вампира? — усмехнулся Кирилл.

— Нет. Добрые и красивые… Но, если смотреть в них долго, начинает кружиться голова и все плывет.

Кирилл приосанился.

— А то! Я же опытный ловелас. Попала ты, Катька. Девчонки теряют голову, едва только взглянут на меня.

Они переглянулись и рассмеялись.

Катя легонько щелкнула его по носу.

— Эх ты, Казанова! Пойдем лучше в ГЗ, на смотровую площадку, там такой телескоп поставили — всю Москву можно увидеть.

Конечно, так сразу в ГЗ — главное здание МГУ — они не попали. В университетских аллейках много темных углов и переходов, есть где скрыться от посторонних глаз.

Наверное, только часа через два они выбрались на освещенную площадь перед величественным шпилем МГУ. Сейчас здесь было пустынно — роллеры и скейтеры не раскатывали мокрый весенний асфальт, и даже свадебные лимузины куда-то пропали.

Катька потащила Кирилла к главному входу.

— Пойдем скорее!

— Да нас охрана не пустит.

— Пустят, у меня аспирантский пропуск, забыл?

Действительно, замороченный бешеным круговоротом

студентов охранник, даже не взглянул на Катькину корочку, просто махнул рукой: идите, мол. Лифт, набитый веселящейся толпой, долго полз вверх по-черепашьи, останавливаясь чуть ли не на каждом этаже.

Наконец в окошечке загорелось: «32». Катька скомандовала:

— Выходим. — И, не давая ни секунды передышки, побежала по коридору.

Кирилл в изумлении крутил головой по сторонам: на тридцать втором этаже он не был еще ни разу.

— Кира-а, давай быстрее, что ты там застрял. Да не смотри по сторонам — там геологический музей, он все равно сейчас закрыт. Иди лучше сюда.

Смотровая площадка оказалась небольшой — человек на десять. Катька победно указала рукой куда-то вперед.

— Видишь? Совсем недавно поставили, такие же, как внизу, а видно втрое дальше. Здорово, да?

На возвышении у гранитных перил стоял, раскорячив треногу, солидный бинокуляр, в сумерках больше похожий на боевого дроида из голливудских блокбастеров.

— У тебя монетки есть? Доставай.

Кирилл порылся в карманах, нашел целую горсть мелочи.

— Ура! Здорово! Бросай сюда.

Щель жадно заглотила глухо позвякивающие монетки. Катька поцеловала Кирилла и прильнула к окулярам.

— Ух ты!!! Кира, тут такое увеличение! Даже номера машин можно разглядеть! Ну-ка, подожди… Я хотела тебе кое-что показать… — Она нетерпеливо крутила колесико настройки, слегка поворачивая бинокуляр то вправо, то влево. — Вот! Смотри! Это новый аквапарк, помнишь, я тебе говорила.

Кирилл посмотрел. Сначала ничего не было видно, кварталы и улицы расплывались темными пятнами, но стоило немного подкрутить резкость, как совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, взметнулся вверх китовый хвост — крыша недавно построенного аквапарка.

Антон Соловьев

ЗДЕСЬ НИКОГО НЕТ

Будильник прозвонил ровно в шесть тридцать. Я нехотя поднялся с постели и отключил его. Идти никуда не хотелось хотя бы потому, что я точно знал — идти было некуда и незачем. На кухне уже кто-то хлопотал. Скворчала сковорода, слышался звон посуды. Я пошел в ванную и умылся.

— Привет, дорогой!

— Здравствуй… — произнес я, едва не перейдя на вы. Прошло уже столько времени, а я так и не привык к тому, что после своей очередной смерти вижу новых людей и, естественно, не могу их узнать.

— Ты вчера отличился. — Та, что в этот раз была моею женой, призывно посмотрела на меня и улыбнулась.

— Может быть. — Я состроил подобие улыбки. Хотя за столько-то раз мог научиться улыбаться более правдоподобно. Но отражениям было все равно, поэтому я старался только в самом начале.

— Когда вернешься?

— Как всегда. — Я сказал это лишь по привычке — можно было промолчать: от этого спектакль, в который раз сыгранный исключительно ради меня, не менялся.

Я шел по улице, которую никогда не видел, и тем не менее она казалось мне ужасно знакомой. Ноги сами собой несли меня, словно я просто наблюдал все это глазами героя какого-нибудь кино. Прохожие здоровались со мной либо просто кивали мне головой. Как и всегда лица казались мне одновременно известными и неизвестными. Я добрался до ступенек, ведущих под землю, и стал спускаться вниз, сжатый со всех сторон толпой. Затем я оказался в поезде, мчащемся куда-то по бесконечным тоннелям. Я знал, куда он едет. Знал, на какой станции мне следует выйти и сесть в другой поезд. После этого мне предстояло проехать еще две остановки.

Я покинул вагон и встал на лестницу, самостоятельно несущую меня вверх. Вниз стремилась такая же лестница, и по ней двигалось множество народа. Лица. Молодые и старые, грустные и веселые, влюбленные и ненавидящие. В это было трудно поверить, но тем не менее все эти лица были просто-

напросто масками Города.

В этом было что-то обидное. Ведь жизнь сама по себе прекрасная штука. А прожить ее множество раз было не таким уж и плохим занятием. Вечная жизнь — разве не об этом мечтали многие фантасты. Но это была не просто жизнь — это был спектакль, в которым единственным актером был я, а все остальное было декорацией.

Все повторялось сначала. Значит, в прошлый раз я снова сказал не те слова. Господи, что я только не просил, как не умолял…

Сегодня снова будет новолуние. Первое новолуние в новой жизни, и у меня в запасе очень много времени, для того чтобы еще раз подумать над тем, что следует сказать произнести, стоя перед границей, разделяющей Город и мою прежнюю жизнь.

Дорогу до своей конторы я нашел довольно легко. Я знал, куда мне надо идти.

В этот раз мне повезло гораздо больше. Я был начальником, хотя и не очень крупным, имел в подчинении отдел из полутора десятка человек. Чем он занимался, я не очень представлял и ухитрялся продвигаться по служебной лестнице особо в это не вникая. Самым главным здесь, как я давно уже понял, было хвалить тех, кто был старше по должности, и все время унижать и оскорблять тех, кто был ниже. Только так можно спокойно дождаться следующего полета к границе Города.

Подобные принципы осваивались мною очень долго. Сначала я просто старался жить как все, нередко скатываясь до нищеты. От меня отворачивались друзья, которых я первое время считал живыми людьми. От меня уходила жена, которую я тоже считал настоящей, хотя даже мои дети, как я в последствии понял, были всего лишь отражениями. Отражениями Города, и больше ничем.

Как жаль, что после собственных похорон я воплощался в том же возрасте, в котором в реальности попал в Город. Был бы помоложе, и мои шансы на местную революцию были бы гораздо больше. Впрочем, я и так это не раз пробовал. Я собирал тайные кружки и рассказывал им, что за границей Города нет ничего, там — пустота, а за пустотою лежит мой мир, и он, в отличии от Города, реален. Он тоже не совершенен, но зато там обитают живые люди. Я говорил им, что они лишь отражения, которое играют для меня спектакль. Потом я долго находился в больнице. Меня навещало отражение, которое звалось моей женой. Она приносила фрукты, читала вслух газеты.

А потом за мной пришли те, кого не смогли поймать. И мы подняли мятеж. Я, единственный живой в Городе, и его

отражения, которые, как мне тогда казалось, действительно поверили мне. И я увидел Город в огне, разгромленные дома и конторы, грязь, крики. Я тоже что-то кричал на руинах взорванного постамента. А вокруг бесновалась толпа. Люди, которые так и не смогли понять, что они всего лишь отражения Города. В этот момент им было важно совсем другое. Толпа поняла, что можно грабить тех, кто богаче, убивать тех, кто беспомощен перед ней. И поэтому отражения скандировали мое имя. Они кричали, что я сильнее Бога. Я смеялся. Но не от радости, а от горя. А потом из толпы вылетел булыжник и попал мне в голову.

Я помню похороны, яркие огни факелов, так как в неразберихе кто-то поубивал сотрудников электростанции. Я навсегда запомнил лицо того человека, который убил меня, а потом поддерживал крышку гроба, когда меня несли по улицам Города.

После пышных похорон я совершил очередной полет к границе Города. За несколько минут я с высоты птичьего полета увидел разрушенные здания, окровавленные трупы и пьяных людей, разгуливающих по улицам. Когда я подошел к границе, мне было нечего сказать. И я снова вернулся… Вернулся, чтобы в который раз начать все сначала. Я еще несколько раз пытался совершить революцию в Городе, пока не осознал всю бессмысленность этой затеи.

* * *

С работы я постарался выбраться пораньше. Надо было познакомиться с новой женой. Вернее с новым отражением, которое отныне на несколько десятков лет будет зваться моей женой. Она оказалась довольно скромной и практичной женщиной. Никаких особых требований ко мне у нее не было. Жена как жена. С этим в Городе мне всегда везло. Хотя всегда казалась странным, почему они не видят, что я совсем другой.

После ужина я прилег на диван и, повернувшись на бок, стал размышлять. В прошлый раз я тоже был клерком. Только рангом помельче. Остальное было таким же. Сейчас некоторое время я буду осматриваться, затем выберу себе друзей, вернее те отражения Города, которые будут мне менее противны, и заживу спокойной жизнью до тех пор, пока снова не увижу свои похороны, а затем стремительно несущийся подо мной Город. Тогда у меня будет несколько мгновений, чтобы сформулировать мое требование к Городу. Это своеобразный пароль, ключ,

который при правильном использовании способен открыть дверь и выпустить меня на свободу. В мир, по сути ничем не отличающийся от этого, только люди там настоящие. Да, там тоже есть равнодушные и довольно много недовольных, в том числе и я. Но там живые люди, такие же как я, а здесь я совсем один.

И в который раз я стал вспоминать… Вспоминать историю, которая за множество жизней в Городе стала для меня легендой…

Пока ставили палатку и разводили костер, на степь опустилась ночь. Андрюха лениво перебирал струны, наигрывая какой-то знакомый мотивчик. Виталик помешивал кашу. Я же рылся в своем рюкзаке, разыскивая фляжку с коньяком.

— Ну что, нашел? — спросил Виталик.

— Ага. — Я поболтал флягой, и в тишине этот звук прозвучал особенно выразительно.

— Тогда иди сюда. Скоро каша сварится.

Фляга пошла по кругу. Пили прямо из горлышка, как заправские туристы. Хотя, честно сказать, на природу мы выбираемся не так уж и часто. Кто бы знал, каких трудов мне стоило уговорить Виталика взять с собой палатку, а не спать, как обычно, в машине.

— Ну, за удачные выходные! — Я сделал большой глоток и передал флягу Андрюхе.

— Мужики, готовьте тарелки. Сейчас узнаете, какой из меня кулинар, — улыбнулся Виталик.

Каша оказалась очень вкусной. Да и не могло быть иначе на свежем воздухе, когда тело приятно согревает коньячок, а над головой звезды. Их было так много, что между ними нельзя было вставить даже мизинец.

— Все-таки надо было ехать на озеро, — сказал Андрюха, после того как опустошил свою тарелку, — порыбачили бы.

— Да успеем еще. — Виталик был сегодня в хорошем настроении. И к тому же испытывал огромную гордость за свою нехитрую стряпню. — Давайте лучше поговорим, когда еще доведется.

— Во-во, — поддержал я его. — Вот ты скажи, кто были наши предки?

— Славяне, понятное дело. А потом еще с татарами во времена ига перемешались.

— Не только. Здесь было много племен. Еще до татар. Скифы, сарматы. Представляешь, племена со своим языком, своими богами, свои песнями и одеждой. Стони лет назад они так же сидели у костра, любовались звездами, а потом ушли по Великой

степи, и никто не знает куда.

— Ох, опять ты затянул свою бодягу про историю. Сейчас выпьешь еще коньяка и опять натаешь байки рассказывать про тамплиеров, викингов и всякие там войны, — вздохнул Андрей.

— А тебе будто не нравиться?

— Ну почему же! — Андрюха смутился.

— Ты уж не обижайся, Леха, — обратился ко мне Виталик. — Но все твои истории мы уже слышали, и не по одному разу.

— Тогда может сам чего-нибудь расскажешь, — решил я подколоть друга, прекрасно зная, что он не мастак травить байки, и я опять окажусь в круге всеобщего внимания.

— А вот и расскажу, — гнул свое Виталик. — Слышали когда-нибудь о Городе в степи?

Мы отрицательно покачали головами.

— Так вот слушайте, — приободрился Виталик. Он был явно доволен тем, что в этот раз будут слушать не меня, а его.

Я передал ему флягу, кстати сказать, литровую. Виталик вдохнул аромат коньяка и припал к горлышку. Затем он выдержал положенную паузу и мечтательно посмотрел на небо.

— Полнолуние, — зловеще начал он.

— Вампиры выходят из склепов, — хихикнул Андрюха.

— Тихо ты, дай человеку собраться. Продолжай, — сказал я, представляя, как Витальке хочется произвести впечатление.

— Полнолуние, — опять таинственно произнес Виталик, — это время, когда мир потусторонний становиться явью в нашем. Когда… — Виталик еще раз глотнул из фляги. — Когда легенды оживают.

Я посмотрел на Андрюху. Тот был весь внимание. Я тоже решил сделать заинтересованный вид, хотя мне, если честно, было не особенно интересно слушать про Город в степи.

— Дед мой рассказывал, а ему, в свою очередь, рассказывал его дед…

— Твой дед, дай Господь ему здоровья, как самогону выпьет, так и начинает байки травить.

Похоже я ошибся, и Андрюха лишь изобразил внимание, а на самом деле ждал удобного случая, чтобы вставить свою очередную шуточку.

— Помолчать можешь? Человека с мысли собьешь. — Я неодобрительно посмотрел на Андрюху, и он тут же заткнулся.

— Так вот, — начал ничуть не смутившийся Виталик. — Некогда в Великой степи Город был. Да не простой Город, а колдовской: кто туда войдет — навсегда пропадет. Дает тот Город знание великое или еще что-то, про то люди не говорят. Только вот унести с собой то знание нельзя, потому как Город цепко

держит пожелавшего дерзнуть на его покой. И только тот сможет назад вернуться, кто Городу заветное слово скажет. А так, вечно в том Городе ему оставаться.

— Я не понял, что Город-то на самом деле дает? — не вытерпел Андрюха.

— Что попросишь, то и даст. Только исполняет он самое сокровенное, чего и в слух-то не произнесешь

— Если ты говоришь, что никто из того Города не возвращался, как же о нем твои предки узнали.

— О, то семейная тайна, — стараясь придать голосу загадочность заявил Виталик.

— Давай колись, улыбнулся Андрюха. — Да, коньячок не задерживай.

Витали выждал, стараясь как можно больше походить на заправского рассказчика, и продолжил:

— Дело было еще до революции. Один мой предок, вот как мы сейчас, оказался в степи ночью. И привиделось ему странное сияние. Он любопытный был, пошел разведать. Не было его несколько часов, а потом он вернулся. Довольный, улыбается. Только весь седой. И говорит, мол, нет на свете большего счастья, чем свой страх перебороть. И с тех пор стал он про Город рассказывать. А поскольку лет ему было, ну, как нам, под тридцать, а голова — вся седая, так и верили ему.

— Так чего предок твой у Города попросил?

— То он никому не открыл. Только сказывал, что Город этот вроде хранилища потайного. Войдешь в него — живи сколько хочешь, не умрешь. А вот наружу для каждого свой выход есть. Если не найдешь — так и будешь вечно по Городу скитаться…

— Брехня, — махнул рукой Андрюха. — Откуда Городу в степи взяться. Кочевые племена их не строили — только другие захватывали да данью обкладывали. Сами-то вольно жили. Сняли шатры — и нет их. — Он посмотрел на меня, ожидая реакции на его исторические познания.

— Все верно, — заметил я. — Только вот легенды не просто так рождаются, значит было что-то.

— Ой, это ты для своей газеты оставь.

— Любая легенда красива, — сказал я, хотя обиделся на Андрея. — Нет, врожденную ненависть к журналистам трудно побороть.

— Да ладно, Лешка, не сердись, ведь знаешь, я кого хочешь готов критиковать. А вашего брата так тем более. Хотя ваша профессия тоже важна. Вот ругаем мы вас, а в туалете с утра что читаем?

— Так вы будете дослушивать? — пробурчал Виталик.

— Будем, — в один голос ответили мы.

— Хотя рассказывать-то больше и нечего. Историю эту помаленьку забывать стали. Только вот однажды встретился моему предку человек один, того же возраста и седой как лунь. Говорили они долго, про Город тот, вспоминали, страхами своими делились, от которых он их освободил. Так и стали побратимами. А потом война, Первая мировая. Разошлись они.

— Складно врешь, — усмехнулся Андрюха. — Только неувязочка есть в твоем рассказе. Сначала ты про знание великое говорил, а теперь про страхи какие-то. Что скажешь?

— Да то и скажу, что мой дед говорил. — Виталик старался сохранить невозмутимый вид. — Через страх рождаются все неприятности человека, он душу человеческую съедает, не дает жить. Вот ты, Андрюха, боишься чего-нибудь?

— Да, понятное дело, чего-то мы все боимся.

— Э нет, есть у каждого самый главный страх, такой, что и сказать стыдно.

— Да брось ты! — воскликнул Андрюха.

— Виталька, ты лучше скажи, как тот Город найти? — решил я прервать спор.

— Да никак. Говорят, он всегда в степи. А увидеть его только в полнолуние можно и только тем, кто сам этого захочет.

— Хорошая история, мне понравилась. — Я отобрал у Андрюхи флягу и тоже сделал глоток.

— Я и получше могу, — заявил Андрюха.

— А ты попробуй! — обиделся Виталик.

— Лех, гони флягу. Я глотну, да что-нибудь сбацаю. Руки инструмента просят.

Едва Андрюха начинает играть, как тут же забываются все его едкие замечания. Даже сердитый Виталик с удовольствием слушал песни своего любимого Визбора. Следом наш друг исполнил всеми любимую «Балладу о любви» Высоцкого. А потом я, как было нас принято, попросил сыграть «Город золотой». И когда Андрюха своим звонким голосом затянул: «…гуляют там животные невиданной красы…» — я увидел невдалеке багровое сияние. Сначала я просто подумал, что перебрал. Но сияние было настолько ярким, что я не удержался и толкнул Витальку.

— Смотри, там что-то светится.

— Да ничего там нет, — буркнул Виталька. — Пить меньше надо.

— Нет есть, — заупрямился я.

Андрюха перестал играть и с удивлением посмотрел на нас.

— Вы чего?

— Да вот, Леха говорит, что там зарево какое-то. Может,

моих баек наслушался.

Андрюха какое-то время смотрел туда, куда я показывал ему рукой, а затем произнес:

— Там ничего нет. Спать пора.

— Нет есть, — снова повторил я.

— Ну так иди пойди посмотри. Комаров заодно покормишь, — усмехнулся Андрюха.

— А вот и пойду.

Я поднялся и тут же почувствовал, что действительно сегодня перебрал. Но делать было нечего. Я побрел вперед. Позади снова раздался звук гитары, но я оборачиваться не стал. Свечение, казавшееся далеким, стало приближаться. Яркие всполохи освещали степь, и, пройдя метров сто, я стал отчетливо видеть очертания каких-то массивных конструкции. Подойдя ближе, я смог рассмотреть их получше. Это было похоже на небольшой район города после бомбежки. Полуразвалившиеся каркасы многоэтажек казались чуждыми степи. Пустые окна, осколки стекла на асфальте. Нет, если бы мы покурили травки, все это было бы нормальным. Но я, хоть и был довольно сильно пьян; мог отличать реальность от галлюцинации. Я прикоснулся к одной из стен разрушенного дома.

— Ну что ж, Город, если ты действительно существуешь, то выполни мое сокровенное желание.

Я задрал голову и посмотрел на полную луну в россыпи звезд. Неожиданно вместо луны на небе появилось множество золотистых дисков. Они блуждали между звездами, и мне казалось, что это ожерелье из монет. Здания разрушенного города стали какими-то прозрачными, нереальными. У меня закружилась голова. А потом я проснулся… Проснулся под звук будильника, в незнакомой квартире, рядом с незнакомой женщиной, которая была моей женой.

* * *

Сначала было очень тяжело, я чуть ли не сходил с ума. Мне хотелось забыть последнюю ночь в прежнем мире и жить тем, что есть сейчас. Но память не желала сдаваться, и я прозябал, зная, что все вокруг меня декорация. Правдоподобная, но все-таки ненастоящая жизнь.

После первых похорон я впервые столкнулся с границей Города. Вернее, я пытался ее найти еще при жизни. И легко нашел. По некоторым улицам можно было дойти до конца и снова оказаться в начале. Вот она черта, которой никто не видел,

кроме меня.

Стоя у границы Города, похожей на прозрачное стекло, за которым по-прежнему была ночь в степи и где-то вдалеке горел костер моих друзей, я просто попросил: «Отпусти меня Город, мне ничего не надо!» Но стоило мне произнести эти слова, как я тут же проснулся в чужом доме, в чужой постели. Так началась моя вторая жизнь…

— Дорогой, это тебя!

Я помотал головой, стряхивая остатки воспоминаний. Я по-прежнему лежал на диване, а передо мной стояла жена и протягивала трубку радиотелефона. Я поморщился и произнес:

— Скажи, что меня здесь нет.

Жена равнодушно пожала плечами и ушла в другую комнату. И тут меня осенило. Я почувствовал, как намокла моя рубашка, как по лбу потекли густые капельки пота. «Просто, неужели так просто!» — прошептал я. Я уже устал считать чужие, абсолютно пустые и никчемные жизни и вдруг самая обычная фраза натолкнула меня на ключ. Сразу же вспомнились слова Андрюхи: «Там ничего нет». И я все понял… Оставалось только ждать.

Последняя моя жизнь в Городе была не похожа на все остальные. Быть может, этому способствовало то, что я теперь наверняка знал, как из него выбраться, а быть может, мне хотелось и здесь оставить свой след. Я перестал воспринимать отражения как декорации и начал относиться к ним как к живым людям. Но при этом моя карьера ничуть не пострадала — я продолжал подниматься по служебной лестнице. Теперь я встречался не только с теми людьми, которые меня меньше всего раздражали. Нет, я был завсегдатаем всех вечеринок. И меня стали приглашать на семейные праздники даже мои подчиненные, что никогда не случалось в прошлых жизнях. Моя жена из серой безликой фигуры превратилась в прекрасную женщину. И мне иногда даже казалось, что я люблю ее. Но детей у меня не было. Вероятно, здесь существовали свои законы.

День своей смерти я знал заранее. Это приходило само собой еще со времен первой жизни в Городе. Но на этот раз мне было особенно тревожно, так как не до конца был уверен в своих догадках.

Похороны были необычными. Я впервые увидел как отражения плачут над моей могилой. А когда гроб стали опускаться и жена вырвалась из рук друзей и родственников и кинулась следом, мне стало по-настоящему страшно. Правда, едва посыпались первые горсти земли, я снова воспарил над Городом. В полете тоже было нечто странное. Я сначала не

разобрался, в чем дело, но вскоре понял: Город мне нравился. И я испытывал некое сожаление, что должен буду покинуть это странное место, где мне все было знакомо. Хотя Город был огромен, с каждым моим воплощением он не менялся. Даже после мятежей и пожаров я просыпался снова в чистом и уютном Городе. Я успел пройтись по каждой его улице, заглянуть в каждую подворотню. Теперь я не чувствовал — я знал: Город отпускает меня.

Я снова стоял у границы Города. Что я только не говорил здесь. Сначала я просто просился домой, совсем как маленький ребенок. Кажется, я даже плакал. Затем я говорил, что люблю Город, но снова просыпался под звук будильника. Затем я стал перебирать в уме страхи своей прошлой жизни, но ничего не помогало. Ведь все это время самый главный страх был всегда со мной, но я упорно не хотел этого признавать. Я чувствовал, что у меня в запасе очень мало времени, и начал говорить:

— Здесь никого нет! — Или мне почудилось или действительно грань между Городом и моим миром задрожала, словно стекло. Я продолжил: — Здесь только отражения Города и больше никого, живой человек здесь только я. — Это было так просто, но почему же раньше я не догадался об этом сказать?

«Кто такие отражения Города?» — отчетливо прозвучало в моей голове.

— Это воплощения моих страхов. Это я сам, только с разными лицами. Себя нельзя бояться, равно как любить или ненавидеть. Рядом с собою можно только жить.

«Хорошо. — В голосе звучала усмешка или мне показалось. — Расскажи о страхе, от которого излечился, и можешь идти».

— Я боялся прожить жизнь напрасно. Это был мой самый главный страх. Я боялся прожить так, что потом самому будет тошно смотреть на собственные похороны. Когда я из своего Харькова впервые приехал в Москву и спустился в метро, то ужаснулся. Тысячи людей двигались на эскалаторе вверх и вниз. У каждого своя судьба, и никто о них не вспомнит.

— И ты перестал бояться, пожив в Городе? — Да.

— Почему?

— Я понял, что равнодушие живет только в нас самих, и мы его главный источник. Ничего не бывает напрасно. Ни жизнь клерка, ни простого бродяги. А Город — он не страшный, особенно когда смотреть на него с высоты птичьего полета.

— Ты излечен.

— Что дальше?

— Ты можешь задать три вопроса, потом ты уйдешь. — Это эксперимент?

— Да, ты сам согласился поставить над собой эксперимент.

— Кто вы?

— Нас давно уже нет. Мы живем теми, кто приходит в Город.

— Что вы возьмете взамен моего страха, страха перед городом, жизнью и самим собой.

— Ничего. Только цвет твоих волос.

Голова закружилась. Я снова увидел ожерелье из лун, висящих в небе. А потом оказался в заброшенном городе. Только теперь он не был похож на тот, что я видел в самом начале.

Разрушенные бетонные дома перемежались вновь отстроенными. Все это заливал багровый свет.

Я поспешил к костру, которые горел для меня множество прожитых жизней.

— О, Леха пришел? — воскликнул Виталик.

— Где ты так долго шлялся-то? — хихикнул Андрей.

Я вышел к костру, и в ярком свете огня они смогли разглядеть меня. Виталик попятился назад. Андрюха уронил гитару и прошептал:

— Ты же весь седой.

— Я знаю, — ответил я и рассмеялся.

Николаев Андрей

ИНТОКСИКАЦИЯ

Все! Осталась последняя надежда. Если опять облом — намылю веревку и… Взломают дверь и ужаснутся. Молодой, симпатичный, жить да жить, а он в петле. Голова набок, лицо синее, язык наружу… нет, так не пойдет. Некрасиво. Пожалуй, открою газ и голову в духовку! И найдут с малиновой мордой, обделавшегося, как младенец у нерадивой мамаши… Нет, тоже нехорошо. Может, с балкона порхнуть? Ласточкой! Мозги на асфальте, мужественное волевое лицо всмятку…

Черт, о чем я думаю?

— Алло, Елену будьте любезны.

— Здравствуй, Сережа.

— О, не узнал, богатой будешь.

Вправду не узнал, голос у нее какой-то напряженный, изломанный.

— Как дела, Лен?

— Так себе. Ты что-то хотел, а то я звонка жду.

Молодец, Ленка! Как всегда берет быка за рога.

— Лен, такое дело. Одолжи сотню на неделю, а?

— Ладно.

Я ушам не поверил. Вот оно — спасение.

— Серьезно, Лен, через неделю отдам.

— Сказала же, ладно. Когда зайдешь?

— Через полчаса.

— Давай, жду.

Иду в ванную. Бриться, конечно, не буду. Такой колотун, что зарезаться можно. Чищу зубы. От усилий покрываюсь испариной. Господи, плохо-то как. Напоследок — взгляд в зеркало. Лучше бы не смотрел.

Ползу к троллейбусной остановке. Май, утро, свежий ветерок. Подкатила «трешка», забиваюсь в угол на задней площадке, стараясь не глядеть в салон. Хорошо, что народу много — контролер не протиснется. Рядом девица вся из себя в черных очках с мобильником на шее. Покрутила носом, покосилась и, брезгливо фыркнув, демонстративно отвернулась. Попей две недели, дочка, я посмотрю, чем ты будешь благоухать. Троллейбус проезжает эстакаду над Савеловским вокзалом, тормозит возле остановки. Следующая — моя. Проезжаем

магазин «Сухари». Всегда умилялся: магазин «Сухари», а через четыре дома Бутырская тюрьма.

Ленка живет в старом доме, вход со двора. Ох, дойти бы. Ковыляю по зебре через улицу. Во дворе липы, тополя, густая тень. Прохладный подъезд со старым решетчатым лифтом. Возношусь на седьмой этаж, давлю звонок. Быстрые шаги, дверь распахивается. Ленка в джинсах и бежевой толстовке. Лицо напряженное, глаза будто чего-то ждут и боятся в то же время.

— А, это ты. Заходи.

Проходим на кухню. Для своих тридцати семи она еще очень даже ничего. Только потянуло ее как-то. Синяки под глазами, углы рта опустились. Неужели тоже выпивает?

— Хватит сотни?

Машу руками, как мельница.

— Хватит. Мне бы только до вторника перекантоваться.

Она смотрит на меня внимательно и достает из кошелька триста рублей. Я молчу, боюсь спугнуть. Она протягивает деньги.

— Не торопись. Будут — отдашь.

Прижимаю руку к сердцу.

— Лен, через неделю, как штык…

— Ладно, ладно. Выпьешь со мной?

Таращу глаза. Так и есть — выпивает. Эх, жизнь поганая.

— Выпью. Случилось что?

Она ставит на стол рюмки, пакет сока, достает початую «Гжелку», разливает. Пальцы у нее дрожат.

— Как твое кино?

Пожимаю плечами.

— Так себе. Эпизоды, массовка. Больше на дорогу в «Мосфильм» уходит, чем зарабатываю. Что случилось?

Ленка залпом, не дожидаясь меня, опрокидывает рюмку, запивает соком. Осторожно поднимаю свою. Рука трясется, водка течет на пальцы. Выливаю ее в рот, придавливаю сверху соком. Приживется, нет? Вроде, прошла. Смотрю на Лену и вдруг вижу, как кривится ее лицо, дрожит подбородок. Она трет шею пальцами, будто разминая застрявший комок.

— Что, плохо пошла?

Из глаз ее внезапно брызгают слезы, она некрасиво открывает рот и силится что-то сказать. Получается не сразу.

— Санька пропал…

Тупо смотрю на нее. Все-таки я какой-то тормознутый стал. Санька — это ее сын. Когда мы были соседями, он часто ко мне заходил. Ленка его одна растила, вот он ко мне и тянулся. Я ему, наверное, старшим братом казался. Хороший парнишка. Сейчас ему лет семнадцать-восемнадцать.

— Как пропал? — бестолково спрашиваю я.

— Так. В среду ушел, сказал, вечером будет. Третий день нету. Я все больницы обзвонила, все морги…

Ленка начинает давиться словами и я наливаю ей стакан сока. Лицо ее мокрое от слез, руки трясутся, хуже, чем у меня, и сок бежит по подбородку, капает на толстовку.

— Ты одноклассникам звонила?

— Он в МАИ учится, первый курс заканчивает. Я звонила ребятам, никто ничего не знает.

Да, время летит. Санька уже в институте…

— Может, у какой-нибудь девчонки завис, — предполагаю я, — есть у него подружки?

— В институте нет, — Ленка берет себя в руки, вытирает ладонями глаза. — Все принцессу себе ищет. Ну, знаешь, принцессы, эльфы, драконы. Средиземье, Арканар, Нильфгаард. Принцесса Цирилла… Не знаю, во что они сейчас играют. В среду он взял меч, который ты ему подарил, и ушел.

Так, соображаю я, меч этот скорее для исторического фехтования, чем для ролевых игр. Я его сделал, когда на «Знамя Революции» работал. Нашел хорошую сталь. Забыл, ХВГ или 9ХС. Договорился с ребятами из кузнечного цеха, два литра поставил, как сейчас помню. Сам шлифовал заготовку, в навершие свинец залил. Правда, отбалансировал по гарде — так финтить легче. Отполировал его, аж глазам больно. Блестел меч, как котовые… м-да…, в общем, чисто Эскалибур блестел. А Саньке подарил, когда понял, что пропью. Только этот меч и уцелел из всего снаряжения.

Ленка закуривает, я наливаю себе еще рюмку. Чтобы думалось легче.

— Можно его комнату посмотреть?

— Посмотри, — она машет рукой, — я все перерыла. Ни записки, ничего.

Комната у Саньки маленькая, метров двенадцать. На стенах две репродукции Бориса Валледжо, фотографии: Санька в обличье то ли Боромира, то ли Геральта. Лицо серьезное, рыжие волосы дыбом! В углу комнаты висит плетеная из тонких стальных колец кольчуга, шлем, переделанный из строительной каски. И деревянный меч. Беру его в руки. Хороший меч. Пропитанное дерево, наборная гарда. Санька даже дол выбрал, не поленился. Настоящий «полуторник». Молодец, Санька. Представляю, сколько трудов он затратил, пока кольчугу плел, пока меч мастерил.

На книжных полках — в основном «фэнтэзи». Майкл Муркок, Сапковский, Толкиен, конечно. Между книг замечаю толстую

тетрадь. Так, что тут у нас? Эскизы мечей. «Каролингский», «скандинавский», «катана». Санька выбрал «каролингский». Чертежи перемежаются записями. Что же ты писал, сэр рыцарь?

«Был в Царицыно. Наших в парке немного, в основном, мелюзга из начинающих. Важные, церемонные. Рыцари, лучники, эльфы и феи. Разыгрывают сюжеты, просто бьются, как бог на душу положит. Я опять сцепился с Крагером и, естественно, мы решили выяснить кто прав в честном бою. Фехтовать он так и не научился, но от этого не легче — машет своим «двуручником», словно оглоблей, пытаясь разорвать дистанцию. Попробуй, подойди. Но все-таки, я выбрал момент, как дядя Сережа учил, подскочил и мы сцепились мечами. Неизвестно, чем бы закончилось, но вдруг рядом раздался ее голос. Колокольчик на новогодней елке, а не голос и мы враз успокоились. Даже стыдно стало. Ах, как она прекрасна…»

«Крагер принес дюралевый эспадон. Похвастаться и, конечно, перед ней пофорсить. Она Крагера выделяет почему-то. И что в нем нашла: нос у него картошкой, да еще обрился наголо. Но я ее так просто не уступлю. В следующий раз принесу меч, который мне дядя Сережа подарил».

«Ура!!! Она со мной! Крагера не видно, она болеет за меня. Даже в щеку поцеловала. Ну и что, что она старше, она удивительная. Зовет в Средиземье. Да я хоть сейчас…»

Вот такие последние записи.

Я выглянул на кухню. Лена сидит, подперев кулачком щеку, смотрит на телефон. А попробую-ка я отработать три сотни!

— Лен, куда Санька ездил тусоваться? В Царицыно?

— Да. Там уже были из милиции, спрашивали.

— Ну, одно дело милиция, — бормочу я, — не грусти, найдем мы твоего Саньку.

Возле метро покупаю в ларьке двести пятьдесят водки. Бутылку мне много, а «чекушка» в самый раз. Доезжаю до «Чеховской», перехожу на зеленую ветку. Теперь по прямой. Дремлю в вагоне, пока не проезжаем мост над Москвой-рекой. Через одну — «Царицыно».

На улице жарко. Народ в праздничном настроении: кто слегка веселый, а кто со вчерашнего грустный. Покупаю бутылку минеральной и спешу в парк, в спасительную тень. В толпе мелькают ребята с мечами в чехлах за спиной и девчонки, прикинутые чародейками. Тусовка начинающих ролевиков, отдых от действительности. Здесь к ним привыкли и почти не обращают внимания.

Ох, до чего хорошо в лесу! Тенистые холмы, сквозь деревья блестит пруд. Так и тянет прилечь на траву и вздремнуть минут

шестьсот…

Захожу в парк поглубже. Здесь кишмя кишат рыцари, принцессы, трубадуры и эльфы. Рубятся на мечах, поют под гитару у костров. Феи, принцессы и чародейки в остроконечных шапочках, одна симпатичнее другой, благосклонно внимают менестрелям. Перехожу от группы к группе. На меня не обращают внимания — подумаешь, еще один любопытствующий. Как я найду девушку, о которой писал Санька? Одну жемчужинку в россыпи драгоценностей. Стараясь не показаться навязчивым, расспрашиваю про рыжего паренька. Отвечают неохотно. Кто-то вспоминает, что на днях уже были из милиции, тоже интересовались. Пожалуй, сегодня я ничего не узнаю. Ладно, приду завтра. Присаживаюсь под липу и достаю «чекушку». Свинчиваю ей голову и делаю пару глотков исключительно ради проверки качества. Редкостная мерзость. Заливаю мерзость минералкой. Рядом группа ребят собирается провести рыцарский турнир в честь прекрасной дамы. Дама, лет шестнадцати-семнадцати, принимает в подготовке живейшее участие: подбадривает, торопит, обещает поцелуй победителю. Довольно высокая, очень симпатичная, если не сказать — красивая девчонка. Только накрашена сверх всякой меры. Это ничего, с возрастом придет и опыт. Макияж тоже требует практики. Рыцари спорят, договариваясь о правилах поединка. Судья! Кто будет судьей? Ребята оглядываются, от них отделяется тощий паренек в очках и направляется ко мне.

— Вы не могли бы нам помочь?

— Подержать шлейф принцессы?

— Гм, — он неуверенно улыбается, — нет, всего лишь дать команду к началу поединка.

— Это я могу, — бормочу я, поднимаясь с травы, — где ристалище?

— Вот здесь, — очкарик обводит рукой вокруг себя.

— Нет, так не пойдет, — не соглашаюсь я.

В нескольких словах объясняю ребятам правила поединков, принятые в историческом фехтовании. Под заинтересованным взглядом девушки очерчиваю квадрат восемь на восемь.

— Как хорошо, что нашелся хоть один знающий человек, — говорит она.

Черт возьми, какой у нее приятный голос! И почему это я встречаю симпатичных девчонок только в подпитии?

— Это всего лишь теоретические знания, Ваше Высочество, — говорю я, только и всего.

Она краснеет от удовольствия и, закрывшись ладошкой, хихикает.

— Господа, — я призывно хлопаю в ладоши, — по какой формуле будете биться? По «старой» школе, «тульской» или «зареченской»?

Я-то прошел все три, плюс славяно-горицкую, могу судить по любой из них. Рыцари недоуменно пялятся на меня. Как все запущено… Предлагаю им бой по формуле «старой» школы с разведением после каждого удара, до пяти баллов. Но им хочется, чтоб взаправду, как в кино или в романе. Дело хозяйское…

— К бою, благородные господа!

Ни атаки, ни защиты никто не знает…

Через полчаса все скорбно сидят на траве. Принцесса порхает от одного раненного к другому, успокаивая и смазывая предусмотрительно взятым йодом ссадины и ушибы. Печальное, но поучительное зрелище. Освежаюсь парой глотков, затем беру у очкарика меч, состругганный из лыжи и прошу внимания. Показываю ребятам фронтальную стойку, несколько базовых ударов, «свилю». Смотрят угрюмо. Да, пацаны, не так все просто. Уголком глаза замечаю восторженный взгляд принцессы, но на сегодня хватит. Силы на исходе и водка тоже. Прощаюсь и ухожу. Сзади шушуканье, легкие шаги.

— Э-э, досточтимый сэр?

Принцесса. Сияет — прямо светится вся.

— Вы не могли бы прийти завтра? Ваши знания бесценны.

Смотрит так, что я забываю про ее шестнадцать лет. В конце концов, она — совершеннолетняя! Держу длинную паузу, глядя на нее добрым отеческим взором. Станиславский переворачивается в гробу от зависти.

— Ваше Высочество, если Вы прикажете…

Она подходит вплотную, поднимает лицо и смотрит мне в глаза. Я таю, я тону в синих озерах…

— Да, я была бы Вам весьма признательна, — тихо, почти шепотом, говорит она.

Отступаю на шаг и склоняю гордую голову.

— Слушаю и повинуюсь, Ваше Высочество.

Она легко касается моего плеча и бежит к своей свите.

— Он придет, — слышу я волшебный голосок.

Допиваю «чекушку» и бреду к метро. Сегодня я для них еще чужой, хотя лед сломан. А вот завтра они будут смотреть, как на знакомого. А девочка эта м-м… Весна, что ли, на меня действует? Завтра побреюсь, причешусь. Правда, она моложе меня лет на двенадцать. А-а, прорвемся! Старый конь борозды не портит.

Однако, судя по Санькиным записям, он влюбился в девушку старше себя. Сегодня я ее не нашел, может, завтра повезет?

У метро двое бритых парней в коже охаживают железными

прутьями мелкого нацмена. То ли он им цветы даром не отдал, то ли просто не понравился. Еще одна торговка, судя по растительности на лице, тоже из Закавказья, мечется вокруг и голосит, хватая прохожих за руки. Напрасно. Кому охота получить ржавой арматуриной по голове из-за лица кавказской национальности? Никому, кроме потасканного, сильно пьющего идиота.

Подхватив с земли железный ребристый прут, направляюсь к парням.

Нацмен катается по асфальту среди окурков и собственных гвоздик. Бритые лупят его по ребрам и локтям, которыми он прикрывает лицо. Плачущим голосом кавказец просит о чем-то, сулит златые горы, но парни уже вошли в раж.

Коротко бью бритого прутом по запястью и тут же, не теряя времени, по колену. Парень воет и, скорчившись, валится на землю. Второй поворачивает ко мне оскаленное покрасневшее лицо с выпученными глазами.

— А, сука!

Развернувшись в молодецком замахе, опускает арматуру мне на голову. Дрова тебе рубить, парень, а не железками махать. Провожу защиту отводом и от души впечатываю прут ему в лоб. Глаза парня сбегаются в кучку, как жуки-скарабеи на верблюжье дерьмо. Роняя железяку, он оседает на замершего в ожидании новых ударов нацмена.

Бросив прут, ныряю в толпу. Сзади милицейские свистки. Вовремя, ребята. Вы, как всегда, вовремя.

По дороге домой покупаю бутылку водки и мороженую курицу. Варю крепкий бульон, выпиваю залпом стакан проклятой отравы (чтоб я еще хоть раз в жизни!) и рву птицу зубами, заливая в себя бульон.

Ночь проходит в кошмарах. Встаю трезвый и злой. Час под душем, бреюсь, одеваюсь. Выпиваю пятьдесят грамм водки и кружку бульона. Все, пора. Прячу заплывшие, покрасневшие глаза за черными очками и выхожу на улицу.

Народу в Царицыно меньше, чем вчера. Не спеша иду к парку, как вдруг меня окликают. Принцесса! Она в джинсовом костюме, куртка расстегнута, короткая маечка кончается сразу под грудью, открывая нежную загорелую кожу. Меня подмывает снять очки, чтобы разглядеть ее получше.

— К Вашим услугам, принцесса, — бормочу я, не в силах оторваться от изумительного зрелища.

— Я приехала пораньше, чтобы предупредить вас, — говорит она, — ребята сегодня не придут. Извините, так уж получилось.

— Жаль, — вру я бессовестным образом, — может, просто

погуляем?

Она приехала ради меня, что это значит? Это значит одно!!! Лихорадочно соображаю, куда ее можно повести при моих скромных возможностях, да еще, чтобы прогулка завершилась в моей холостяцкой квартире. Конечно, после двухнедельной пьянки там хлев, но упускать такой случай?

— Раз уж я нарушила ваши планы на сегодня, давайте хотя бы кофе вас угощу.

Тяжело вздыхаю, сожалея о нарушенных планах, но соглашаюсь. Едем в метро, она мило щебечет, почти касаясь губками моего уха. Я наслаждаюсь, вдыхая аромат ее косметики. Краски на лицо она и сегодня не пожалела. Тени, румяна, тушь. Помада ярко красная. Это ничего, это мы смоем.

Выходим на «Тверской» и тут оказывается, что она живет буквально в двух шагах, а кофе у нее тоже найдется. Родители в командировке. А я ломал голову, как ее к себе затащить! О, времена, о, нравы! Ничего не имею против современной молодежи!

Старый сталинский дом, окна на Тверскую. Она снимает джинсовую курточку и вешает ее в прихожей. Я пристраиваю рядом свою. Ее маечка на тонких бретельках, почти прозрачная. Лифчик она не носит… Пальцы у меня дрожат. То ли с похмелья, то ли в предвкушении…

На кухне она ставит на стол крохотные чашечки, достает турку.

— У меня есть коньяк, — она тянется к верхней полке.

Маечка слегка задирается, приоткрывая грудь. Я отвожу глаза — так и ослепнуть недолго, но от коньяка отказываюсь. Если я сейчас выпью, то из запоя выйду только с помощью капельницы. Проверено.

Она ставит турку на плиту и, заговорщицки улыбаясь, тянет меня за собой.

Пустая огромная комната, потолки метра четыре, наборный паркет. В стенах — встроенные шкафы. Все так же улыбаясь, она идет к шкафу с зеркальной дверцей и сдвигает створку. Я тоже расплываюсь в улыбке, ожидая приятного сюрприза…и сюрприз налицо. В глубине шкафа, на полке, четыре круглых аквариума. Из каждого на меня глядит голова… и под каждой головой меч — две самопальные катаны, дюралевый «цвайхандер» и мой, отбалансированный не по правилам, сверкающий, со свинцом в яблоке. А над мечом смотрит на меня из аквариума, сквозь формалин и стекло, голова Саньки… Лицо спокойное, даже безмятежное. Из-под полуопущенных век глядят зеленые глаза. Рыжие волосы, словно водоросли, невесомо парят в формалине. Я

совсем забыл про тебя, Санек…

Рядом бритая голова с мясистыми губами и носом картошкой. Судя по Санькиному дневнику, это парнишка, которого он звал Крагером. Всем четверым едва ли больше восемнадцати…

Не знаю, сколько я так простоял. Минуту, десять? Сглатываю тошнотворный ком и оборачиваюсь к принцессе. Принцессы нет. В центре комнаты, босиком, стоит женщина примерно моего возраста. Смотрит надменно, губы кривятся в усмешке. Я не сразу понимаю, в чем дело. Потом до меня доходит. Принцесса всего лишь смыла косметику. Как мало женщине надо, для преображения. Просто смыть краску, чтобы обнажить душу.

В руках у нее «бутуровка» — венгерская сабля 16–17 века. Настоящее оружие, острое, как «жиллет-сенсор», способное разрубить на лету шелковый платок. Средневековые мастера плевать хотели на «усталость металла» и против этой сабли мой полированный меч не лучше куска водопроводной трубы.

Ее губы шевелятся, ноздри трепещут, глаза безумны. В солнечном свете ясно видно, как изо рта брызжет слюна. Я не сразу понимаю, что она говорит, но постепенно звуки складываются в слова.

— …в ваши игры. Я провожу набор бойцов. Ты — лучший, что мне попались. Ты нужен нам в Средиземье.

— Ты больная, ты убила их…, - слышу я свой голос.

— Ты не понимаешь, — нетерпеливо говорит она, — смерть в бою — это необходимое условие. Иначе в Средиземье не попасть.

Да-а… Мой диагноз известен — алкогольная интоксикация. А у нее что? Отравление сказкой?

— А где тела?

— Их нет. Здесь ты их не найдешь. Тела растаяли, развеялись как дым. Они в моем мире. Мышечная память пригодится, а воспоминания, — она указывает концом сабли на головы, — им не к чему. Так что, играем?

И предложенный коньяк и прозрачная маечка — все, чтобы вывести из равновесия, соображаю наконец я. И головы в аквариумах тоже.

— Ты знаешь, — стараясь не глядеть в лицо Саньке, я беру свой меч, мне не очень хочется в твой мир. Здесь, пожалуй, спокойней.

Рукоять привычно ложится в ладонь. Пробую ногой паркет. Скользко. Хорошо, что кроссовки не снял.

— Значит, я отправлю тебя помимо твоей воли.

— Как этих мальчишек, — я киваю в сторону аквариумов, — ведь выбора ты им не оставила?

— Двое просто струсили. Бритый, правда, бился.

— А рыжий? — интересуюсь я.

— Твой друг? — Разминая кисть, она делает саблей изящную «нижнюю восьмерку», — он был неплох. Меч для него тяжеловат оказался.

— Ну, а для меня в самый раз, — заверяю я, перехватывая рукоять поближе к гарде, — начинай, принцесса.

Оскалившись, она идет по кругу «волчьим шагом».

Санька, ты искал принцессу… ты нашел ведьму.

Сделав скользящий шаг вперед, она наносит несколько засечных ударов, явно предлагая «парад-рипост». Нет, дорогая, удар-ответ не для меня. Так я сдохну за полминуты со своим «полуторником». Встретив очередной удар скользящим блоком, пытаюсь достать ее базовым вертикальным ударом. Не попадаю, зато с атакой проваливаюсь, кретин. Попробуйте, ради интереса, придавить к зеркалу шарик ртути. Ее линейный маневр легок, как балетное па. Кончиком «бутуровки» она успевает дважды чиркнуть меня по открытой спине. Ухожу перекатом и останавливаюсь перевести дух. Майка на спине быстро намокает.

Я не хочу в Средиземье, принцесса. Совсем не хочу. Перехватываю рукоять двумя руками и делаю клинком «нижний крест», пробуя, не задеты ли мышцы. Порядок, это просто царапины. Хорошая у тебя сабля, девочка. Только одно дело — снять с плеч голову, другое — перерубить полосу кованой стали сантиметровой толщины.

Я больше не атакую, я стою каменным гостем и делаю один «сбив» за другим, не очень беспокоясь, в лезвие идет удар или в плоскость.

Ее танец вокруг меня продолжается не более двух минут. Красивое лицо искажается, заостряется нос и подбородок, поджатые губы превращаются в тонкий разрез. Она выдыхается и понимает, что меня не одолеть. Движения ее становятся резкими, суматошными. Она нападает, делая выпады на выдохе, с болезненными истерическими вскриками, словно женщина, предчувствующая оргазм. Целясь мне в лицо, снова делает длинный неподготовленный выпад. Я отвожу ее клинок, пропуская смерть слева от себя. Женщина теряет равновесие, ее влечет вперед. Делаю шаг в сторону, разгоняю меч вокруг головы и с разворота бью сзади по шее. Мне хочется снести ей голову, как она делала с этими мальчишками. Тут не нужна острота клинка, хватит инерции и массы моего бутафорского оружия. Я не попадаю по шее — практики мало. Она успевает обернуться и меч, с хрустом врубаясь в лицо, входит наискосок выше уха, дробя височные кости. Трещит сломанная челюсть. Сталь

проникает в мозг, прерывая сдавленный крик. Она падает. Голые розовые пятки выбивают дробь на паркете. Смерть ее почти мгновенна. Жаль…

Я принес с кухни стул и уселся спиной к полке с аквариумами. Я пил коньяк, смотрел на тело принцессы и ждал. В солнечном луче кружились пылинки. Я ждал долго. Пока трупное окоченение не сковало тело. Принцесса не исчезла. Средиземье не дождалось ее.

Может, надо было отрезать ей голову?

Светлана Прокопчик

РОМАН В СТИЛЕ SMS

Павильон сотовой связи не работал. Валерий потоптался у запертой двери, с сомнением оглянулся на здание супермаркета. Можно заплатить за телефон в кассе, но для этого надо войти в торговую зону. Валерию туда не хотелось: не любил толпу. Особенно в предпраздничные дни.

Поразительно, насколько народ любит праздники — любые, смешивая языческие, христианские и коммунистические. Какая разница? Праздник он и есть праздник.

На завтра планировалось католическое рождество. Каждая вторая покупательница несла индейку. Валерий подумал: «Ведь ни одна из них не знает, где ближайший костел. Хотя зачем им костел, главное — подать на стол индейку. А в этом вопросе наши умелые кулинарки дадут сто очков вперед любому иезуиту».

Отчего-то женщины с индейками расстроили Валерия даже больше, чем закрытый павильон. Ветер бросил ему в лицо горсть крупных влажных снежинок — Валерий зябко поежился. Сел в машину, завел двигатель. Лобовое стекло обрастало мохнатым белым покровом.

Интересно, почему снег белый, а небо во время снегопада — серое? Почему вода прозрачная, а дождевые облака — свинцовые? Ведь каким бы толстым ни было облако, оно несет в себе не так уж много воды. Что такое пятьдесят миллиметров осадков? Всего лишь пять сантиметров.

Валерий вырулил со стоянки, глядя по сторонам — где бы оплатить сотовый? Уличная иллюминация сверкала так, что в блеске огней растворялись вывески и даже рекламные щиты. Через минуту или две Валерию показалось, что он едет не по городу, а по ветке колоссальной новогодней елки. Катится с одной еловой лапы на другую, объезжая, хвоинки и любуясь стеклянными шарами, волшебной мишурой и леденцами в серебряной фольге.

Нужная вывеска появилась внезапно, Валерий едва успел затормозить. Вышел, плотно запахнув куртку, и направился к хлипкому зданию.

Как ни странно, в павильоне было пусто. Лишь Снегурочка в нескромном наряде скучала подле витрин, да Дед Мороз за кассой разгадывал кроссворд. Валерий заполнил бланк, отдал

Деду.

Рядом возникла Снегурочка с яркой коробкой.

— Сегодня первому и последнему посетителю — подарок, — прожурчала она. — Первому и последнему, только сегодня мы дарим исполнение мечты.

«Мечтой» оказался мобильный телефон в стильном черном корпусе.

— Новая марка… не нуждается в подзарядке… вечные батареи… изобретение советских ученых, проданное КГБ на Запад… австрийская сборка… титановый корпус… сим-карта в комплекте… самый выгодный тариф…

Голос Снегурочки завораживал. Валерий поддался и, словно во сне, протянул паспорт. Через три минуты он снова был на улице — с коробкой под мышкой.

«Зачем мне еще один телефон? думал он по дороге домой. — Ишь ты, «мечта». Может, я о другом мечтаю. Батарейки, видите ли, вечные. Хорошо, если на год их хватит. Впрочем, за год и модель устареет морально. Эх, реклама… Наверное, акция рассчитана на молодых, которым лишь бы самое, модное. Просчитались ребята со мной, я не привык менять вещи так быстро… А подарю-ка я его Диане!»

Диана, подруга последних трех лет, встречала дома. С порога Валерий потянул носом, учуяв аппетитный запах.

— Индейка, — подсказала Диана. — Сегодня же канун католического Рождества.

Она трещала без умолку, повествуя в красках, как стояла в очереди и выбирала самую лучшую индейку… Валерий молча подал ей коробку.

— Ой! — обрадовалась Диана. — Какая прелесть! А что за фирма? Я о такой не слышала… — Она нахмурилась, словно Валерий ей гадость принес.

Он объяснил, что нарвался на рекламную акцию. Диана вертела в руках аппарат, и Валерий видел: вещь мужская.

Диане она совершенно не идет. Но подруга, проверив набор функций, пришла в восторг.

— Тебе давно пора включить счета в расходы фирмы, — не удержалась она от замечания. — Чтобы не бегать по павильонам.

Валерий и сам понимал, что пора. Но не включал. Он был немного старомоден. Первый мобильный появился у него еще в то время, когда для ношения телефона требовалось разрешение, как на оружие. Тогда о корпоративных планах никто и слыхом не слыхивал. Валерий привык платить сам, с одного тарифа на другой переходил с трудом, а смену префикса, случившуюся из-за расширения абонентской сети, воспринял как личное

оскорбление. Старые знакомые шутили, что если и есть неизменные вещи, так это его номер телефона.

Чудесный вечер прошел тихо. Валерий ел индейку, любовался Дианой и думал, что три года — немалый срок. Он привык к этой женщине и, хоть не всем был доволен, понимал: идеальных людей не бывает. А Валерию уже тридцать пять, и мать давно требует внуков.

Отчего бы им с Дианой не пожениться?

Валерий катал кольцо на ладони, представлял, как красиво оно будет смотреться на тонком пальчике Дианы. Беспокоился, подойдет ли размер, но продавец заверил: немного расставить или ужать колечко сможет любой ювелир.

Хороший новогодний подарок обручальное кольцо. Знак того, что Валерий дарит себя. Диана поймет, обязательно поймет. И обрадуется. Она никогда не давила на Валерия, но замуж хотят все женщины…

Он очень ясно представил себе, как это произойдет. Будут свечи, искрящееся шампанское в прозрачных бокалах, бой курантов, ослепительная улыбка Дианы. И…

Валерий повернул ключ в замке.

Еще не перешагнув порог, понял, что случилось страшное.

Диана металась по квартире, судорожно хватая свои вещи и запихивая их в раскрытый чемодан. Завидев Валерия, она начала кричать.

Он не любил и боялся женских истерик. Особенно таких, когда не очень ясно, в чем тебя обвиняют. Диана вопила не переставая, и Валерий вдруг прозрел: никогда она его не любила — жила, потому что выгодно, но в нем самом нисколько не нуждалась…

— Ты за мной следил! — выпалила Диана, заливаясь слезами. — Ты подлец, ты влез в мою личную жизнь. — И со всего размаху ударила об пол подаренный неделю назад телефон. — И не смей угрожать Владу, ясно тебе?! — завизжала она. — Ты подметки ему лизать недостоин!

Валерий оторопел. А Диана обвиняла его во всех грехах — и в том, что он благодаря новому телефону подслушивал ее разговоры с любовником, и в том, что посылал тому угрожающие SMS, и еще во многом…

Через полчаса в квартире стадо тихо и пусто.

Валерий сидел посреди разгромленной комнаты, в углу щебетал телевизор — Диана не выносила тишины и всегда включала его, чем бы ни занималась. Когда на экране появился изящно присыпанный снегом президент, Валерий встал, как робот

принес из холодильника бутылку шампанского, достал бокал и зажег свечу. С началом боя курантов открыл бутылку, наполнил бокал.

На двенадцатом ударе послышалось странное жужжание. Валерий вздрогнул, огляделся.

Из-под стола выехал на виброзвонке телефон. Голубой экран ник приветливо подмигивал надписью «Новое сообщение».

«С Новым годом, приятель. Баба с возу — кобыле легче».

В качестве исходящего значился собственный номер телефона.

— И что это значит? — спросил Валерий.

Аппарат подпрыгнул, выдав новое сообщение: «Телефон — компания получше женщины, которая тебе изменяла». С жалобным звоном разлетелся упавший на паркет бокал.

Метель. Машины ползли еле-еле, на цыпочках перебираясь через полосы рыжей дорожной каши и осторожно приподнимая дворниками густую вуаль снегопада. Они подмигивали фарами, стараясь не терять друг друга из виду, словно овцы в отаре.

Валерий смотрел только перед собой, изредка скользя ледяным взглядом по зеркалам. На пассажирском сиденье лежал телефон, завернутый в три полиэтиленовых пакета и глянцевую страницу из женского журнала. Не обладая рентгеновским аппаратом в глазу, нельзя было распознать в этом комке мусора стильные обводы элегантного корпуса — но Валерий его чувствовал. Каждую его кнопочку. Чувствовал и предвкушал, как бросит его ласковой Снегурочке, бросит с гневным вопросом: что за дрянь ему всучили?! Это что за мечта такая — телефон, который тебе в приятели набивается?!

Губы сами шевельнулись: «Уже близко…». Телефон словно учуял угрозу и начал барахтаться. Против воли Валерий прибавил скорость и в последний момент успел принять вправо, уходя от столкновения. Мелькнуло недовольное лицо в окне грязной иномарки, но дорога тут же вымела из памяти мимолетное впечатление.

Вот и памятный перекресток. Отсюда налево… Валерий сбросил газ, вытянул шею. Павильончик прятался в закутке, вывеска должна выскочить внезапно, как чертик из коробочки… Потянулись темные жилые кварталы. Валерий удивился, развернулся и вновь проехал тем же маршрутом.

Ничего.

Вот книжный, вот цветочный теремок с нелепой отделкой — Валерий прекрасно ее запомнил. Вот ювелирный магазин и банкомат в здании, самой прочной частью которого выглядела

дверная ручка. Восемь дней здесь располагался и павильон сотовой связи. А теперь исчез.

Валерий не поверил, не захотел поверить. Вышел наружу, прошел вдоль торгового комплекса. Не может быть… Стараясь не дать волю отчаянию, расспросил продавцов в соседних магазинчиках.

Павильона сотовой связи тут никогда не было.

Он сел в машину, тупо глядя перед собой. На лобовое стекло садились снежинки. В пакете возился и шуршал проклятый телефон. «А выкинуть его, — решил Валерий, — и дело с концом». Протянул руку — и боль пронзила аж до самого плеча. Чертова техника ударила током.

Хотелось плакать, бессильно ругаться, бить в стену кулаком и проклинать судьбину. Валерий растирал мышцы и скрипел зубами.

Вечером он налился в хлам.

Он мрачно наливался водкой, хрустел дешевыми маринованными огурцами, давился от отвращения и проклинал соседей сверху, не вовремя устроивших гулянку с танцами. Между бутылкой и невкусной семгой, взятой в том же магазине, где Валерию продали огурцы и водку — господи, он тыщу дет не ходил в такие лавчонки! — лежал мобильный телефон.

Выключенный. Но не ставший оттого менее ненавистным.

Валерий схватил аппарат и замахнулся, намереваясь швырнуть его в стену. Телефон ожил, по ладони прошла щекотка от виброзвонка. Валерий ругнулся и бросил вещицу обратно на стол, брезгливо морщась, словно по ошибке цапнул волосатую гусеницу.

На экранчнке возникла надпись: «Новое сообщение». Валерий долго смотрел на нее, потом решился.

«Нехорошо бить тех, кто не может дать сдачи».

Как и в прошлый раз, исходящим был указан собственный номер этого аппарата.

«Завтра пойду к психиатру. Однозначно. Или послезавтра, когда протрезвею, — думал Валерий. — Ах, черт, там же праздники… Ну ладно, тогда после Рождества».

— Мерзавец, — сказал он телефону. — Все из-за тебя.

И выпил. Телефон осторожно тренькнул — новое сообщение.

«Разве я виноват, что у тебя жизнь не сложилась?»

Валерий внезапно разъярился. Он грохнул кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнули стакан, бутылка й даже банка с огурцами. Стекло жалобно зазвенело.

— Т-ты… — выкатив налитые кровью глаза, шипел Валерий. — Что ты, дрянь электрическая, знаешь о жизни?! Да

как ты смеешь…

В эту минуту он жалел, что телефону нельзя начистить рыло. Очень хотелось. А сволочной аппарат еще издевался!

Новое сообщение: «Я много знаю о жизни. У меня невеста есть, той же модели. А жениться не могу — нет денег. Дай денег — отстану».

Валерий пьяно расхохотался. Потом взвыл. Потом еще выпил. А потом зачем-то разговорился с телефоном.

Тот оказался чудесным собеседником, этот малыш в стильном черном корпусе. И уж точно поумней большинства людей. Валерий старался не думать, как выглядит эта беседа — пьяный мужчина, успешный бизнесмен, порядочный во всех отношениях, хлещет водку и жалуется на жизнь мобильному телефону. А телефон сочувствует.

— Ну почему?! Почему?! — восклицал Валерий. — Что я делаю не так?! Почему мне тридцать пять, я не урод, денег полно — почему до сих пор один?! Я не ворую, не сижу на игле, не бью женщин… Что этим бабам не хватает, а? Почему у соседа жена есть, а у меня нет? Он же алкаш, родную маму пропьет — а его любят! Ну был бы я неудачником, так нет же!.. Вот ты — ты мне скажи. Что не так?

«Хочешь, познакомлю тебя с хорошей женщиной? Она такая одна. Но тебе больше и не нужно, верно?»

Бред. Сплошной бред. И хорошо, что о нем никто и никогда не узнает. Кроме психиатра.

— Познакомь.

«А ты мне поможешь? Я тоже хочу жениться».

— Ну и сколько тебе надо? — с трудом выговаривая слова, спросил Валерий.

«Тысяча долларов. Их хватит, чтобы мы с женой общались по SMS, пока не умрут батарейки».

— Мне сказали, у вас батарейки вечные… «Ничего вечного нет».

— А как ты эту тысячу на два счета распределишь? Ведь у твоей невесты на счету тоже не ноль должен быть… Или там ее хозяин расстарается?

«У нее хозяйка. Небогатая».

— Так как? Не понимаю. У вас общий счет?

«Тебя же не удивляет, что твоя женщина пользуется твоим кошельком. Не беспокойся. Я уже все распланировал».

— Ловкий… — пробормотал Валерий.

Как добрался до кровати, он не помнил. Поразило другое: утром почему-то не было похмелья.

* * *

Рождество… На этот раз свое, родное Рождество.

Валерий медленно ехал по широкой, дивно пустынной улице. В свете желтых фонарей плясали крупные снежинки. Окна домов словно подмигивали сквозь метель и яркую иллюминацию праздничного города.

На пассажирском сиденье важно развалился телефон. Валерий чувствовал себя законченным идиотом — он только что положил на счет тысячу долларов и теперь совершенно серьезно ждал результатов. Когда телефон тренькнул, у Валерия по спине побежали мурашки.

«Вон она».

По тротуару медленно шла женщина в длинном пальто и без шапки. Шла так подчеркнуто беспечно, что любой бы понял: она никуда не торопится. В этот праздничный вечер ее никто не ждет.

Валерий притерся к обочине. Женщина вынула руки из карманов, размахнулась и бросила что-то в сугроб. «Запомнил? Брось и меня туда же».

— Уверен? — у Валерия отчего-то пересохло в горле. — Подумай. Зачем вам жить на улице? Я могу закинуть вас на антресоли или на дачу отвезти… ну мало ли чего, так хоть крыша над головой будет.

«Мы хотим жить своим домом».

— Ну… прощай. Счастья вам.

Валерий заглушил двигатель, вышел. Осторожно, навесом, бросил телефон в снег и еле удержался от желания подойти — проверить, как он там. Постоял, улыбаясь.

Женщина неспешно удалялась.

Валерий на миг задумался, с чего начать разговор? Ему никогда не приходилось знакомиться на улице. Рука нащупала в кармане коробочку с округлыми боками. Валерий удивился — и вспомнил.

Обручальное кольцо. Он так и не достал его из кармана в новогодний вечер…

Валерий догнал женщину.

— Простите, можно вас спросить?

— Попробуйте.

— Почему снег белый, а тучи — серые?

— Потому что снежинки тени отбрасывают, — засмеялась девушка.

— Так просто?

— Да.

— А у меня телефон выманил тысячу долларов. Рассказал

ужасно трогательную историю о том, что хочет жениться и не может, потому что не хватает жалкой тысячи долларов. А у него — любовь.

— И вы дали?

— Естественно. Я ж не совсем бессердечный. И вообще я из тех людей, у которых бардак во всем, кроме работы. Все вокруг устраиваются, заводят семьи… Даже телефон — и тот женился. А я вечно третий лишний.

— А я свой телефон выбросила. Только что.

Скрипел под ногами свежий снег, и во всем мире было светло и тихо.

— Можно, я вам подарок сделаю? Все-таки канун Рождества. — Валерий протянул коробочку с кольцом.

Женщина раскрыла ее, ахнула, тонкие брови вопросительно изогнулись, Валерий почувствовал себя героем и осмелел окончательно.

— Как вас зовут? Женщина звонко рассмеялась.

— Вы всегда такой? Сначала дарите обручальное кольцо, а потом спрашиваете имя?

— Но вы же знаете ответ на вопрос, мучивший меня с детства: отчего снежинки белые, а тучи серые! — нашелся Валерий.

Женщина снова засмеялась. У нее был чудесный смех. Валерий пригляделся и понял, что сама она — точь-в-точь женщина его мечты.

— Валерия, — сказала она мягко. — Меня зовут Валерия.

— Поразительно, — только и смог пробормотать Валерий. — Меня зовут Валерий. Не верите? Хотите, паспорт покажу? А что вы думаете о прогулке по рождественской Москве? Мы могли бы…

Валерий вел женщину к машине и откуда-то знал: она не бог весть какая хозяйка, зато росла на той же музыке, что и он, и его книжная полка наверняка ей понравится. Еще она добрая, терпеливая и немного старомодная.

Отъезжая от бордюра, он подумал, что не пойдет к психиатру. Лучше сводит Валерию в… в… ну, неважно куда. Куда-нибудь. Хоть в палеонтологический музей.

Еще через пять минут Валерий напрочь позабыл, что познакомился со своей очаровательной спутницей благодаря телефону.

Ему казалось, так было всегда, рождественская ночь, чистый снег и серебристый смех женщины его мечты.

Два телефона одновременно ожили. Между ними оказалось

больше пяти метров — непреодолимое расстояние для тех, у кого нет ног. Но даже непреодолимые препятствия становятся лишь испытанием на прочность для тех, кто любит.

Два телефончика, манипулируя виброзвонками, упрямо ползли навстречу друг другу. Их разделяли участки открытого льда и тропинка, покрытая рыжим месивом. Но влюбленные не замирали ни на миг, пока не встретились. А встретившись, поползли в ямку под заснеженным кустом. И там они устроили гнездо.

Они лежали, помаргивая экранчиками и изредка обмениваясь SMS-сообщениями. Им было хорошо.

Ведь у них оставалось жизни на тысячу долларов. Целая вечность.

Александр Зорич

ПАСИФАЯ. DOC

1

Северный ветер проник в алюминиевый раствор фрамуги и в два невесомых рывка преодолел бледно-серое, заставленное компьютерами помещение, окрыляя листки договоров, четвертинки квитанций, цветные оттиски полиграфических макетов.

Клацнул стальной челюстью дверной замок, и начальница Фаины, заведующая отделом программ по прозвищу Волчица, скрылась в своем кабинете.

Послышался рокочущий звук выдвигаемого ящика — это Волчица полезла в стол за обеденным йогуртом, а может, за винегретом в банке.

С облегчением откинулась Фаина на спинку вертящегося офисного кресла — отбой воздушной тревоги!

Переменилось — с натужно-задумчивого на приветливое — и выражение ее лица. Волчица решила перекусить. Это значит, еще минут пятнадцать не перед кем будет изображать родовые муки старшего менеджера, занятого составлением летнего книжного каталога. В этот полуденный час в отделе программ Фаина была одна.

Пальцы девушки шустро простучали по бывалой клавиатуре со стершимися буквами.

Бодрячком подмигнула из нижнего правого края экрана иконка интернет-соединения.

И вот уже паруса наполнились попутным электронным ветром и броузер понес юзера Prinzessinn на североевропейский портал знакомств.

Вообще-то в немецком слове, означающем принцессу, только одна буква «n» в конце. Но к моменту появления Фаины нормальная Prinzessin среди желающих познакомиться уже была. Как и принцессины с цифрами, тильдами и подчеркиваниями — оказалось, монархическая идентичность по-прежнему пользуется немалым спросом. Фаина, однако, не отступила — приклеила к слову лишнюю букву «n». И вскоре благополучно влилась в число евроженщин со смутными аристократическими претензиями. На русский Prinzessinn можно переводить как Принцессса, через три «с»!

Поначалу среди эгоисток и психопатов ей было сложно. Но за три месяца Фаина привыкла.

Ну вот — «Доска Любви» (так переводила для себя название портала Фаина) загрузилась во всей своей многосложной флеш-красе.

Справа буквенным водопадом — список бездельников, сидящих в лав-чате.

Слева — «мой профиль». Там информация о владельце раздела, его фотографии и личный девиз — какое-нибудь «too old to die young» или замшелая геральдическая классика вроде «veni, vidi, vici».

Посередине «панель управления» — это учет и контроль, так сказать, бухгалтерия сетевой любви. Кому сережку из ушка, а кому и по уху лопатой.

«Моя статистика» — чуток правее. А сверху красным поездом о десяти вагончиках подрагивает на невидимых рельсах список прочих разделов сайта и доступных фич (вроде обзаведения суперстатусом супероднночки всего за 29.9 евро в месяц).

Фаина впечатала пароль в узкую прорезь — она приходилась в аккурат на ситцевую, с рюшами, грудь фотомодели, она обнималась с новообрященным любимым на заставке — и тотчас рванула в свой профиль, в статистическую партицию. Считать смайлы.

«Ну во-о-от…»

Улов был скудным.

Жалкого вида датский безработный инвалид с ником Brave_Lion, взятым назло правде жизни. Упитанный норвежский пенсионер (на юзерпике он, седенький и румяный, в джинсовом комбинезоне, распяливал пасть «фольксвагена»). Страшный, как смертный грех, бухгалтер неопределенной национальности. И на закуску лобастый жлоб Bibi из Инсбрука (Австрия) — длинные мясистые уши цейлонского будды, пустые глаза коммивояжера, мускулистый торс, омытый лазурно-курортными водами. «Люблю домашних животных и лес зимой», — рассказывает о себе Bibi.

Все четверо посылали Фаине смайлы — хотели познакомиться.

Так принято на «Доске» (впрочем, и на других сайтах знакомств). Посылаешь смайл. Если тебе улыбаются в ответ — быстренько стучишь письмо, дескать, был страшно рад смайлику, поражен красотой, как насчет кофе?

Смайлик солидно экономит время. Если писать сразу, не дождавшись поощрительного смайла, скорее всего вообще не ответят.

С холодным равнодушием Фаина проглядела профили улыбнувшихся, чуть дольше остановившись на фотоальбоме атлетического Bibi (41). (Цифра в скобках обозначала возраст, это Фаина знала еще по опыту чтения немецких таблоидов.) А вдруг какая-то деталь, какой-нибудь художественно безупречный поворот головы откроет ей, что нет, не все так плохо, что это

именно он, Он. Ведь бывает, что человек выбирает для своей «визитки» неважную фотографию, которая вследствие работы отлаженных механизмов самообмана кажется ему отчего-то на редкость удачной. В таких случаях фотоальбом способен восстановить справедливость.

Но нет. Явно не тот случай — на этой фотографии Bibi, снятый в обнимку с престарелым ротвейлером, изо рта которого свисает нить липкой слюны, сам похож на служебную собаку.

А вот он, наш Bibi, на пивной вечеринке. Фотографию резали в фотошопе по живому, притом резали неумелой рукой — от нежелательной спутницы осталось-таки рыхлое плечо и клок ломких блондированных волос, а от вечеринки — темный провал за спиной инженю, там пляшут зловещие хмельные тени.

Затем Фаина обратилась к своей лав-почте.

Усатый, с твердым подбородком турок по имени якобы Андреас (на самом деле, конечно, какой-нибудь Мохаммад, а если не Мохаммад, то тогда уже наверняка Али) на корявом немецком без запятых объяснял Полине, что «ее глаза полные дождя и расцвели в его душе как розы насмерть сразили». В конце Андреас-Мохаммад зачем-то сообщал, что не курит и согласен на переезд.

«Небось всем женщинам без разбора рассылает. Стандартная читка, типа спама про американский английский».

Следующим в списке оказалось письмо от невропатолога из немецкого города Зигмаринген. Доктора звали Робертом.

Он был ее единственным постоянным корреспондентом на «Доске» — Фаина отвечала на его письма более двадцати раз.

На то имелись веские причины. Во-первых, Роберт, как и Фаина, знал, кто такой Достоевский (поначалу Фаине приглянулся его псевдоним — Raskolnikov). Во-вторых, у него было узкое умное лицо, глубокие с печальной сумасшедшинкой глаза дореволюционного бомбиста и блестящие кудрявые волосы. В скобках рядом с его псевдонимом стояло число «35», что в целом отвечало представлениям Фаины (30) о возрасте своего потенциального избранника.

Пожалуй, если бы Фаине действительно нужен был сердечный друг, нервный доктор подошел бы на эту роль. Они могли бы поладить.

По-видимому, нечто подобное чувствовал и Raskolnikov.

Уже после третьей партии словесного бадминтона (они обменивались записками) он как бы невзначай предложил Фаине навестить ее на ее родном Крите, в городке Ретимнон. (На «Доске» Фаина выдавала себя за образованную гречанку, исповедующую греческую ортодоксальную веру и в совершенстве

знающую немецкий — это было и оригинально, и безопасно: на Крите она действительно бывала, а желающих поговорить с ней по-гречески категорически не наблюдалось.)

Фаина едва отбоярилась — выдумала срочную командировку в Индонезию.

Она знала: чем наглее ложь, тем легче в нее верится. И действительно — доктор угомонился, перешел на рассказы о работе и курсах китайской кухни, которые посещал. Правда изредка спрашивал, как там в Джакарте с погодой. Фаина шла на немецкий туристический портал «Reise, reise» и копировала оттуда последнюю метеосводку. Разбавляла ее жеманной отсебятиной вроде «из-за низкого давления все время хожу сонная». Доктор давал медицинские советы, сносно (для немца так и просто блестяще) острил и деликатно выправлял ее чуток скособоченные сослагательные наклонения. Интересовался, легко ли выучить греческий.

Фаина открыла письмо Роберта со смешанным чувством. Она приблизительно знала, к чему все идет.

«Ты не поверишь, мой начальник Вольке, к слову, несимпатичный и жадный выскочка, я писал тебе о нем, разрешил мне взять пятидневный отпуск в конце месяца. Напомни, в каком отеле ты остановилась, моя голубоглазая греческая принцесса. Надеюсь, в Джакарте имеются хорошие китайские рестораны…»

«Нужно было врать, что работаю в Новой Зеландии», — вздохнула Фаина.

Впрочем, даже Южный полюс Роберта не отпугнул бы. Потому что внешне симпатичные и внутренне порядочные мужчины регистрируются на порталах знакомств, да еще и как платные пользователи, только в одном случае: когда их одиночество становится состоянием физиологически болезненным, а мечты о настоящей любви, чьи атрибуты внезапность и нетипичность, — жгучими и маниакальными. Когда, как говорят в России, вообще — вилы.

В общем, не за Фаиной собирался лететь в Индонезию душка-доктор. Точнее, не вполне за ней. Но за своей мечтой о счастье, которая брезжила сквозь Фаинины небрежные письма. Мечты у Роберта было слишком много.

До Raskolnikov у нее уже был один случай. Сорокалетний вдовец прилетел на Крит из Франкфурта-на-Одере через четыре часа после двадцатиминутной болтовни с бойкой гречанкой в видеочате, о чем сообщил Фаине прямо из аэропорта — типа сюрприз, типа люблю тебя. Пришлось внести торопыгу — его звали по-киплинговски Balu — в черный список. И забыть навсегда.

Славный доктор Роберт тоже теперь «игнор». Жаль. Но что тут поделаешь? Ведь Фаина не в Джакарте. Не на Крите. И при всем желании она… Кстати, ее кажется зовут.

— Фаинушка, что там случилось? — озабоченный голос Волчицы раздался над самым затылком.

Незаметным движением пальцев переключаясь с «Доски» на рабочее окно, Фаина сделала себе выволочку за беспечность. Надо же — не заметить врага на дальних подступах!

К счастью, выражение лица у Фаины было таким кислым, что заподозрить ее в прожигании рабочего времени было трудновато.

— Да вот… Решаю, что с хэдером обложки делать, Дима только что принес… Они тут такого наверстали… Надо бы оживить…

В свободное от сетевых знакомств время Фаина трудилась над летним книжным каталогом, которым, в соответствии с торговой стратегией «Клуба Семейного Чтения», где она служила, предстояло бомбить женщин из русских селений.

Получив бесплатный цветной каталог, усредненная Мария Митрофановна, педагог из поселка Верхняя Шуя, обретала возможность заказать себе разнообразное и занимательное семейное чтение с доставкой по почте (доставка оплачивалась отдельно).

Цветные обложки бестселлеров «Хрен против морщин», «Надежный возврат мужа в семью» и «Тайные связи известных актеров» зазывно ныли с каждой глянцевитой страницы.

Ко многим книгам прилагались подарки от Клуба — бумажные зонтики для коктейлей (на кой хрен, казалось бы, они в Верхней Шуе?), трехслойные салфетки с гортензиями и хромированные двурукие приспособления для открывания винных пробок, сделанные в Китае. Книги с дармовыми зонтиками расходились особенно бойко… Соль шутки была в том, что цены на книги в каталоге были вдвое выше, чем цены в столичных книжных магазинах. Кое-что Клуб издавал сам, кое-что брал на реализацию в крупных издательствах. Предполагалось, что о существовании книжных (а стало быть и о величине «клубной» накрутки) педагог Мария Митрофановна не знала и никогда не узнает. Предположение было по сути своей верным. Клуб преуспевал.

Начальница нависла над Фаиной и, близоруко сощурившись, взглянула на экран.

На обложке каталога исполинскими буквами значилось: «Нас уже 10 000 000!». (И впрямь членами Клуба являлось именно столько женщин русских селений.)

«Если меня спросят, сколько именно конченых идиоток живет

в России, я знаю, что ответить. Их ровно десять миллионов», — говорила Фаине менеджер по связям с общественностью по имени Наргиз. Несколько дней назад она уехала в Канаду на ПМЖ.

— По-моему, неплохо, — сказала Волчица и машинально поправила серый шиньон на затылке. — Коды успеха, победы!

— Кажется чего-то не хватает… Надпись выглядит слишком официально, невыразительно. А что если тут сделать звезды? Как вы считаете?

— Звезды?

— Ну да. Такие звездочки. Как будто надпись «десять миллионов» поблескивает. Ну, как золотая, — предложила Фаина.

— Звезды? Великолепно! Таргет-группа вообще любит звезды, драгметаллы… Герру Дитеру тоже должно понравиться.

Фаина прилежно кивнула. Герром Дитером звали иноземного директора Клуба. Считалось, что Фаина робеет перед пятидесятилетним немцем, бывшим офицером Bundeswehr, обладателем классического пивного брюха и тонкого певучего голоса, и именно вследствие смущения говорит сбивчиво и краснеет.

Но Фаина, конечно, не робела.

Да таких Дитеров она, Prinzessinn, десятками вносила в игнор-лист, таким никогда не отвечала на их «любовные приветы», таким не слала смайликов, а с ними надежд на любовь и счастье. А краснела потому что боялась: герр директор об этом догадается.

2

Звякнул колокольчик на двери отдела программ — курьер принес материалы по книге «Кремлевская диета» из соседнего корпуса здания, его Клуб также арендовал у Института пищевых кислот. Книгу предстояло срочно вставить в каталог — ожидались мегапродажи.

«Кто бы мог подумать, что слово «Кремль» по-прежнему продает любую херобень не хуже коктейльных зонтиков… Товарищ Ленин мог бы гордиться. — Фаина задумчиво покрутила пакет в руках. Вскрыла его. Наморщила лоб. — «Кремлевская диета… Что-то знакомое…»

Она попыталась вспомнить, в чем суть такого питания, но в голову не шло ничего кроме красной икры, фаршированной черной икрой.

Она бросила документы на стол перед монитором, перелистнула книгу, с брезгливой тоской рассмотрела обложку — плоскогрудая дива вонзает фарфоровые резцы в ярко-зеленое яблоко… — и вновь нырнула в сеть.

Многие мужчины «Доски», если верить тому, что они о себе сообщали, страстно мечтали создать семью. Причем даже преклонные годы не отвращали их от этого желания. Поначалу это страшило романтическую Фаину, склонную связывать брак с любовью, а любовь — с молодостью или хотя бы зрелостью.

Сама она создавать семью с кем-либо из обитателей «Доски» не собиралась. Как минимум потому, что у нее уже был муж с уютным именем Алексей.

И сугубо биологический секс не увлекал ее — профили ловеласов, подыскивающих партнершу на ближайшие выходные, она даже не просматривала.

В ту же презренную категорию попадали и желающие найти себе компанию для отпуска.

«Ищу спутницу для поездки в Таиланд», — сообщал гламурный брюнет Hugo (36).

«Ага, в Тулу со своим самоваром», — и, темпераментно щелкнув мышью, Фаина удалялась.

В «Шпаргалке для одиночек», которая вываливалась, если нажать на соответствующий пункт меню, психолог д-р Моника Райснер объясняла желающим познакомиться: «Первым делом нужно осознать, чего именно ты хочешь». Фаина знала, чего хочет. Причем задолго до прочтения «шпаргалки», задолго до Интернета. Знала со времен наливных прыщей и школьных дискотек с «Модерн Токинг». Она, как и многие на «Доске»,

хотела волшебных снов наяву, жарких, как критские ночи, хотела небывалого.

Но только совершенно невозможно было внятно объяснить суть этого небывалого завсегдатаям чата, заваливавшим друг друга лав-открытками и лав-телеграммами.

Впрочем, Фаина и не старалась. Она быстро покончила с русской привычкой изливать встречным душу и научилась мягко захватывать инициативу во всяком разговоре.

Marllboroman. Прицессса, почему ты здесь?

Prinzessinn. Хочу изменить что-нибудь в моей жизни.

Marllboroman. Наверное у тебя нет друга?

Prinzessinn. Нет. А у тебя девушка есть?

Marllboroman. Вообще-то есть. Как раз мой тип — тоже брюнетка, как ты. Ее зовут Ульрика. У нас с ней крепкие отношения. Наверное мы скоро поженимся.

Prinzessinn. Тогда почему *ты* здесь?

Marllboroman. Гм… Понимаешь… Черт, не знаю как сказать.

Prinzessinn. Давай уже как-нибудь.

Marllboroman. Ну… Видишь ли… Черт, правда без понятия!

Prinzessinn. А она знает, что ты здесь?

Marllboroman. Кто?

Prinzessinn. Ну, твоя подруга, Ульрика.

Marllboroman. Нет… Я думаю, что нет.

Prinzessinn. А если она увидит твою фотографию? Случайно сюда зайдет — и….

Marllboroman. Не зайдет. Она ходит на meet-the-one.de.

Prinzessinn. Ты поставил грустный смайлик. Тебя огорчает то, что Ульрика ходит на сайт знакомств? И ты решил ей отомстить?

Marllboroman. Принцессса, ты, случайно, не из спецслужб? Прессуешь очень профессионально… Ты кем вообще работаешь?

Prinzessinn. Пытаешься сменить тему? Лучше ответь мне, это важно.

Marllboroman. Ну хорошо. Отвечаю. Мне наплевать куда Ульрика ходит. Я лично хожу сюда потому, что мне… ну… хочется думать, будто что-то еще такое в жизни случится. Может случиться. Ну такое… Понимаешь? Вроде как за мной пришлют летающую тарелку и она заберет меня в космос, где начнется совсем другая жизнь, среди других людей… Где мне будет уже не тридцать восемь и работать я буду не специалистом по охладительным установкам, а… я не знаю… ловцом жемчуга!

Prinzessinn. А Ульрика?

Marllboroman. Да что ты заладила!

Prinzessinn. Ну извини…

Marllboroman. Послушай, Принцессса… Мы так хорошо беседуем… У меня еще ни с кем так не выходило… Даже с Ульрикой. Послушай… Может встретимся в реале? Кофе попьем. Можно даже пива (если ты хочешь). Тут возле Потсдамер Платц есть одно отличное место. Ах черт, ты же на Крите живешь… Почему я думал, что в Берлине? Принцессса… Эй, Принцессса! Ты куда подевалась? Ау!

Причиной исчезновения принцессы Фаины из чата была, как обычно, Волчица. Она зашла узнать, как обстоят дела с ответами на письма читателей на предпоследней странице каталога. Фаине пришлось много и изобретательно врать.

Поначалу Фаине нравилось бывать в чате. Но потом ее вниманием завладела поисковая машина «Доски». Вводишь в специальную форму свой «тип мечты» — возраст, пол, место жительства, знак Зодиака, цвет глаз, сложение, — и понеслось.

Фаина могла подолгу разглядывать фотографии найденных для нее мужчин, размышляя на антропологические темы.

«Почему так мало красивых людей? Таких по-настоящему красивых, в высоком смысле слова, как статуи греческих богов? Почему мужчины северного типа так долго взрослеют и даже после тридцати выглядят немного как нюни, а мужчины южного стареют слишком уж рано и к тридцати выглядят как начавшие подгнивать апельсины (такие можно купить по 20 рублей за кг в супермаркете). Почему турки и африканосы думают, что их в принципе могут полюбить белые женщины? Почему, наконец, европейские мужчины так любят фотографироваться в клетчатых рубашках и солнцезащитных очках?»

Однажды, шутки ради, она заставила поисковую машину прошерстить профили завсегдатаев «Доски» по словам «греческий бог».

«Ваш запрос обрабатывается. Ожидайте», — был ей ответ.

3

В тот день она уходила домой сама не своя. Даже ненаблюдательная Волчица заметила блеск голубых Фаининых глаз, в котором было какое-то несвойственное ей беспутство.

А произошло вот что. В самом начала рабочего дня Фаина залила кипяток в чашку со съемным фарфоровым ситом (там прела заварка) и села за составление подростковой странички.

«Так-так… «Война роботов и магов», «Фейерверк своими руками» и, пожалуй, «Уголовный кодекс РФ с комментариями сотрудника детской комнаты милиции»…»

Но не успела она закончить короткую аннотацию к «Войне роботов» («Задача Федора — спасти обреченную галактику и свою одноклассницу Лену, случайно оказавшуюся в средневековье…»), как вполне созревшее мучительное желание узнать что там, на «Доске», буквально вышвырнуло ее из косноязыкой реальности пятнадцатилетних космических капитанов.

Имя, пароль, «Добро пожаловать, Принцессса!»

Смайлы в то утро она не смотрела — разглядывание профилей просватавшихся ей приелось. Сразу — в почтовый ящик.

Фаина ожидала объяснений доктора Роберта, который, очутившись в черном списке, будет, конечно, во всем винить себя — «я осознаю, что был слишком настойчив…» — и начнет иступленно извиняться. Ведь извиняться — излюбленное хобби немецких мужчин, куда там мотоциклам. Однако вместо Raskolnikov ей писал некто White_Bull.

«Посмотри на меня. Я тебе нравлюсь?»

Фаина скосила глаза на юзерпик в верхнем правом углу письма.

На фотографии — голова быка, белого красивейшины. Огромные влажные глаза, мармеладный нос, колечки дивной шерсти на широком лбу.

Фаина закусила губу в недоумении. Она внимательно читала правила «Доски». И знала, что юзерпики, не являющиеся фотографией самого зарегистрированного члена сообщества, там строжайше запрещены (как и фотографии обнаженной натуры). Нельзя кадрить одиноких девиц в обличье Тома Круза, матроса Папая или Наполеона Бонапарта. Потому что на сайтах знакомств, как, кстати, и на порносайтах, ценится именно реализм.

Сначала Фаина думала не отвечать.

«Что за идиотизм? Наверное новенький. А модераторы еще не

разобрались что к чему. Может, на работу еще не вышли. Вот просмотрят новые поступления — и удалят юзерпик с быком, потребуют заменить его на новый, человеческий. Чтобы порядочек, орднунг».

Фаина снова глянула на фотографию. Трогательная все-таки зверюга — бык. Мощная, пышущая жизненной силой. Какая-то очень подлинная, под знаком Земли. Рога такие, как пластмассовые… Реснички… Ах! Пальцы сами потянулись к клавиатуре. И набили ответ White_Bull.

«Я на тебя посмотрела. И ты мне нравишься».

«Пошли в видеочат, а?» — тотчас предложил White_Bull.

«Сейчас, что ли? Сейчас я не могу. Я неважно выгляжу, у меня рабочий день, и, наконец, мне надо бежать на планерку».

«Слишком много причин!» — сопроводив свои слова скептической рожицей, написал бычок.

«Так обычно и бывает в жизни», — ответила Фаина и покинула «Доску».

Сердце ее бешено стучало внутри щекочущей пустоты. Что-то сильное, древнее пробивалось сквозь наслоения биографического мусора.

Однако дел действительно было невпроворот, тут она не солгала. Целых два часа Фаина размышляла исключительно о разделе «Идеальная фигура».

В обеденный перерыв она все-таки не удержалась и заглянула на «Доску», нет ли чего. Беленький (она уже дала ему прозвище) не писал. Но прислал смайлик. Ой, еще один!

4

Сложный замок «Mottura» отлаженно клацнул дважды, трижды, четырежды и наконец впустил Фаину. Она включила свет в прихожей, водрузила сумку на пластиковый тубус с грязным бельем и, сощурившись, заглянула в комнаты.

Сквозь пупырчато-стеклянное окошко двери, ведущей на кухню, желтел свет — значит, все дома.

— Ты почему не открывал? Я звоню, звоню… — спросила Фаина, лобзая подставленную щеку классическим супружеским чмоком, по которому всегда можно отличить интеллигентную семью от счастливой.

— Серьезно? Я не слышал. Дверь была закрыта, — ответил муж с уютным именем Алексей (29). — Извини, у меня там сигарета незатушенная.

С этими словами Алексей порысил на кухню, мреющую в клубах сигаретного дыма.

Алексей нисколько не был похож на завсегдатаев «Доски», хотя внешность у него была самая что ни на есть североевропейская. Белобрысый, спортивный, с кусачей рыжеватой щетиной на бледном безвольном подбородке и прямым тонким носом. Он даже носил костяные мужские бусы, короткие носки и клетчатые брюки с мятыми джинсовыми пиджаками (все это, правда, выбирала ему Фаина). Но вот выражение лица у него было очень русским: капитан бригантины «Алые Паруса», опоздавший к отплытию своего судна в направлении Ассоли.

— Есть будешь? — поинтересовался из кухни Алексей.

— Ага, — откликнулась Фаина, стягивая через голову серое трикотажное платье. Следом на кресло полетел кружевной лифчик и капроновые колготы (их Фаина деловито понюхала перед тем, как отбросить). Обстановка полуосвещенной гостиной, казалось, исподтишка наблюдала за этим разоблачением.

— Готово! — из-за стены отрапортовал Алексей, и Фаина, на ходу застегивая халат, потянулась на запах пищи.

В глубокой тарелке перед ее носом набухал брикет вермишели быстрого приготовления. Кипяток затопил его, как море Атлантиду. Вакуумированные специи плавали над вермишельным островом обломками культурного кораблекрушения.

— Родители тебе привет передавали, — сказал Алексей, притискивая ножом к геометрически правильному ломтю ржаного хлеба (в последнее время они покупали только нарезаный хлеб)

пахучий клин плавленого сырка.

— Спасибо. Ты им тоже передавай. Как там у тебя на кафедре?

Алексей, который работал в биохимической лаборатории, принялся рассказывать — как.

Улучив минутку, Фаина нацепила на лицо гримасу сдержанной заинтересованности и отключилась, размышляя о криминальном разделе книжного каталога. Этот раздел в «Клубе Семейного Чтения» обустраивали тщательно и любовно. Ведь он был старейшим. Фактически, с него и с «Сам себе доктор» («Исцеление шашлыком», «Йоги против изжоги») и начиналась великая эпоха каталожной торговли. До недавних пор «Крими» (как любовно называли его сотрудники) со своими «Брателло в Анталии», «Накернить президента», «Зона для Бизона» уверенно лидировал по продажам. И хотя в последние два года вперед вырвались «Рукоделие» и «Магия Любви», к криминальному развороту отношение было такое же, как к четырехкратному олимпийскому чемпиону или участнику штурма Берлина… Теперь детективы читали сравнительно мало, причем на каждой планерке муссировался вопрос почему.

Фаина знала почему. Нет, вкус народа не улучшился. И даже уровень жизни, который якобы вырос, тут был ни при чем (потому что в Верхней Шуе вырос он на величину прожиточного минимума кошачьей блохи). Просто в девяностые криминальный боевик, который отчего-то звался детективом, не столько развлекал, сколько играл роль, присущую почти уже литературе — роль плохонького, но все же путеводителя по Новой Реальности. И хотя к настоящей жизни с ее мокрыми ползунками, слащаво-трагическими песнями Надежды Кадышевой, разносящимися над слякотной клоакой вещевого рынка, и поддельными духами «Annanas» на восьмое марта от свекра, три месяца не получавшего на заводе зарплаты, все это отношения почти не имело, было все же что-то хотя бы в деталях правдивое. Отличное от липких фантазмов издыхающих толстых журналов. Отличное от тягучего квазиготического бреда из кирпичей героической фэнтези. Отличное от залитых спермой и добрым бургундским басен про альковную жизнь королевских дочерей и магнатш из любовных романов (в них по велению герра Дитера очкастые переводчицы добавляли десятки страниц описания соленых куннилингусов в морском прибое). Короче, это было самое близкое из далеких приближений к реальности. И Марии Митрофановны были втайне благодарны бешеным и меченым за то, что те не оставили их один на один с дизайном (как сделали это советские писатели и их веселые друзья диссиденты, всей

оравой сгинувшие на славянских кафедрах по беспечным сытым заграницам). Но, конечно, конкуренции с робкими купчихами робски и мятущимися духлесс-менеджерами, которые приблизились к описанию точки сборки российского социума еще на миллиметр, все эти афганцы-опера-фартовые-фраера просто не выде…

— …и если они думают, что я буду чисто на энтузиазме вести чужие практические только потому, что Лозовой решил посетить все стажировки на планете Земля, то они крупно ошибаются. Правильно я говорю? — пробасил Алексей.

— Угу, — промычала Фаина, втягивая губами сразу несколько горячих, пахнущих перцем и куркумой вермишельных червячков.

— А еще, меня Краснящих, кажется, берет в свою программу. С сентября уже деньги пойдут.

— Ну, классно…

— Да, меня сегодня сам Главный поздравлял. Вещал что-то пафосное — типа я теперь должен буду проявлять инициативу, про задел на докторскую…

Фаина кивнула. На планерках в кабинете герра Дитера от сотрудников Клуба тоже требовали инициативы. Остро стояла тема новых разделов (считалось, что каталог должен месяц от месяца увеличиваться в размерах, как беременная женщина). Коллеги Фаины вяло предлагали всякую ерунду типа «давайте о велосипедах страничку сделаем» или «а вот еще можно вышивание гладью выделить». Фаина точно знала ответ на вопрос, что еще нужно простому русскому читателю — раздел про Великую Отечественную. Чтобы мемуары. И про танки. И классика. А для детей и подростков — про форму солдат и опознавательные знаки на крыльях самолетов. Потому что в надфизическом обобщенном Русском Мозге есть целая мозговая доля, выделенная на *это*. И не скоро доля эта отсохнет. Однако на планерках Фаина безынициативно помалкивала. Знала ведь, никогда «Клуб Семейного Чтения» не сделает военно-исторического разворота.

Во-первых, потому что пытается быть жизнерадостнее итальянского телевидения («Наша позиция — позитив!»).

Во-вторых, любая дура из отдела маркетинга и продвижения будет, морщась и повизгивая, доказывать, что женской таргет-группе все эти великие победы, неуловимые диверсанты, сталинские соколы и панцеркампфвагены до лампочки, просто потому что это женщины, вы психологию учили, Фаина? Вообще-то Фаина могла бы возразить: ведь покупают же эти женщины криминальные боевики! Читательницы волокут с почты густым

потом пахнущие книги про комбатов, потому что им не хватает мужского, мужеского. И, устраивая на полке очередного «Контуженого», они, млея от собственной смелости, представляют, что рядом с ними почти есть или вот-вот появится мужчина, который всю эту кровавую галиматью будет читать между рыбалкой и ночной сменой. Так вот, покупая книгу о Курской дуге, эти теточки будут думать в точности то же самое! Только нафантазированный ими мужчина будет повыше рангом — может, инженер, ну, или после техникума. В общем, как папа мой покойный, Иван Ильич.

В-третьих же, Фаина молчала, потому что успела узнать своих немецких боссов настолько хорошо, чтобы уяснить: тонкий покаянный звон души, который можно расслышать за лязганьем танкового железа и буханьем бомбен унд гранатен, а также трагическое упоение поэзией гибели на поле брани они считают прерогативой исключительно своей нации и ни за что не пожелают по своей воле допустить к этому волшебному колодцу русских сви… русских своих покупателей.

— Пиво будешь? — спросил Алексей.

— Ага, — сыто кивнула Фаина.

Алексей живо убрал посуду в мойку из нержавейки и метнулся к холодильнику. Зашипела укушенная открывашкой бутылка, потом еще одна, для Фаины.

— Вот, трудяга. Тебе, — сказал Алексей, пододвигая пиво к жене.

Уютные повадки Алексея, его кротость, вежливость и спокойная сила уже не первый год вызывали у Фаины эмоцию глубокого умиления. Липами и березами среднерусской возвышенности пахло от его волос. Глядя на его домовитость, покладистость, невзыскательное трудолюбие Фаина думала вот о чем. Нет, вовсе не одиночество и не тоска по иностранному влекли ее на «Доску», к чувствительным люксембургским холостякам, швейцарским любителям роликовых коньков, польским альфонсам и турецким онанистам. Но ожидание кого-то, кто не был бы иностранцем, но в то же время и не был бы русским. Ожидание кого-то вроде Беленького. Бычка какого-нибудь. Человекобычка.

— Послушай, тебе бычки нравятся?

— В смысле, в томате?

— Нет. Быки!

— Бандиты ты имеешь в виду?

— Нет. Быки. Понимаешь? Животные.

— А-а, в смысле быки. — Алексей приставил указательные пальцы ко лбу.

— Да.

— Ну как тебе сказать? — Алексей поднял на Фаину растерянные глаза. — Наверное. Только я их особо никогда не видел.

— А в деревне?

— В отличие от некоторых, — подмигнул Фаине Алексей, — я горожанин в седьмом колене.

— Мало ли! Ты что, в деревне никогда не был?

— Там как-то не было быков. Коровы, кажется, только. Такие, с выменем.

С пивом Фаина справилась быстро. И хотя на душе у нее распогодилось, виду она не подавала. В образе уставшей на службе страдалицы имелась масса сценических преимуществ.

— Повторим? Там еще две бутылки есть, — предложил Алексей в антракте между поношением конкурирующих грантососов из Института биохимии и отчетом о плановом ремонте их престарелой «ауди» (14).

— Ну, давай, — согласилась Фаина.

Алексей извлек из холодильника еще бутылку, открыл. И, прежде чем возвратиться в кресло, присел на корточки перед Фаиной и положил свою медово-русую голову ей на колени. Он делал так всегда, когда хотел показать, что алчет услад плоти.

— Нужно было вина купить, — досадливо сказал Алексей, накрывая своей рукой руку Фаины, которая перебирала пряди его волос.

— Ага. Без Бахуса Венера холодна, — хмыкнула Фаина. Она воспользовалась минутой, когда Алексей на нее не смотрел, чтобы состроить пресыщенную ядовитую гримасу.

— Что ты сказала?

— Это Теренций сказал. С курса антички запомнилось…

— А?

— Не бери в голову.

5

На следующий день Фаину послали инспектировать почтовые отделения на окраине города.

Хотя основной контингент Клуба проживал в далеких пригородах, городишках и поселках городского типа (туда ездили агитировать желтые автобусы с эмблемой в виде раскрытой книги, над которой склоняли анатомически правильные лица мама, папа и сын), про жителей городских окраин тоже забывать было нельзя. «Курочка по зернышку клюет», — говаривала по этому поводу Волчица, в прошлом — преподаватель Сельхозтехникума.

Инспектору Фаине полагалось выяснить, поступают ли в почтовые отделения плакаты с рекламой Клуба и бесплатные каталоги, отрабатываются ли розданные взятки (приказ развешать всюду плакаты Клуба должен был поступать от начальства), заполняются ли тетрадки со статистикой. Сколько человек выразило интерес к клубным программам? Сколько роздано бесплатных каталогов? Брошюр? Ну и передать конверт с наличностью директрисе отделения номер сорок четыре с высокой, дотверда залакированной прической.

Ясно, что с такой программой Фаина чувствовала себя средним арифметическим между маршалом Жуковым, рекогносцирующим вражеские позиции на Ржевском выступе, и бундесканцлерин Меркель на встрече лидеров Африканского континента. На языке вертелось «расстрелять», «почему ведро не покрашено?» и еще «шайзе!».

Почтовое отделение, которое стояло в плане обхода вторым, хотя и имело номер из двух четверок, выглядело максимум на трояк.

Советское, постсоветское и навсегда русское сопряглись в его, с позволения сказать, дизайне в неказистый, но живучий, как дворняга, визуально-смысловой конгломерат: на старорежимном стенде «Передовики производства» с вырезанными из пенопласта красными буквами чванились усыпанные червонцами плакаты лотереи «Миллион» и непотопляемой «Спортлото», а под вывеской «Наш почтовый индекс…» и «Сегодня… число» была приколочена полка, где сияли мягким византийским светом Богоматерь Оранта, Спас в Силах и Николай Угодник.

Полуподвальное помещение с пожелтелым плющом на стене и вытершимся линолеумом было наводнено женщинами за тридцать.

Все они стояли в очередях, с разной степенью унылой

обреченности опершись о стены, и затравленно взирали на входящих.

Девицы с той стороны стекла оголтело лупили штампами по конвертам и обертывали бандероли. «Деньги на погребение кто выдает? Моя фамилия Ясюк!», «Сколько стоит заказное по России?», «Коммунальные платежи до которого часа принимаете?»

Фаина остановилась возле рекламного стенда и вынула записную книжку — фиксировать.

«Так-с. Плакат формата А2 имеется. Это плюс. Но плакат прошлогодний, вариант К–014 «Басков с букетом», один из телефонов на нем устаревший. Это минус. Фирменный желто-красный ящик с каталогами есть. Это плюс. Но туда зачем-то навалены бесплатные номера газеты «Садовод и Огородник». Это минус…»

Рядом с Фаиной беседовали двое немолодых мужчин, которые дожидались своей очереди в окошко заказной корреспонденции.

Один, с китайским фотографическим кофром на плече, держал в руках широкий, втрое шире обычного, тяжеленький конверт с разъезжающимися строками адреса, но без марок — как видно с фотографиями. Второй был типичным интеллигентным прилипалой — ожидал, когда его товарищ отошлет-таки свое заказное и угостит его выпивкой.

Фотограф бравировал перед бедно одетым товарищем своей востребованностью.

— Вчера службу знакомств снимал, «Гименей». Знаешь, в Доме пионеров. Там еще вывеска: «Замуж в Европу».

— Возле военной прокуратуры?

— Ага.

— Типа невесты наши, женихи — ваши. Службе по пятьсот еврашек с каждого заключенного брака.

— Чтоб я так жил, — крякнул собеседник.

— Ага. Бабцы ломятся как ненормальные. Фотографий приличных ни у кого нет. Ну то есть им кажется, что есть приличные, а директору так не кажется, у них же там все «евро». Ну, мне директор позвонил, одноклассник мой Эдик. Говорит, подсобляй. Ну я тут как тут, сделал им скидку — за опт. Захожу, а у них там помещение танцкласса, телки сидят на стульях вдоль стен с зеркалами. Все такие загадочные, приоделись, смотрят бешено так, будто глазами хотят изнасиловать… Сюр, понимаешь?

— Да ладно — сюр.

— Тут я захожу, бухаю штативом об паркет и говорю так, по-

командирски: «Товарищи невесты! Сниматься будем по пояс!» Угадай, что эти дуры тут начали делать?

— А я знаю?

Фотограф наклонился к приятелю и понизил голос, но Фаина все равно расслышала.

— Они со своих стульев повскакивали и начали блузки расстегивать, лифчики скидывать. Они думали, я их голыми по пояс снимать буду.

— Хм, — осклабился собеседник.

— Начали сниматься, потом пришел Эдик, начал им нотации читать. Типа что вы на себя понапяливали, дуры? Хотите замуж за иностранца? Так, быстро все в «Секонд хенд», два раза в машине прокрутили — и надели, без разговоров. А то, говорит, вы, девочки, в этих своих тряпках с вещевого рынка на шлюх похожи, а не на хранительниц домашнего очага!

Ну и далее в том же духе. Фаина устала слушать. Она поняла, что если сейчас же не выкурит длинную тонкую сигарету, то, не ровен час, упадет в обморок от духоты, глухого рокота голосов, от испарений беспросветного человеческого быта.

Ступеньки, выложенные желтым кафелем, вывели Фаину к свету. Она пристроилась возле бетонной урны, закурила.

Слева от жестяного козырька почтового отделения горела вывеска: «Интернет-кафе».

Сквозь чистое металлопластиковое окно виднелись два ряда компьютеров, каждый со своей, обведенной кружком, черной цифрой на мониторе.

Там, в голубом полумраке, группа прилично одетых подростков сообща гоняла зомби, уткнувшись в мониторы. Школьница искала реферат. Одутловатый бизнесмен рассматривал модели ноутбуков на сайте японского товаропроизводителя, и пластиковый стаканчик с растворимым кофе дымился у его локтя.

От этой картины веяло таким торжеством духа над материей, таким комфортом, такой свободой от известного, что Фаина испытала почти физиологическое желание сесть на одно из незанятых мест.

Она бросила недокуренную сигарету на асфальт, расплющила огонек каблуком и бросилась в кафе.

Загрузила «Доску». Первым делом — в личный профиль Беленького.

Раздел был заполнен на немецком и английском. Сличив варианты, Фаина пришла к выводу, что обоими германскими наречиями незнакомец владеет бойко, но слишком уж разговорно, без литературной подкладки, как какой-нибудь

тертый администратор трехзвездочного отеля в солнечной Испании. Впрочем, Фаине было не до красот слога, как и всем, кого влечет голый смысл.

Статус: VIP-пользователь. Тип внешности: красавец, бутуз. Телосложение: крупное, спортивное. Вес: 600 кг. Рост: 155 см (в холке). Цвет волос: пепельный блондин. Особенности внешности: на правой передней ноге черный носочек. Знак Зодиака: Телец, год Быка. Семья: отсутствует. Дети: не знаю сколько, много. Профессия: творческая. Что любит: природу. Что не любит: испанскую корриду. Девиз: «Украшать и устрашать». Любимое блюдо: розовый клевер. Хобби: телки, прогуливаться. Место жительства: не названо.

Фаина так увлеклась, что когда смотритель кафе, по виду студент-заочник, робко дотронулся пальцами до ее плеча, она отреагировала не сразу.

— Девушка, у вас все нормально?

— Да. А что?

— Сейчас технический перерыв часа на два. В трансформаторе будут начинку менять.

— Слушайте, но это же свинство! — зачем-то возмутилась Фаина.

— Мы вообще вешали на дверях объявление. Там точное время указано.

Насупившись, Фаина закрыла все свои окна, расплатилась и вышла в знакомый двор. Половина двенадцатого. Спрашивается, куда подевались полтора часа?

6

Во вторник Фаина не стала выходить на обеденный перерыв. Вместо фастфуда «Мексикана» она отправилась к Вениамину, своему приятелю из отдела верстки.

Считалось, что между Фаиной и Вениамином (28) что-то есть — само сходство их имен работало на эту иллюзию.

Представительницы старшего поколения, вроде Волчицы, уже не первый месяц ожидали, когда же Фаина дрожащим голосом объявит о грядущем разводе с Алексеем и обручится с Вениамином («Я же вижу, девочка страдает», — грудным голосом, упирая на последнее «а», откровенничала Волчица в кабинете главбуха). Циничные ровесницы гадали, что Фаина в нем нашла. Плотный, сутулый, обросший неряшливой каштановой бородой, не выговаривающий половины букв (причем всякий раз это была новая половина) Вениамин не пользовался популярностью даже в текильном угаре корпоративных вечеринок.

Фаину и Вениамина связывала обоюдная любовь к мультсериалу «Саус парк». Он тянул для Фаины из Интернета новые серии и записывал их на сидюк.

В качестве ответной услуги Фаина носила для младшей сестры Вениамина видеокурсы по английскому — остались с иняза.

Уйти просто так, спрятав в пакет свежий диск, Фаине было неловко, поэтому обычно она приглашала Вениамина покурить на лестницу.

Кроме «Саус парка», целиком посвященного аццкому отжигу американских младших школьников, говорить им было, в сущности, не о чем.

Время от времени их интеллектуальный интим нарушал захожий курильщик — какой-нибудь корректор в очках с линзами от телескопа или задроченный жизнью технолог, которого занесло в контору из типографии. Вениамин и Фаина смолкали, упершись задами в подоконник медленно изменяли положение ног, делали последнюю, особенно глубокую затяжку и уже в полной тишине давили окурки о жестяную внутренность банки из-под «Нескафе». Почему-то считалось, что они при этом краснеют от смущения и бледнеют от стеснения — как влюбленные бесприданницы в романах Джейн Остин.

— Ты шта! Баттерс — вот эта мой люпимый перс, — откровенничал Вениамин, выпуская дым красными чувственными губами. — Эта наферна патаму, шта он мне напоминает меня в детстве. Такое тоше несчасье на ношках.

— А я в детстве была похожа на Венди, подружку Стэна. У меня даже берет розовый был, как у нее, папа из Польши привез. Такая я была целеустремленная, правильная. Когда меня в детском садике спрашивали, кем я хочу стать, я отвечала: «Царицей». Все думали, я буду VIP! Ну космонавтом — это по меньшей мере. Или может Послом Советского Союза — мадам Кольцовой из фильма. Наша учительница немецкого на выпускном даже прослезилась, подарила мне серебряную цепочку, на счастье. А я стала… ну… — Голос Фаины стал глуше, она обвела лестничный пролет неопределенным жестом, в котором не понятно чего было больше, печали или надежды на то, что однажды мановением волшебной палочки старинный проектный институт, где квартирует Клуб, превратится в Зимний дворец. — Короче, никто не ожидал, что я стану всего лишь менеджером книжного бизнеса.

— Эта ешо ничихо. У миня один отноклашних заштрелилзя. Друхой — замерс ночью на оштановке, пьяный. А третий, Фалерка, рапотает на вьетнамшком рынке, упирает там. Так шта, Фаинька, по шреднему ты натурально царица.

Фаина задумчиво затянулась, как бы обкатывая в уме сентенцию Вениамина. Но тему развивать не стала.

— Знаешь, Вень, раньше я никогда не замечала, сколько в «Саус парке» коров.

— Кохо?

— Ну коров. Бычков, коровок разных. Эта серия про то, как Стэн, Кайл и Картман спасают телят, которых собираются отправить на бойню. Помнишь? Потом там в самом начале серия была про осеннюю ярмарку, целое стадо бегало по округе от инопланетян…

— Из шивотных там мне польше нравитса вишлобрюхая швинья Картмана. Ошопинно в той шерии, хде ее шобирались шлучить шо шлоном, штобы получилишь мутанты. А штобы шлучить накачивали пивам. Зачотно, шкажи?

— …Еще была серия с бычками-гомосексуалистами, — невпопад промолвила задумчивая Фаина.

Длинный столбик пепла отломился от кончика тонкой белой сигареты, которую она держала ровными, как карандаши, пальцами и невесомо приземлился на шершавый бетонный пол.

7

Стоило Фаине появиться в общем чате «Доски», как Беленький коршуном налетел на нее. Рядом с его именем по-прежнему красовалось фото бычка. Неужели модераторы прошляпили? Хотя в глубине души Фаина уже начала подозревать, что… в общем, что все гораздо сложнее, чем казалось.

White_Bull. Где ты была, Принцессса?

Prinzessinn. Флиртовала в привате с одним голландским мужчиной, Гарри (38).

White_Bull. На твоем месте я не стал бы завязывать отношений с голландскими мужчинами.

Prinzessinn. Почему?

White_Bull. Потому что голландские дети вырастают на голландских сказках, где добро всегда курит зло.

Prinzessinn. Баян!

White_Bull. При чем тут музыкальные инструменты?

Prinzessinn. У нас в Греции так говорят, когда шутка старая.

White_Bull. Да ну? Ты гречанка?

Prinzessinn. Да.

White_Bull. По паспорту?

Prinzessinn. Да.

White_Bull. А на самом деле?

Prinzessinn. Так я тебе и сказала.

White_Bull. Ладно, сам догадаюсь. Но на немку ты все равно не похожа, хотя и стараешься.

Prinzessinn. Лучше расскажи, как у тебя?

White_Bull. Познакомился с одной телкой из Норвегии, зовут Труда. У нее муж работает на буровой платформе «Статойл» вахтовым методом. По три месяца дома не бывает. Сейчас как раз идет второй месяц. Можешь себе представить…

Prinzessinn. Что представить?

White_Bull. Накал любострастия.

Prinzessinn. Какие сложные слова ты употребляешь! Я прямо-таки вспотела.

White_Bull. Скажи, Принцессса, а как это будет по-гречески — «любострастие»?

Prinzessinn. Не знаю, надо подумать.

White_Bull. А я вот знаю.

Prinzessinn. Откуда?

White_Bull. Я же грек.

Prinzessinn. Ох… Серьезно? И где живешь?

White_Bull. В Ираклионе. Почти что.

Prinzessinn. А конкретнее?

White_Bull. В Кноссе.

Prinzessinn. Круто. Значит, ты со мной решил познакомиться потому, что мы соседи?

White_Bull. Ни фига подобного. Я сначала с тобой познакомился, а потом увидел в профиле, что ты живешь в Ретимноне.

Prinzessinn. Кстати, инфа устарела.

White_Bull. Не важно.

Prinzessinn. Ты не сказал, почему решил со мной познакомиться.

White_Bull. Потому что мы пара. Ты — Принцессса, а я Белый Бык.

Prinzessinn. Ну и что?

White_Bull. В гимназии нужно было историю учить. Древнюю. И мифологию, кстати, тоже.

Prinzessinn. А я из бедной семьи. В гимназию не ходила. И псевдоним взяла для компенсации.

White_Bull. Врать ты не умеешь. Кстати, я тебя спросить хочу. По статистике семьдесят процентов людей на сайтах знакомств на самом деле уже состоят в браке.

Prinzessinn. Ну?

White_Bull. Я не женат. С точки зрения теории вероятности, ты должна быть замужем.

Prinzessinn. Я не замужем.

White_Bull. Я же говорю, врать ты не умеешь.

Prinzessinn. Хорошо. Я замужем.

White_Bull. Ага… Что ж… Это очень в русле нашего сюжета.

8

В пятницу был короткий день, и Фаина вернулась домой в шесть.

Алексея еще не было — по пятницам он обычно возвращался поздно и под шоффе. В лаборатории Алексея, живущей на иноземные деньги, аборигены из кожи вон лезли, чтобы доказать, что они тоже заграница, что пиво по пятницам «это маст», что каждый себя уважающий сотрудник должен петь «блюз ов фрайдей найт» до самого закрытия ирландского паба.

Раздевшись до трусов (это были сливового цвета стринги), Фаина отправилась в ванную комнату. Включила на полную горячую воду, вылила под струю два колпачка переливчатой зеленой жидкости из типично косметической бутылки округлых форм и, не дожидаясь пока над водами вырастут белопенные гималаи с отчетливым пихтовым запахом, отправилась в гостиную за книжкой — моральным правом лежать в ванне в полной праздности Фаина наделяла одних только детсадовцев да содержанок.

По́ходя на диване в гостиной были найдены две книги-незнакомки. Как видно, их принес в дом Прохор (26), друг и собутыльник Алексея.

Этот Прохор был претенциозным и абсолютно нищим бездельником с жидкой бородкой и карими глазами-бесенятами. Уже который год он кое-как учился на психолога, уходя то в академотпуск, то — в разгар сессии — в байдарочный поход. Он носил застираную футболку с надписью: «The truly educated never graduate», на которой, как любил подчеркнуть Прохор, было выражено его жизненное кредо. Прохор неустанно работал над образовательным уровнем Алексея. Где-то раз в месяц он забредал на чай с коньяком. Приносил книги, как правило чужие.

Дорогие издания — шитый блок, белая бумага, богатые, с выборочной ламинацией, суперобложки.

Обе книги принадлежали к племени «умных». Фаина видела их нечасто, ведь Клуб такими не торговал — чтобы не вводить в соблазн духовной эволюции свою не способную к оной таргет-группу.

Первый том — он назывался «Фрагменты речи влюбленного» — Фаина сразу забраковала. Оной речи полно и на «Доске».

А вот вторая книга, с гламурным сфинксом на обложке…

«Герой с тысячью лицами, — прочла Фаина. — Джозеф Кэмпбелл».

«Мне снилось, — пишет обеспокоенная женщина, — что

повсюду за мной начал следовать огромный белый конь. Я боялась его и отгоняла прочь. Я постоянно оглядывалась, но он продолжал идти за мной и вдруг превратился в мужчину. Я велела ему отправиться в парикмахерскую и сбрить гриву. И он сделал это. Выйдя наружу, он выглядел в точности как человек, за исключением того, что у него были лошадиное лицо и копыта. Он вновь начал идти следом, куда бы я не направилась. Потом он подошел ближе, и я проснулась.

Я замужняя женщина, мне тридцать пять лет, и у меня двое детей. Я замужем уже четырнадцать лет и уверена, что мой муж верен мне».

Из пихтовой пены вынырнула розовая Фаинина нога с облупившимися остатками педикюра. Кривые, сморщенные от воды пальцы легли на никелированный кран горячей воды, выполненный в виде корабельного штурвала, и повернули его по часовой стрелке. Водопад иссяк. Но Фаина не оторвалась от книги. Взахлеб, как в детстве, она читала про таинство сновидения, про вредоносный Эдипов комплекс, про культуру великовозрастных инфантилов (то есть про нашу с вами), вконец распустившуюся после того, как отменили древние ритуалы инициации и мистерии смерти-возрождения. Там было и про страдания современных мужчин и особенно женщин, вроде той, которой снился белый конь. До самой смерти они чувствуют себя бессмертными. А бессмертными значит ненастоящими.

«Таким образом, пока мужья предаются поклонению своим отроческим святыням, будучи при этом теми адвокатами, торговцами или руководителями, которыми их хотели видеть родители, их жены, даже после четырнадцати лет брака, рождения и воспитания двоих чудесных детишек, все еще пребывают в поисках любви — любви, которая приходит к ним только в образах кентавров, сатиров и прочих похотливых инкубов из окружения Пана…»

9

Там, среди пены, Фаина кое-что поняла: все то, чем являлась ее жизнь до этих весенних дней, было не более чем прологом к роману, который вот-вот напишет судьба о них с Беленьким, и напишет не от балды — по классическим греческим шаблонам. И что сопротивляться неизбежному не только бесполезно, но и не хочется, потому что неизбежность дает тебе взамен ровно столько же, сколько отнимает. По сути дела, третий закон Ньютона — судьба давит на нас с той же силой, какую мы получаем, выдерживая это давление. Да, желание обвить влюбленными руками шелковую шею критского быка будет стоить ей всего, что она имеет. Но ведь это объятие и принесет столько же, целый новый мир принесет, да еще сверх того, наверное.

В этот момент Фаина испытала приступ острой жалости к себе: как же это так — всё бросить, всех покинуть? Но это быстро прошло.

10

Приближались майские праздники, и Алексей засобирался на конференцию в Красноярск. Разлука размахом не впечатляла — всего-то недельная. Но Фаина приуныла всерьез.

Она подолгу наблюдала за тем, как Алексей, скрючившись перед компьютером, ищет авиабилеты подешевле. За тем, как он наводит порядок на рабочем столе, наполняя шарами скомканной бумаги мусорную корзину. Как он выписывает в столбик предотъездные делишки, смазывает белым кремом только что выбритую скулу, глядя в зеркало по-особенному капризно и мстительно — так никогда не смотрел он на людей. Фаина отворачивалась лишь тогда, когда чувствовала: взор уже не может удерживать слезу.

Собственно, об этой конференции Алексей грезил давно. Но лишь недавно выяснилось: оплатят.

Не от страха за жизнь и здоровье супруга печалилась Фаина.

И даже не от осознания того, что праздники, с их родительскими днями, похожими на стоптанные домашние тапки, и плановым выездом на дымные шашлыки в надоевшей, не понятно чем, кроме страха перед одиночеством, склеенной университетской компании, ей предстоит оттрубить в режиме соло. Но потому что чувствовала: еще одна страница перевернута, глава подходит к концу.

— Что тут у нас за рева-корова завелась, а? — прижимая Фаинино красное лицо к своей груди, промолвил Алексей. Его простоватое лицо было искажено гримасой болезненной нежности.

Громко опрокинулся на чистый пол зала регистрации колесный, с выдвижной ручкой, чемодан — его купили специально к поездке. Внутри приглушенно звякнуло — как будто стекло. Чертыхнувшись, Алексей высвободил Фаину, опустился на корточки и, визжа всеми змейками чемодана сразу, принялся проверять, все ли цело.

— Вот именно что корова, — шморгая носом прогундосила Фаина.

Когда лучезарно улыбающийся Алексей в последний раз помахал ей рукой и скрылся в стеклопластиковой утробе посадочного лабиринта, Фаина отправилась в туалет. Высморкалась. Припудрилась. Провела по шершавым губам восковым цилиндром гигиенической помады. И направилась в кассы аэропорта.

— Билет до Ираклиона на четвертое мая, — сказала она в

окошко.

— Анжела, Ираклион — это на Кипре? — отклонившись вместе со стулом назад, громко спросила пригожая молоденькая кассирша. Белая рубашка с фирменным галстуком шли ей чрезвычайно.

— На Крите, остолопина! — прокричали ей из соседней кабинки.

— В обе стороны? — спросила кассирша уже у Фаины.

— В одну.

— В смысле, обратный с открытой датой?

— Нет, в смысле обратного билета не надо.

— А визу вы уже получили? — зачем-то спросила сердобольная девушка. Видимо, Фаина не производила на нее впечатления адекватной путешественницы.

— У меня вечный Шенген. Шенген навсегда.

Домой она ехала в полупустом трамвае.

За окном в зеленоватом газе весны плавали деревья, где-то позади них извивались неоновые анаконды вывесок, перемигивались циклопическими очами светофоры. Разочаровано шевелились встречь трамваю остановки с угрюмыми трудящимися, которые ждали совсем другой номер. А в невидящих Фаининых глазах-водоворотах кружили щепки, поутру отколотые от «Доски».

Русский парень Lenny (34). «После Perestroyka я уехал в Германию. Это был мой выбор — я хотел жить в свободной стране. В настоящее время учусь на историка в Бремене. Мечтаю о встрече с понимающей женщиной», — сообщал о себе Lenny. Фаина едва удержалась от того, чтобы сочно, во весь голос, не расхохотаться (она выходила в сеть с домашнего компьютера, в двух метрах от нее Алексей у распахнутого чемоданного зева бережно пеленал в свитер бутылку коньяка). Фаина уже успела уяснить, что мужчины, обитающие на «Доске», под понимающей женщиной имеют в виду женщину, которая старше, зачастую даже значительно. Понимать же она должна одну простую вещь: в отсутствии денег в доме винить ей придется только себя.

Отдельный веселый взрык вызвало у Фаины бахвальство Ленни по поводу «своего выбора». «А ведь наверняка маменька и папенька поставили первокурсника перед ситуацией: статус еврейского беженца получен, покупатели на квартиру найдены, так что поехали, иначе ты нам не сын!» Сколько таких Ленечек училось в Фаинином классе немецкой спецшколы номер шесть! Эх.

Или вот еще Rudi236 (44). Тренер. Широкое, с ямочками на щеках лицо самолюбивого неудачника. Глубокие морщины вокруг

глаз. То отталкивающее сочетание телесной крепости и телесной же изношенности, которое встретишь разве у спортсменов и неудачливых танцовщиков. На одной из карточек Руди в трусах и майке цветов шведского флага, с мячом в руке. «Моя невеста должна разбираться в футболе», — отмечено в профиле. Так и написано: должна.

Выходя в сумерки из ярко освещенного трамвайного брюха Фаина вдруг осознала, что успела воспылать к «Доске» тем ледовитым презрением, на которое охотно идет душа в отношении мест, когда-то вселявших настоящие надежды и в отношении тех, кто уже свое отбыл, отслужил, высосан, как длинноногая мумия комара на банном оконце.

11

На вечер первого мая было назначено празднование дня рожденья Клуба.

Как-то во хмелю секретарша герра Дитера Алена (26) клялась Фаине, что видела учредительные документы. И в них будто бы датой образования организации значилось 10 октября.

Но праздновали все равно на майские — рачительный герр Дитер (кстати, 61) волюнтарно назначил годовщину на праздничный день, чтобы что-то там такое сэкономить.

Разодетые сотрудники и гости подтягивались к зданию Института пищевых кислот отовсюду — со стороны метро, от троллейбусной остановки, из-под запущенных сиреней парка «Молодежный». Некоторые выкарабкивались из такси, волоча за собой тяжелые шлейфы элитных запахов. Иные приезжали на собственных машинах — они останутся ночевать на корпоративной парковке. Не хватало, пожалуй, только десантирующихся с парашютами.

Пока герр Дитер, ради такого случая прилетевший с курорта в обществе своей похожей на вяленую скумбрию супруги, поздравлял офисных сидельцев и говорил положенные по протоколу благоглупости, Фаина, стоявшая в самом удаленном ряду, шепотом заливала в мозги молодого дизайнера Димы (22) последние пожелания по оформлению летнего каталога. Тот обреченно кивал, косясь голодным взглядом на пиршественные столы, они недотрогами жались к белым офисным стенам.

Наконец всех пригласили поднять бокалы. Первый тост — за Клуб. Второй — тоже, в общем-то, за Клуб. На третьем начался стандартный фуршетный разброд.

Вкушать бутерброды с красной рыбой Фаине довелось в обществе трех молодых переводчиков. Их лица казались знакомыми, однако имен она не знала. Переводчики держались своей компанией и, казалось, не особенно следили за происходящим. Они запивали бутерброды жадными глотками шампанского.

— А я Бармалея недавно видел, в метро, — хвалился первый переводчик.

— Ну и как он? Что-нибудь пишет? — интересовался второй.

— Ага. Сиквел по Маркесу. «Полковнику никто не чешет» называется.

— Нет, ну я серьезно спросил!

— Если серьезно, то Маммона, по-моему, поглотила художника.

— Он все в той же экономической газете? Аналитиком?

— Ага. Разрабатывает теорию Валового Национального Отката.

— А я тут сюжет для суперского рассказа придумал. Действие происходит на Украине, в русском городе вроде Харькова или, там, Севастополя. Жилец одной квартиры, главный герой, замечает, что в его дворе, да и повсюду в городе, прокладывают новые трубы. Допустим, он инженер и в трубах немного шарит. Видит — трубы импортные, дорогущие, сечения такого небольшого. Удивляется. Не может понять, с каких дел правительство расщедрилось, типа пенсии по четыре месяца не платят, а тут такая модернизация ни с каких яиц! Неясно также, что по трубам будет поступать — вода, газ или, может, водка? В конце выясняется, что по трубам будут подавать из Львова украинский язык.

— Буа-га-га!

Фаине совершенно не хотелось от них отходить. Пожалуй, случись этот банкет годом раньше, Фаина непременно подружилась бы с ребятами. Можно было бы вместе в перерыв ходить в «Мексикану», может, еще на какие-нибудь концерты. Она бы ставила переведенные ими книжки в самые бойкие места каталога, научила бы их выбивать себе человеческие «рояли» (так в Клубе называли роялти). А они помогли бы ей набрать наконец штат нормальных, ну хотя бы бывавших за границей, переводчиков вместо тех печальных пединститутских гусынь, с которыми Фаине приходилось столковываться… Потом они начали бы сообща выпивать, сначала как бы проверяя, ощупывая друг друга, а затем как бы вверяя друг другу себя. Чихвостили бы начальство. Ядовито шутили над превыспренними циркулярами директората, над рвачеством отдела маркетинга, над трудами неотвязных энтузиастов, заваливающих Клуб письмами с советами и замечаниями («на странице шестнадцать в вашем каталоге вы изобразили якобы ласточку, но я, как орнитолог с сорокалетним стажем, уверяю вас, что ласточки такого окраса в природе не встречаются, в свете чего требую изменить внешний вид ласточки на такой-то и такой-то»). Она могли бы стать им другом. Всё лучше, чем слыть пассией Вениамина. А вот, кстати, и он.

— Мне нушна типе шкашать койшто, — прошептал на ухо Фаине Вениамин.

Обочь прыснула со смеху стайка подвыпивших бухгалтерш — как видно, они предвкушали дальнейшее развитие событий.

Подхватив бокалы, Фаина и Вениамин отошли от стола, уже разоренного, к окну, разлинованному вертикальными жалюзи.

— Ну.

— Толька никаму, обищаеш?

— Могила.

— У нас тут шиштему слешения штавят. Руковотить поручили Толику. В панетельник она уже буит рапотать. Шистема шпионит хто кута ходит в Интернете. В шмысле на какие шайты. Кохо заловят на пошторонке, штелают вливание и уволят. Дитер, хаварят, хочит сократить десять человек.

— Спасибо. Учту, — сдержанно кивнула Фаина и окатила Вениамина подчеркнуто благодарным взглядом.

За спиной захихикали на два девичьих голоса. Чтобы порадовать дурех, Фаина положила свою красивую руку на сутулое плечо товарища. Вениамин нескладно оскалился.

— То ешть ты поняла… Ешли што, обращайся ко мне.

— Я поняла, спасибо.

Заиграла медленная и совершенно безликая музыка — такую крутят в западных моллах с гипнотическими целями. Вениамин с откровенным интересом посмотрел на Фаину. А вдруг пригласит танцевать белый танец?

Но Фаина не шелохнулась. Краем глаза она заметила, как ретируется с банкета троица переводчиков. Глаза первого сыто блестели. Двое других обсуждали, где продолжить посиделки — чтобы недорого и прилично.

В противоположном углу зала, подковой обсев праздничную, в платье с янтарной брошью, Волчицу, устроились авторы. Про себя Фаина называла их «писателями легкого поведения». Знакомый детективщик Карманчин, плюгавенький мужчина с испитым лицом отставника, поймал Фаинин взгляд и принялся пригласительно махать ей руками. Подвыпившие мэтрессы, королевы любовных романов и царицы бытовых драм с продолжениями, все как одна с тяжелыми гузнами и хитрыми глазами, присоединились к нему. В первое мгновение Фаина и впрямь решила пойти к ним, для политеса. В конце концов, это их полуграмотные бредни кормят Клуб, и чтобы яблоня плодоносила, ее нужно удобрять, поливать, подрезать и бла-бла-бла в духе герра Дитера. Но мгновение упорхнуло, и Фаина поняла, что никуда уже не пойдет.

Все это было так неглубоко, так невсерьез, что отыгрывать постылые жизненные роли Фаина, обеими руками уцепившаяся за золотые перья жар-птицы, которая вот-вот унесет ее в далекие края, уже не могла.

Мелким шагом двинулась она к лифту.

— Ты куда, Семенова? — развязным голосом крикнула ей вслед секретарша Алена. Ее щеки запунцовели, на блузке —

разлапистое винное пятно. — А танцевать?

— Мне позвонить надо, тут не слышно, — извиняющимся тоном сказала Фаина, извлекая из сумочки свой мото-плоско-мобильник. — Я сейчас вернусь.

Но она, конечно, не вернулась.

12

Есть такие женщины — ни в чем никогда не уверенные и все время пытающиеся что-то понять. Одна такая оказалась в соседнем кресле от Фаины.

У иллюминатора, справа, храпело лицо арабской национальности (рейс был ночной), и величественных рассветных видов, способных настроить на философствования даже автопилот, Фаине было не увидеть.

Почти сорок минут пути она сонно разглядывала эмблему авиакомпании на подголовнике перед собой: голубой овал по-отечески обнимал три латинские буквы. Попивала красное сухое — его наливала стюардесса. Потом считала синие и черные клетки на своей плиссированной юбке, пошитой не то «под школьную», не то «под татушек».

Вот выкатили тележки, раздали завтрак: жесткий бифштекс, безвкусная холодная булка, уксусный огурец. Пиршество венчал сладкий чай-мочай и шоколадка с изображением самолета.

Все это время ее бессонная соседка сосредоточенно мурыжила пелевинский «Шлем ужаса». Фаина знала эту махонькую книгу, неказистую курочку фазана в павлиньем вольере мэтра, — вот уже несколько месяцев Клуб приторговывал ею со своей двадцать шестой страницы (брали оптом на реализацию). Судя по лицу женщины, она так и не сумела повествованием плениться. После завтрака ее прорвало.

— Вы случайно не читали? — спросила она Фаину, напряженным взглядом указывая на книгу.

— Читала.

— Понравилось?

— Ну… Другие книги этого автора произвели на меня большее впечатление, — уклончиво, будто дело было на планерке, ответила Фаина. — Но и эта до известной степени хороша.

— А мне вот как-то совсем не нравится… Правда я других не читала.

— Почему же вы ее купили?

— Продавец посоветовал. Я сказала, что еду на Крит, попросила что-нибудь небольшое, художественное. Но чтобы современное. Ну, там, про лабиринт… Про этот, забыла, как называется…

— Кносский дворец? — неуверенно подсказала Фаина.

— Да. И продавец мне посоветовал этот вот «Шлем». А там вместо дворца все время какой-то Интернет.

— Ну вы же сами хотели, чтобы современное, — мягко улыбнулась Фаина. Она вдруг почувствовала себя уполномоченной извиниться за весь книгораспространительский эгрегор.

— Современное, выходит, обязательно про Интернет? И эти… подскажите…

— Интернет-чаты.

— Вот!

— Когда я увидела в археологическом музее английскую булавку, сделанную еще при царе Миносе, я поняла вот что: если современность чем-то и отличается от Античности, так это, наверное, только чатами, — заметила Фаина.

— Получается, в будущем все книги будут про один только Интернет?

— Ну… не знаю. Книги ведь они про жизнь. Правильно? А у многих современных людей жизнь состоит в основном из Интернета.

— Грустно это как-то, — вздохнула женщина и, скривив рот, сдула со щеки длинную челку. На Фаину посмотрели ее изможденные белесоватые глаза с красной сеткой сосудов.

— В принципе, да. Но я думаю, когда наша жизнь будет состоять из одного сплошного Интернета и прочей этой фигни, грустно нам уже не будет. Ну, это когда реально живешь в лесу, рассказы про белочек и зайчиков не надоедают.

До самой посадки они разговаривали. Фаина наврала, что работает в турагентстве и едет на Крит в командировку. Женщина призналась, что собирается «просто-напросто отдохнуть», что ее мужа на работе премировали горящей путевкой, а он вдруг расхотел ехать и переписал путевку на нее. Наверное, тоже наврала.

13

Было около шести тридцати утра. Соловая, с припухшими от дармового аэрофлотского каберне веками Фаина ехала в такси, когда из сумки послышалась истеричная трель мобильника.

— Але, — сухим голосом сказала Фаина.

— Фаинский, ты меня слышишь? Это Прохор!

— Привет. Говори.

— Можно я сейчас зайду? Мне книга нужна. «Фрагменты речи влюбленного». Я ее Лехе на той неделе давал почитать.

— Ну нужна, и что?

— Сильно нужна. Я ее взял без спросу у одной девушки. А теперь мы с ней как бы разбежались… Надо отдать назад, в общем. Я сейчас зайду, можно?

— Нельзя.

— Не понял.

— Я говорю: нельзя зайти!

— Мне, без шуток, книжка нужна, ну Фаинский!

— Прохор, меня в городе нет.

— А когда будешь?

— Никогда.

— Нет, серьезно.

— Я за границей, Прохор. Еду в такси.

— И что же мне теперь делать прикажешь, Фаинский?

— Не знаю. Надиктуй свои «Фрагменты» по памяти, распечатай красивенько на цветном принтере, переплети и вручи ей с посвящением. Как-то так.

Фаина нажала «отбой» и захлопнула черные створки своего флипа (ей вдруг вспомнилось, что в Клубе раскладные мобильники называли «ракушечками»). Приоткрыв окно, она выбросила дорогую штуку на дорогу, через плечо насладившись тем, как под колесами грузового фургона ее шикарный «мотороллер» превращается в грудку изъеденной проводами пластмассы. Застарелым недоразумением выглядел теперь и конвейер ее прежней жизни.

«Метафора во вкусе детективщика Карманчина. Там каждый уважающий себя главгер в эпилоге роняет мобилу в седые воды какой-нибудь провинциальной реки…» — со смешком подумала Фаина.

Загорелый водитель, зорко следивший за ее шалостями в зеркало, сделал вид, что ничего не заметил.

— Мы уже подъезжаем. Вам куда именно? — спустя некоторое время спросил он на ужасном греческом английском.

— Мне сказали, я должна быть там, где зеленые луга. Недалеко от Дворца.

— Луга? Понял.

Пока они ехали, Фаина пыталась вспомнить, где именно лежит записка для Алексея. Ее текст был сродни легендарному предновогоднему объяснению Ельцина, прозвучавшему перед его уходом на пенсию из телека. Смысл, по крайней мере, был тот же. На холодильник примагнитила? Или возле зеркала в спальне?

Но когда автомобиль остановился у подножия высокого изумрудно-зеленого холма, словно забором отделенного от остального мира шеренгой дюжих кипарисов, мысли о записке как ливнем смыло.

Прошлого не существовало больше. Точнее, оно существовало, но лишь как некий бродячий прикол мощностью в одну улыбку, этакий чебурек из чебурашки или «Каникулы в Простатитино», ха-ха.

А по-настоящему существовало вот что.

Залитый колдовскими росами крутой склон, покрытый сочной весенней травой, лишь кое-где — седые валуны. К началу июня зелень выцветет, но это потом, пока ковер — эдемский.

Среди травы — цветы, душистые крошечки. Они пахнут теплом, жизнью, наслажденьем. Серебристые извитые оливы — там, далеко.

На холме, на его куполе-вершине, в окружении благоуханного гиацинтового кольца — кряжистый дуб, добрый исполин. Свет медленно восходящего на свой лазурный трон солнца сквозит через его малахитовую листву, превращает в пылающие алмазы капли росы, смещает фокус восприятия, дразнит, пугает, обещает — все это сразу.

А на самой вершине, под деревом, подобрав под грудь копыта, лежит и жует жвачку огромный, чистый, мягкий белый бык.

Точнее, не белый он — цвета морской пены, цвета непастеризованного молока, цвета жидкостей любви.

«На мягком простер гиацинте свой бок белоснежный», — вспомнилось Фаине из Вергилия. По античке у нее была твердая пятерка.

И вот солнечный диск замирает позади массивной головы быка. На несколько мгновений образуется словно бы нимб, и золотые нити от него — во все стороны. И кажется, это они сшивают воедино греческий остров, а заодно с ним — и весь мир, они удерживают его в зыбком единстве прошлого и настоящего. И кажется, что это их, нитей, упругие подрагивания заставляют утренних птиц щебетать, а самолеты — взмывать над холмами.

Фаина издала сдавленный звук — он поднимался, мнилось, от самого основания ее сколиотического позвоночника. С таким звуком вакханки пускались в пляс, а мореходы приветствовали надвигающуюся из тумана землю.

На мгновение бык в вышине перестал жевать и посмотрел на пришелицу долгим и, как ей показалось, ироничным взглядом. Узнал. Склонил набок увенчанную рогами голову. Лениво стеганул хвостом муху.

Дрожащими руками Фаина расплатилась с таксистом — тот пожелал красивой мисс удачной прогулки и рванул в направлении аэропорта.

Она оттащила свой колесный чемодан от дороги, сволокла вниз по щебенке и бросила его прямо в кювете, в колючих кустах не то ежевики, не то ее дальней южной сродницы.

Взволнованная, бледная пробралась она сквозь кипарисный заслон. И, едва не захлебываясь от восторга, начала взбираться по склону вверх, даром что было довольно круто и не видать тропинок. Почти не спавшая ночью, она быстро сбила дыхание. Упала, до крови ободрала колени — сломался каблук, угодивший в заросшую колючками расщелину между камнями. Наконец она догадалась снять туфли, вновь поднялась и — бегом, бегом. На лбу выступили крупные капли пота. Тяжело дышащая, жаркая Фаина вытерла их тыльной стороной ладони и зачем-то лизнула ее. Сердце стучало все быстрее. Пальцы возбужденно сжались в кулаки.

На середине пути горячий, критской охрой окрашенный южный ветер налетел на нее откуда-то снизу. По-хулигански, до самой груди, он задрал Фаинину клетчатую юбку, обнажив немного вялые розовые ягодицы с ниточками белых стрингов (спереди на них был вышит пайетками цветок), высушил потеки крови, ручьями протянувшиеся от Фаининых коленей до стоп, и словно гигантский фен поднял вертикально вверх ее черные длинные волосы, густые и гладкие, какие бывают, наверное, у одних только китаянок, обещая Фаине экстаз без раскаяния и конца.

14

Фаина осторожно присела на деревянную скамейку, свинтила крышечку с бутылки минеральной воды «Рувас». И с жадностью ливанской беженки из телевизора проглотила хорошо если не триста грамм разом — ну и жара в конце октября!

Да и туристы шастали с не приличествующей сезону прытью — во Дворце было людно, как в каком-нибудь июне. Мимо Фаины прошла ватага русских кавээнщиков в фирменных футболках, они напрявлялись прямо к руинам зернохранилища.

— Вот, придумал шутку.

— Валяй.

— Почему на Лазурке нет комаров? Потому что им это не по карману!

— Ничего. Только у нас мало кто знает, что Лазурка — это Лазурный Берег. Короче, не пропетрят.

— Можно переделать под Сочи.

— Но в Сочи есть комары, брат!

Фаина проводила соотечественников долгим взглядом и вновь прильнула к бутылке.

У обутых в кожаные сандалии ног Фаины расселась прямо на земле дюжина студентов-израильтян, вязаные крючком шапочки были накрепко пришпилены к их затылкам при помощи женских невидимок.

Сзади, в тени пиний, галдело многоголовое семейство мормонов — разгадывало кулинарный кроссворд. С правого фланга надвигалась немецкая группа под предводительством вислоусого греческого гида. Экскурсия подходила к концу, остались последние вешки.

Бабульки в шортах поддерживали под руки дедулек, дедульки обсуждали новости времен Гинденбурга. Но была и молодежь — толстомясые девицы, совсем непохожие на расписных девиц русских, и их потные плечистые парни.

— …А здесь мы видим точную копию деревянной коровы, изготовленной гениальным мастером Дедалом. Расположившись внутри этой коровы, одержимая любовью царица Пасифая смогла склонить к полноценному соитию своего возлюбленного-быка. Впоследствии от этой связи у Пасифаи родился Минотавр — получеловек, полубык. Он жил в Лабиринте, построенном Дедалом, и наводил ужас на всю Древнюю Грецию. Реконструкция сделана в соответствии с новейшими данными, полученными мировой археологической наукой. И может по праву считаться наиболее близкой к историческому прототипу…

Фаина заслушалась — звуки немецкого ласкали ей ухо, почти так же, как и звуки русского. Это за ними являлась она ко входу во Дворец — как некоторые приходят на берег слушать море.

Пряча бутылочку в свою корзину, Фаина встретилась взглядом с щуплым кудрявым брюнетом, отставшим от немецкой группы. Словно веером, он обмахивал себя бейсболкой.

Умный жгущий взгляд брюнета показался Фаине смутно знакомым.

«Роберт? Raskolnikov?!» — догадалась Фаина, мысленно сличив черты брюнета с линиями и выпуклостями, запечатленными на фотографиях, которыми десять тысяч лет назад был завален ее винчестер (субдиректория flirt_neuropatolog).

«Когда-нибудь, клянусь, я все равно приеду на Крит и найду тебя, моя неверная греческая принцесса!» — обещал не на шутку уязвленный, а оттого вдвое от обычного пафосный Роберт в письме. Его Фаина получила еще там, в России.

«Гм… Держит слово».

Но поволноваться как следует Фаина не успела. Брюнет скользнул бессмысленным взглядом по ее округлому шестимесячному животу и засеменил вослед экскурсоводу в направлении выхода.

Там, за кованой оградой, раздувал пары могучий белый автобус с названием матерой отельной сети — он увезет его навсегда от синебрюхих дельфинов, от раскрашенных капителей Кносского дворца и от Фаины, которую он так и не нашел, даже столкнувшись с ней нос к носу. А впрочем, ведь и искал он не Фаину, но свою мечту о счастье.

Леонид Каганов

ПОПУГАЙЧИКИ

Я собрал вас, как, курица птенцов своих под крылья свои. Что ныне сделаю вам? Отвергну вас от лица Моего.

3-я книга Ездры, гл.1, стих 30

«Дз-з-з-з-з!» — требовательно раздалось в коридоре. От неожиданности Кард Иванович просыпал большую горсть кунжута мимо лотка.

«Дз-з-з-з-з!» — снова раздалось в прихожей.

— Иду, иду! — крикнул Карл Иванович, запахнул халат и закашлялся.

«Кого там в такую рань?» — думал он, шаркая тапочками по линолеуму, усыпанному перьями и зерном. Плотно притворив за собой дверь комнаты, он приоткрыл входную дверь, накинув цепочку.

В полумраке лестничной площадки стоял высокий молодой парень с орлиным носом и таким же орлиным взглядом. Карл Иванович порылся в кармане халата, достал очки и нацепил их на нос. Парень производил неопределенное впечатление: абсолютно бритая голова настораживала, а стопка книг под мышкой успокаивала.

— Доброе утро? — улыбнулся парень. — Мы проводим месячник по распространению книг преподобного учителя Свами Прабхупады. Вы слышали про Господа Кришну?

— Слышал, — поморщился Карл Иванович. — Я все уже слышал в этой жизни, молодой человек.

— Вы можете звать меня просто Коля, — сообщил молодой человек и вопрошающе покосился на дверную цепочку.

— А могу я вас не звать? — саркастически произнес Карл Иванович, не собираясь снимать цепочку.

— Могу спорить, — как ни в чем ни бывало продолжал Коля, — вы не очень в теме, как Господь Кришна дарует вечное наслаждение и освобождение от страданий!

— И как?

— Впустите Господа Кришну в свое сердце!

— Ему там не понравится, — выдохнул Карл Иванович. — Старое изношенное сердце, два инфаркта. Что ему там делать?

— Да не ему, а вам! — рассмеялся Коля. — Попробуйте повторять: Харе Кришна, Харе Кришна — Кришна, Кришна, Харе, Харе. Сразу станет легче!

— Просто повторять?

— Конечно!

— Повторять может и попугай.

— А вот смотрите, что по этому поводу говорит Прабхупада… — Коля ловким движением распахнул верхнюю книгу строго посередине. — Вот слушайте…

— Коля, — перебил Карл Иванович. — Я старый человек, фронтовик, атеист. Найди себе юную красивую девочку и рассказывай ей все это. Поверь мне, Коля, выйдет куда больше проку.

Коля разочарованно вздохнул и по-детски вытянул губы трубочкой.

— А кто-нибудь из внуков дома есть? — спросил он, аккуратно вглядываясь в сумрак прихожей.

— Я один живу, — покачал головой Карл Иванович. — Внучка в Германии.

— Ну… извините за беспокойство. Счастья вам! Харибол! Карл Иванович запер дверь, дошлепал до кухни, налил стакан воды, сел в кресло и выпил. Некоторое время он дремал, откинувшись на плетеную спинку. Затем открыл глаза, посмотрел на часы, нацепил на голову радионаушники и включил телевизор. Тот тут же принялся бубнить. Карл Иванович положил на колени стопку газет, а за ухо пристроил карандаш, просунув его за дужкой наушников. Газеты он листал быстро, останавливаясь лишь на предвыборных новостях. Пару раз нахмурился, один раз понимающе кивнул и обвел карандашом заметку.

В какой-то момент ему показалось, что к бойкой скороговорке дикторши добавился посторонний звон. Карл Иванович сдвинул наушник с левого уха и прислушался. «Дз-з-з-з-з!!!» — надрывался звонок в прихожей.

Кратко выругавшись, Карл Иванович поднялся из кресла и поспешил к двери под непрекращающийся перезвон,

* * *

На лестничной площадке стояли две женщины лет шестидесяти, одна из них держала красную папку и давила на кнопку звонка.

— Прекратите трезвонить, с ума сошли?! — рявкнул Карл Иванович, и женщина испуганно отдернула руку.

— А я уж думала, никого нет, — простодушно откликнулась она, и ее спутница согласно кивнула. — Доброе утро! Мы собираем подписи за кандидата в губернаторы от нашего округа Адаскина Эмиля Гарриевича.

— Зачем? — нахмурился Карл Иванович. — Через неделю выборы. Зачем подписи?

— Честно говоря, — вступилась за подругу вторая женщина, — мы бы хотели просто вас проинформировать о нашем кандидате. Эмиль Гарриевич — очень честный человек, у него два сына и четыре внука, он владелец сети супермаркетов «Русская троечка». Очень честный. Может, вы нас впустите?..

— Как может честный человек владеть сетью супермаркетов? — не выдержал Карл Иванович. — Зачем твердить о том, чего не знаете? Заладили как попугаи: честный, честный! Так и говорите: талантливый предприниматель, удачливый бизнесмен. Про честность-то зачем? Нахапал денег на торговле оружием в первые годы перестройки. Я в «Русской троечке» даже зерно для птиц не покупаю!

— Зато сметана самая дешевая, — обиженно заметила женщина с папкой, — А про оружие это вам глупость какую-то сказали» первый раз такое слышу.

— Честность! — негодуя продолжал Карл Иванович. — Вот скажите, фокусник — это честный человек или нет?

— Смотря какой, — убедительно возразила тетка с папкой.

— Любой! Талантливый! Гениальный фокусник! Можно сказать про фокусника, что он очень честный?

— Да при чем тут фокусник?

— А вы не знаете, кто был его отец? — удивился Карл Иванович.

Женщины переглянулись.

— Вы знали отца Эмиля Гарриевича?

— Его отца, Гарри Адаскина, знали все, — грустно заметил Карл Иванович. — Спросите у любого фронтовика, вам расскажут. Талантливейший был фокусник-иллюзионист до войны, царство ему небесное. А уж во время войны, когда по частям ездил, по передовым… Знаете, как обожают артистов на фронте? А после войны он бы первой звездой стал, но его в пятидесятом посадили как врага народа. Ни за что.

— Ну вот, видите, а вы его сына ругаете.

— Я не его ругаю. Я вас поправлено. Не надо говорить, что он честный. Надо говорить — предприимчивый.

— Так вы проголосуете за него? Карл Иванович покачал

головой.

— Я не хожу голосовать.

— Это почему еще? — опешила женщина с папкой.

— Так.

— Вы что, хотите, чтобы прошел Райков?

— Райков не пройдет, — заявил Каря Иванович. — Пройдет ваш Адаскин. У него и деньги, и связи. В общем, победит он, поверьте на слово.

— Откуда вы знаете?

— Да уж поверьте, — усмехнулся Карл Иванович.

— А чего же тогда голосовать не ходите, раз такой умный и все знаете? — спросила вторая.

— Потому и не хожу, — ответил Карл Иванович.

Тетка открыла рот — то ли попрощаться, то ли поспорить, но в это время из недр квартиры глухо донеслось: «Эмиль Гарриевич — лучший в мире мэр!»

Карл Иванович поморщился и взглянул на часы.

«Да здравствует наш мэр — дорогой Эмиль Гарриевич!» — снова произнес таинственный голос глухо и вкрадчиво.

— Это кто у вас? — заинтересовалась тетка с папкой. — Позовите его, пусть распишется.

— Это попугай, — отмахнулся Карл Иванович. «Эмиль Гарриевич — лучший в мире мэр!»

— А голос человеческий… — засомневалась вторая. «Да здравствует наш мэр — дорогой Эмиль Гарриевич!»

— Всего вам доброго, — заторопился Карл Иванович, проворно закрыл дверь, запер ее на ключ и зыркнул в глазок.

Тетки стояли все там же и недоуменно переговаривались. Одна махала папкой, другая пожимала плечами.

— Что за день сегодня такой? — проворчал Карл Иванович. — Так и ходят кто попало.

* * *

Следующий звонок прозвучал через полчаса. Карл Иванович хмуро дошел до двери и посмотрел в глазок. В центре шара фантасмагорически выпуклой лестничной клетки располагались две девочки. В руке одной была корзинка, и оттого она напоминала Красную Шапочку.

Кард Иванович накинул цепочку и отворил дверь, — Здравствуйте! — пропищали девочки, выставляя вперед корзинку, где что-то влажно копошилось. — Купите котенка, пожалуйста, недорого!

— Вот только котенка вше не хватало, — возмутился Карл Иванович.

— Тогда возьмите бесплатно!

— У меня аллергия на шерсть! — крикнул Каря Иванович и захлопнул дверь.

Девочки еще немного постояли, затем одна выразительно покрутила пальцем у виска.

— Аллергия на шерсть у него! Маразматик старый, у него пух по всей квартире летает, — донеслось из-за двери.

Карл Иванович: уже не удивился, когда раздался следующий звонок. Трезвонил неопрятного вида парень с горящими глазами.

— Вы что-нибудь слышали об Иисусе Христе? — спросил он сходу,

Карл Иванович приподнял очки над переносицей и медленно смерил его взглядом с головы до йог и обратно.

— Ну что вы, откуда? Мне девяносто семь лет… Да-да, девяносто семь. Я коренной москвич. Фронтовик. Военный летчик. У меня двести сорок боевых вылетов и шесть орденов Славы. Первый раз в жизни слышу про Иисуса Христа! Это наверно кто-то из собеса?

Парень сперва не нашелся что ответить, а затем ловким движением словно из рукава вынул крохотную Библию.

— А вот что по этому поводу… — начал он, но Карл Иванович не дал ему закончить.

— Вы из какой церкви?

— Из христианской.

— Я понимаю. Называется как? — Вообще-то мы баптисты.

— Ну а мы атеисты, — отрезал Карл Иванович, давая понять, что разговор закончен.

Следующий звонок раздался ровно в шесть часов вечера. Карл Иванович как раз поменял воду во всех поилках, вернулся на Кухню и прилег поспать на диванчик. Звонок не унимался, словно палец пришедшего прилип к нему.

За дверью стояли двое рослых мужиков в плащах. Лицо одного было хмурым и квадратным, другой же оказался голубоглазым и приятным на вид.

— Добрый вечер, Карл Иванович, — улыбнулся голубоглазый, ловким движением распахивая служебные корочки. — Мы к вам по делу.

— Кто такие? — насторожился Карл Иванович.

— Вы нас впустите сначала, — произнес голубоглазый таким тоном, одновременно вежливым и бескомпромиссным, что даже Карл Иванович не смог отказать, хотя буквы в удостоверении

толком не разглядел.

Войдя в прихожую, гости деловито огляделись.

— Пройдемте на кухню, — сказал Карл Иванович. — Там нам будет удобнее разговаривать.

Он зашел и устроился в кресле. Голубоглазый сел на старую табуретку, смахнув перышко, а хмурый застыл у двери, видимо, не решаясь опуститься на расстеленный диванчик.

— Карл Иванович, наш визит неофициальный, — деловито сообщил голубоглазый. — Мы хотели бы сегодня просто познакомиться с вами.

Карл Иванович молчал, и мужчина продолжил:

— В надежде на будущее сотрудничество. Карл Иванович снова промолчал.

— В определенных кругах ходят слухи о вашем уникальном даре предсказывать результаты политических выборов.

— А вы на улице прохожего остановите, — посоветовал Карл Иванович. — Хоть кто-нибудь не горазд это делать?

— Верно, — кивнул голубоглазый. — Но только вам это удается безошибочно.

Карл Иванович кивнул на телевизор с наушниками и стопку газет, исчерканных карандашом.

— Это потому, что я интересуюсь политикой, — пояснил он. — А в чем, собственно, дело?

Голубоглазый побарабанил пальцами по столу, обернулся и посмотрел на хмурого.

— Соседи на вас жалуются, — проронил тот. — Антисанитарное состояние. Превратили жилплощать в курятник. По всей площадке пух.

— А что, теперь запрещено держать в квартирах попугайчиков? — спросил Карл Иванович, в упор разглядывая хмурого.

— У вас же не один и не два.

— А где указано, сколько можно? — осведомился Карл Иванович.

— А это просто указывается, — буркнул хмурый. — Это, значит, приходит санитарная комиссия. Проверяет, значит, состояние квартиры. И выписывает, значит, предписание. Ежели предписание не выполняется — отключается вода, газ, электричество, и квартира опечатывается.

Карл Иванович некоторое время размышлял.

— Я пенсионер, — заметил он. — Фронтовик. Инвалид.

— И бизнесмен, — вставил голубоглазый.

— Ну, это громко сказано, — спокойно возразил Карл Иванович. — Был бы бизнесменом, жил бы на Рублевке.

Попугайчики — мое хобби.

— Говорящие попугайчики, — уточнил голубоглазый.

— Политически грамотные.

Наступила тишина, и в этой тишине вдруг явственно щелкнуло реле таймера.

«Да здравствует наш мэр — дорогой Эмиль Гарриевич! — раздалось из недр комнаты. — Эмиль Гарриевич — лучший в мире мэр!»

Карл Иванович прошествовал в прихожую мимо посторонившегося хмурого и щелкнул тумблером. Голос смолк на полуслове. Карл Иванович вернулся в кресло и прикрыл веки.

— Молодые люди, объясните прямым текстом, чего вы добиваетесь.

— Объясняю, — откликнулся голубоглазый. — Вы выращиваете попугайчиков к выборам. Обучаете их лозунгам и сразу по итогам продаете различным людям и организациям…

— Так, — согласился Карл Иванович. — Различные люди и организации любят выслужиться перед новым начальством, поселив в кабинете политически грамотного попугайчика с самого момента объявления итогов. И новое начальство с большой симпатией относится к таким проявлениям служебной вежливости. Кто-то покупает портрет, кто-то говорящего попугайчика. Я не пойму, в чем проблема?

— Проблема, Карл Иванович, в том, что вы за двадцать лет ни разу не ошиблись. И мы бы хотели с вами об этом поговорить, а может и посотрудничать. На выгодных для вас условиях. Мы ответственная государственная структура, и нас интересует источник вашей безошибочной информации. Что тут непонятного?

— Что значит, ни разу не ошибся? — переспросил Карл Иванович.

— Это значит; — объяснил голубоглазый, — что вы ни разу не заставили ваших попугайчиков репетировать имена тех кандидатов, которые потом не прошли.

Карл Иванович как будто не слышал. Затем веки его дрогнули и приоткрылись.

— Ах вот оно что… — произнес он. — А я-то думаю, куда вы клоните… Что за тон, что за шантаж с санитарной инспекцией… — Карл Иванович привстал в кресле, оперся на палку, поднялся на ноги и зашаркал к выходу из кухни. — Я-то думаю, что за фантастика, что за намеки… — Он остановился на пороге и махнул палкой. — А ну-ка, брысь отсюда оба! Живо, я сказал! Живо!

Незваные гости недоуменно уставились друг на друга.

— Живо! — повторил Карл Иванович. — Ишь ты, совсем с ума посходили.

— А в чем дело? — Голубоглазый пытался сохранить невозмутимость, но по его лицу было понятно: все идет не так, и он уже сам это чувствует.

— Кто вам вообще про меня доложил? — кипятился Каря Иванович. — Откуда информация?

— У нас свои каналы.

— Ваши каналы — взять и выпороть, — заявил Карл Иванович. — Кто вам сказал, что я никогда не обучал попугаев именам проигравших кандидатов? Кто? Вы хоть знаете, как у меня все устроено? У меня — две комнаты, сам живу на кухне. В каждой комнате — по обучающей колонке. В одной комнате попугаи разучивают одного кандидата, в другой — другого. Двери всегда закрыты. Каких больше учить, каких меньше — это я решаю по газетам. Выигравших продаю. Проигравших — бесплатно раздаю активистам штаба. Тупых и упрямы, кто имен повторять не научился, — выпускаю в форточку. Лесопарк рядом, пусть живут как котят. Ясно? Голубоглазый многозначительно посмотрел на хмурого.

— Пусть покажет, как он учит за Райкова, — пробасил хмурый. — Он за одного Адаскина учит.

— Покажите пожалуйста, в какой комнате вы учите хвалить Райкова, — попросил голубоглазый.

— Разумеется в маленькой. Извольте. — Карл Иванович щелкнул тумблером.

«Райков Алан Кайсанековнч, заслуженный поэт! — загремел голос из загаженной колонки. — Да здравствует наш мэр Райков!»

— Всего хорошего, Карл Иванович, — козырнул голубоглазый. — Извините, что побеспокоили, ошибка вышла.

— Я вот чего не понимаю, — обернулся хмурый. — Вы им что, прослушивание потом устраиваете?

— И прослушивание тоже. А в основном запоминаю, кто как чирикал у меня.

— Всего доброго, — еще раз козырнул голубоглазый, но вдруг остановился на пороге. — Так значит, Адаскин?

— Девяносто пять процентов.

— Попугайчика можно приобрести?

— Триста долларов. Чем кормить, как ухаживать знаете?

Голубоглазый кивнул, вынул бумажник и начал в нем деловито копаться. Карл Иванович направился в комнату и скоро вышел оттуда с небольшой клеткой. Просунув между прутьев палец, он погладил испуганного волнистого попугайчика по макушке.

— Ну? Чего скажем? — ласково шепнул он.

«Эмиль Гарриевич — лучший в мире мэр!» — доверительно проскрежетал попугайчик, косясь испуганным глазом.

— Благодарю! — голубоглазый вручил старику деньги и взял клетку.

— Фантасты… — саркастически произнес Карл Иванович, запирая дверь.

* * *

Волнения беспокойного дня не прошли даром — к вечеру разболелось сердце. Карл Иванович укрыл ноги пледом и лег на диван, положив под язык таблетку нитроглицерина. Голова кружилась, в висках стучало, а грудь пронизывала острая боль. Было не столько больно, сколько страшно, и очень не хватало воздуха. Такие приступы случались и раньше. Прошло минут пять, и вроде боль стала потихоньку отступать. Карл Иванович полежал немного, встал, медленно дошел до окна и распахнул створку. А затем так же медленно вернулся на диван.

Он лежал и думал, что надо полежать еще немного, а затем встать и насыпать попугаям кунжута. А потом в окно вдруг яростно ударил холодный осенний ветер, и вдалеке распахнулись двери обеих комнат. А этого допускать было никак нельзя, чтобы попугаи не смешались и не вызубрили лишнего. Карл Иванович попытался приподняться, но вдруг боль схватила грудь со страшной силой, а потолок стал стремительно приближаться. Последнее, что он услышал — это птичью возню в коридоре, а последнее, что увидел — аккуратно заглядывающих в кухню попугайчиков.

Боль постепенно исчезала, но вместе с телом. Карл Иванович падал в черный бесконечный коридор, пока вдалеке не показалось ослепительное сияние. Оно приблизилось — и вдруг коснулось светящимся дыханием бесплотной макушки Карла Ивановича, проникая глубоко внутрь.

Раздался громовой голос. Хотя это был и не голос, и говорил он не слова, а будто заглядывал в самую глубину души — туда, где еще недавно было сердце. И этот взгляд словно бы произносил: «НУ? ЧТО СКАЖЕМ?»

Карл Иванович, потомственный коммунист, названный в честь Маркса, летчик и фронтовик, убежденный атеист, железный Карл, как его звали в полку, впервые в жизни ощутил такую полнейшую душевную растерянность, какой никогда не

испытывал даже в детстве. Он не знал, что ответить. Иисус? Аллах? Кришна? Душа просто молчала.

«ЧТО Ж ТЫ», — дохнул трубный голос и подбросил. Карла Ивановича высоко вверх.

Светящееся пятно, кружась, осталось внизу, а впереди забрезжила невиданная ослепительная свежесть, не фермой, а чем-то совсем другим неуловимо напоминавшая гигантскую форточку.

Карл Иванович влетел в нее, на миг ослеп и камнем пошел вниз. Но вдруг на спине сами собой расправились два белоснежных крыла и подхватили Карла Ивановича. Он взмахнул ими раз, другой, третий — и начал легко подниматься вверх, начиная оглядываться по сторонам и. все пытаясь понять, то ли душа его такая легкая, то ли на душе так легко.

Анна Ли

ПРИЕМНЫЙ ПУНКТ

Ехать пришлось на другой конец города. С двумя пересадками. Автобус доселе неизвестного Ивашкину маршрута тащился но грязным улицам, о существовании которых Иванихин тоже не подозревал. Он нервничал, поминутно лазил в карман свериться с бумажкой, где Лида все подробно написала, и все-таки вышел раньше, чем нужно — показалось, что проехал.

Чертыхаясь, Иванихин плелся пешком вдоль нескончаемого забора. Пошел дождь, холодный и унылый, совсем не весенний. Как будто природа задолжала его еще с прошлой осени — и вот решила расплатиться. Окрестности казались вымершими давно и навсегда, как после ядерной катастрофы.

Иванихин двадцать раз готов был сдаться и повернуть назад — но что его ждало позади? Серые будни, облезлые, как этот забор, и тоскливые, как этот дождь. А впереди рисовался какой-никакой, но шанс — если верить Лиде. И все-таки он почти разуверился в существовании своей цели к тому моменту, как забор, неожиданно кончился и открыл взору Иванихина искомое.

Приемный пункт стоял на пустыре. Пустырь был классический, советских времен, в буграх и рытвинах, с прошлогодним жухлым бурьяном в рост человека и кучами мусора, в которых не опознавалось ни одной яркой банки или пакета. Иванихин и не догадывался, что в наше время существуют такие реликтовые пустыри.

Под стать окружению была и будка-времянка с надписью: «Приемный пункт», исполненной белой краской по непрезентабельному фасаду. Буквы были корявые, зато большие, видные издалека. Ниже буковками поменьше уточнялось, чего именно приемный пункт — «вторсырья». Надпись недавно подновили — но сама постройка явно простояла здесь не менее полувека, таращась на пустырь бельмами намертво закрашенных окон. Во времена пионерского детства Иванихин таскал в такие будки кипы пожелтевших «Известий» и «Правд» в обмен на дефицитного Дрюона или Дюма. Надо было загодя узнали», есть ли нужная книга, потом долго стоять в очереди…

Очередь была и здесь. Те есть сейчас. По очереди, привычно и уже без восторга одетой в джинсу и кожу, было отчетливо видно, к какому времени она принадлежит. Путешествие в прошлое не

состоялось. «Ну и хорошо», — сказал себе Иванихин. Он не за этим сюда пришел, а жаже в каком-то смысле наоборот.

Иванихин, не спрашивая, занял за крашеной блондинкой. Пускали по одному. Никто в очереди с соседями не заговаривал я даже старался на них не смотреть— видать, так здесь было принято. Иванихин честно в течение получаса созерцал гадкий пейзаж и ни о чем не думал — так сказать, медитировал. Наконец настал его черед перешагнуть стальной, протертый многочисленными подошвами порог.

Внутри было светло, тепло, чисто и красиво. Тонированное стекло, полированный гранит, мягкое сияние люстр. Иванихин слегка обалдел от контраста, но почему-то не удивился. «Как в банке», — подумал он, хотя в банках ему бывать не доводилось.

— Впервые у нас, — доброжелательно кивнула ему приемщица. — Документы, пожалуйста.

Иванихин, робея, протянул паспорт. Приемщица была немолодая, в очках, но приятной внешности, с удивительно длинной светлой косой, уложенной вокруг головы в корону — Снегурочка предпенсионных лет.

Женщина деловито простучала что-то на невидимой за окошком клавиатуре и вернула паспорт Иванихину.

— Сколько сдаете? — буднично спросила она.

Иванихин вспотел. «Нужно было снять плащ», — запоздало ругнул он себя.

— А… это… можно я сначала спрошу? Ну, посоветуюсь.

— Пожалуйста.

Снегурочка сдвинула очки на кончик носа, сверкнула поверх стекол синевой глаз.

— Да вы не бойтесь, Павел Сергеевич, — тепло сказала она. — Вас тут не обидят, нам лишнего не надо — только то, что вы сами. Зачем же нервами страдать?

— Ага, — выдавил Иванихин. — Да. То есть нет, конечно. В общем, тут такое дело… Зарплата у нас только в пятницу, а я потратился совсем. Хотел одолжить — ни у кого нет, а Лида, сотрудница, и говорит, что у вас… Я бы это… ну, сдал — а потом бы выкупил, если можно…

— У нас не ломбард, — неожиданно сухо отозвалась приемщица. — Не обмениваем и не возвращаем, читайте правила. — Она ткнула ручкой в стенд, занимающий полстены позади Иванихина. — Либо сдавайте, либо не сдавайте, так-то. Решение ваше. Ну?

Охранник в углу, до сей поры принимаемый Иванихиным за предмет интерьера, вдруг шевельнулся — и стало страшно, словно ожила статуя.

— Сдаю, — осипшим голосом выговорил Иванихин. — С сегодняшнего дня — и до пятницы.

— До утра или до момента получки? — осведомилась приемщица.

— А какая… — Иванихин запнулся. — До утра, — принял решение он. — По момент восемь четырнадцать включительно.

— Принято.

Коротко протрещала клавиатура, зашелестел принтер, вжикнул кассовый аппарат.

— Распишитесь вот здесь. И здесь, где дата проставлена. Ваша квитанция, пожалуйста. Ваши деньги, пересчитайте. Вот еще наш буклет, ознакомьтесь на досуге. До свидания, Павел Сергеевич, приходите, ждем вас!

— Не туда, — бросил оказавшийся рядом охранник. — Вон туда.

И могучей дланью направил Иванихина в незамеченную ранее дверь, над которой светилось импортное слово «EXIT». Не успев опомниться, Иванихин шагнул через порог, и…

Дверь его собственной квартиры захлопнулась за ним с противным скрежетом. «Давно пора починить, — привычно угрыз себя Иванихин. — Ладно, дотянуть бы до конца недели — вот в субботу…»

Стоп.

А какой сегодня день?

Иванихин взглянул на часы, подарок бывшей. Часы всегда шли точно, а кроме времени сообщали еще дату и день недели. Оттого и носил, невзирая на воспоминания, далекие от приятных.

Часовая стрелка показывала на восемь. Минутная — на пятнадцать. В окошечке сбоку виднелись буковки: «FR» — пятница, стало быть.

Сработало!

Иванихин сунул руку в карман неизменного плаща и — ну да, разумеется! — обнаружил там нечто жесткое и прямоугольное. Будучи извлечен наружу, предмет оказался конвертом из благородно-бежевой плотной бумаги с золотым тиснением. Он больше походил на бумажник, этот конверт, весь его вид прямо-таки говорил о деньгах — и там действительно были деньги. Но Иванихин снова не посмотрел, сколько. Грюкнул лифт, некстати останавливаясь на его девятом этаже, Иванихин с бьющимся сердцем затолкал конверт поглубже во внутренний карман пиджака и рванул вниз по лестнице.

Надо было, конечно, оставить деньги дома, предварительно наконец-то пересчитав, но Иванихин вдруг сообразил, что может опоздать на работу. В день долгожданной получки это граничило

с преступной халатностью по отношению лично к себе.

Утренний график у него, как у любого подневольно работающего индивида, был выверен до секунды. А Иванихин уже выбивался из расписания минуты на полторы!

Ругая себя за дурацкую выходку с лестницей — ну, поздоровался бы, если кто из соседей, что за беда? — он неуклюже грохотал вниз по ступенькам. На третьем этаже Иванихин сообразил, что можно было спуститься всего-то до восьмого и там вызвать лифт. Он окончательно озлился на себя и, выбравшись из подъезда, мстительно припустил к остановке бегом — так что в результате успел на нужный троллейбус! Успел, втиснулся, и даже пробился к окну, где и затих, приплющенный телами.

Ехать предстояло минут сорок, не меньше, и можно было спокойно обдумать все, что произошло.

Итак, был понедельник, охранник подтолкнул Иванихина к двери, он в нее вошел… ну, то есть вышел из «Приемного пункта» — а получилось, что из своей квартиры — в пятницу утром. Как обычно, в восемь пятнадцать. Значит, с вечера понедельника по утро пятницы Иванихина субъективно не было. Та-ак. А где же он объективно был?!

— Мужчина, чего вы ерзаете? — окрысилась необъятная тетка с плетеной корзиной наперевес. — Стойте уже, как стояли, без вас дышать нечем!

Иванихин наезд проигнорировал. Он вдруг с суеверным ужасом вспомнил, как проснулся сегодня утром по будильнику, поджарив севе гренки, выпил чай… Когда брился, как обычно, порезался… Иванихин судорожно схватился за подбородок. Да, вот порез! Что же это получается? Была в его жизни эта неделя или все-таки нет?!!

— Мужчина! Ладно, ерзайте, но хоть не прыгайте! — взмолилась тетка.

Иванихин не слышал. Воспоминания проявлялись, как отпечаток на фотобумаге. Правда, то ли пленка была засвечена, то ли реактивы плохого качества — воспоминания были блеклые, размытые, фрагментарные. Но они были.

В среду вечером к нему заходив Савельев. Посидели, выпили пива, поговорили… О чем? Да как-то ни о чем… А в четверг — вчера, стало быть, — среди дня вырубили свет в здании, и вся контора два часа бездельничала на законных основаниях. Впрочем, Иванихина удача, как всегда, обошла стороной — начальство отрядило его в местную командировку… Ага, вот она, ключевая фраза.

Как всегда.

Прошедшая неделя была для Иванихина совершенно обычной. Ничего с ним не произошло такого, что стоило бы запомнить. Ничем она, в сущности, не отличалась от прошлой недели. И от позапрошлой. И от множества других таких же, которые выцвели окончательно и стерлись из памяти Иванихина насовсем, оставив лишь смутный суммарный след. Что-то с ним вроде бы когда-то как-то происходило. А если так — какая разница, сдал он свое время в «Приемный пункт» или не сдал?

Последний день рабочей недели, серое утро, набитый троллейбус… Нужная остановка!!! Да пропусти же, тетка, что ты со своей корзиной, тебя и без корзины больше чем надо!..

…Пятница тянулась нескончаемо. Как товарняк через переезд. Как жвачка за подошвой в летний день. Как реклама перед финалом чемпионата мира по футболу.

Первая половина дня была еще хоть как-то озарена предвкушением получки. Обретя заветное, Иванихин двинулся в столовую, где съел два пирожка, заскорузлый винегрет и выпил сок, разведенный до неузнаваемости. Потом ему повезло. Начальство послало его в другой корпус взять какой-то справочник — а пока этот справочник разыскивали, Иваинхину удалось убить целый чае, играя в архаический «Тетрис» на древнем компе. Но книгу нашли, везение кончилось. Стрелки часов ползли по циферблату, словно полудохлая муха по некачественной липучке. То есть все-таки ползли, но…

Когда они наконец показали 18:00, Иванихину представлялось, что с утра прошла целая жизнь. И была она утомительной и скучной, как… как… да, собственно, как вся его жизнь на самом деле. Вот.

Дорога домой отняла еще два часа, хоть Иванихин и поехал на маршрутке. Что поделать, пятничные пробки. Сколько бы он добирался на троллейбусе, Иванихину было больно представить. Верткая маршрутка миновала их несколько — вмерзших в ледовое иоле трафика, величественно-беспомощных, как мамонты, — прежде чем сама застряла намертво. Пришлось вылезать и еще долго плестись пешком. Правда, по пути Иванихин зашел в хороший магазин, взял пива и колбасы.

Дома он первым делом включил телевизор — для уюта, вторым — налил в стакан пива, а третьим — наконец-то вытащил бежевый конверт с золотым тиснением и вытряхнул содержимое на стол.

Затем Иванихин сказал вслух матерное слово, чего с ним, как правило, не случалось. Во всяком случае, при виде зарплаты в родной конторе он так не выражался — хотя, может, и следовало бы. Но по абсолютно обратной причине.

Денег было много. Столько, сколько Иванихин никак не ожидал и ожидать не мог.

Он испытал мгновенный острый восторг — но в следующую секунду восторг исчез, а взамен ему стало страшно. Очень страшно.

Иванихин был взрослым гражданином, он давно усвоил, что в этой жизни ничего за так не дают. Даже за что-то, и то не особо дают, а уж за так… «Влип, — с ужасом подумал он. —

Только куда? Лида! Она меня в это втравила, и… и что? Ничего никому не докажешь».

Неверной рукой Иванихин сгреб купюры, попытался затолкать обратно в конверт — и обнаружил там еще какую-то бумагу, сложенную гармошкой. «Буклет, — вспомнил он. — Ознакомьтесь на досуге». Почему-то это обнадежило. Иванихин вцепился в сомнительный листок, как кающийся грешник — в святое писание.

А текст и впрямь отдавал чем-то эдаким. Религиозно-философским. Хотя изложение велось благопристойным канцелярским языком.

> *Жизнь называют бесценной, драгоценной, сверхценной. И она действительно имеет весьма высокую, вполне объективную ценность. Которую можно обменять на другие ценности — например, на универсальный эквивалент в виде денег. Уважаемый клиент! Ваши предки, начиная с пещерных пращуров и заканчивая Вашими непосредственными родителями, постепенно аккумулировали жизненный потенциал. Вы являетесь, образно говоря, обладателем именного вклада…*

Иванихин пропустил несколько абзацев.

> *Как известно, время — деньги. Мы предлагаем более конкретную формулировку: Ваше время — Ваши деньги. Мы поможем Вам реализовать право совершеннолетнего гражданина свободно распоряжаться личностными ресурсами, как-то: временем своей жизни…*

Он скользнул взглядом по строкам. Дальше шла юридическая абракадабра, которая повторяла то, что уже было сказано.

> *…принимаем у населения… по взаимному согласию сторон… в обмен на денежный эквивалент в оговоренной валюте… берет на себя обязательства… согласно действующего законодательства… добровольно*

отчуждаемый ресурс…

Иванихин понял, что засыпает. Официальный стиль изложения всегда действовал на него гипнотически.

— Ты им — жизнь, они тебе — деньги, — пробормотал он вслух краткое резюме. — Это надо обдумать.

С трудом добрался до кровати — и заснул.

* * *

Выходные у Иванихина не заладились с самого утра субботы. Едва он успел почистить зубы и поставить чайник, позвонила бывшая. Слушая визгливый голос в трубке, Иванихин в который раз удивлялся, как ere угораздило прожить несколько лет бок о бок с этой совершенно посторонней женщиной. Засыпать в одной постели, есть за одним столом, мыться под одним душем, и даже завести совместного ребенка.

О ребенке-то она, как водится, и заговорила.

— Павел, у тебя есть совесть? — интонации бывшей резали слух, как пила-болгарка. — Ты помнишь, что у тебя есть сын? — Пила набирала обороты. — И он, между прочим, растет!

Иванихин осторожно, чтобы не стукнуть, положил трубку на стол. Слышно было и так.

Алименты Иванихин платил исправно. Вернее сказать, их исправно вычитали из его зарплаты. Вот только зарплата у него была… н-ну… как бы это вежливо выразиться…

Бывшая не желала выражаться вежливо.

— Был бы ты настоящий мужик, зарабатывал бы деньги, а не кошачьи сопли, — донеслось до Иванихина. — А то, что ребенку обувь новая нужна…

Обычно звонки бывшей не стоили Иванихину ничего, кроме испорченного настроения. Выместив жизненные обиды на неудавшемся супруге и несостоятельном отце, она на некоторое время оставляла его в покое. Ну не было на нем клочка шерсти, пригодного для стрижки. Раньше — не было.

Но на этот раз Иванихин ощутил смутные угрызения. Пусть они с бывшей расплевались, Толик не виноват. Весна, пацану нужны кроссовки. А детская обувь стоит, как взрослая, зато носится — полгода… М-да. Сын все-таки.

Иванихин полез в ящик стола, куда вчера перед сном сунул бежевый конверт с деньгами, проверил — мало ли какое варьете, вдруг исчезли за ночь.

Не исчезли.

В принципе, он ведь на них не рассчитывал, когда искал «Приемный пункт» по лидиной бумажке. Так, хотел куда-то деть время до получки. Растягивать куцую зарплату на месяц — дело привычное. Одалживать червонец у Лиды, ссужать пятерку Савельеву, перебиваться с пшенки на перловку — такие вещи Иванихин умел. А к этим деньгам он еще и привыкнуть не успел. Даже не подумал, что с ними будет делать.

— Давай встретимся через полчаса на твоей троллейбусной остановке, — сказал Иванихин в неумолкающую трубку. — Возьми Толика, пойдем на базар, купим там… чего надо.

Ему пришлось повторить все, что сказал, еще раз — в трубку, замолкшую от изумления.

Договорились не через полчаса, а через час. И без Толика, у которого болело горло.

Встретились.

Для примерки бывшая захватила так называемый «след» — вырезанный из картона по контуру отпечаток ступни. Долго бродили по базару, приценивались, совали «след» в ботинки и кроссовки. Иванихин уже успел забыть, какое отвратительное дело — ходить за покупками. Чавкала под ногами раскисшая грязь, неубедительно врали про качества товара замерзшие продавцы. Иванихина толкали, не извиняясь; оттирали от прилавков; наезжали тележками и пихали сумками.

Бывшая выглядела вполне счастливой. Она поругалась с тремя продавцами и четырьмя покупательницами, оглоушила сумкой настырного попрошайку и лягнула зазевавшегося тележечника.

Иванихин страдал.

Они купили Толику кроссовки, сандалии, джинсы и рюкзак. Они купили туфли и сумку бывшей. Под конец, критически оглядев Иванихина, бывшая по дешевке приобрела ему шарф тошнотворно-зеленой расцветки — видимо, распродавали болотный камуфляж.

— Какой-то у тебя нездоровый вид, Павел, — удовлетворенно сказала она, нацепив колючую дрянь ему на шею. — Совсем себя не бережешь.

Иванихин похолодел. Эти интонации были ему знакомы. Кажется, он сделал большую глупость, предъявив бывшей деньги. Разумеется, при встрече он сказал заранее заготовленную ложь, что, дескать, откладывал на ремонт, но вот решил, что для сына нужнее. Разумеется, она ему не поверила — и теперь под видом заботы собиралась возобновить право собственности на Иванихина.

От ужаса у Иванихина случился инсайт. Или сатори. В общем,

вспышка озарения.

«Пусть подумает, что это я ее хочу вернуть, — осенило Иванихина. — И пусть убедится, что у меня все по-прежнему».

Бывшая легко согласилась зайти к Иваннхину в гости — погреться, выпить чаю с тортиком, поговорить, Иванихин с затаенным злорадством смотрел, как вытягивается ее лицо при виде обоев клочьями, лампочки без абажура, замоченных в умывальнике носков, ледяных торосов я айсбергов на пустынных просторах холодильника… Нет, здесь не пахло ни деньгами, ни, к примеру, новой женщиной. После краткого и весьма формального чаепития (Иванихин придвигался поближе, бывшая отодвигалась) она покинула суверенную территорию, бросив на прощание:

— Был бы ты настоящий мужик, давно бы дверь починил!

Иванихин вернулся в квартиру, только что не приплясывая. «Удалось!» День развода он про себя называл днем освобождения — ну, а сегодняшний будет считаться днем независимости. Ура, товарищи! Надо отпраздновать.

Он заварил свежего чаю, отрезал себе самый красивый кусок торта с мармеладинкой, откусил, запил…

И грянул праздничный салют. В смысле, стрельнуло — как из пушки. Приторный тортик с горячим чаем добрались до зуба, который давно уже намекал Иванихину о необходимости визита к зубному. А сейчас заявил об этом открытым текстом.

Да уж, выходные получились — хуже некуда. Зуб занял собой остаток субботы и все воскресенье. Он обзавелся флюсом, он требовал анальгина, аспирина я полосканий, он не давал ничем заняться — и болел, болел, болел.

Иванихин еле дотерпел до утра понедельника, когда стало можно позвонить в регистратуру. Его записали на полпервого. «Девушка, я с острой болью!» — «А я вас куда? Если не с острой, тогда на среду». Иванихин позвонил Савельеву, попросил предупредить начальство, что берет больничный на полдня, а нет — так отгул, черт с ним со всем!

Зуб, почуяв вражьим нутром, что ему недолго осталось, разболелся с утроенной силой. Сидеть дома было невмоготу.

Иванихин, едва осознавая, что делает, обмотал шею болотным гадом, надел плащ — и только обнаружив себя в автобусе непривычного маршрута, понял, куда едет.

* * *

Во второй раз добираться было быстрее. Это всегда так. Привычная дорога короче.

Как только Иванихин шагнул в знакомую дверь «Приемного пункта», зуб отпустило. Он даже замер на пороге от неожиданности.

— Интересный терапевтический эффект от вневременья, правда? — Новоявленный собеседник приятно улыбался. У него самого два огромных передних зуба выдавались вперед, как у грызуна, что несколько искажало впечатление от улыбки. Вообще он весь — небольшого росточка, с подвижным острым носиком и оттопыренными ушами — походил на комичную мышь. Эдакий Микки Маус, только в костюме и при галстуке. «В тот раз была Снегурочка с Новогоднего утренника, теперь — мышь из Диснейленда, — бестолково подумал Иванихин. — Сговорились они, что ли?» Вслух он сказал:

— А где Сне… э-э-э…

Микки Маус, поддерживая Иванихина под локоточек, увлек его к дивану. Диван, словно бегемот, необъятной тушей разлегся в углу — круглились тугие бока, лоснилась кожаная шкура. Рядом доверчиво растопырила листья юная пальмочка, дополняя облик босса джунглей.

— Вы никогда не задумывались, Павел Сергеевич, о дрейфе атрибутов и символов детства в сознании взрослого человека? — вопросил человечек, подергивая мышиным носом. — То, что казалось праздничным и светлым, с течением времени окрашивается в мрачные, трагические тона, обретает смысл фатума, зловещего рока. Взять, к примеру, карусель… Да вы садитесь, садитесь же!

Он с неожиданной силой толкнул Иванихина, который тщетно мостился на краешке, вглубь дивана. Иванихин взбрыкнул ногами отчаянно скользя, — и безвозвратно, как монета под сервант, закатился задом в ложбину на спине кожаного монстра. Там и затих.

— Можете звать меня Майклом Максимовичем, — удовлетворенно произнес Микки Маус. — Или Максимом Майк—ловичем, если вам так удобнее. Я ваш персональный менеджер. Коньяку?

— М-м-м… — сказал Иванихин.

— Вы теперь, Павел Сергеевич, клиент категории А-1, — пояснил Микки-Майкл, протягивая ему пузатый бокал с тяжелой тускло-золотой жидкостью на донышке. — Оттого к вам индивидуальный подход. Так вот, о символах. Сущность символа предполагает присутствие нереализованной, латентной составляющей. В детстве этот потенциал видится, как обещание, возможность, будущее. Чем дальше продвигается субъект по своему жизненному пути, тем больше аспектов его жизни

превращается в реализованный факт. Но виртуальная часть символа остается! И взрослый человек начинает воспринимать его как несбывшееся обещание, нереализованную возможность, прошлое. Какова теория, а? — Он неожиданно засмеялся. — Фигня это все, Павел Сергеевич! Простите великодушно, заболтался. К делу, к делу! Слушаю вас внимательно.

Иванихину успело сделаться сначала темно и смутно от речей странного менеджера, затем — тепло и размыто от коньяка. В сумме он испытывал чувство некоторой нереальности бытия. Скорее, приятное. А обещание слушать сдвинуло где-то в потемках души Иванихина малый камушек, который грозил обрушить лавину.

Хотелось высказаться. Много, много лет Иванихина никто не слушал внимательно. Да слушал ли его хоть кто-нибудь хоть когда-нибудь?

Он, может, и говорить разучился.

А — умел?

Иванихин вздохнул.

Такое дело, — начал он. — Вот вы меняете жизнь на деньги. Необъясненными вещами занимаетесь. А так, если вдуматься, ничуть и не странно. Все как везде. Скажем, я иду на работу, просиживаю там с девяти до восемнадцати минус обеденный перерыв. То есть обед я тоже там провожу, потому что куда же пойти-то. И так — месяц. А потом получаю зарплату. Выходит, я этот месяц своей жизни продал. Верно?

— Очень тонко подмечено, — кивнул Майкл. — Продолжайте, прошу вас.

— Про-одал, — задумчиво повторил Иванихин, катая слово на языке, как глоток коньяка. — Или вот еще из области натурального хозяйства. Ну, как я в школе свое время на аттестат менял, а в институте — на диплом, это вообще элементарно. Интересно с семьей получается. Я, например, дверь чиню, которую не хочется. А жена мне носки стирает, чего ей тоже не мечталось. То есть я свое время меняю на ее время — а кто в выигрыше? Да никто!

— Вы так думаете? — восхитился менеджер, наливая коньяка в опустошенный бокал. Уши, как и нос, у него постоянно двигались, отчего казалось, что он все время прислушивается и принюхивается.

Иванихин осмотрел помещение. Отсюда, с дивана, оно выглядело совсем не так, как в прошлый раз. Стойка с окошком в стеклянной панели, которая тогда занимала все внимание Иванихина, как-то ушла в тень. Взгляд скользил по ней, не задерживаясь. Сегодня Иванихин принял как должное то, что в

понедельник его разум отказался признать, — внутри приемный пункт был определенно больше, чем снаружи. Хотя и непонятно, насколько больше. Здесь присутствовала какая-то странная игра света и теней, которая скрадывала расстояния и искажала пропорции. Некоторые участки и вовсе не получалось рассмотреть, взгляд огибал их, не желая фокусироваться.

— А почему — так? — Иванихин сделал обобщающий взмах рукой. — То есть, ну… по-разному?

— Персональный профиль. — Майкл снова явил фирменную улыбку грызуна. — Вот вы, Павел Сергеевич, клиент категории А-1. Вы это видите так. А кто-то — совсем иначе. Каждому свое.

— А категория А-1 — это как? — осмелел Иванихин. Менеджер пожал плечами. Уши его шевельнулись в такт.

— Надо же как-то классифицировать. Вы удивитесь, сколько у нас клиентов.

— А-а-а, — сказал Иванихин. — Ну да, еще бы. Я, знаете, сразу не понял, какие возможности. А сейчас понимаю. — Он вдруг забеспокоился. — Бели я, конечно… Ну, может я невнимательно читал… Вы ведь любое время принимаете? Вам без разницы, выходной это или будни? Или вот я, скажем, к зубному собрался…

— По вашей категории — абсолютно любое, — подтвердил Микки-менеджер, глядя на Иванихина с непонятным удовольствием.

— Тогда, значит… — Иванихин вспотел. — Я сегодня хочу сдать… Так, к врачу мне на полпервого. Получается, с полпервого до… до полвторого? А нет, там же очереди всегда, в нашей поликлинике. Мало ли что… Давайте — с двенадцати до двух. Да.

Майкл Маус смотрел на него с улыбкой.

— Что? — занервничал Иванихин. — Что-то не так? Или вы маленькими объемами не…

— Да пожалуйста! — Менеджер замахал на него лапками. — Да хоть по секундочке из часа! Но вы сами подумайте, Павел Сергеевич, ну какой смысл? Вы из поликлиники куда? На работу ведь? Потом — домой, в общественном транспорте. Вечером у вас, скорее всего, зуб после лечения развоется. Ночью кошмары будут сниться… А ведь сегодня — только понедельник. Ну и?

— То есть вы предлагаете опять до пятницы, — протянул Иванихин. — Да-а, я как-то не подумал… Почему бы?..

— Нет, — ответил Майкл. — Не до пятницы. Я вам предлагаю хорошенько подумать, чего вы хотите на самом деле. И не стесняйтесь, нечего тут стесняться. Это ведь ваша жизнь, не чья-нибудь. Ваше время. Как вы им распорядитесь — так и будет.

— Угу-у, — сказал Иванихин. И честно задумался.

А правда, чего он хочет? Вылечить зуб — но при этом пропустить посещение врача. Это понятно. Но это детали, мелочи. Надо мыслить масштабнее. Итак, вообще говоря; хорошо бы пропустить все неприятные события жизни — и прожить все приятные. Как в песне поется: «А я хмурые дни оставляю судьбе, а я ясные дин забираю себе». Да! Именно. Только как выяснить, когда, в какую минуту, тебя поджидает неприятность, а когда — удача?

— А можно узнать… ну, какие события… Предсказать как-то? — Иванихин никак не мог сформулировать вопрос, но менеджер его понял.

— Не в нашей компетенции, — развел он руками. — Точное знание нам недоступно. Но некоторый вероятностный прогноз — в ваших собственных сипах. Вот, к примеру, что будет тринадцатого июня этого года?

— Так это, — удивился Иванихин. — День рождения у меня.

— И как вы полагаете его провести?

Иванихин закрыл глаза, и вдруг увидел, как наяву, этот самый день рождения. Как он отмечал его в прошлом году, и в позапрошлом, и в поза-поза… И как, надо полагать, отметит в этом.

— Ну, соберется наш отдел. Савельев еще заглянет, наверное. Я принесу выпивку-закуску, женщины пару салатов приготовят… Часа в четыре, если начальство позволит, сядем за стол… — Иванихин запнулся. — Это если будний день. А он будний?

— А как узнать? — ответил Майкл вопросом на вопрос.

— Да в календарь заглянуть, — произнес Иванихин и только тут подумал, что в вопросе был подвох. Наверное.

Но Майкл искренне захлопал в ладоши.

— Браво, Павел Сергеевич! Вот вы и дали — совершенно самостоятельно — вероятностный прогноз на тринадцатое июня. Понимаете теперь, о чем я?

— Понимаю, — медленно проговорил Иванихин. — Н-да. Значит, то, чего я хочу, не получится. Но кое-что можно.

— Как я люблю работать с клиентами А-1, — с чувством заметил Микки. — Итак, сколько сдаете?

Иванихин решился.

— А до отпуска сдаю, — заявил он. — В августе у меня отпуск. Что тут, в самом деле. Весна… Разве это весна? Слякоть, холодрыга. Непременно насморк подхвачу. В мае у меня командировка к смежникам на две недели, я туда уже ездил — это ужас, какая у них гостиница! А столовая и того хуже… Ну, июнь, день рождения… опять все как всегда. Надоело. Это в детстве день рождения — праздник, а сейчас… чему радоваться?

Год прошел — и ладно. В июле все уйдут в отпуска, будем с кем-нибудь вдвоем за весь отдел лямку тянуть. Жара, духота, опять насморк — аллергический. Да, Максим Майклович. Все верно. Сдаю по девятое августа включительно. Вы мне как раз к отпуску деньжат подкинете, съезжу к морю в кои-то веки. Забыл уже, как оно выглядит.

— По девятое августа, двадцать четыре ноль ноль? — уточнил мышиный человечек, и на утвердительный кивок Иванихина по-пионерски четко рапортнул: — Принято!

Он извлек откуда-то серую толстую папку, открыл — папка оказалась ноутбуком новейшей модели — и небрежно пробежал лапкой по клавиатуре. Сбоку с мягким шуршанием выползли свежеотпечатанные листы.

— Прошу. — Микки подал Иванихину бумагу и бежевый с золотом конверт знакомого вида. — Ваш контракт и сумма по контракту. Извольте проверить. На одном экземпляре распишитесь, пожалуйста. Еще коньячку? На дорожку? Сделка состоялась, теперь и я с вами могу. Он уже разливал по пузатым бокалам остатки жидкости из пузатой же бутылочки. — Мой вам совет, Павел Сергеевич. — Микки Маус лелеял в лапке свой бокал и принюхивался. — Как символа не вашего детства… Шучу, шучу. Просто совет. Вы только не думайте, что нашли способ исправить свою жизнь. Чтобы что-то изменить, надо что-то менять. Понимаете? Это не мое дело, но у вас, помнится, были способности к рисованию…

— Вы лучше вот что скажите, — перебил его Иванихин. С деньгами в кармане он почувствовал себя солиднее и увереннее. А может, коньяк взыграл. Захотелось показать, кто тут — уважаемый клиент, а кто, между прочим, — на работе. Подумаешь, менеджер! Мышь рисованная. К тому же вопрос Иванихина и вправду волновал. — Скажите, моего отсутствия точно никто не заметит? Пять месяцев — это вам не неделя все-таки…

— Для посторонних, — устало улыбнулся Микки, ваша жизнь будет идти по-прежнему, словно вы и не прибегали к нашим услугам. К примеру, Лида, ваша сотрудница, которая вас сюда направила. Вы разве замечали в ее поведении что-нибудь необычное? Вот видите. Ну, приятного отдыха, Павел Сергеевич. Возвращайтесь к нам.

Охранник молча распахнул перед Иванихиным дверь «EXIT».

— А куда мы сейчас, Павлуша? Я бы выпила чего-то вкусненького…

Иванихин споткнулся и мгновенно покрылся потом — весь.

Вокруг была южная ночь.

Нет, не так. Вокруг была курортная южная ночь. Грохотала музыкой, слепила огнями, на все лады зазывала потратить деньги.

Деньги!

Иванихин остановился и сунув руку в карман. Конверт лежал там — увесистый, толстый, с тиснением.

— Пойдем куда-нибудь в тихое место, — деревянным голосом сказал Иванихин и скосил глаза на спутницу.

Нет, это была не бывшая, как ему с перепугу помстилось. Миниатюрная шатеночха лет тридцати. Такая себе — мило-невзрачная. Это было логично — ярких женщин Иванихин боялся, они же его подросту не замечали, — но в свете новых возможностей показалось смутно обидным.

— Пойдем, — кротко согласилась женщина и взяла Иванихина под руку.

«Это как же это я? — беспорядочно думал Иванихин, шагая мимо разноцветно сияющих входов в кафе и рестораны. — Это где же это я?»

Воспоминания понемногу оттаивали. Проступали, как пейзаж из редеющего тумана, — сначала ближние предметы, затем те, что подальше… Собственно, его интересовали именно ближайшие.

Иванихин быстро и без удовольствия вспомнил, как начальство по каким-то своим соображениям выперло его в отпуск на неделю раньше оговоренного срока. Он вяло противился, но — как обычно — не преуспел. И оказался перед необходимостью провести целую неделю отпуска в городе.

Вспомнил одуряющую жару в пропитанном выхлопными газами скверике, где он пытался гулять. Вспомнил скверную водку, которую пил с соседом, чтобы хоть как-то скоротать время. И то, как не выдержал, рванул на вокзал и половину конторских отпускных истратил на билет в южный город, знакомый с детства, но принадлежащий нынче соседнему государству. Вспомнил, как слушал перестук колес и пытался воскресить детские впечатления — море, пальмы… И как ни черта не получалось.

— Павлуша, мы куда идем? — жалобно подала голос женщина, о которой Иванихин успел забыть.

Он огляделся. Набережная почти закончилась. Дальше было темно, из темноты проступали какие-то стройконструкции — скелеты будущих кафе и ресторанов. Последнее из действующих заведений мерцало призрачными огнями, как выброшенный на берег Летучий Голландец.

— Сюда, — с напускной уверенностью сообщил Иванихин. —

Тут как раз тихо.

«Стриптиз-бар», — прочел он с опозданием, шагая под вывеску, и похолодел. Но обратного Пути не было. А, кроме того, разве не в поисках разгула и разврата он приехал на юг?

Иванихин ощупал конверт с деньгами — весомый, грубый и надежный пропуск в курортный рай.

— Шампанского… бутылку! — велел он набежавшей официантке. — Светочка! — Он очень кстати вспомнил имя спутницы, а также обстоятельства и степень их знакомства. — Я предлагаю тост за нашу романтическую встречу! И за тебя!

Вчера они уже целовались. Но после шампанского получилось лучше.

Пузырьки и поцелуй ударили Иванихину в голову. И тотчас — словно коварно поджидавшие этого мгновения — раскатились мягкие басы синтезатора. Красные лучи выстрелили из углов, ловя в перекрестье шест для стриптиза и женщину рядом с ним. Пока — одетую.

— Ой, — тихо, но внятно сказала Светочка.

— Коньяка, — потребовал Иванихин.

И ощутил, что падает — летит, кувыркаясь, — в пленительную бездну порока.

…Утро он встретил коленопреклоненным. В смысле, перед унитазом. Обнимая белого брата за изножие, склонив покаянную голову на фаянсовый край и заглядывая в дурно пахнущее нутро. Блевать больше не хотелось. Подниматься — тоже.

«Хорошо, что в номере свой санузел», — в который раз порадовался Иванихин.

Полет в бездну порока прошел успешно. Из стриптиз-бара они перебрались в ресторан, где ели жесткий шашлык, танцевали медленные танцы под быструю музыку и пили вино, коньяк и водку. После отправились к Свете с идеей оказаться в постели — но по дороге завернули на дискотеку. Там Иванихин добавил, и там же он потерял Свету.

На дискотеке было страшно. Ослепительные вспышки били по глазам. Дикие ритмы сотрясали пол, стены и отдыхающих. Иванихин, открыв рот, как глубоководная рыба на берегу, чтобы не лопнули перепонки, пробирался среди конвульсивно дергающихся людей. Какая-то девица вцепилась ему в локоть. Иванихин взял выпить себе и ей. Девица что-то говорила, он не слышал ни слова, поэтому все время кивал. Ушли они вместе.

Дальше Иванихин помнил прерывисто. Помнил, как зашли в казино — но вот пытались ли там играть или как зашли, так и вышли, память не сохранила. Иванихин истово надеялся, что не пытались. Потом девица блевала, свисая головой с парапета, а он

держал ее, обхватив за коленки. Немного погодя они взяли в киоске две бутылки вина, красное сухое и розовое десертное…

В конце концов Иванихин все-таки оказался в постели с женщиной. Хоть и не со Светой. Как зовут новую подружку, Иванихин не выяснил. Волосы у нее были крашены местами в красный цвет, местами — в фиолетовый, так что при равномерном освещении брала оторопь. Поэтому Иванихин быстро выключил лампу, для страховки закрыл глаза и действовал на ощупь. Кажется, у него что-то получилось…

Потом ему стало то ли совсем хорошо, то ли окончательно плохо. Очнулся он от того, что край унитаза врезался в ухо.

С немалым трудом и не сразу Иванихин сумел покинуть санузел. В комнате все, что только можно, валялось где ни попади. Девица с пестрой головой спала, безоговорочно заняв всю кровать. Иванихин, заранее ужасаясь, полез в карман за деньгами.

Деньги были. Примерно половина.

Чужими руками Иванихин кое-как оделся и на тряпичных ногах вышел из гостиницы. В первом же попавшемся кафе он простонал: «Пива!» — и рухнул в пластиковое кресло.

Пиво медленно промывало чугунные мозги. Иванихин сидел как истукан, смотрел прямо перед собой. По липкому столу ползали две мухи, жужжали, взлетали, опять садились, пытались совокупляться.

«Зачем? — размышлял Иванихин. — То есть на фига?»

Он смотрел на проходящих мимо людей. На самодовольных толстяков, на поджарых юнцов, на женщин, драпированных цветными платками в меру красоты фигуры и собственных о ней представлений. «Вы удивитесь, сколько у нас клиентов», — звучал в его голове вкрадчивый голос менеджера из приемного пункта.

Раньше Иванихин не раз задавался вопросом, откуда люди берут столько денег, чтобы их тратить. Вроде и не делают ничего особенного — а поди ж ты, по курортам разъезжают. Ну вот. Теперь он знает, как получить деньги — ни за что, просто так. И сам сидит здесь, попивая пиво и рассматривая толпу.

«Интересно, кто из них настоящий, а кто — нет?» думал Иванихин. — «Кто живет прямо сейчас, а кто — пустая оболочка, которая совершает привычные действия, чтобы когда-нибудь в урочный час очнуться, вспомнить это мгновение как уже прошедшее и ощупать в кармане толстый конверт?»

На секунду Иванихину стало жутко. Он ощутил себя единственным живым человеком в окружении зомби. Но ощущение быстро прошло, и Иванихин устыдился детских мыслей. Во-первых, это кто ж продаст время отдыха на юге, а? Вот зимой, в будний день, в троллейбусе по дороге на работу — там

по-любому полная зомбификация. Так и что? Дело привычное. А, во-вторых, какая ему разница?

Или все-таки — разница есть?

«Вы удивитесь, сколько у нас клиентов».

Иванихин допил пиво и пошел будить пестроголовую девицу. Ему срочно захотелось выпить чего-нибудь покрепче. В компании. Чтобы отключить мозги и не думать. И пойти куда-нибудь. Где очень громкая музыка с бессмысленными словами. Чтобы совсем не думать никогда.

Первую неделю сентября погода держалась по-летнему ласковой. От нежданного тепла люди сделались податливыми, как нагретый пластилин. Хотелось творить добро и пользу себе и ближним. Иванихин размяк настолько, что починил дверь и сходил к сыну в школу. То есть в лицей.

Поездка на курорт вспоминалась редко. Иванихин даже не стал проявлять отснятую на югах пленку и печатать фотографии. К чему? Только деньги тратить. Все равно некому показывать.

Затем погода испортилась. Зарядили дожди.

Душа, нехарактерно развернувшаяся под действием тепла, скукожилась в некрасивую фитюльку да так и застыла.

Прошедший отпуск стал казаться Иванихину ненастоящим. Как позавчерашний сон, как давно прочитанная книга. Как история, рассказанная одним незнакомцем другому, который и слушал-то невнимательно. Настоящим было то, что окружало Иванихина здесь и сейчас, — серые дождливые трудовые будни. С девяти до восемнадцати. С понедельника по пятницу. С момента окончания института — и до пенсии.

Считая часы и минуты рабочей недели, Иванихин знал одно: в приемный пункт он больше не пойдет.

Почему?

Вот просто не пойдет, и точка. Отвяжитесь. Нет, ну почему?

По кочану. Главное — не задумываться. Иначе поползут жуткие мороки из фрейдовских заказников психики, начнет казаться, что и жил как-то не так, и сейчас живешь — из рук вон не туда. Захочется что-то изменить, исправить… знать бы, что и как?

В общем, маета.

Иванихин пытался и боролся. Стал посещать курсы йоги и самопознания, делал по утрам неестественную для славянина гимнастику, вникал в адаптированную мудрость Востока. Не помогало. Наоборот, сделалось хуже.

Жизнь стала ощущаться какой-то пустой, выеденной изнутри, как трухлявый гриб. События проскальзывали мимо Иванихина —

или это он скользил мимо событий, ни за что не задевая. Не чувствуя связи с миром.

С деревьев облетели последние листья, лужи взялись ледком. Иванихин забил на йогу и обратился к практике родной культуры. По субботам — а иногда и вечером в пятницу — в его холостяцком, как нельзя более пригодном логове появлялись сосед Виталь Саныч и его кум Колька. После первой же стопочки становилось легче дышать. Когда свинчивали пробку второй бутылке, начинало казаться, что каждым словом Иванихин со товарищи раскрывают великие истины, которые всяким там индийским гуру в ихней нирване и не снились И было жалко до слез, что мир не внемлет…

Где-то в районе следующей бутылки Иванихин наконец обретал смычку с реальностью — но не мог удержаться на ослепительной грани бытия и небытия. Реальность, раскалываясь, била его по башке. Последнее, что он слышал, был неизменно ровный басок Саныча: «Конька, засранец, уложи Пашу. Видишь — устал человек…»

Воскресенье уходило на опохмел.

Жизнь, простая и страшная, катилась вперед сама собой, как машина под уклон. Правду сказать, несколько раз — особенно с бодуна — Иванихина посещало искушение съездить в «Приемный пункт», сменять ненужные и неприятные моменты жизни на полезные дензнаки. Но что-то его держало.

Мелькали выходные, тянулись будни. Плавно, без суеты настал Новый год.

Иванихин потерял бдительность — а зря. Повозка его экзистенции с размаху налетела колесом на камни праздников. Сначала Виталь Саныч с кумом уехали встречать Новый год в деревню, и там Коня запил. Саныч вернулся один, зашел к исстрадавшемуся Иванихину — тот было воспрянул, но назавтра у Саныча разболелась печень, всерьез и надолго. Так в одночасье развалилась компания, а в одиночку Иванихин пить не умел.

Он попробовал возобновить пивные отношения с Савельевым — но пиво, в отличие от водки, не давало нужного накала страстей в организме. А недавний приятель оказался на поверку занудой и нытиком с черствой, себялюбивой душонкой. Иванихин заподозрил, что Савельев задолго до их знакомства сдал свое время на много дет вперед я ходит но миру восковой фигурой, бездумным манекеном. Только раньше Иванихин этого не замечал.

«Вы удивитесь, сколько у нас клиентов…»

Иванихин разругался с Савельевым н не но своей вине вернулся к трезвости. В мозг его, снова мыслящий и оттого

беззащитный, злобным бультерьером вцепился вопрос: что делать?

Делать-то что, а? Надо же что-то делать. Ведь жизнь — она проходит. Нельзя же так! А тогда — как?

* * *

Никого не было на пустыре.

Никто не подходил к приемному пункту с самого утра. Снег, который выпал ночью, лежал нетронутым.

Белая простыня, белое платье невесты, белый саван — чем бы ни был этот покров, он милосердно укутал землю, спрятав мусор и уродливый бурьян.

Стало красиво.

Посреди чистейшей белизны нелепая будка с закрашенными окнами и корявой надписью «Приемный пункт» оскорбляла взгляд.

Иванихин протаптывал тропинку в снежной целине, н вдруг услышал звук. Звуком был скрип.

Надсадно заскрипела, открываясь под собственным весом, дверь. Отворилась на треть, помедлила — и сама собой закрылась обратно. Так ведут себя рассохшиеся форточки в нежилом доме. Иванихин ужаснулся: «Что, если пункт заброшен?!» Он-то приписал отсутствие народа все еще не закончившимся, нестерпимо длинным в этом году новогодним праздникам.

«А вдруг — закрыто? Насовсем?!»

Было дело, в первые годы после развала Союза появлялись, как из-под земли, кооперативы, фирмы, фирмочки — поражали солидностью, завлекали клиентов, срывали бабки — и пропадали бесследно, проваливались обратно в недра. Так что в принципе Иванихин, как любой гражданин постсоветского пространства, был приучен к мысли, что сколь угодно солидное заведение может закрыться без объяснений, переехать невесть куда, попросту исчезнуть.

Ну как же он не сообразил, что с «Приемным пунктом» может произойти нечто эдакое? Крутил носом — мол, не пойду — и не подумал, что возможности, к которым успел привыкнуть почти мгновенно, могут взять — да и накрыться эмалированным тазом.

«И что теперь? Так и жить самому — без вариантов?!»

Ругая себя идиотом и хуже, Иванихин рванул вперед, словно скорость что-то значила. Торопливыми прыжками, неряшливо взрыхляя снег, он одолел остаток дистанции, распахнул дверь и ввалился внутрь запыхавшийся, как будто за ним гнались.

Внутри было темно.

Иванихин затормозил было на пороге, но распахнутая им дверь захлопнулась позади с громким стуком, и он рефлекторно сделал пару шагов вперед.

Оказалось, кое-какой свет здесь был.

Глаза привыкали, и Иванихин стал различать очертание огромного помещения. Больше всего оно напоминало склад. Потолок и стены терялись в безымянной дали, а обозримые пространства были заняты нагромождением ящиков и коробок, связками чего-то длинного и стопками чего-то угловатого, странноватой тарой вроде гигантских бидонов и стеллажами произвольной конфигурации, на полках которых смутно рисовался разноформатный хлам. Источник неяркого света располагался довольно Далеко от входа, и Иванихин осторожно побрел к нему, лавируя среди материальных объектов и отбрасываемых ими странных теней.

Иванихину было не по себе. Пульс отдавался в висках. Губы пересохли.

Он подумал, что надо было еще от порога окликнуть: «Есть тут кто?» — а не переть дуром по чужой собственности. Но кричать было неловко, да и как-то… жутковато, что ли? А возвращаться — глупо. Так что он двигался на свет, как медленный упорный мотылек, и наконец, обогнув очередной стеллаж, вышел в обитаемые места.

Здесь между грудой пыльных мешков с чем-то сыпучим и пирамидой жестянок разного размера — банок с краской, что ли стояли конторский стол, пара стульев и сложенное кресло-кровать. Вся мебель, особенно кресло, видала лучшие дни. Путеводная звезда, которая завлекла Иванихина сюда, обернулась настольной лампой без абажура.

По ту сторону стола в кресле, повернутый к Иванихину в профиль, сидел рослый, непомерно плечистый человек в драном ватнике и вроде бы спал.

Иванихин пригляделся.

Сначала ему показалось, что это знакомый охранник — тот, который еще во время его первого визита в приемный пункт уверенно направил робеющего Иванихина на выход.

Потом Иванихин понял, что так оно и есть, — но этого мало. Было в суровых чертах что-то еще более знакомое, болезненно неуместное, никак не желающее всплывать из памяти…

Охранник шевельнулся, открыл глаз.

— Садись, Сергеич, — сказал он ровным, без интонаций, машинным голосом. — Выпей со мной.

Иванихин обессиленно рухнул на стул. Он вспомнил.

Напротив него, не смущаясь окружающей обстановки, сидел американский актер Арнольд по фамилии Шварценеггер, что, как Иванихин где-то когда-то случайно услыхал, означало «дважды черный».

«Черный, черный человек», — мелькнуло читанное давным-давно у Есенина — помимо обязательной программы, из школярского вольнодумства.

Арнольд повернулся в фас, и Иванихин понял, что видит заокеанскую звезду в роли не Конана, но киборга. Терминатора то есть. Времен конца первого фильма из одноименной серии.

Доселе скрытый от Иванихина второй профиль охранника не был человеческим. Отсутствие кожи на этой половине лица открывало металлический череп строгих пропорций. В глазнице светился и пульсировал багровый шар. Несколько секунд Терминатор в упор разглядывал Иванихина обоими глазами — от киборгова ока, казалось, исходил жар, — затем неожиданно подмигнул ему вторым, человечьим.

Пока Иванихин моргал, пытаясь сообразить, не показалось ли ему, — а заодно понять, что это все вообще значит, — Арнольд вытащил из-под стола трехлитровую банку, до краев наполненную чем-то мутновато-прозрачным. Ухватив банку двумя пальцами за горлышко, он недрогнувшей рукой налил два граненых стакана точнехонько до половины и довольно хмыкнул.

— Мой глаз йесть бриллиант, — сообщил он с сильным американским акцентом. — Как гоуворьят, за вашье здоровье.

— Самогон? — обреченно спросил Иванихин.

— Пей, пока наливают, — буркнул Терминатор. Интонации были очень человеческие, и даже акцент куда-то пропал.

Иванихин вдруг понял, как он устал. Устал надеяться, бояться, удивляться, не понимать, мучиться вопросами, бороться с самим собой… Ну самогон. Ну киборг. А идите вы все!..

Он зажмурился, затаил дыхание и единым махом хлопнул полстакана. Выдохнул. Разжмурился обратно.

Сквозь проступившие слезы Иванихин с трудом разглядел Терминатора, который бесстрастно протягивал ему вилку с наколотым мятым огурцом.

Иванихин зажевал.

От выпитого стало горячо изнутри, а окружающее слегка закачалось. И еще он с изумлением ощутил, как расслабляется мерзкий тугой комок, в который, оказывается, давным-давно скрутились его кишки, или желудок, или что там еще у человека может скрутиться. Сделалось спокойно и несуетно.

— А я слышал, вы вроде в губернаторы подались, — вспомнил вдруг Иванихин. — Как же так?

— Это не я, — покачал головой Терминатор. — Это он.

— Конан, что ли? — понимающе кивнул Иванихин.

— Нет, — строго сказал киборг. — Конан тут вообще ни при чем. Ты думаешь, я кто?

— Вы… этот, — неуверенно произнес Иванихин. — Ну, в смысле тот…

Он с ужасом понял, что забыл фамилию иностранца. Ему стало стыдно, как в школе, когда вызывали к доске отвечать перед классом невыученный урок. Но что-то говорить надо было, и он решился.

— Вы — Черный человек! — выпалил Иванихин. — Ну, как у Есенина. «Где-то плачет ночная зловещая птица. Вот опять этот черный на кресло мое садится…»

Терминатор одобрительно посмотрел на Иванихина и откинулся на спинку. Кресло придушенно хрюкнуло, сопротивляясь натиску могучей спины.

— В точку, Сергеич! — воскликнул Черный человек. — Ну, за это надо выпить. И давай-ка ты меня на «ты» называй. Это который губернатор, ему будешь выкать… Хотя нет. Не будешь. Он же по-английски говорит. Да вы и не встретитесь…

Иванихин безропотно взял стакан.

Горло обожгло даже сильнее, чем в прошлый раз. Но по мозгам ударило не сразу, а через какое-то время дошла мягкая неотвратимая волна, словно цунами, — эхо землетрясения. Эпицентр, видимо, был в желудке.

— Значит, закрыли пункт, — закусив и откашлявшись, решил возобновить беседу Иванихин.

— То есть? — удивился киборг.

Он прищурил человеческий глаз и вперился в Иванихина багрово пылающим шаром. Иванихин занервничал.

— Ну, я смотрю, тут склад какой-то, и нет никого… — сбивчиво залепетал он.

Терминатор вздохнул.

— А я думал, Сергеич, ты понял, — разочарованно сказал он. — Открыт наш пункт. Как мы всегда работали, так и сейчас. Просто у тебя категория сменилась. Дошло?

Иванихин глуповато улыбнулся.

— А, — сказал он. — Ага… Категория.

Мир опять рассыпался на кусочки, и надо было в очередной раз собрать цельную картинку. Или хотя бы попытаться собрать. Проклятые паззлы!

— А вы, значит, мой м-м…

Под обжигающим взором киборга слово «менеджер» расплавилось на губах у Иванихина, превратившись в мычание.

— Я — твой проводник, — заявил Терминатор. В его голосе опять лязгнули машинные нотки.

— Куда? — слабо спросил Иванихин.

— А куда ты идешь? — не пожалел его Черный. — Туда и проводник.

— Так это…

— Или хранитель, — разрешил киборг. — Если тебе так спокойнее.

— Ангел? — робко пошутил Иванихин и устыдился того, как жалобно это прозвучало.

Терминатор шутки не принял.

— Ну зачем же? — сухо сказал он. Повисло молчание.

Иванихин лихорадочно пытался привести в действие затуманенные мозги. Значит, пункт работает. А то, что павильон внутри каждый раз иначе выглядит, это ему в прошлый раз Микки Маус доходчиво объяснил. Персональный, сказал, профиль. Типа каждому свое. Только вот почему здесь сейчас именно такая обстановка? И вместо вежливой Снегурочки или услужливого менеджера — этот, кто он там. Черный… Смотрит, как советский плакат времен Великой Отечественной — прямо в душу. Св-волочь.

— А какая у меня теперь категория? — осмелился Иванихин.

— А какая тебе теперь разница? — в тон ему ответил киборг. — Ну, допустим, я скажу, что Дэ-5. Или Ю-18. Ты, Сергеич, на кой вообще пришел? Категорию выяснять?

Иванихин вдруг расхрабрился всерьез. Да что, в самом деле, такое? Он к ним — как уважаемый клиент, а ему вместо дивана — жесткий стул, вместо приятного собеседника — ханыгу-охранника, еще и робота вдобавок! А как же эти, ну, гражданские права сдать свое время?

— Ты меня категориями не морочь, — хмуро рубанул Иванихин. — У тебя полномочия есть мое время принять? Если нету, так позови кого постарше…

Терминатор покачал головой. Непонятно было, то ли он осуждал Иванихина, то ли одобрял, то ли жалел.

— Старше меня — только… — Черный человек оборвал фразу, зябко передернул могучими плечами, отчего явственно затрещал ватник, налил себе одному— и немедленно выпил.

Настольная лампа мигнула, затем погасла, но не успел Иванихин толком испугаться, как она загорелась вновь. Некоторое время Терминатор сидел неподвижно, потом опять потянулся за банкой, но налил в оба стакана по чуть-чуть — даже не налил, а плеснул на донышко.

— Подумай хорошенько, Сергеич, — произнес он

негромко. — Вспомни, как не хотел сюда идти — а пришел. Почему не хотел? И зачем пришел? Подумай и скажи. Только не ошибись.

Иванихин выпил.

Этот глоток оказал на него странное воздействие. Как будто вовсе не самогон он пил. А вообще непонятно что.

Голова прояснилась, мысли стали прозрачными, четкими и какими-то посторонними. «Так, наверное, мыслят великие ученые, — подумал Иванихин. — Все по порядку, все по полочкам, и ничего их по-настоящему не волнует. А ну-ка посмотрим, что у меня там на полочках лежит…»

И увидел Иванихин мысленным взором всю свою жизнь.

Для начала ему явился славный толстощекий карапуз. Карапуз сидел на полу рядом с ножкой стола и, задрав голову, смотрел вверх. Он был почти уверен, что там, на недостижимой высоте, есть что-то неописуемо интересное. Когда взрослые брали его на руки и возносили в верхний мир, на столе всегда оказывалось что-нибудь эдакое. Но как проверить сейчас, когда он одни?

Карапуз ухватился за ножку. Кряхтя и покачиваясь, он поднялся на ноги. И с мужеством естествоиспытателя потянул за скатерть…

Иванихин вспомнил сладкий восторг и темный ужас мгновения, когда сверху стали падать разные предметы. Вспомнил, как карающим божеством ворвалась в комнату мать и больно-пребольно отшлепала его по попке, приговаривая: «Не лазь наверх! Не лазь, куда не надо!»

Затем Иванихин увидел мальчика Павлика. Мальчик Павлик, сопя от усердия, рисовал на последней странице тетрадки по математике танк. Танк был большой и настоящий, с длинной пушкой и заклепками на броне. Сначала он был наш, но когда Павлик его дорисовал, выяснилось, что танк вражеский, потому что стало понятно, как нарисовать еще лучше. И Павлик нарисовал наш танк, со звездой, еще лучше!

Вражеский танк увидел, что наш лучше, и разозлился. И ка-ак выстрелил! Но промазал. Павлик отложил ручку с синей пастой и взял с красной. Тогда наш танк ка-ак стрельнул в ответ) И попал! А вражеский ка-ак взорвался!!!

— Это еще что за художества? — прозвучало над головой. Павлик втянул голову в плечи.

Учитель математики взял тетрадку, посмотрел, хмыкнул. Класс радостно затаил дыхание.

— Рисуешь ты неплохо, — одобрил учитель. — И политически грамотно, как я посмотрю. А теперь давай проверим,

как ты решаешь задачи… художник!

Мальчик Павлик плелся к доске, слыша шепотки и смешки за спиной и всем сердцем желая оказаться где-нибудь в другом месте. Он почему-то сразу понял, что теперь его долго будут дразнить «художником». Но наивно решил, что дразнить перестанут, если он бросит рисовать…

Следующим перед Иванихииым предстал студент Иванихин. Студент Иванихин сидел на лекции и мечтал, чтобы она поскорее кончилась. Лекция была но высшей математике, и Иванихин даже не валился делать вид, что конспектирует. Он и школьный-то курс математики осилил «трудом, куда уж институтский?

Вообще-то, честно сказать, ему не нравилась ни одна из дисциплин, которые приходилось учить. Да ему и специальность не нравилась. Но куда было податься с троечным аттестатом? А здесь был недобор, вот Иванихин и поступил.

Ладно, пять лет помучиться — а там и диплом…

Студент Иванихин зевнул и сменился Иванихииым нынешним. Трех- или четырехгодичной давности. Этот тоже зевал. Непосредственно на рабочем месте. «Еще только среда, а по ощущениям давно уже пятница, — думая Иванихин. — И не первая на этой недеде. Когда это кончится? Сил моих нет».

Тут Иванихин обнаружил себя сидящим на стуле напротив Терминатора. Тот сверкнул на него машинным глазом.

— Итак, — сказал киборг голосом американского губернатора. — Какийе вашьи выводы?

Иванихин поймал себя на том, что совершенно перестал его бояться. До сих пор, себе не признаваясь, все же остерегался собеседника. Мало ли. Силища вон какая. Ватник трещит, кресло стонет. Опять же трехлитровую банку двумя пальцами, да чтобы ни капли не расплескать — это не всякий, это… поди попробуй! Ну и, потом, недомолвки недомолвками, а если дипломатический казус выйдет?

Но теперь, когда все стало на свои места, оказалось, что бояться нечего. Ну и что, что Черный человек? Не посторонний ведь и даже не есенинский. Его, Иванихина, Черный человек. Свой.

— А ведь я с самого начала надпись видел, — задумчиво заметил Иванихин. — Ну, там, **у** вас. Снаружи-то есть. Большими буквами «Приемный пункт», а пониже маленькими «вторсырья». Только как-то… не вспоминал, что ли. Маленькие буквы — они для того и маленькие, чтобы их не запоминали. Не обращали ненужного внимания. Не трогали… — Он замолчал, потому что сбился с мысли, но быстро подхватил ускользнувшую было нить: — Выходит, вы покупаете уже истраченную жизнь.

Использованную. И ненужную владельцу. Как исписанный лист бумаги, где нет никакой важной информации — так себе, запачканная бумажка, которую можно сдать в макулатуру и утилизировать. Верно?

Терминатор промолчал, но Молчание показалось Иванихину утвердительным.

— Возникают интересные аспекты, — продолжал Иванихин. — Во-первых, получается, что люди используют жизнь как бы… с опережением, что ли? Наверное, переход происходит, когда мы определяем, какой вид примет для нас некий отрезок будущего. В тот момент, когда мы принимаем решение… — Он сделал паузу, но ответа не дождался. — Во-вторых, должны быть такие мгновения жизни, которые не подлежат утилизации. Которые прожиты насовсем. Такие минуты в жизни наверняка бывают. Или… не у каждого человека? Но, может, есть люди, у которых вся жизнь такая?.. Ну да, конечно есть! — Иванихин горько рассмеялся. — Леонардо да Винчи, — произнес он с упреком. — Моцарт. Ломоносов. Пушкин. И прочие… творцы и классики. Такие люди живут… ну… сразу и навсегда. Я ведь не ошибся? Ну что вы молчите? Вы мне ответите хоть на один вопрос?!

— Да, — кивнул Терминатор. Помолчал и добавил: — Не на этот.

— Понятно… — тихо увял Иванихин. — А можно узнать, куда потом наше вторсырье… Ну, сданную жизнь то есть. Как ее утилизируют? Что получается? И… для чего?

Киборг покачал головой.

Иванихин вздохнул.

— Так я и думал, что не ответите. А скажите хоть, у меня-то в жизни были такие мгновения? Настоящие?

— Были, — бросил Черный человек и отвернулся.

Некоторое время Иванихин ждал продолжения, но молчание длилось, и он вдруг отчетливо понял, что получил обещанный ответ.

На один вопрос.

В скобках прописью — один. Все. Точка.

Терминатор сидел совершенно неподвижно, без признаков дыхания. Не то заснул, не то выключился — кто их, кибернетических организмов, знает?

Иванихину захотелось крикнуть: «Нет, не считается! Я не то хотел спросить! Конечно, были, я и сам знаю, что были.

А — будут?» Впрочем…

На этот вопрос ответ Терминатора тоже годился.

«Будут?»

«Были».

Иванихин стиснул зубы. Да, ловко они его… Или — он сам себя?

Неважно. Один выход у него все еще есть. Пусть жизнь — на годы вперед — истрачена напрасно. Пусть череда неправильных выборов загнала его в ловушку. Есть, есть законный вариант безвозбранно заняться тем, чем хочется!

— Сдаю свое время, — твердо заявил Иванихин. Принимайте, что ли.

— Эх, Сергеич… — Киборг ожил и с непонятной грустью покачал головой. — Тихая ты букашка… Сколько сдаешь?

— До пенсии! — мстительно сказал Иванихин. — Хватит, поиздевались вы надо мной. Я все понял! Шаг влево, шаг вправо — пять лет расстрела и доской с гвоздями по морде. Так, да? А если я не хочу выбирать? Если я хочу просто жить, и чтобы меня не трогали. Разве я много прошу? — Иванихин сердито и требовательно уставился на Терминатора. — До пенсии, — повторил он с напором. — То есть до… это какой тогда год будет? В общем, до того времени, когда мне исполнится шестьдесят, плюс еще месяц. И не надо меня отговаривать! Я сам прекрасно по…

— Принято, — сказал Черный человек. Неестественно ярко вспыхнула лампочка — и погасла. «Перегорела, — отметил Иванихин. — Дело житейское…»

Кто-то тряс его за плечо. Очень настойчиво тряс. И безжалостно.

Иванихину потребовалось усилие, чтобы поднять голову.

Оказывается, он заснул, сидя за столом. Шея затекла и сильно болела. Еще болела спина. Ныло сердце. Саднили легкие. На первое же движение тупой болью отозвался правый бок — печень, что ли? Иванихин коротко застонал.

— Ты чего, дед? Болит что? — Голос был женский, молодой, деловитый. Сочувствия в нем не слышалось ни на копейку.

Иванихин с трудом сфокусировал взгляд.

Незнакомке было лет двадцать, не больше. А то и меньше. Она разглядывала его со слегка брезгливой жалостью, как дохлую мышь. Удостоверившись, видимо, что кусаться он не станет, девушка небрежно сдвинула посуду на кран стола, взгромоздила на него большую клеенчатую сумку, а сама лихо уселась верхом иа табурет.

«Интересно, откуда она взялась на моей кухне? Кто она вообще такая?»

Язык пребывал в анабиозе, и шевелиться согласился только с

третьей попытки.

— Т-ты кх… хто? Откх… откуда?

— Опять пил, — констатировала незнакомка. — Ксюха я. Ксения. Твоя любимая внучка. Ты бы, дед, выгружался бухать. Тебе это уже не но патчу.

— П-пил? — попытался удивиться Иванихин. — П-пычему? Он как-то не помнил, чтобы пил. Если на то пошло, он вообще мало что помнил. Но тело и душа, приняв вопрос на свой счет, однозначно ответили: да, пил. И еще как пил! То, что он постепенно начинал чувствовать, выглядело как худшее из похмелий в его жизни.

Болело все. В общем и в частностях.

Тошнило.

Пустыня рта взывала к орошению — но мысль о том, чтобы встать и налить себе воды, ужасала.

В потревоженный мозг стали поступать данные. Мозг противился, орал, что ему самому плохо, ворочался в тесном черепе, давил изнутри на виски и затылок…

Иванихин закрыл глаза.

— Держи, дед! — Ксения совала ему в руку стакан, где плавали, шипя и растворяясь, две таблетки.

«Вода!»

Иванихин сделал осторожный глоток. Прислушался. Жидкость шла внутрь с трудом, но на пользу.

— Опять с Черным человеком общался? — сердито спросила Ксения. — Ты, дед, меня уже затоварил своими свопами.

«С Черным человеком?!» — Иванихин поперхнулся последним глотком, закашлялся. Остатки таблеток мерзко заскрипели на зубах.

Ксения от души треснула его меж лопаток.

— Легче? — искренне спросила она.

— Не выживу, — признался Иванихин. Девушка пытливо заглянула ему в лицо.

— Ладно, ты пока тут посиди, — рассудила она. — Если что — зови.

Ксения легко забросила на плечо свою необъятную сумку. Уже на пороге кухни она обернулась.

— Да, дед, я у тебя поживу немного. Мы с матерью опять погрызлись.

И вышла, не дожидаясь ответа. Впрочем, она вовсе и не спрашивала иванихинского согласия, а ставила его перед фактом.

«Да что тут происходит, в конце концов? Кто-нибудь мне объяснит?!»

Иванихин оперся обеими руками о столешницу, попытался

встать, не преуспел и со стоном рухнул обратно. От усилия в раскаленном мозгу что-то лопнуло, словно волдырь, — и он вдруг вспомнил, почему вчера так надрался, что заснул в кухне за столом.

Хоронили Савельева.

Савельев, тщедушный и маленький, непохожий на себя живого, лежал в большом, не по размеру, гробу. Лида со слезами рассказала Иванихину, что Савельев сам заказал себе гроб пару лет назад, еще до болезни, «Всегда был такой обстоятельный, — всхлипывала она. — Все заранее планировал…» Лида с Савельевым сошлись еще до того, как Иванихина уволили, и прожили вместе лет двадцать или около того.

Иванихин с ужасом смотрел на покойного Савельева и с еще большим ужасом — на седую старенькую Лиду и прочих бывших сослуживцев, которых не видел много лет. В их глазах он видел отражение себя самого. Такого, каким стал.

Он малодушно покинул кладбище, не дожидаясь окончания похорон.

Привычно зашел по дороге домой за бутылкой водки, подумал — и взял две. На всякий. За добавкой-то послать некого будет. Иванихин давно уже пил один.

Первую бутылку он вчера выпил почти не пьянея. Или, во всяком случае, ему так казалось. Воспоминание о Савельеве в гробу все не отпускало, никак не смывалось алкоголем. Мысли были четкие и отстраненные. Вернее — одна-единственная мысль. «А жизнь-то твоя — прошла», — словно произнес внутри Иванихина чужой голос.

— Жизнь прошла, — повторил Иванихин вслух, но слова были бумажными, легкими, столько раз сказанными до него, что протерлись от употребления, как ветхая купюра. Они не выражали того, что он чувствовал.

Прошла. Жизнь. Его. Не чья-нибудь — его! Как — прошла? Зачем? Почему?

Иванихин выпил еще, закрыл глаза и попробовал сформулировать иначе.

— Пока я тут отвлекся, — медленно проговорил он, — кто-то прожил мою жизнь.

Стало жутко.

И, как всегда, когда Иванихин пил в одиночестве, возникло ощущение чьего-то присутствия за спиной. Если обернуться, выяснялось, что там никого нет. Но если не оборачиваться, ощущение нарастало. Казалось, что некто вполне материальный, просто очень вежливый, внимательно слушает Иванихина, стоя у него за плечом. Иногда как бы дуновение чужого дыхания

касалось иванихинского загривка, иногда ему казалось, что незнакомец отбрасывает легкую тень…

Хотя — почему «незнакомец»? Иванихин давно прозвал его для себя Черным человеком. Это имя будило в нем какой-то странный отзвук. Что-то из прошлого… или будущего?

Черный человек был прекрасным собеседником. С сыном, с бывшей женой, с невесткой, с внучкой, с приятелями и собутыльниками — со всеми нужно было говорить о них. И только с ним, с Черным, Иванихин мог поговорить о себе, о своей жизни.

Которая, как оказалось, прошла. Раз — и нет ее. Закончилась.

Впрочем, ни на что особо Иванихин пожаловаться не мог. Жизнь как жизнь, все как у людей. Вот разве что короткая получилась и бестолковая… Так это тоже, наверное, у всех так.

Иванихин вспомнил, как он вдруг встрепенулся лет после сорока — это когда обнаружил, что Толик как-то незаметно закончил лицей, поступил в университет и собирается жениться. Не прошло и года, как Иванихин заглядывал в коляску к сладко спящей Ксюшке, честно и безуспешно пытался припомнить, как выглядел Толик в ее возрасте, и удивлялся: «Я — дедушка? Я?» Тогда он остро почувствовал, что жизнь идет — и проходит. Засуетился, хотел было что-то в своей судьбе изменить…

Но тут Иванихина уволили по сокращению. Резонно, в общем-то, уволили. Иванихин не единожды думал, что пользы от его пребывания на рабочем месте — никакой. Другой вопрос, была ли польза от остальных сотрудников, начиная с начальства… Н-да.

Сосед Саныч пристроил Иванихина в контору, где работал кем-то вроде охранника, — себе в напарники. Двое суток они понемножку выпивали на работе, потом трое суток квасили дома… Через полгода Саныч умер — то ли печень не выдержала, то ли сердце отказало, — а Иванихин так и прижился сторожем. Даже на пенсию уходить не хотел: работенка сидячая, за много лет привычная, но что-то вдруг царапнуло по душе — решил уйти. Месяц назад он тихо, без церемоний и проводов, перебрался, как говорится, на заслуженный отдых. Думал, теперь будет уйма свободного времени, чтобы переделать все дела, которые давно собирался. Кстати, Савельева с Лидой навестить…

Вот и навестил. Вчера. На кладбище.

И сбежал.

А затем попытался в который раз — тысячный? десятитысячный? — спастись бегством от себя самого при помощи водки. И преуспел. На время.

Иванихин хрипло застонал и прижал пальцы к вискам.

Сквозь тусклые, как немытое окошко, воспоминания о последних двадцати с лишним годах проступила неправдоподобно четкая и яркая картина. «Приемный пункт». Разговор с Черным человеком. Как будто это случилось вчера… нет, полчаса назад. Ну да, в каком-то смысле так оно и было. Он сдал свое время до пенсии и получил… получил… Воспоминание расплывалось. Реальность таяла, как снег под пальцами.

Так что все-таки выходит? Какая из версий действительна? Был Черный человек на самом деле или Иванихин его придумал? Кто такой он сам — старик-алкоголик, проживший долгую бессмысленную жизнь и допившийся до задушевных бесед с галлюцинациями, или… или кто? А какая, собственно, разница?!

Иванихин застонал и сделал очередную попытку подняться. Нога его скользнула и уперлась во что-то твердое, больших размеров. «Это что же такое у меня под столом?» — смутно удивился Иванихин и заглянул.

Ящик. Наподобие посылочного. Обтянутый как нельзя более знакомой бежевой бумагой с золотым тиснением. Знакомой?

Сердце глухо бухнуло о ребра. Значит, «Приемный пункт» — не сон и не бред пьяного сознания. Это было. На самом деле.

«А в посылочном ящике, надо полагать, деньги. Много. Вон, тяжелый какой — не сдвинешь…»

— Ксения! — слабым голосом позвал Иванихин. — Валидолу дай!

Внучка на призыв откликнулась быстро. Положила Иванихину на ладонь таблетку, заглянула в лицо — на сей раз с сочувствием.

— Помочь тебе, дед, до кровати добраться? Иванихин помотал головой.

Его переполняло острое чувство обиды на самого себя. Надо же было быть таким идиотом! А ведь подсказывали ему. Намекали изо всех сил. Видимо, в рамках дозволенного инструкцией по работе с клиентами. И Микки Маус старался, и Черный человек заботился… Чего, спрашивали, ты на самом деле хочешь? Подумай хорошенько, просили. Про способности к рисованию вспоминали.

— Вот ты, Ксения, чего хочешь? — хрипло осведомился Иванихин.

Внучка вопросу не удивилась. Похоже, восприняла его как продолжение какого-то разговора.

— В художественный поступать хочу, — решительно сказала она. — А мать против. Оттого и поругались. Не дадим, говорит, денег на ерунду. Ну, а отец, сам знаешь, с ней спорить не станет…

Иванихин напряг память: да, действительно, был у них с Ксенией разговор. Детали подзабылись — куда денешься, склероз, — но суть он восстановил. Невестка, особа практичная, изо всех сил подталкивала дочку на торговую стезю. Толик никогда не отличался силой характера и ясене не перечил. А Ксюшка с детства тянулась к краскам, мелкам, карандашам и среди компьютерных программ предпочитала не игрушки и мультики, а… как их там? Фотошопы с Корелами.

На какой-то миг Иванихину нарисовалось безумное видение: он идет в художественный институт, поступать на первый курс вместе с Ксенией… а что? Небось, денег в ящике хватит!

Он усмехнулся про себя: «Глупый ты дед, Иванихин. Только внучку позорить станешь. Раньше надо было менять свою жизнь. Раньше. Когда еще было не поздно».

Иванихин поднял голову.

— Я тебе, Ксюшка, обещал ведь, что помогу?

Не дожидаясь ответа, он выволок из-под стола ящик, подцепил плотную бумагу за место склейки, рванул. Упаковано было на совесть. Оказалось, ящик вовсе не был ящиком — пачки денег были завернуты в несколько слоев бумаги, как бандероль. Из разодранной наконец-то упаковки несколько пачек вывалились на облезлый линолеум.

Ксения придушенно ойкнула.

— Что это, дед? — киношным шепотом спросила она. — Ты банк ограбил, да?

— Это — за всю мою жизнь, — буднично ответил Иванихин, и неожиданно понял, что сказал правду.

С «Приемным пунктом» или без него, а эти деньги действительно достались ему за всю бестолково прожитую жизнь. И были ему сейчас абсолютно не нужны. Лучшее, что с ними можно было сделать — отдать Ксении. Чтобы не повторяла его, иванихинских, ошибок.

— Ты, главное, на пустяки не растрачивай. — Иванихин заглянул внучке в глаза — слушает ли? Слушала. — Ни деньги, ни… свое время. Институт — это да, это надо. И живи, Ксюшка, по-настоящему. На всю катушку. Договорились?

Ксения захлопала глазами совсем по-детски.

— Ой, дед… — с трудом выговорила она. — Ой, спасибо! А… ты что? Чего ты — такие слова?

— Так ведь старый я, — усмехнулся Иванихин. — Помирать пора, вот я тебе и завещаю: живи, Ксения!

— Ты так не шути, дед!

Он и опомниться не успел, а внучка уже висела у него на шее, и за шиворот Иванихину капали горячие слезы.

«Ну вот, — отстраненно подумал он. — Есть все-таки человек, для которого я что-то значу… значил».

— Ладно, медвежонок, не реви, — детское прозвище привычно легло на язык, и Иванихин неловкой ладонью провел по внучкиным волосам. — Лучше помоги мне встать. И знаешь что? Вызови такси. Мне тут надо кой-куда съездить.

— У тебя сердце — встрепенулась Ксения. — Не езди сейчас. Или — я с тобой!

— Исключено, — резко и почти зло бросил Иванихин. — Туда я поеду один.

Он отпустил такси и медленно побрел через пустырь. Оказывается, было лето. Бурьян зеленел и цвел. Жужжали пчелы. Горьковато-медовый запах облаком висел над землей.

На полдороги Иванихин остановился и огляделся. Он знал, что на этот раз ему не встретится никто посторонний. Сколько бы он ни простоял здесь, на середине пути. Потому что клиентам его категории положено давать время на размышления. Чтобы убедиться в окончательности решения.

— С самого начала, — громко сказал Иванихин, — надо было все делать не так. Совсем не так!

Никто на его слова, понятное дело, не отозвался.

Иванихин покачал головой, задумавшись, сколько же людей — сотен, тысяч, миллионов людей — произносили эти фразы до него. Не нашел ответа и отмахнулся от мысли, как от пчелы.

Еще одна мысль, глупая, суетная, мелькнула у него, когда Иванихин уже поднимался по ступенькам к двери «Приемного пункта». Он подумал, что мог бы, наверное, попытаться выручить еще немного денег за остаток своей жизни. Договориться, чтобы деньги каким-то образом переслали Ксюхе — ну, скажем, к окончанию института или, там, ко дню свадьбы…

Усмехнувшись, Иванихин снова покачал головой. Он знал, что это невозможно. Последний взнос предназначен совсем для другого.

Он вообще очень многое знал теперь, на пороге.

Дверь открылась бесшумно. Внутри была кромешная тьма. Иванихин помедлил еще мгновение, вдохнул в последний раз медово-терпкий запах жизни и шагнул внутрь. Туда, где его ждала Она.

Та, с которой клиенты его категории не торгуются.